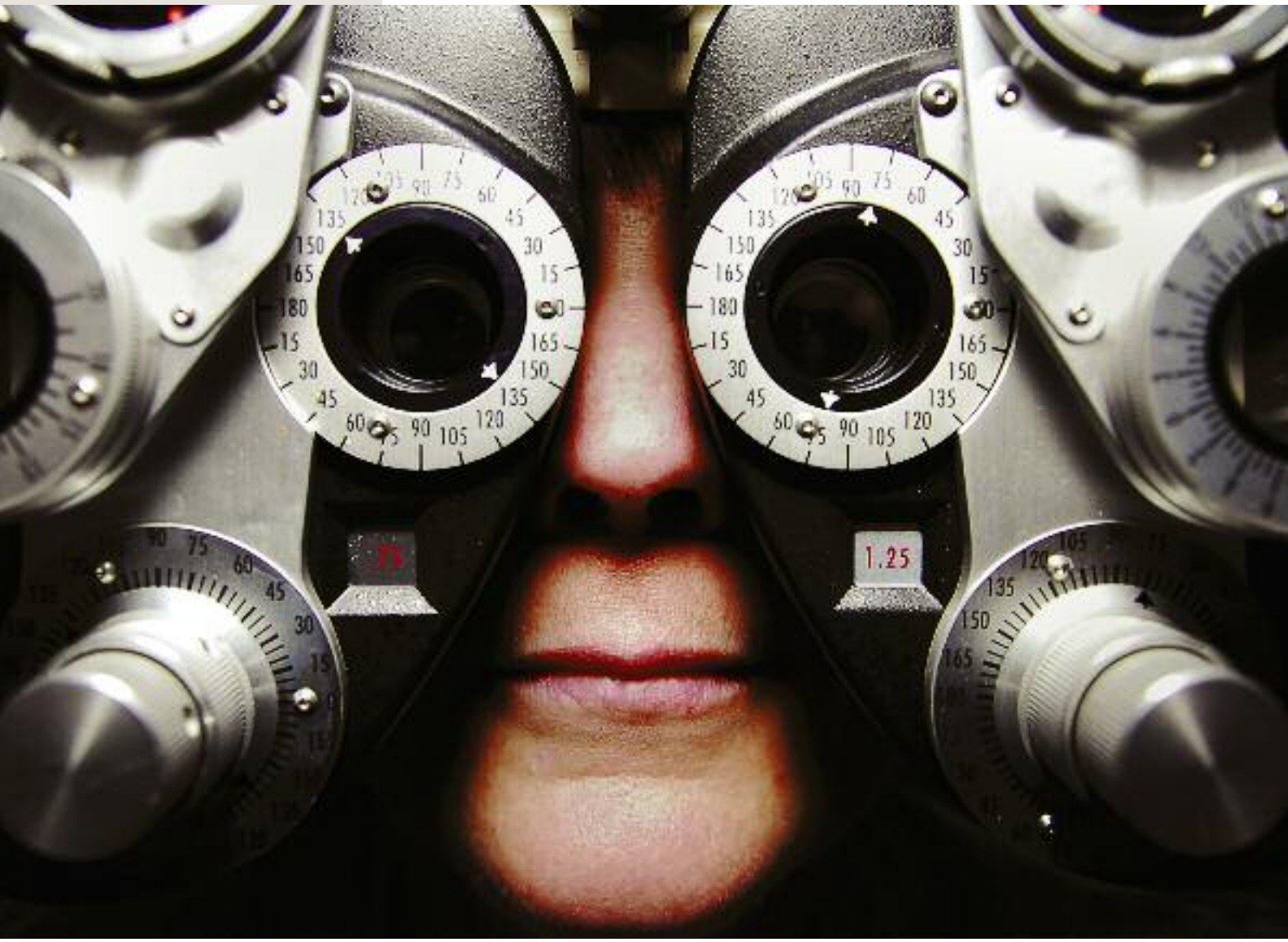
www.devec.ru

Развитие и экономика

февраль 2015

12

Россия и Америка:
скрещивание (не)возможно?



Интернет-журнал «Развитие»

Выходит два раза в месяц, публикуется на сайте **www.devec.ru** и рассылается подписчикам по электронной почте.

Для подписки направляйте заявку в произвольной форме по адресу **info@devec.ru** с указанием своей электронной почты.

СОДЕРЖАНИЕ

февраль 2015 | №12

редакционная колонка

3 **Два мира**

среда развития

4 М.Ю. Байдаков, С.Н. Белкин
Идет война холодная!..

10 С.Н. Белкин
Скрещивание (не)возможно

24 Ксавье Моро:
«Американские лидеры, которые как будто живут в мире столетней давности, жаждут столкнуть Россию с остальной Европой»
Интервью французского аналитика, основателя портала StratPol.com и автора книги «Новая великая Россия» альманаху «Развитие и экономика»

36 Г.М. Дерлугьян
Кризис прежнего, возможности нового

46 Франсуа Асселино:
«Многополярный мир – это американская или даже англосаксонская придумка, основанная на общепланетарном апартеиде»
Интервью французского политика, главы Народного республиканского союза альманаху «Развитие и экономика»

76 Чандра Музаффар
Напряженность в Западной Азии и Северной Африке: кто несет ответственность?

86 Драгомир Анджелкович:
«Россия должна предложить миру идеологию новой глобализации»
Интервью сербского историка, политолога и писателя альманаху «Развитие и экономика»

Развитие и экономика

Научный и общественно-политический альманах

Учредители:
М.Ю. Байдаков, С.Н. Белкин

Издатель: М.Ю. Байдаков

Главный редактор: **Сергей Белкин**
Первый заместитель главного редактора: **Дмитрий Андреев**
Заместитель главного редактора: **Вадим Прозоров**
Арт-директор: **Олег Фирсов**
Ответственный секретарь: **Елена Колесникова**

Адрес:
129090, г. Москва, Протопоповский переулок, дом 19, стр. 10.
Тел.: +7 (495) 788-98-68
Факс: +7 (495) 788-98-69
www.devec.ru
info@devec.ru

Издание зарегистрировано в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-44936 от 4 мая 2011 г.

ISSN 2304-3962

Печать: ООО «ПК «Союзпечать»
Тираж: 2500 экз.
Дата выхода в свет: 27 февраля 2015

© М.Ю. Байдаков, С.Н. Белкин
Перепечатка материалов возможна только с разрешения редакции.
При использовании материалов альманаха «Развитие и экономика» в любой форме ссылка на альманах «Развитие и экономика» обязательна.

Распространяется почтовой рассылкой по собственной базе данных, а также на форумах, конференциях, круглых столах и т.п.
Заявку на включение в список рассылки направлять в редакцию.
Оформить заявку можно на сайте www.devec.ru

Партнеры:
МОФ «Фонд Святого Всехвального апостола Андрея Первозванного»
Международный общественный форум «Диалог цивилизаций»

аналитика развития

116 О.Т. Богомолов
Перед вызовом кардинальных перемен

128 А.И. Подберёзкин
Военно-политическая обстановка ближайших десятилетий: сценарии и стратегии

152 М.П. Остроменский
Эволюция партизана: от Ивана Сусанина до Усамы бен Ладена

172 Николай Иванов:
«Революция – в отношении людей к энергоресурсам»
Интервью заведующего сектором «Энергетические рынки» Фонда «Институт энергетики и финансов» и автора книги «Сланцевая Америка: энергетическая политика США и освоение нетрадиционных нефтегазовых ресурсов» альманаху «Развитие и экономика»

метафизика развития

184 В.Л. Близнеков
Церковь перед лицом Апокалипсиса
Священное Писание о современной религиозной глобализации

198 А.И. Неклесса
Антропологическая империя

annotated table of contents

220 **Аннотированное оглавление на английском языке**

анонс

224 **Итоги и перспективы**

Два мира

Помнится, в советские времена наша пропаганда очень любила выражение «Два мира – две системы». Предельно кратко – и сразу все понятно: сущностные, фундаментальные отличия между социалистической и капиталистической системами предопределяют диаметрально противоположные характеристики всех сторон жизни обоих миров. Правда, тогда почему-то никто не обращал внимания на перевернутость этого выражения – логично и в полном соответствии с коммунистической идеологией надо было бы говорить наоборот: «Две системы – два мира». То есть идти от базиса – к надстройке. И только сейчас, из постсоветской эпохи, видно, насколько метким и точным оказалось то выражение. Наша глубинная разница с Западом, олицетворяемым в первую очередь Соединенными Штатами, и сейчас, и – что самое интересное – тогда, когда возникла формула о «двух мирах» и «двух системах», вовсе не в базисных, формационных противоречиях. Она – в гораздо более существенных несовпадениях несущих конструкций национального сознания обеих цивилизаций – нашей и западной. «Двух систем» нет и в помине – наша страна почти четверть века живет в иной системе координат. Но, несмотря на это, «два мира» по-прежнему остаются и конфликтуют друг с другом, причем в последнее время такая взаимная антипатия вплотную подошла к рубежу, за которым уже непосредственно силовая схватка. Да и с миром-оппонентом происходят зримые перемены. Становится очевидной его неоднородность, усиливается недовольство европейского сегмента Запада сегментом американским, считающим себя гегемоном и единой – в представлениях США – западной общности, и мира в целом. Поэтому мы решили посвятить настоящий номер альманаха теме противостояния этих «двух миров» – российского и американского, – ответить на вопрос, насколько фатальны и непреодолимы имеющиеся между нами противоречия, соизмерить нашу взаимную непохожесть по нескольким параметрам. И наконец – попытаться спрогнозировать перспективы этой «борьбы миров», очень напоминающей по своему масштабу и неизбежности одноименную уэллсовскую фантастическую картину.

Проблема взаимоотношений России и Америки представлена в номере в разных ракурсах.

Издатель и главный редактор альманаха рассматривают холодную войну между обеими державами как конфликт, имеющий глубинные социокультурные и ценностные основания. Более детально этот взгляд развит в статье главного редактора, оперирующего понятиями ценностной матрицы и этической системы, предопределяющими цивилизационную специфику России и Америки.

Далее тему представляют зарубежные авторы. Французский политический аналитик Ксавье Моро подчеркивает деструктивное влияние США на Европу и говорит о роли России в европейских делах. Американский профессор Георгий Дерлугьян оценивает социогуманитарные интеллектуальные потенциалы Запада и России для осуществления назревших прорывов в осмыслении мира. Глава французского Народного республиканского союза Франсуа Асселино считает Европу вообще и Францию в частности оккупированными Америкой и предлагает способы восстановления их суверенитета. Малайзийский политолог Чандра Музаффар показывает, что причина нестабильности на пространстве Западной Азии и Северной Африки кроется в деструктивной политике Израиля, Саудовской Аравии и США. Сербский историк, политолог и писатель Драгомир Анджелкович говорит об уроках, которые должна извлечь Россия из «бархатной революции», организованной Америкой в Сербии в 2000 году.

В следующем статейном блоке собраны материалы о противостоянии России и Америки, что показывается на примерах из конкретных областей экономического или политического развития обеих стран. Олег Богомолов указывает на пагубные для российской экономики последствия – собственно хозяйственные и мотивационные – внедрения в нашей стране элементов неолиберальной экономической модели. Алексей Подберёзкин обосновывает востребованность понятия военно-политической обстановки при оценке текущих и перспективных – до середины XXI века – вызовов национальной безопасности страны. Михаил Остроменский разбирает феномен партизанства в его прошлом и настоящем и говорит о факторах современности, которые усиливают этот феномен и превращают его в значимый политический субъект. Николай Иванов затрагивает основные аспекты сланцевой революции в США и прогнозирует ее последствия для всего мира, в том числе и для России, зависимой от цены на экспортируемые ею углеводороды.

В двух заключительных статьях тема номера представлена в культурно-метафизическом измерении. Владимир Близнеков пишет о религиозном аспекте глобализации и приводит интерпретации фрагментов Откровения Иоанна Богослова, в которых, по его мнению, содержатся провозвестия о смешении религий. Александр Неклесса считает, что в XXI веке политическая субъектность переходит от государств и территорий к социально и культурно мотивированным кооперациям и сообществам.

Редакция

Михаил Юрьевич Байдаков – издатель альманаха «Развитие и экономика», председатель правления «Миллениум Банка», президент Фонда Святого Всехвального апостола Андрея Первозванного

Сергей Николаевич Белкин – главный редактор альманаха и портала «Развитие и экономика»

Идет война холодная!..

– Почему же мы все время воюем с Америкой?
– А разве мы с ней воюем? Это она с нами воюет.
– Почему же она все время с нами воюет?

Война «горячая», «холодная», экономическая, информационная, сетецентрическая и прочая, и прочая... Война с нами, с нашим народом и государством нашего народа продолжается десятилетиями. Соединенные Штаты от нас все время чего-то требуют, стремятся переделать на иной лад, а мы то соглашаемся изменяться, то сопротивляемся – независимо от этого давление на нас не прекращается.

Профессиональные политические аналитики по-разному отвечают на вопрос о природе российско-американского конфликта. Те из них, кто склонен к поиску экономических причин, считая именно их наиболее глубинными основаниями, усматривают причину постоянного агрессивного давления на нашу страну в борьбе за природные ресурсы и рынки. Те, кто объясняет происходящее в мире исходя из так называемых геополитических факторов, видят причины устойчивой конфронтации или в полумифической борьбе «моря» и «суши», или в более приземленной – военно-стратегической – парадигме. В такой парадигме США рассматриваются как субъект, стремящийся к тотальной мировой гегемонии, а Россия воспринимается как объект, в том или ином отношении этому препятствующий. Философский и философско-религиозный подход оценивает происходящее как вечную борьбу добра и зла, визуализируя их через ценностно-этические критерии или религиозные образы. Есть мнения, пытающиеся обосновать фундаментальные отличия русских и американцев их менталитетом, обусловленным как благоприобретенными, так и врожденными факторами.

Если не устремляться в онтологические глубины фундаментальных противоречий между США и Россией, между русскими и американцами, а ограничиться рассмотрением проблемы в актуальном, «рабочем» поле политической аналитики, то наиболее распространенный взгляд на причины происходящего состоит в том, что Америка продолжает следовать своей долгосрочной внешнеполитической парадигме. Суть этой парадигмы: не давать никому в мире возможности составить Америке конкуренцию в политическом, экономическом и военном пространствах. Такой подход обусловливает стремление США не допустить воз-

никновения критически сильных альянсов, таких как, например, альянс России и Европы, прежде всего – России и Германии. В этих координатах рассматривается и катастрофа, организованная США на Украине, переворот, призванный довести противоречия до противостояния.

В последнее время в связи с резким обострением отношений появилось несколько статей американских аналитиков, пытающихся «понять Россию», ставшую вдруг такой неуступчивой после полутора десятилетий податливости.

В связи с этим интересны и поучительны последние рассуждения Джорджа Фридмана, основателя и бессменного руководителя знаменитого «Стратфора» (сокращение от *Strategic Forecasting* – «Стратегическое предвидение») – частной разведывательно-аналитической компании, называемой иногда «теневым ЦРУ», посетившего Россию в декабре 2014 года. Целью его визита, как он пишет в своей статье, была попытка разобраться, каковы опасения России в отношении Америки и насколько адекватно Россия воспринимает опасения Америки в отношении ее самой. Вывод, который он делает по итогам своих наблюдений, встреч и дискуссий, не вызывает оптимизма: «Соединенным Штатам и Европе трудно понять опасения России. России особенно трудно понять опасения Америки. При этом опасения и тех и других реальны и обоснованны. И это не вопрос отсутствия взаимопонимания, но вопрос несовместимых императивов».

Вывод очень тревожный – если, конечно, он отражает реальное положение дел, а не только уровень постижения проблемы автором. Однако, учитывая то влияние, которое оказывают Фридман и его аналитический центр на политику США, возможные неточности и заблуждения в выводах лишь усугубляют реальную политику, выстраиваемую на их основе. Да и не один Фридман манифестирует именно такое содержание внешнеполитической доктрины США. Стало быть, если в основе стратегии Америки по отношению к России лежит убежденность, что «императивы» несовместимы, если при этом «американский императив» никто не собирается подвергать корректировке, остается одно: ломать «российский императив» через колено. Более того, автор рассматривает это как вполне определенное намерение, изучает «порог болевой чувствительности России» при воздействии на нее с помощью экономических санкций. Фридман с удивлением отмечает, что у русских этот порог неожиданно высок: они готовы терпеть гораздо большие неудобства, нежели другие: «Сила русских – это способность вытерпеть то, что сломало бы другие нации». Вывод важный – и правильный, – а вот обоснование вывода удивляет своим примитивизмом: Фридман считает, что готовность русских терпеть неудобства зиждется на том, что они «всегда жили плохо», а к хорошему привыкнуть не успели. Какие-либо более высокие мотивы нашего терпения автором не рассматриваются.

Фридман отмечает еще один важный для реализации «американского императива» момент: чем более сильную

Наиболее распространенный взгляд на причины происходящего состоит в том, что Америка продолжает следовать своей долгосрочной внешнеполитической парадигме. Суть этой парадигмы: не давать никому в мире возможности составить Америке конкуренцию в политическом, экономическом и военном пространствах.

внешнюю угрозу ощущают русские, тем сильнее они поддерживают свое правительство, если даже и относятся к нему критически. Учитывая, что, по всей видимости, в актуальных задачах повестки дня 2014–2015 годов стоит пункт «устранить Путина», Фридман предупреждает: российский президент не просто популярен, а «более защищен, чем я думал».

Учитывая, что Джордж Фридман не праздный турист и даже не просто эксперт-аналитик, а разведчик, корректировщик огня по России, приехавший уточнить координаты целей, слабые места в обороне противника, стоит внимательно прочитать и остальные выводы в его статье.

Прежде всего важна его формулировка стратегии США, того самого «императива»: «Соединенные Штаты потратили последнее столетие, преследуя одну-единственную цель: избежать становления единого гегемона, способного использовать как западноевропейские технологии и капитал, так и российские природные и людские ресурсы. США вмешались в ход Первой мировой войны, дабы воспрепятствовать немецкой гегемонии, это же повторилось во Вторую мировую. Во времена холодной войны целью было не допустить гегемонии России. Стратегическая политика Соединенных Штатов была последовательной на протяжении всего века».

Формулировка важна не своей новизной – этот «американский императив» давно известен, – а тем, что Фридман и те, кто придерживается его стратегических рекомендаций, остаются именно в этой системе координат практической, реальной политики, а не одних лишь теоретических построений. С этих и только этих позиций Фридман рассматривает события на Украине и цели США. «Если России удастся вновь утвердить свою власть на Украине, что последует после этого? – задает вопрос Фридман и тут же на него отвечает: – Россия располагает военной и политической мощью, которая могла бы начать распространяться в Европу. Исходя из этого со стороны США и по крайней мере некоторых европейских стран желание утвердить свою власть на Украине не выглядит иррациональным».

Вот и Обама недавно официально признал, что за государственным переворотом на Украине стояли Соединенные Штаты. И это признание еще раз свидетельствует не только о неизменности «американского императива», но и о его безупречной этичности с точки зрения американских политиков. Одно дело, когда бизнесмен оправдывает собственную подлость, низость и грязные намерения словами «ничего личного, это просто бизнес», и совсем другое – оправдание устами главы государства: это подтверждение несомненной этичности действий, а не объяснение их причин.

В конце января 2015 года в Комитете по делам вооруженных сил Сената США, который возглавляет «жертва вьетнамских зенитчиков» Джон Маккейн, состоялись очередные слушания по вопросам национальной политики в области безопасности. Были приглашены сразу три бывших государственных секретаря США – Мадлен Олбрайт, Джордж Шульц и Генри Киссинджер. Приверженность «американскому императиву» была подтверждена в полной мере. При этом Генри Киссинджер, всегда старающийся произвести впечатление политика, якобы учитывающего и точку зрения другой стороны, позволил себе порассуждать как бы о проблемах Америки: «Соединенные Штаты оказались в парадоксальной ситуации. С одной стороны – по любым меркам мы обладаем завидной способностью достичь наших целей и оказывать влияние на положение в мире. Но с другой стороны, если посмотреть на мир в целом, мы видим конфликты, волнения и хаос. Соединенные Штаты не сталкивались с таким сложным и разнообразным набором кризисов с момента окончания Второй мировой войны». Как только речь заходит о конкретном кризисе, созданном самими США, Киссинджер становится прямолинейным: «Россия оспаривает стратегическую ориентацию стран, некогда бывших ее сателлитами. Запад заинтересован в том, чтобы отстоять независимость и жизнеспособность этих стран. Поэтому перед нами стоит двойная задача: мы должны ответить на непосредственную угрозу, которую Россия представляет на границах с этими странами, особенно на Украине, но при этом мы должны определить контекст для роли, которую Россия может играть в международных отношениях в долгосрочном плане».

Думает о нас старина Генри – роль для нашей страны подыскивает...

Мадлен Олбрайт, пытающаяся сохранить образ фурии внешней политики Америки, дует в ту же дуду: «Мы должны помочь Украине защитить себя. Мы должны сделать это еще и потому, что люди во всем мире следят за нашей реакцией на действия страны, которая вторгается в другую и отбирает у нее кусок территории».

Джордж Шульц, госсекретарь США при Рональде Рейгане, все еще, видимо, празднующий победу над СССР, дает совет по ускорению умерщвления России: «Нам надо до-

биться, чтобы соседние с Россией страны не зависели от поставок российских нефти и газа, которые Россия использует в качестве оружия. У нас есть природный газ, и мы должны быть готовы доставлять его в Европу. В мире предостаточно нефти. Нам надо избавить эти страны от зависимости от российских энергоресурсов. Может быть, таким образом мы преподадим России урок. Вдобавок к падающим ценам на нефть она потеряет и часть рынка сбыта. Причем, может быть, навсегда».

Нет, не сбудутся мечты Джорджа Щульца! По крайне мере в том, что урок вы нам преподать не сможете, даже если «преподать урок» значит «наказать». Вы не можете нас «наказать», потому что алчный, злобный и мстительный агрессор наносит вред, а не «наказывает» и не «учит». Чтобы «наказывать», надо иметь на это моральное право, признаваемое нами, чтобы «преподносить урок», надо учить тому, чему мы хотим научиться. А вы в своих мечтах и делах стоите в наших глазах, в наших представлениях о должном нравственно ниже самого низменного уровня.

Конечно, не все в США разделяют наиболее агрессивный вариант «американского императива», несомненно, и в политических, и в финансовых элитах США есть те, кто считает сотрудничество с Россией более продуктивным императивом, нежели стремление вынудить Россию следовать в весьма узком коридоре возможностей, оставляемом ей приверженцами санкций и давления. Голоса этих прагматиков слышны, но влияния на внешнеполитическую доктрину Америки они пока не оказывают. А тот «американский императив», в рамках которого Россию надо «переформатировать» под интересы правящей элиты США, действует давно, и перспектив отказа от него не видно.

Генри Киссинджер (на фото):
«Соединенные Штаты оказались в парадоксальной ситуации. С одной стороны – по любым меркам мы обладаем завидной способностью достичь наших целей и оказывать влияние на положение в мире. Но с другой стороны, если посмотреть на мир в целом, мы видим конфликты, волнения и хаос. Соединенные Штаты не сталкивались с таким сложным и разнообразным набором кризисов с момента окончания Второй мировой войны».

Поэтому перед нами две возможности. Первая: согласиться с переформатированием, принять условия капитуляции, вытекающие из предлагаемого «императива», – как этого требует та часть нашего общества, которую мы в условиях холодной войны справедливо называем пятой колонной. Или принять сражение и победить, отстаивая право не только на собственный путь и модель существования, на защиту своих ценностей, своей земли и ее богатств. По сути, нам придется отстаивать право на собственные представления о добре и зле, о должном и недолжном. Право на свою многовековую этическую систему.

Но чтобы принять сражение и победить, нам надо готовиться. В холодных войнах тоже есть свой ТВД и свои фронты: фронт культуры, фронт исторической памяти, экономический фронт, фронт духовно-этический, фронт государственного управления. Как же у нас обстоят на этих фронтах дела? Хороши ли наши армии: армия культуры, армия истории, армия экономики, духовно-нравственное воинство, армия госаппарата?

Если смотреть непредвзято и честно, как подобает патриоту своей страны, то следует прямо признать – дела обстоят плохо. Сфера культуры пронизана нигилизмом по отношению к самой себе, к собственной полноценности и значимости. Сфера образования саморазрушается, формируя малограмотное общество безвольных потребителей. Информационное пространство коммерциализировано, приспособлено под зарабатывание денег; к тому же в нем беспрепятственно хозяйничают откровенные сторонники наших противников в холодной войне. Экономиче-

Мадлен Олбрайт (на фото):
«Мы должны помочь Украине защитить себя. Мы должны сделать это еще и потому, что люди во всем мире следят за нашей реакцией на действия страны, которая вторгается в другую и отбирает у нее кусок территории».

ская политика на протяжении десятилетий ведет страну ко все большей зависимости всех компонентов жизнедеятельности от зарубежных контрагентов, значительная часть которых составляет армию «холодного врага». Система государственного управления не способна воздействовать на жизнь страны достаточно продуктивно: она не может исполнять даже принятые ею самой решения, не говоря уж об искусстве предвидения вызовов и угроз, о мастерстве гибкой профилактической корректировки стратегии и тактики. Политическая деятельность в стране имеет имитационный характер: ни парламентские партии, ни прочие политические организации и движения не в состоянии адекватно воздействовать на систему государственно-политического устройства и его решения. Экспертно-аналитическое и научное сообщества существуют сами по себе, они отключены от влияния на выработку решений парадигмального уровня.

Оживление обсуждения темы холодной войны, заявления о «возобновлении» или «возврате» к холодной войне – всего лишь реакция на перманентные экономические войны, переходящие из одной фазы в другую, в рамках которых у кого-то возникают финансовые потери, а у кого-то – прибыли. К экономическому фронту холодной войны следует, разумеется, относиться со всей серьезностью. Сегодня наша экономическая слабость – велика, экономическая зависимость от «холодных врагов» – критична, экономическая управляемость нашей «элитой» извне – трагична. Следует, однако, ясно понимать, что сама возможность такой управляемости возникла прежде всего потому, что «элита» уже проиграла войну в этической сфере, ценностная матрица «элиты» уже содержит в себе в качестве основных элементов, ради которых следует жить, – высокий уровень потребления, алчность, эгоизм. Поэтому надо вести речь о противоборстве в пространстве ценностей, о войне «мягких сил»: прорывая этическую броню, враг достигает всего остального в организме страны и народа.

Теперь вот мы уповаем на Путина. Наши враги тоже видят в личности президента стержень сопротивления в холодной войне и открыто стремятся к его устранению. Мировое и российское политическое пространство расколото на тех, кто за Путина, и тех, кто против. Российское общество с тревогой, а то и с недоумением смотрит на никак не разрешающиеся противоречия между заявляемыми программными целями президента и, мягко говоря, неэффективными действиями правительства. И многие очень хотят «помочь Путину». Но дело в том, что Путину невозможно помогать лично. Лично можно помочь частному лицу. А главе государства можно помогать только через политический, государственный аппарат. Существующий госаппарат устроен так, что он не может выполнять иных задач, кроме тех, ради которых он проектировался и создавался и которые, по нашему мнению, ведут страну гибельным путем. Поэтому желающие «помочь Путину» должны содействовать формированию нового политического класса, нацеленного на развитие России, должны участвовать в создании нового госаппарата – по-новому устроенного и приспособленного к решению новых задач. Да, масштаб требуемых преобразований сопоставим с революционным. Готова ли «поддерживающая Путина» часть нашей элиты на проведение таких преобразований, не входят ли результаты этих преобразований в противоречие с целями представителей элиты, ареал обитания которых выходит за границы России? И готов ли к этому Путин?

Холодная война идет, враг воюет на всех фронтах одновременно. Особенность этой войны еще и в том, что здесь невозможно дать генеральное сражение, в котором или победить, или погибнуть с честью. Холодная война непрерывна во времени и пространстве, она повсюду. Наши противники отмобилизованы, мотивированны, обеспечены ресурсами, скоординированы, действуют и рядом с нами, и внутри нас. Мы сегодня слабее почти по всем пунктам.

Не мы начали и не мы агрессоры в холодной войне. Наша война – оборонительная, и это звучит как якобы высокое моральное достоинство. Но так ли

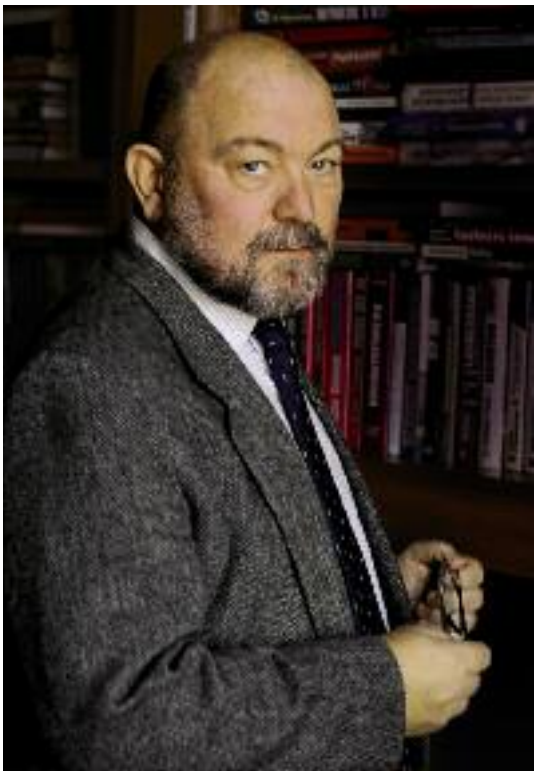
это? Не разоблачать ложь и не говорить о себе правду – вовсе не норма этики. И уж определенно – не победительная стратегия. Оборонительная тактика в холодной войне – заведомо проигрышна. И даже просто контрпропаганды – которая к тому же ведется факультативно, на уровне энтузиазма частных лиц – недостаточно. Сплачивать общество в условиях войны – обязанность государства. Проводить мобилизацию, планировать и формировать ресурсное и кадровое обеспечение, разрабатывать и осуществлять на практике стратегию войны до победного конца – обязанность государства. Нужно сочетание двух видов активности – нейтрализации холодного оружия врага, направленного против нас, и воздействия собственным холодным оружием, той самой «мягкой силой», которой у нас уделено непозволительно мало внимания.

Важно также понимать, что ТВД холодной войны охватывает весь мир, и Россия – как субъект, подвергшийся влиянию, – обязана активно действовать за пределами своих формальных границ. Трагический пример Украины показывает, что политика России вообще и ее информационная политика в частности в отношении своих ближайших соседей, еще недавно живших в одном государстве и веками составлявших фундаментальную общность, была преступно беспомощной. Все сто миллионов наших соотечественников оказались после беловежского сговора под интенсивной идеологической обработкой врагов России. Подавляющее большинство этих людей годами ждали моральной и политической поддержки России, ждали голоса Москвы. Но так и не дождались... Не создано ни одного СМИ на языках бывших союзных республик, которые транслировали бы правдивый и положительный образ России и ее политических целей. И на русском языке – тоже ничего не создано. А вот инструментов, целью которых было и есть создание негативного образа нашей страны, искажение сути ее политики, – великое множество. Это не только многочисленные СМИ, но и тотальная мутация систем образования и воспитания населения в духе неприязни к России, искажение ее роли в истории этих стран и народов. Так Россия проигрывает холодную войну, и в результате уже у наших границ идет война настоящая, с тысячами убитых, с разрушенными городами, с потоками беженцев и резким ухудшением международного положения России.

Надо укреплять собственные патриотические войска, обеспечивать их идеологическими ресурсами, общими целями, должной координацией. Надо нейтрализовывать диверсионные группы врага, активно действующие на нашей территории, надо обучать и готовить кадры. Надо размораживать, оживлять политическую жизнь. Надо выявлять «своих» на всех уровнях политического класса, оказывать им поддержку, мотивировать их к победе. Необходима позитивная программа государственного строительства на ясной для всех и принимаемой большинством этической платформе. На системный вызов нужен системный ответ.

...Война холодная – война народная. Каждый из нас – участник войны, и каждый – на передовой, и каждый – воюет, даже не осознавая этого. Но каждый ли знает – по какую линию фронта он сражается, на чьей он стороне воюет?

Война холодная – война народная. Каждый из нас – участник войны, и каждый – на передовой, и каждый – воюет, даже не осознавая этого. Но каждый ли знает – по какую линию фронта он сражается, на чьей он стороне воюет?



Сергей Николаевич Белкин –
главный редактор альманаха
и портала «Развитие и экономика»

Скрещивание (не)возможно

Россия и Америка... СССР и США...

Мы давно живем в этой системе координат. Многое пережито в отношениях между нашими странами и народами, но до сих пор не найдены ни их взаимоприемлемая форма, ни их взаимовыгодное содержание. Когда-то был выдвинут тезис о мирном сосуществовании двух систем, и несколько десятилетий сохранялась видимость, что это возможно. Однако в течение всего этого периода одна система целенаправленно другую систему разрушала и в конце концов разрушила. Не было мирного сосуществования, ни одного дня его не было. Войну, названную холодной, против нас вели каждый день. А мы неумело защищались, наши правители не оказались во всеоружии интеллектуально, не смогли оказать адекватного политического сопротивления, в результате продемонстрировали свою неготовность к сбережению народа, его ценностей и его государства.

Наступило время, когда мы прекратили существовать как коммунистическая система, одновременно с этим перестали быть и целостным государством русского народа, создававшимся веками. Остался «остров Россия», отказавшийся от всего: от земель и населяющих их людей, объединившихся некогда в общее, большое и сильное государство, от какого бы то ни было влияния на все остальные страны и народы мира. И объявивший о принятии системы ценностей победителя в качестве своей собственной, позаимствовавший чужие правовую и этическую системы. Россия отказалась от своего производства и рынков сбыта, от системы образования и воспитания, от гордости за собственное прошлое, заменив его презрением, отказалась от осуждения врагов, поменяв его на их почитание... Но чем больше потерь, тем отчетливее видно то, что еще осталось. Изначально неравноценный и безнравственный обмен права первородства на чечевичную похлебку не сразу, но начинает осознаваться. Сквозь вихрь потерь, с которыми смирились, проступают контуры остова, очертания базиса, фундамента, с утратой которого мы исчезнем уже не только как государство, но и как народ со всей своей памятью, любовью, радостью и слезами.

Но процесс нашего распада, разрушительный вихрь потерь все еще бушует. Россию продолжают прессовать извне и разъедать изнутри. Мы бо-

ремся друг с другом, призывая плыть к разным – но всегда чужим – берегам. Мы ненавидим друг друга за то, что наши ценности и представления о добре и зле не совпадают.

А Америка тем временем продолжает свою долгую игру, не снижает напора и не меняет своих целей. В нашей стране немало людей, которых смогли убедить в том, что американская модель жизненного устройства хороша не только для Америки, но и для России. Эти люди есть во всех слоях общества – от простых парней, любящих джинсы и айпады, до политиков, цинично ожидающих свой приз за окончательную сдачу России западным корпорациям. Есть спецотряды идеологов и экономистов, насаждающих точку зрения, согласно которой наилучший путь для России – принять американскую модель политического и экономического устройства, американские нормы жизни, мораль и ценности. Их аргументы не столько убедительны, сколько интенсивны. Но вопрос вовсе не в масштабе контрпропаганды с нашей стороны. Надо найти ответ на более глубокий вопрос: возможна ли российско-американская гибридизация, что даст американский привой на российском подвое? Есть ли какие-то глубинные, генетические противоречия, не позволяющие возникнуть чему-либо жизнеспособному в результате такого скрещивания, или же, наоборот, нас ожидает расцвет и развитие всего, что составляет нашу национальную суть?

Экспериментальная проверка этих идей нежелательна, поскольку необратима. Надо попытаться максимально глубоко и всесторонне предварительно исследовать проблему и руководствоваться теоретическим прогнозированием. При этом не следует доверять ни напору, ни статусу, ни обаянию тех, кто клятвенно призывает к немедленному осуществлению подобного проекта. На поверку чаще всего выходит, что стремящиеся к такому скрещиванию одержимы либо алчностью, свойственной самой природе экстенсивного развития современного капитализма и его боевого авангарда – ТНК и мировой финансовой системы, – либо цинизмом наемников, либо наивной благоглупостью бытового мещанства. Важно осознавать, что же может получиться в результате той или иной гибридизации? Что при этом мы – Россия, русский народ – теряем, а что приобретаем? Выгодна ли такая замена или хотя бы равноценна? А осознав, обрести в этом либо силу и решимость к сопротивлению насильственной гибридизации, либо... Либо научиться безучастно взирать на гибель, исчезновение собственного народа.

Самое сложное в этом анализе – вернее, в самой попытке такой анализ провести – это отсутствие всего, что нужно: критериев, языка, методов... Что конкретно нельзя подвергнуть американизации, а что – можно? Почему одно можно, а другое – нельзя? И что такое американизация?

Валерий Чкалов, Георгий Байдуков и Александр Беляков в Ванкувере после беспосадочного перелета из Москвы через Северный полюс в 1937 году

Идеологи из ЦК КПСС боролись с американизацией. Они опасались проникновения признаков американского образа жизни – джинсов, рок-н-ролла, автомобилей... Но опасались не только этого – не такими уж поверхностными они были. Они боялись и самого главного: крушения «коммунистических идеалов» и пробуждения «мелкобуржуазных инстинктов». Боялись, боролись, но – проиграли. Проиграли, потому что не смогли определить, что является фундаментальной ценностью для большинства советских людей. Защищать надо было не те ценности, которые должны были быть, исходя из формул «самого верного учения», а те, которые имелись фактически. Все, что они успели осознать, это: «Мы не знаем страны, в которой живем». Важное осознание, но запоздалое.

Как бы нам и сегодня не опоздать.

А чего сейчас мы боимся? Вернее, что в себе самих не хотим потерять? Кто и как должен нам об этом сказать? Как это «самое главное» выявить, измерить? Как это сделать политически и практически осязаемой сущностью? Какие это «принципы» и «идеалы», которыми мы не можем поступиться? И еще один вопрос: а кому все эти вопросы надо задавать, от кого ожидать разумного ответа?

Мы видим свою роль – как публицистов – в формулировании общественно значимых вопросов, высказывании тезисов, нуждающихся в дальнейшем развитии, указании на тех, кто, по идее, должен откликнуться на наши призывы. Размышляя о возможности скрещивания России и Америки, несложно представить позитивные и негативные последствия, скажем, в промышленности, в финансовой сфере, в научных исследованиях и разработке технологий, в торговле, в сельском хозяйстве. Во всех этих и многих других областях сотрудничества вероятны, повторим, и положительные, и отрицательные последствия, которые реально можно предвидеть.

Сложнее просчитать последствия скрещивания для культуры. Здесь тоже есть позитивы и негативы. Скажем, абсорбция российского кино американским приведет, скорее всего, к полной утрате отечественного кинематографа. Есть и менее предсказуемые взаимовлияния: театров, музыкальных культур, архитектурных и живописных школ... Но самое важное, что обязательно надо предвидеть и что предвидеть сложнее всего, – это влияние на системы традиционных ценностей каждого из народов. Если об этом никак не заботиться и пустить все на самотек, почти с неизбежностью произойдет ассимиляция одной из ценност-

ных матриц. А это то же самое, что исчезновение народа. И мы сегодня не знаем, как этому противостоять, мы не в состоянии даже просто фиксировать изменения, происходящие в нашем ценностном ядре, в различных сегментах общества. Российско-американская гибридизация в ходе взаимодействия и взаимовлияния культур, ценностей и этических систем происходит непрерывно в рамках процесса, называемого глобализацией. Так что умение отслеживать трансформации нашей ценностной матрицы и этической системы является актуальной задачей практической политики.

Цель предлагаемой статьи – публицистическая. Изложим канву наших размышлений в виде тезисов, некоторые из них снабдим комментариями во второй части текста.

1. Каждому народу присуще ощущение – как осознанное и тем или иным способом сформулированное, так и подсознательное – наличия некоего набора характеристик, которые он считает и воспринимает как общественные ценности. В рамках тезиса мы не пытаемся их перечислить, а просто отмечаем, что таковые ценности существуют и могут быть названы, исследованы и даже взвешены. Их совокупность мы называем ценностным ядром или ценностной матрицей народа.

2. Употребив в первом тезисе слово «народ», мы упростили картину. На самом деле у любого многочисленного народа существуют социальные группы, придерживающиеся разных ценностных матриц. Этот факт порождает вопрос: если народ состоит из каких-то групп, из социумов, не связанных единым ценностным и этическим базисом, то в какой мере можно говорить о его целостности? Какими нитями эти социальные группы связаны в народ – и связаны ли? Не являются ли эти нити слишком слабыми, если нет прочного общего осознанного базиса? Что является или может являться таким базисом?

3. Ценностная матрица – это некий базис, на котором и из которого произрастают поведенческие мотивации и критерии. Правила, предписывающие тот или иной алгоритм поведения, – это и есть этическая система.

4. Этическая система оперирует набором ценностей, влияет на их иерархию и придает поступкам характеристики в пространстве «правильно–неправильно», «добро–зло». Исторически этические системы складывались как образец поведения, необходимый социальной группе – изначально племени, роду, – для достижения определенных результатов: выживания, жизнеобеспечения, безопасности и т.д. Впоследствии этические системы закрепились в форме разнообразных религиозных и светских учений, кодексов, норм, императивов и пр.

5. Ценностная матрица и этическая система являются устойчивыми идентификационными признаками и свойствами социальной группы и иных видов людских сообществ. При этом они – ценностная матрица и этическая система – не являются абсолютно неизменными сущностями. Их динамика и пределы допустимых и желательных изменений – предмет специальных и очень важных осмыслений, рефлексий, которые еще не завершены: у нас пока нет обоснованных критериев для оценки допустимых трансформаций.

6. Политики и финансово-промышленные группы, стремясь к политическим и материальным целям, навязывают свое видение мира, свои ценности, свои модели поведения, представления о добре и зле. Как социальные группы, так и те политические силы, которые они формируют, в конечном счете видят свои цели именно в пространстве ценностей и этики, облекая их в формы идеологических, политических, религиозных доктрин.

7. Идеологии, социально-политические и социально-экономические доктрины и парадигмы являются следствиями, вторичными конструкциями, созданными на базисе этических систем и ценностных матриц. Поэтому, чтобы управлять чем-либо в пространстве идеологий и парадигм, надо научиться опираться на ценностный и этический базис, исходить из него.

8. Практическая политика мало и пока неэффективно использует знания, накопленные в аксиологии и этике. Ее инструменты – это идеологии и так называемые интересы – мотивационно-целевые комплексы. Существует понятийный и методологический вакуум, разрыв между имеющимся знанием и практической политикой. У политиков нет ни языка, ни методов включения ценностных и этических свойств общества в арсенал политической практики. У них нет также выраженного стремления к поиску опоры на этический базис.

9. Ценностная матрица и этическая система должны быть осмыслены, измерены и положены в основу выработки политических стратегий. Практическая политика должна опираться и исходить из знания ценностных матриц и этических систем стран, народов и социальных групп.

10. На России, на ее политических лидерах, на ученых и деятелях культуры лежит историческая ответственность, миссия стать лидерами в разработке и внедрении в практику основ этической политики, понимаемой не как поведенческие аспекты деятельности политических лидеров и госу-

дарств, а как неотъемлемое свойство, как базис существования стран и народов.

Тезисами мы обозначили некое пространство смыслов и целей: исследовательских, публицистических и политических. Использованные нами понятия нуждаются в уточнении смыслов и сфер применения.

Ценности

Спектр того, что относят к ценностям общества, очень широк. Не существует устоявшегося и общепринятого перечня ценностей. Ценность может быть объектом или идеалом, может быть атрибутом объекта или образа. Ценность – как мера полезности – не является абсолютом, инвариантом, она всякий раз заново определяется – в зависимости от конкретных обстоятельств, условий, а также целей и этических ориентиров оценивающего.

То, что мы называем общественными ценностями, часто воспринимается людьми как нечто само собой разумеющееся, как общепринятое. Грань между личными ценностями и общественными расплывчата. Среди потребностей есть чисто физиологические – естественные надобности, – однако, например, естественная потребность в еде удовлетворяется через совместные действия многих людей. Пройдя путь от совместной охоты и совместной обработки земли до современного потребительского общества, эта потребность превратилась – уже усилиями общества – в ценность изобилия. То есть даже фундаментальные, инстинктивные потребности могут стать базой для формирования социальных ценностей, которыми можно управлять, тасуя их иерархию в интересах тех, кто торгует удовлетворением потребностей.

Общественные ценности не являются чем-то неизменным. Они меняются и от общества к обществу, и от одной социальной группы к другой в пределах одного общества, одной нации и государства. Меняется иерархия ценностей, их состав и – что составляет наибольшую трудность – их содержание, описываемое в одних и тех же категориях. Так, например, категория «справедливость» принимается и признается ценностью во всех обществах и социальных группах. Однако малоимущий видит справедливость в более равномерном распределении богатства, а богатый – в том, что ему воздано по его заслугам и талантам. В современной политике мы со всей отчетливостью видим глубокое несовпадение представлений о справедливости. Достаточно вспомнить рассуждения известных западных политиков о том, что владение Россией ее полезными ископаемыми несправедливо и ими должны владеть или вообще другие страны, или другие наравне с Россией.

Стремление навязать свои ценности другим – отличительная черта современной политики глобализации по-американски. Ценности – оружие войны. Именно ценности – а не «печеньки» – были розданы в Киеве для осуществления переворота. Патронами стреляли тоже, но команду стрелять и убивать отдавали головы и сердца, охмуренные необходимыми ценностями и надлежащим этическим механизмом.

Наступление на ценности народа, который хочется завоевать, устранить, чьими природными богатствами хочется завладеть, идет в разных формах и по разным фронтам. Одно направление – внедрять в сознание народа представления о том, что его ценности являются тормозом его собственного развития. Так, например, указывается, что чувство коллективизма блокирует развитие индивидуальности, лишает общество появления ярких талантливых лидеров, способных к созиданию нового. Или внедряется в сознание тезис: православная религия тормозит всякое развитие, поскольку она считает, что земная жизнь явление вообще малоценное и дана лишь для надлежащей подготовки души к жизни вечной, что единственная цель – личное спасение. То, что оба утверждения неверны и являются информационным оружием, следует, разумеется, знать. Но, к сожалению, это оружие действует, потому что у очень многих людей не хватает средств интеллектуальной самозащиты. Еще один вид информационного оружия в ценностной войне – увязывание всех своих достижений именно и только с «правильной» системой ценностей, умалчивая об истинных источниках достигнутого богатства и комфорта.

Наряду с навязыванием своих ценностей другим народам существует и противоположный процесс – удержание, сохранение существующей системы ценностей. На языке политической борьбы удерживающие называются ретроградами, консерваторами, объявляются тормозом на пути прогресса.

В СССР периода перестройки и в постперестроечной России, когда шло массированное уничтожение ценностной матрицы советского общества, его идеалов, его морали, устоявшихся норм взаимоотношений людей, таких называли антиперестроечными силами. Разрушали советскую ценностную матрицу с разных сторон: пришедшие к власти политические силы внедряли ценности, заимствованные в странах Запада, одновременно в стране возникли течения, реанимировавшие ценностную матрицу, существовав-

шую в России до революции. Советские ценности защищали неумело, неэффективно, и сегодня они существуют в форме латентной ностальгии у старшего поколения и в форме идеализации прошлого у пока малочисленной части молодежи. Однако советские ценности продолжают существовать как неактуализированная часть ценностного ядра значительной части населения, и профессиональные политики обязаны это учитывать как данность.

Театр военных действий в войне смыслов, в ценностном столкновении сложен и противоречив. Активными проводниками ценностных систем сейчас являются и те политические силы, которые принято именовать либералами, демократами, западниками, и те, которые называют консерваторами, государственниками, имперцами, православными русскими националистами. И если первую – прозападную – группу можно как-то мысленно объединить на основе более или менее определенного ценностного ядра, то во втором перечне объединительным является не общая позитивная ценностная часть – ее трудно определить, – а неприятие базовых прозападных ценностей. Картина усложняется апелляцией к православным ценностям. При этом неявно осуществляется некий не вполне ясный переход от ценностей религиозных к ценностям светским. Образ общества – страны, народа, государства, придерживающегося православных ценностей, – не описан, не сформулирован в категориях политических, экономических, институциональных. Вся эта важнейшая работа не проделана, а понятие «традиционные ценности» уже стало расхожим. Это опасная тенденция: отсутствие образа цели приводит к трагическим ошибкам. Концепция светского государства, опирающегося на православные ценности, в котором одновременно на равных сосуществуют и другие религии, а также неверующие, ориентирующиеся на что-то свое, должна быть разработана более определенно. Без этого невозможно образ желанного общества, государства использовать как возможную или желанную практическую цель.

Франклин Рузвельт и Иосиф Сталин на Ялтинской конференции 1945 года

Общественные ценности изучаются и измеряются социологическими методами. Например, широкое распространение и в мире, и у нас в России получили результаты многолетних исследований Рональда Инглхарта. В них заданы определенные координаты, в которых измеряются и ранжируются страны и народы. Одна шкала простирается от «ценностей выживания» до «ценностей самовыражения», другая от «традиционных ценностей» до «секулярно-рациональных ценностей». Индикаторами являются более сорока параметров, сформулированных в виде парных ценностей, из которых в ходе опроса следует указать предпочтительное. Не вдаваясь здесь в содержательную сторо-

Встреча американских и советских солдат на Эльбе в 1945 году

ну самих исследований, отметим, что полученный результат сам по себе может быть изучен, дополнен, опровергнут, подтвержден в рамках продолжения исследований. Но как только он переходит в область политики – а он в нее давно внедрен, – он становится образцом, мерилом, ориентиром, нормативным делением стран на «хорошие» и «не очень хорошие», на «достигшие» и «не достигшие». Российская политика ориентируется на подобные зарубежные исследования, за недостатком собственных, и тем самым попадает в пространство, где ее место уже определено и направление должного движения обозначено. А должно быть не так. Задание системы координат – это сам по себе акт установления скелета системы ценностей, приписывания ценностям определенных коннотаций. Поэтому объективность исследований весьма условна, и это важно не упускать из виду. Сегодня мы не располагаем собственной объективной картой общественных российских ценностей, составляемых на основе масштабных, длительных и всесторонних исследований. Важно отметить, что понятие «традиционные ценности» в последнее время используется все чаще и чаще. Но содержание этого понятия определено недостаточно четко, каждый волен вкладывать в него свой смысл.

Обращение к понятию «традиционные ценности» встречается и в речах политического руководства России. Так, в ходе выступления перед Федеральным собранием в 2013 году Путин объяснял свое отношение к традиционным ценностям, вспоминая слова Бердяева о консерватизме: «И потому смысл консерватизма не в том, что он препятствует движению вперед и вверх, а в том, что он препятствует движению назад и вниз, к хаотической тьме, возврату к состоянию, предшествующему образованию государств и культур». В августе 2014 года в своем выступлении в Ялте Путин вновь обратился к этой теме: «Мы должны укреплять традиционные ценности, нас в этом многие поддерживают и на Западе, где эти ценности планомерно разрушались. Мы должны раскрыть потенциал нашей страны». То есть словосочетание «традиционные ценности» вошло в политиче-

ский лексикон, но при этом становится все очевиднее проблема наполнения этого понятия содержанием, проблема разночтений. Произвол, царящий в этой сфере, позволяет трактовать смысл традиционных ценностей весьма широко, используя подобные трактовки как инструмент дискредитации политики России, фундаментальных основ ее существования и стратегических целей ее развития. Утверждают, что, мол, Кремль установил новый международный бренд – защиту традиционных ценностей, – который служит идеологической основой для любой антизападной агитации. Наряду с критикой заметны и позитивные оценки и ожидания. Президента РФ называют «новым лидером мирового консерватизма», утверждая, что именно Путин стал самой влиятельной в мире фигурой, которая противостоит мультикультурализму, радикальному феминизму и гомосексуальности.

Словосочетание «традиционные ценности» является широко используемым, и в то же время в общественном сознании понимание того, в чем именно состоят традиционные ценности России, почему их следует сохранять и оберегать, почему они не являются тормозом развития, а наоборот, составляют его основу, остается нечетким. И одновременно любые конструктивные попытки выработать такое понимание подвергаются постоянному давлению, шельмованию и передергиванию.

Расплывчатость и неопределенность понятия «традиционные ценности» характерна не только для массового восприятия, но и видна на уровне политического дискурса. Более того, несмотря на то что именно традиционные ценности составляют краеугольный камень в основании русской, российской цивилизации, даже в рамках научного корпуса знаний эта концепция не обрела устойчивого каркаса, не обеспечена методологией исследования и продолжает оставаться неясным понятием, разорванным на фрагменты по отраслям знаний – культурологии, философии, социологии, политологии и других.

В связи с этим возникают следующие проблемы. Первая – наполнение понятия «традиционные ценности» ясным и понятным содержанием, несущим в себе позитивное ощущение устойчивости и источника развития. Вторая – преодоление разрыва между содержанием понятия «традиционные ценности» в научной и общественной лексике и его содержанием в политической практике. И это особенно тревожно в связи с активным оперированием этим понятием уже в самой что ни на есть практической актуальной политике. На вопрос, что такое традиционные ценности России, нет ответа, который мог бы удовлетворить определенное каким-либо способом большинство населения и действующих политиков.

В реальности содержание понятий «общественные ценности» и «традиционные ценности» становится еще более размытым, как только их пытаются использовать как политический концепт, то есть как инструмент практической политики. В политической лексике они присутствуют дефакто, попадая в нее из бытового и научного словаря, не претерпевая при этом должного осмысления.

Подчеркнем, что один лишь призыв или одна лишь апелляция к ценностям не становятся действенным инструментом практической политики. Даже люди, искренне придерживающиеся, скажем, либеральных ценностей – сколь бы своеобразно они их ни понимали, – испытывают разочарование в «либеральной» политике, когда видят конкретные действия и конкретных людей в среде политической и иной элиты. «Либерал», отхвативший жирный кусок общественного пирога теми средствами, которые либеральный же рядовой гражданин считает аморальными, вызовет у гражданина отторжение. То же самое происходит и с другими общественными ценностями: коммунистические руководители рядовыми коммунистами воспринимались как «партократы», а жирующий «православный» олигарх – остается «мироедом» для рядовых православных граждан. Так происходит потому, что не ценности сами по себе формируют поведение и оценку «правильно–неправильно», а этические системы.

Этические системы

Проблема этики в политике не нова. Ей много столетий, за которые написаны и исследовательские, и нравоучительные тексты. В качестве прямого пособия по практической этике для политиков достаточно вспомнить «Государя» Макиавелли, в котором на уровне инструкции изложено, чем должен руководствоваться политик в своей деятельности. В сущности, именно к проблеме личной морали политика, каковая и определяет его действия, сводятся многие работы в этой области. Но нас побуждает к размышлениям несколько иной угол зрения на проблему: не этические качества политиков, а этические свойства народа – вот что особенно важно, что является не изменчивой мотивацией, а устойчивым качеством, присущим народу на протяжении длительного времени, его этической системой.

Этическая система – это критерии добра и зла, механизм отбора правильного и неправильного, некий поведенческий образец должного, позволяющий выбирать и оценивать намерения, действия и бездействие людей и социальных институтов. Следует подчеркнуть, что именно этическая система, а не ценностное ядро как таковое формирует оценку поведения. Это означает, что, скажем, два социума, обладающие близкими или даже совпадающими ценностными матрицами, но оперирующие разными этическими системами, могут по-разному оценивать одни и те же действия, могут стремиться избирать различающиеся стратегии жизнедеятельности.

Не перегружая статью изложением представлений об этических системах, выработанных в разных отраслях знаний, продемонстрируем лишь некоторые подходы.

Одним из самых известных правил этики является так называемое золотое правило: не делай другому того, чего бы ты не хотел, чтобы делали тебе. Этот этический императив в той или иной формулировке встречается во многих древних культурах. Рассматривая поведенческие нормы в оппозиции «я – и все остальные», можно составить все логически возможные варианты соотношений, формулируя их в двух разных подходах – рекомендательном и запретительном.

1. Веди себя по отношению к другим так, как они ведут себя по отношению к тебе.
2. Не веди себя по отношению к другим так, как они не ведут себя по отношению к тебе.
3. Все остальные должны вести себя по отношению ко мне так, как я веду себя по отношению к другим.
4. Все остальные не должны вести себя по отношению ко мне так, как я не веду себя по отношению к другим.

При беглом взгляде может показаться, что во всех четырех формулировках высказана если не одна и та же, то очень сходная мысль, однако это не так. Отличия имеются, и весьма существенные. Нормы, сформулированные в виде запретов – «не веди себя так», «не делай этого», – формируют один тип общества. А нормы, призывающие к следованию образцам – «делай так, как...», – иной. Не менее существенны отличия в поведении, ориентированном на «норму для меня» как исходную или же на «норму для других». Приведенные выше формулировки используются как отличительные, базовые признаки различных этических систем.

Наряду с системой координат «я – и все остальные» рассматриваются и иные. Поскольку темой статьи являются российско-американские взаимоотношения, следует, в частности, упомянуть две этические системы Владимира Лефевра, введенные именно в контексте сравнения США и СССР.

В качестве системы координат здесь рассматриваются два полюса: стремление к компромиссу и отказ от компромисса. Известно – из личного и общественного опыта многих людей, – что стремление к компромиссу в процессе, скажем, спора по-разному оценивается и самими людьми, и обществами, в которых они живут. Есть люди (и общества), которые всегда стремятся найти компромисс в сложных ситуациях, потому что в этом обществе принято считать: отыскать компромисс в условиях разных взглядов спорящих – это хорошо, это позитивно оценивается с моральной точки зрения. В то же время есть люди (и общества), для которых стремление к компромиссу оценивается как слабость и подлежит моральному осуждению. Этот очевидный эмпирический факт Лефевр формализовал с помощью математического аппарата и разработал модель, позволяющую алгоритмизировать правила, по которым наш ум судит о добре и зле. Согласно Лефевру, в мире существуют лишь две этические системы: представители одной воспринимают компромисс между добром и злом как зло, представители другой – как добро. Утверждение, что в мире существуют лишь две этические системы, не кажется бесспорным. Например, выше мы рассмотрели иные четыре этические системы, описывающие другую модель мира, который в действительности намного сложнее любых моделей. Говорят также о христианской этике, о протестантской этике и других системах, описаны самые разные этические системы, отличия и особенности которых вытекают из иных принципов и целей классификации.

Чаще всего на теорию Лефевра ссылаются в связи с политическими выводами об особенностях СССР (России) и США, чему немало способствовал сам автор, эмигрировавший из Москвы в Америку. Лефевр утверждает, что из отношения к компромиссу вытекает сущность этической системы общества: в одной системе цель не оправдывает средства, а в другой – оправдывает. США отнесены автором к этической системе, в которой компромисс считается добром, а Россия – к системе, в которой к компромиссу не стремятся и где цель оправдывает средства. То есть США – общество более высокой морали, а Россия – общество отсталой, неразвитой морали. При этом Лефевр подчеркивает, что ценностные системы и у СССР-России и у США очень близки, практически одинаковы, поскольку так или иначе про-

Встреча Никиты Хрущева и Джона Кеннеди в Вене в 1961 году

израстают из христианства, а вот поведенческий механизм, проистекающий из разного отношения к компромиссу, разносит их по разным этическим системам.

Трудно, однако, видя современную бескомпромиссную борьбу США с Россией – обозначенной для пропагандистских целей как «путинская», – воспринимать всерьез приписываемую Лефевром и его последователями якобы имеющую место природную, неотменяемую склонность США к поиску компромисса. Трудно назвать стремлением к компромиссу и политику президента Рейгана, в команде которого работал Лефевр, в отношении СССР.

Не стремясь, повторим, в этой статье даже бегло охватить все наработанное в области анализа этических систем, приведенными иллюстрациями мы показываем, что очень многое в этой области уже сделано и сделанное весьма существенно для понимания сути происходящих в обществе процессов. В этой статье мы лишь обозначаем – в самых общих чертах – сложную картину исследования пространства этики, в котором живут и принимают решения люди, социумы, политические лидеры. Мы говорим здесь об этом, потому что убеждены: без этического измерения, без нравственной оценки как базиса конструирования международных отношений не может быть создана новая устойчивая система миропорядка.

Ценности – этика – политика

Проблемой большинства стран является незнание собственной ценностной и этической сути хотя бы на уровне систематизированного осмысления, не говоря уж об использовании этих знаний в политике. В реальной политике подлинное знание подменяется бессознательными отсылками на культурно-исторические традиции, религии, идеологии. Это создает препятствие на пути развития государства, огромную проблему, которая должна быть реше-

Дональд Слейтон и Алексей Леонов на борту орбитального модуля «Союз» в ходе проекта «Союз–Аполлон» в 1975 году

на и переведена в плоскость практической политики.

Взаимосвязь между ценностями, этикой и политикой можно представить в виде пирамиды: ее базис – ценности, над ними – этические системы, то есть способы оперирования ценностями, еще выше – политика, то есть механизмы управления обществами, постановка стратегических и тактических целей. Все три компонента взаимосвязаны. И если эта взаимосвязь осознана и правильно учитывается, общество – государство – управляется успешно и не возникает разрыва между целями вкупе с применяемыми методами и базисными свойствами общества.

В России этот разрыв не просто огромен – он разрушителен. Мы все время входим в противоречие между политическими и экономическими целями, с одной стороны, и мироощущением народа, его подсознательным, как нам кажется, сопротивлением переменам и реформам – с другой. Делаются скоропалительные выводы о несоответствии народа как такового идеям свободы и прогресса. Такого рода высказывания губительны: как идеи – они ошибочны, как политические лозунги – преступны.

Кроме того, проблемой России и других больших – многонациональных, мультирелигиозных – стран является не только незнание собственного ценностно-этического устройства, но и сосуществование в одной стране сразу нескольких ценностных и этических систем, носителями которых являются значительные массы населения.

Приверженцы каждой считают свою этическую систему правильной, а остальные – порочными. При этом вместо анализа именно этических систем на поверхность, где и происходит реальное противоборство, выходят производные этих систем – идеологии, политические лозунги и программы, религиозные системы и прочее. И если между этическими системами возможен диалог, возможны динамика и трансформации, то на уровне их производных идет уже только бескомпромиссная борьба. С точки зрения практической политики, нуждающейся в реальных, эффективных рычагах управления общественными процессами, необходимо научиться оперировать на уровне этических систем, а не их производных.

Важно осознавать как необходимость адаптации общества в условиях изменяющейся действительности, так и допустимые пределы трансформаций базисных свойств и признаков общества. Понимание взаимосвязи между системой ценностей и этическими системами позволит, сохраняя систему ценностей неизменной или малоизменяющейся (а она не может и не должна меняться

быстро, это фундаментальное свойство, формирующееся веками), подстраивать под актуальные задачи сохранения и развития те параметры и те функции, которые изменить можно. К таковым, например, относятся оценочные критерии, составляющие часть этической системы.

Вопрос выбора той или иной классификации и способа описания этических систем сам по себе нуждается в предварительном анализе в связи со стремлением ввести эти концепции в сферу практической политики. Подобный переход не представляется тривиальным и вполне может привести к неточным или ошибочным выводам, обусловленным стремлением получить заранее сформулированный, политически заданный ответ, как это происходит, например, с упомянутой концепцией двух этических систем Лефевра или исследованиями ценностей Инглхарта, служащими оправданием заранее заданных политических трендов.

Действующие лица мировой политики должны опираться на ясное и максимально точное знание этических особенностей стран, народов, цивилизаций. Закрывая на это глаза, опираясь только на экономические интересы, мировое сообщество погружается в хаос войны всех против всех. Считая, что в мире должна быть только одна «правильная» этическая система, политические лидеры ведут мир к взаимоистребляющей конфронтации.

Устойчивая система миропорядка

Как заметил Владимир Путин в своем выступлении на Валдайском форуме 2014 года, «...строительство более устойчивой системы миропорядка – сложная задача. Мы смогли выработать правила взаимодействия после Второй мировой войны, смогли договориться в 1970-е годы в Хельсинки. Наша общая обязанность – решить эту фундаментальную задачу и на новом этапе развития».

Решение задачи создания новой устойчивой системы миропорядка требует соблюдения многих условий, первым из которых следует назвать само желание создать такую систему на основе международного консенсуса, а не на основе доминирования одной страны или одного блока – военно-политического, экономического, идеологического или религиозного. Такое желание должно быть высказано, сформулировано как задача, как цель международной политики – именно это и сделал российский лидер. Мы вправе ожидать от мирового сообщества и прежде всего от наиболее влиятельных центров западной политики – таких, как США и Евросоюз, – конструктивного отклика на это предложение.

Предшествующие правила взаимодействия вырабатывались – после окончания Второй мировой войны – на основе баланса военных сил, а позднее – на основе идеологического компромисса, выраженного в советской формуле мирного сосуществования двух систем, а в международной практике – как принципы взаимоотношений во имя безопасности и сотрудничества. Эти факторы и эти принципы продолжают действовать и сегодня, однако мир трансформировался настолько, что предстоит не только зафиксировать и принять или отвергнуть произошедшие изменения и тенденции, но и попытаться ввести в рассмотрение новый базис, новую платформу строительства миропорядка. Таковым базисом, на наш взгляд, должен стать баланс систем ценностей, равновесие этических принципов существования и развития цивилизаций, стран и народов. Однако в реальной политике это базисное, сущностное качество социумов и образованных ими государств не учитывается. В международном политическом дискурсе при обсуждении этой проблемы используют такие понятия, как «национальные интересы», «взаимное уважение», «международное право», «суверенитет», «принцип невмешательства» и тому подобные производные концепты, в то время как базисные сущности не принимаются в расчет.

Означает ли провозглашенная базисность ценностной матрицы и этики, что в мире противоборствуют ценности и моральные системы? И да, и нет. Их противоборство очевидно, но не они служат первотолчком и основным мотивом наиболее эффективных и агрессивных акторов международной жизни. Впереди идет алчность. Захватывать земли, порабощать народы, подчинять себе государства, овладевать их богатствами побуждает алчность управителей. Сегодня властители и управители – это не столько цари и президенты, сколько ТНК и ФПГ, пожирающие ресурсы и рынки. А несовпадения идеологий, несовпадения социальных устройств, систем ценностей и морали служат им лишь оправданием и прикрытием подлинной агрессивной мотивации – алчности. Как выразился Алан Гринспен, воспринявший неофашистскую по своей сути этическую систему американской писательницы и философа Айн Рэнд: «Я понял, что капитализм не только эффективен, но и морален».

Идеологии, однако, нужны каждой стране – как одна из форм мыследеятельности, в которой выражены принципы и цели существования, сформулированные на языке и в

Леонид Брежнев и Джеральд Форд в Хельсинки в 1975 году

пространстве политических доктрин.

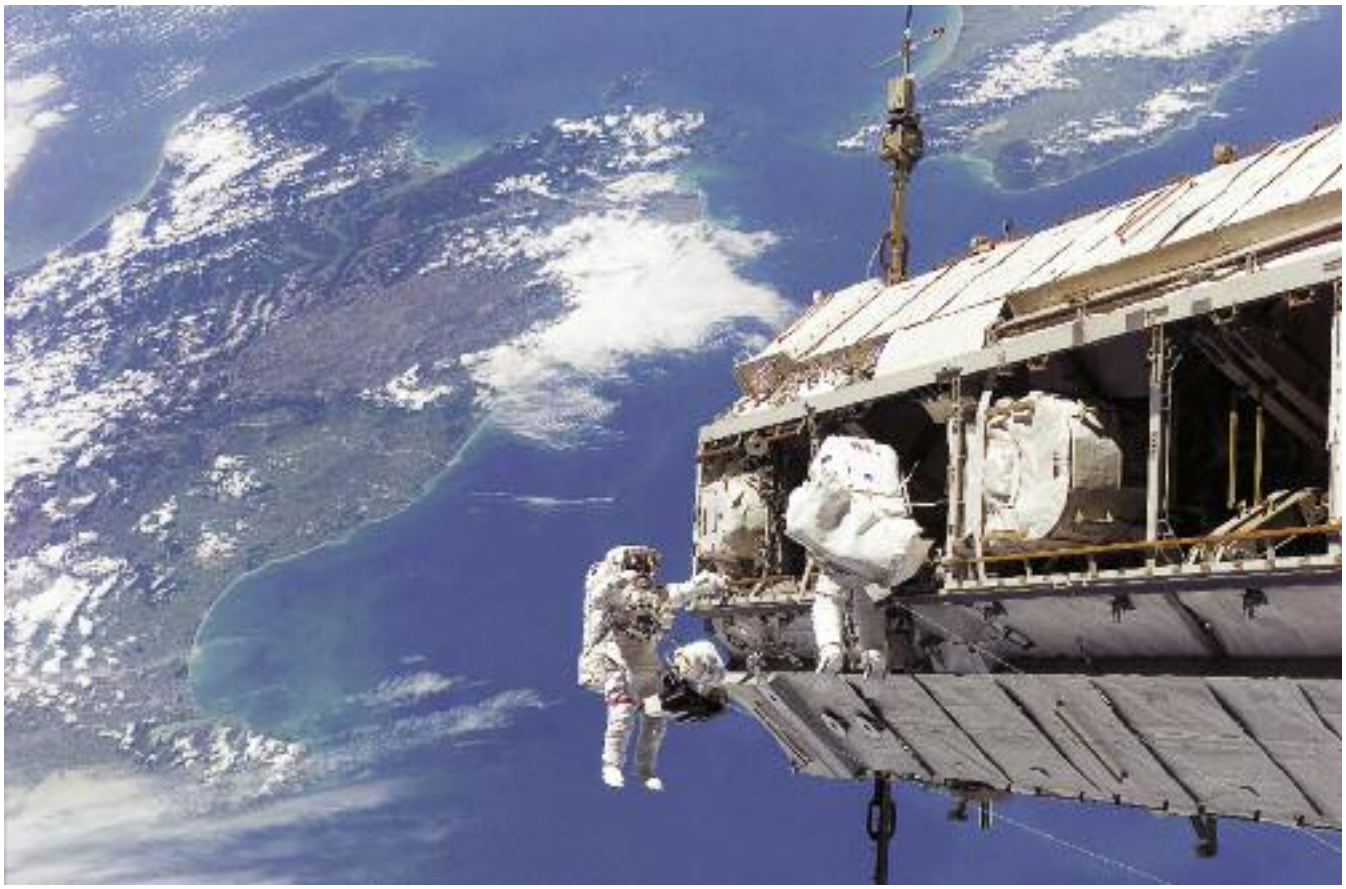
Экономические стратегии, экономические системы и парадигмы также необходимы каждой стране как выбор инструментов и целей хозяйственной деятельности.

Религии и религиозные организации существуют у каждого народа как естественный результат осмысления человеком существа мироздания и места человека в нем. Религии формируют и передают из поколения в поколение моральные принципы отношений людей друг с другом и с мирозданием.

Но базисом для всех этих форм общественного сознания и деятельности являются ценностные матрицы и этические системы. Именно через этический фильтр отдельные люди и общество в целом оценивают «правильные» или «неправильные» политические, экономические и всякие иные стратегии и парадигмы. Сказанное не отвергает возможность оперировать понятиями «прагматическое» и «этическое» сознание: любой прагматический выбор, сопоставление возможностей по принципу «выгодно–невыгодно» проходят – осознанно или нет – через этический фильтр, существующий всегда и у каждого. То есть, пользуясь этическим сознанием, мы не отказываемся от сознания прагматического. Высокий уровень развития как раз и отличается осознанной рефлексией по поводу каждого из этих инструментов.

Возникает вопрос: а станут ли политики искать какие-то базисы, если они и без этого считают, что справляются с управлением обществами? На этот вопрос можно ответить, опираясь на два положения. Во-первых, самые общие принципы управления чем-либо состоят в стремлении понять исходные, базисные основания любого явления и процесса, с тем чтобы, воздействуя на базис, добиваться управленческого результата. В связи с этим предстоит осознать, что ценностно-этические основания есть базис по отношению к идеологиям и интересам. Во-вторых, искать новые или дополнительные рычаги управления следует там и тогда, где и когда практическая политика не добивается желаемого, или добивается чрезмерной ценой, или не может осознать долгосрочные стратегические цели. Такая ситуация сейчас в России. В США ситуация еще, быть может, не выглядит столь драматично. Американские политики, возможно, считают, что они справляются с управлением миром, но даже при таком понимании происходящего они должны быть заинтересованы в повышении качества своего управления.

Представим маловероятное: Америка, Европейский Союз, Россия, Китай, Индия, другие влиятельные страны и объединения сели за круглый стол и предъявили друг другу исторически сложившиеся в каждой из них этические системы и базовые принципы собственного существования и развития. Тогда одинаково звучащие слова – «свобода», «справедливость», «равенство», «успех», «счастье» – будут раскрыты как сложные понятия, как концепты, обладающие суще-



МКС над Новой Зеландией

ственными с точки зрения каждого отличиями. Тогда стороны поймут эти отличия и признают не только право каждого на собственный ценностный мир, но и жизненно важную необходимость его сохранения. Тогда возникнет основа для нового миропорядка, станет возможным нахождение уважительного компромисса. Обретя эту основу, учет всех традиционных балансов – военного, экономического, идеологического, религиозного – обретет нравственную и логическую выверенность. Названный баланс – как основа любого устойчивого миропорядка – неотменяем.

В этом месте наших рассуждений нужно сделать важное разъяснение. Всякий призыв к каким-либо дружным и согласованным действиям политиков разных стран выглядит благостной утопией: в действительности мы наблюдаем яростную борьбу политиков, государств, систем – включая прямые военные действия. И никто никому не хочет уступать, никто не желает идти на компромиссы. В связи с этим не должно быть иллюзий на тот счет, что такие «незаменимые нации», как США, в лице их политиков и интеллектуалов с ходу ухватятся за возможность привести свои этические системы в какие-либо гармоничные отношения с этическими системами других стран. Но можно сказать с уверенностью: та страна, которая начнет постигать собственную и мировую «этическую карту», окажется в выигрышном положении. Потому что это знание – прорыв в новый технологический уклад. Речь не о том очередном технологическом укладе, о котором говорят экономисты. Речь о новых социогуманитарных технологиях, о стадийности которых до сих пор вообще никто не говорил. Постижение и создание этической карты мира – вот актуальная, назревшая задача. Выработка языка и принципов использования этого знания в практической политике – высокая цель и рациональный поиск эффективного инструментария. Контуры нового миропорядка, созданного на основе нового базиса практической политики, – образ будущего, который может быть предложен миру.

Так возможно ли скрещивание? Нужно ли?

Мы не можем и не хотим отгораживаться, изолировать себя от остального мира. Мы хотим быть открытыми, но не хотим быть незащищенными. Мы хотим взаимовлияния и взаимообогащения культур, но мы не хотим ассимилироваться, исчезнуть как самобытная целостность и ценность. Мы хотим изменяться с изменяющимся миром, но хотим понимать, что именно при этом в нас изменяется и согласны ли мы на эти изменения.

Ксавье Моро:

«Американские лидеры, которые как будто живут в мире столетней давности, жаждут столкнуть Россию с остальной Европой»

Интервью французского аналитика, основателя портала StratPol.com и автора книги «Новая великая Россия» **Ксавье Моро** заместителю главного редактора альманаха «Развитие и экономика» Вадиму Прозорову

– Господин Моро, сейчас на захваченных террористами территориях, которые они называют Исламским государством Ирака и Леванта, идет война. Как вы, военный эксперт, оцениваете эффективность операции против ИГИЛ на Ближнем Востоке? Что в действительности происходит в Ираке?

– Американская система неофициальной дипломатии основана на четырех столпах. Первый – это ОПГ, чью деятельность мы наблюдали в Косове, где американцы сотрудничали с бандитом, подозреваемым в торговле человеческими органами, а ныне премьером Хашимом Тачи. Второй столп – это троцкизм, который США использовали во Франции, когда де Голль вывел страну из военной организации НАТО и хотел обменять доллары на золото. Тогда – в мае 1968 года – как раз и произошла первая «цветная революция» в Европе. И если проводить аналогии с нынешним киевским Майданом, то и в то время они использовали людей небедных, которых сейчас называют в России «креативным классом». Движущей силой той революции были сотрудники самых крупных компаний и студенты. Когда их арестовывали, состоятельные родители приходили в отделения полиции и вызволяли своих детей оттуда. Сначала генерал де Голль, конечно, не ушел, но дни его президентства были сочтены. Начались очень сильные волнения.

– Вы хотите сказать, что в 1968 году троцкистские организации были мотором того движения, которое подняло на ноги средний класс?

– Это так. У нас троцкисты были мощным движением в 60–70-е годы. Они и сейчас руководят крупными СМИ и компаниями как в США, так и во Франции. Посмотрите сейчас Си-Эн-Эн или почитайте «Ле Монд» Пьера Берже. Эти люди с троцкистским прошлым и ныне обладают большим влиянием. Третий столп американской неофициальной дипломатии – это исламские движения, а четвертый – движения фашистские. США использовали фашистов в Хорватии во время югославской войны и сейчас прибегли к их услугам на Украине. Все это разные инструменты американской внешней политики. Однажды я участвовал в дебатах об угрозе фашизма в Европе. Мне тогда говорили, что во Франции ее нет, у нас нет неонацистов, у нас нет фашистов. Согласен, но во Франции можно использовать другие силы – ОПГ или исламистов. Таким образом, исламские движения – это одна из четырех колонн американской системы неофициальной внешней политики.

На нее американцы делали ставку в Сирии, Боснии, Косове, на российском Кавказе. Поверьте мне, сейчас во Франции существует тесная связь между американским посольством и исламскими движениями. Люди же, которые контролируют бедные районы Парижа, – это ОПГ. У нас во Франции ситуация похожа на ту, что была в Косове. Это смешение исламизма и ОПГ. И отвечая на ваш вопрос, что такое ИГИЛ и эффективна ли борьба с ним, я могу сказать, что изначально это американских рук дело. Я, правда, не уверен, что США их сейчас полностью контролируют. Однако несомненно: у них есть цель – это Ближний Восток, устранение Башара Асада в Сирии и формирование независимого государства Курдистан. Теперь уже они создают настоящую армию Курдистана.

– Это не устроит Турцию.

– Да, это невыгодно Турции. Эрдоган ведь думает, что если он в НАТО и всегда был лояльным союзником США, то они его уважают и с ним будут считаться. Он ошибается. Так считали Норьега, Милошевич, Хусейн и многие другие. А где они теперь? Пока Эрдоган играет свою роль. Когда же он будет не нужен, от него избавятся. Для США он просто инструмент, не более того. Это надо понимать. Точно так же, как и мы, французы, мы – никто для США. Все страны мира для них – потенциальный враг.

– Вы полагаете, что ИГИЛ не вышло из-под контроля, а просто перед всем миром разыгрывается представление, которое должно способствовать достижению Соединенными Штатами своих целей на Ближнем Востоке?

– В США есть 57 разных агентств. Каждое из них способно вести свою игру. Быть может, мы имеем дело с такой игрой одной из структур. Например, я не уверен, что Обаме было известно, что глава ЦРУ находился в Киеве за два дня до того, как начали штурмовать восток Украины. Я даже не уверен, что он что-то решает. Я его считаю пешкой на доске сложной партии, разыгрываемой всей системой. Разумеется, возможно, они потеряли контроль над ИГИЛ, а Саудовская Аравия и Катар начали действовать на свой страх и риск. Это тоже вероятно, потому что США не столь страшны, как прежде. Например, Россию они совсем не пугают. Но даже если они всерьез затеяли войну против ИГИЛ, они постараются ее использовать, чтобы убрать Асада и создать независимый Курдистан. США нуждаются в государстве, которое полностью контролировало бы этот регион Ближнего Востока. Ирак сейчас находится в руках шиитов и сблизился с Ираном и Сирией, где по-прежнему правит Башар Асад. Богатый нефтью Курдистан – приемлемое для Вашингтона решение определенных геополитических задач. Такое государство будет во всех отношениях зависеть от Америки. Основным препятствием на пути осуществления этого проекта является позиция Турции, члена НАТО. Нынешнее российско-турецкое сближение стоит интерпрети-

Беспорядки на бульваре Сен-Жермен в Париже 6 мая 1968 года

В мае 1968 года произошла первая «цветная революция» в Европе. И если проводить аналогии с нынешним киевским Майданом, то и в то время США использовали людей небедных, которых сейчас называют в России «креативным классом». Движущей силой той революции были сотрудники самых крупных компаний и студенты.

ровать именно в этом контексте.

– Исходит ли какая-то опасность для России от ИГИЛ?

– Конечно, это опасно. А как это опасно для Франции! Это настоящий лагерь для подготовки исламских боевиков. После того как они проиграют или выиграют, они будут искать другие места приложения своих сил. И это может быть Кавказ. И тогда мы увидим, что американские спецслужбы, как всегда, легко найдут компромисс с исламистами, чтобы дестабилизировать южный Кавказ. Не впервой им играть с исламистами, и, конечно, это не последний раз, даже если и пошло что-то не так с ИГИЛ. Они будут прикрывать свои действия мифами и громкими словами, в том числе и о спасении христиан на Востоке. На самом деле они ловко провоцируют конфликты православных с мусульманами, мусульман с католиками. Сеять смуту они мастера.

– Так что же России делать? Как себя вести в той ситуации, которую вы охарактеризовали?

– США ищут конфликт и настроены очень агрессивно. В то же время они не могут отправить войска против России. Дипломатически они очень слабы. Они могут угрожать только экономическими санкциями.

– В данном случае я имею в виду ситуацию на Ближнем Востоке. Как действовать России в этом регионе?

– Есть легальное государство Ирак. И Россия может с ним сотрудничать. Россия уже пошла по этому пути, первой предоставив Багдаду штурмовик Су-25. Россия сразу поняла: надо делать то, что она всегда делала, – помогать легитимному правительству.

– Ваше интервью будет опубликовано в номере, посвященном роли США в современном мире и российско-американским отношениям. Как вы оцениваете внешнюю политику США, эффективна ли она?

– Я думаю, что в последнее время она неэффективна, потому что США проиграли в Сирии, они проиграли на Украине. Везде они сейчас проигрывают. Последний раз, когда они что-то выиграли, – это был Гондурас. Они совершили переворот, как прежде в 50–60-е годы, поставили своего диктатора, как в старые доб-

рые времена. Но Гондурас – это не Украина. Они более или менее победили в Ливии, потому что Каддафи был устранен, но все-таки они сами ее не контролируют. К тому же Саудовская Аравия уже не так внимательно прислушивается к тому, что говорят США. Они сами провоцируют конфликтные отношения с Израилем. Так долго продолжаться не может. Мы живем в таком мире, в котором нельзя безнаказанно затевать везде войны. Сейчас выполняют волю США не потому, что хотят, а потому, что боятся. Моя жена русская, и она мне рассказывала, что в начале 90-х годов в России все, что было из США, считалось обязательно хорошим, в том числе политические и экономические модели. А сейчас русские поняли, что есть иные модели, а может быть, и свою новую модель нужно создавать, которая будет еще лучше. Германия больше не видит в России империалистическую державу и считает, что с ней можно работать и получать большую пользу от добрососедских отношений. Между тем немцы понимают, что США ничего не дают, кроме долгов и банкротства, разделяют Европу и угрозами держат своих союзников в ежовых рукавицах. Это напоминает афинский империализм времен Делосского союза, объединившего греческие полисы против персов, а потом, когда персы перестали быть серьезной угрозой, Афины использовали эту лигу в своих империалистических интересах. Тех, кто не хотел выполнять приказы метрополии, просто уничтожали. Эта система рухнула, и Афины проиграли, так же и США в конце концов проиграют России. Во всех конфликтах, в которых они участвуют, у них нет исторического видения, у них нет реалистичного представления о ситуации в конкретной стране. Они живут как будто в 90-е годы. Они помнят, что победили в Европе, и думают, что тот же самый номер пройдет на Ближнем Востоке. Они заблуждаются.

– Может, Соединенным Штатам и не надо контролировать регион? Не исключено, что их вполне устроит состояние хаоса на Ближнем Востоке?

– Возможно, и так. Например, на Украине какой у нас результат? Два европейских христианских народа убивают друг друга. А это уже победа. Сирия сейчас – не та Сирия, которой она была еще четыре года назад. И для США, конечно, это уже победа. 50 миллионов человек живут на грани нищеты. Это очень плохо. Вы правы, когда ставите вопрос о сознательной дестабилизации ситуации, в том числе и на Украине. Так было не раз. Для них это хорошо, а потом они будут говорить, как в случае с Югославией: «Бедные европейцы, вы не можете сами решить ваши проблемы. Слава богу, что мы здесь будем вам помогать». США как гангстер, который создает угрозу, а потом предлагает вас от нее защищать.

– Как, по вашему мнению, себе представляет Россию официальная Европа и какой хочет ее видеть?

– Сначала надо уточнить, что есть Европа. Есть Евросоюз – и есть Европа. И это разные величины.

– Я имею в виду, конечно, Евросоюз и его ведущие силы – Германию, Францию…

– Кто создал Евросоюз? От французской стороны два человека создали Евросоюз – Робер Шуман и Жан Монне. Они были американскими агентами, это уже не секрет, есть подтверждения из официальных архивов. Значит, кто создал Евросоюз? США, чтобы контролировать страны Европы. И если надо, бюрократия примет решения, идущие против наших европейских интересов. Это мы видим сейчас во Франции на примере передачи России «Мистраля». У нас нет никакого интереса на Украине: там может быть федерация, конфедерация, могут быть фашисты – все что угодно. Мы живем далеко. Это проблема для Польши, России, Германии, но не для нас. Мы можем жить без Украины. Объем торговли между Украиной и Францией составлял один миллиард долларов, то есть ничего по сравнению с Россией. На следующий год он сократится до 400 миллионов долларов. Но почему тогда у нас конфликт с Россией? Потому что Евросоюз нам приказал. Для этого он и создавался, чтобы, в том числе, и запретить Франции сотрудничество в военной области с Россией. Внутри Евросоюза идет борьба между Германией, которой тоже хотелось бы рассматривать его как свою империю, и США. Если сейчас кто-то внутри Евросоюза и может сопротивляться США, то это Германия. Меркель, например, не останавливается перед тем, чтобы угрожать Кэмерону исключением Великобритании из Евросоюза. По поводу Украины у Вашингтона и Берлина ныне царит согласие, и все же они потенциальные противники. А Франция теперь докатилась до уровня Словении. Больше слушают Польшу, чем нас. Каждые шесть месяцев меняется председатель Совета Евросоюза. Когда был конфликт с Тбилиси, слава богу, им был наш президент Саркози, который летал в Тбилиси. Но если бы это был польский президент, если бы это был один из президентов прибалтийских государств, трудно было бы предугадать исход кавказских событий. Возможно, началась бы настоящая ужасная война на Кавказе. Но этого не произош-

ло, потому что даже проамериканский Саркози как президент Франции действовал в интересах своей страны. Понимаете ли, когда вы надеваете костюм президента Франции, все, что вы думали до этого, отходит на второй план.

– То есть в условиях американского диктата, о котором вы говорите, президент Франции, находясь под давлением своей миссии и сограждан-избирателей, способен действовать вразрез с интересами США?

– Я монархист. Я полагаю, что когда вы надеваете одежду, которую носили Людовик XIV, Наполеон, генерал де Голль, вы преображаетесь, вашими устами начинает говорить сама Франция. Но она не может сопротивляться «консолидированной» позиции Евросоюза. Интересно посмотреть, кто советует нашим министрам. Они тоже не сами подбирают советников. Сейчас там очень много некомпетентных, но идеологически правильных людей. Я помню, например, когда начинался кризис в Сирии, все советники министра иностранных дел, англичане, сказали, что дни Башара Асада сочтены, ему осталось не больше двух недель. Из-за таких советов мы принимаем очень плохие решения.

– Может быть, политическая элита России не понимает каких-то фундаментальных европейских ценностей и интересов и в отношениях с европейцами наступает на одни и те же грабли?

Отвечая на ваш вопрос, что такое ИГИЛ и эффективна ли борьба с ним, я могу сказать, что изначально это американских рук дело. Я, правда, не уверен, что США их сейчас полностью контролируют. Однако несомненно: у них есть цель – это Ближний Восток, устранение Башара Асада в Сирии и формирование независимого государства Курдистан.

– Российская политическая элита все хорошо и правильно понимает. Просто понимать – это не значит, что вы можете что-то сделать. Мне кажется, что для лучшего понимания на Западе России стоит развивать теле- и радиовещание, например запустить *Russia Today* по-французски. В принципе такой план уже есть, бюджет есть, значит, это будет. И этот проект даже важнее, чем английская версия. Ведь США и Великобритания никогда не будут друзьями России. Может быть, они не всегда будут вра-

Манифестация «Я – Шарли!» после январских терактов в Париже

гами, но всегда станут сопротивляться, потому что их идеология и геополитические интересы фундаментально противоположны интересам России. А с Францией всё не так. Французы хотят иметь хорошие отношения с Россией. И я это вижу по тому резонансу, который получают мои публикации в Интернете о российских делах. Однако же нужно добираться и до тех 80 процентов, которые получают информацию через телеканалы. Телевизионный канал и радио – это совершенно иной масштаб влияния на общественное мнение.

– А у *Russia Today* во Франции в перспективе широкая аудитория?

– Считаю, что это будет один из лучших и самых влиятельных каналов, тем более если он станет освещать и те события, которые происходят во Франции.

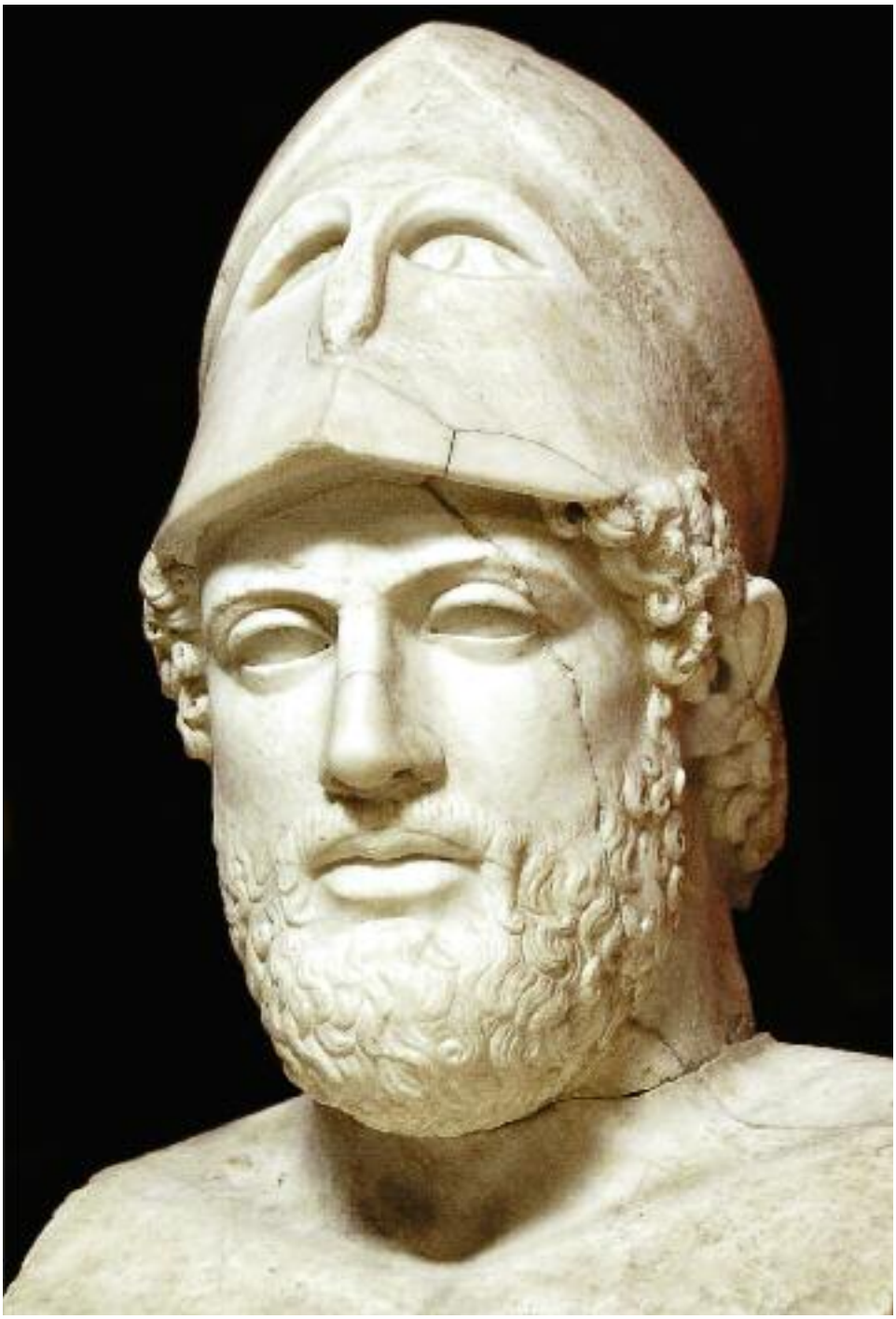
– За подписку надо будет платить отдельно или российский канал пойдет в пакете с остальными?

– Он будет в спутниковом пакете. Полагаю, ему гарантирован большой успех, если найдут хороших журналистов. Французы любят такой формат, когда показывают, как западные каналы обманывают, а аналитики ошибаются. Есть такой известный и в России французский аналитик Тома Гомар, которого приглашали на Валдай. Он руководитель отделения *IFRI* – Французского института международных отношений – по России. Гомар систематически ошибается в своих прогнозах. С 2000 года этот специалист объясняет, что Россия – слабая страна, а Путин – слабый лидер. А сейчас ему нужно объяснить, почему, если Россия такая слабая и армия у нее никчемная, она выигрывает в Сирии и бескровно возвращает Крым. Все это важно доносить до французов, чтобы в конце концов эти скверные аналитики ушли и прекратили вводить в заблуждение не только общественное мнение, но и МИД Франции, который они дезориентируют своими дурными советами.

А как ИГИЛ опасно для Франции! Это настоящий лагерь для подготовки исламских боевиков. После того как они проиграют или выиграют, они будут искать другие места приложения своих сил.

– Не кажется ли вам, что если рассуждать в предложенной вами парадигме, эти советники выдают за аналитику официальную позицию Евросоюза и Вашингтона, которую нужно представить как обоснованную аналитику, то есть они выступают в роли пропагандистов?

– Возможно, вы правы, потому что все эти советники – прежде всего идеологи, идео-



Перикл

США ничего не дают, кроме долгов и банкротства, разделяют Европу и угрозами держат своих союзников в ежовых рукавицах. Это напоминает афинский империализм времен Делосского союза, объединившего греческие полисы против персов, а потом, когда персы перестали быть серьезной угрозой, Афины использовали эту лигу в своих империалистических интересах. Эта система рухнула, и Афины проиграли, так же и США в конце концов проиграют России.

логи атлантические, западные идеологи. Но очевидно, что если так называемый политический аналитик все время ошибается, то он рискует быть обвиненным в некомпетентности. Например, Гомар совершенно не понимал, что вопрос о присоединении Крыма уже решен. Я об этом написал в статье «Россия готова к экономической войне», а он всё уверял, что Кремль этого не сделает, а лишь угрожает в надежде на переговоры. Это же реальная ошибка. Даже если присоединение Крыма не укладывается в твою идеологическую концепцию, зачем же так нарочито заблуждаться в ущерб себе. Они совершенно зашорены, для них западная модель – единственная, и поэтому они ни за что не согласятся с тем, что Россия может предложить иной путь развития. За последние 15 лет Россия, на мой взгляд, показала, что ее политическая и экономическая модель работает. А западный либерализм 300-летней свежести превратился в тоталитарную систему, монополизированную США. Если у Франции будут очень мощные высокотехнологичные промышленные комплексы, которые будут создавать самые лучшие в мире продукты, то я за либерализм. Я за то, чтобы устранить все границы, в том числе и для России, и тогда мы сможем продать свой продукт везде безо всяких барьеров. Но пока у нас ничего этого нет, хотя и есть отдельные области, где мы очень хороши.

– Я познакомился с некоторыми вашими материалами и в одном из интервью нашел следующее высказывание: «Европейские народы не хотят воевать. Все боятся России». Что вы имеет в виду, когда говорите, что европейцы боятся воевать с Россией? Вы считаете такой сценарий реалистичным?

– Нет. Считаю, что войны не будет. Однако я служил в армии, я бывший офицер, десантник, поэтому хорошо знаю, какая репутация у России и русских солдат в Европе. Если наша армия получит приказ воевать с Россией, она

его, безусловно, выполнит, но политикам придется четко объяснить, зачем это нужно. Поверьте, никто не сможет этого сделать. Ни одна мать или жена не разрешит воевать своему сыну или мужу против России. Во Франции сразу начнется революция, потому что мы не можем просто так отправить 100 тысяч человек умирать. У России есть своя репутация, и я уважаю Россию. Если вы поговорите с французскими офицерами, то поймете, что никто не хочет воевать с Россией. Они хорошо помнят историю.

– Значит, вы говорите об исторической фобии. Есть страх, но настоящая война невероятна.

– Нет-нет. Кто же в Европе захочет войну? Это американские лидеры, которые как будто живут в мире столетней давности, жаждут столкнуть Россию с остальной Европой. Они бомбардируют Донецк, Луганск, убивают мирное население, потому что они очень хотели бы серьезной дестабилизации обстановки в Европе, в которую была бы втянута и Россия. Вот это был бы для них лучший подарок. Но, слава богу, российское правительство это хорошо поняло.

– Как бы вы охарактеризовали заметные политические силы в Европе, которые симпатизируют России?

– Я бы сказал одно слово – суверенность.

– Это какие-то правые партии?

– Нет, не обязательно правые партии. Например, у нас во Франции есть один очень известный экономист, которого зовут Жак Сапир. Он бывал в России, и я люблю читать то, что он пишет. Он сторонник суверенитета и считает, что Франции надо выйти из Евросоюза. Сапир поддерживает Россию, особенно в ее последовательном отстаивании своего суверенитета. Вообще нам хотелось бы такого президента, как Путин, которого все уважают в мире, может, не любят, но уважают. Россия – независимая страна, принимающая решения в соответствии со своими интересами. Не как Франция, которая испытывает давление со стороны Германии, со стороны США, а сейчас даже со стороны Польши. Нам угрожают: если вы передадите русским «Мистраль», мы не купим у вас оружие. Что же будет дальше?

Иасент Риго. Людовик XIV. 1701 год

Я монархист. Я полагаю, что когда вы надеваете одежду, которую носили Людовик XIV, Наполеон, генерал де Голль, вы преображаетесь, вашими устами начинает говорить сама Франция.

– Так ведь суверенитет во Франции есть, нельзя сказать, что его нет. Есть государство со всеми институтами, которые ведь и обеспечивают подлинный суверенитет.

– Да, но Францию унизили, потому что она в Евросоюзе. Ведь французский парламент

С 2000 года Тома Гомар (на фото) объясняет, что Россия – слабая страна, а Путин – слабый лидер. А сейчас ему нужно объяснить, почему, если Россия такая слабая и армия у нее никчемная, она выигрывает в Сирии и бескровно возвращает Крым.

принимает 80 процентов законов, которые нам навязала Еврокомиссия. Где же тут суверенитет? Это же все касается и армии, и валюты, и юстиции. Мы исполняем законы Европарламента. Сейчас на армию, например, предусмотрен такой бюджет, что скоро боеспособной армии не останется. А у России есть свой суверенитет во всех сферах государственной жизни.

– Почему же урезается бюджет на армию?

– Потому что наша страна на грани банкротства. У нас долг более пяти миллиардов евро, 80 процентов налога уходит на оплату процентов. Из-за того что мы не контролируем нашу валюту, мы не можем сделать ничего того, что, например, Россия делает сейчас и делала в 1998 году.

– Я с интересом прочитал вашу книгу «Новая великая Россия» и задам вопрос, который вам, видимо, задают все. С того момента, как книга вышла в свет, прошло много времени. На каких ключевых событиях современной российской истории вы остановились бы сейчас, если бы продолжили свою книгу? Быть может, вы ее и продолжаете?

– Да, я продолжаю. Для меня очень важный момент – это парламентские и президентские выборы в декабре 2011-го – марте 2012-го, когда Путин был выбран в третий раз.

– Этот значимый эпизод войдет в новую книгу?

– Да, но из-за воссоединения с Крымом – безусловно, одного из важнейших событий современной истории России – мне, вероятно, придется по-иному организовать текст. С 2003 года Россия восстанавливает свой авторитет в международной дипломатии, и украинские дела – ключевая веха в этом процессе. Российские аналитики переиграли западных визави, они реагировали гораздо быстрее и эффективнее.

– Может быть, эти французские аналитики, как вы говорите, ошибаются, потому что Крым и Россия далеко и все эти драматические повороты в отношениях России и Украины не слишком-то и затрагивают, например, французов?

– Нет, просто они либо ленивы, либо говорят то, что хотят услышать их работодатели. Например, все тот же Тома Гомар, брат которого является директором «Ив Роше» в России, идеологически ангажирован, ему хочется видеть Россию слабой. Отсутствие беспристрастности мешает Гомару объективно анализировать ситуацию, да к тому же у него нет экономического образования. Вот он и ошибается постоянно в своих выводах и прогнозах.

– Раз уж вы заговорили об экономике, то хотелось бы услышать ответ на вопрос, видите ли вы какие-нибудь просчеты российских властей в экономической области, раз, по вашему мнению, в политической все так прекрасно.

– Да, вижу. Это реформа пенсионной системы. Это не значит, что у меня есть ответ, как ее надо проводить. Но я вижу, что пока настоящей реформы нет, а она нужна. Смотрите, Запад не дает русским финансовым институтам кредит больше чем на пять лет. Если бы в России были пенсионные фонды, которые могли бы кредитовать свою экономику, как это делают во Франции, в США, то российской экономической системе было бы гораздо легче. И уже зависимость от газа и нефти была бы не так важна. Процесс экономических реформ в России идет иногда слишком медленно. Надо создать такую современную банковскую систему, в которой граждане и компании широко могли бы использовать банковские фонды, чтобы финансировать проекты в России. Мне кажется, что этого сейчас здесь не хватает.

– Что вы скажете по поводу проблемы диверсификации экономики? Хорошо, когда есть ресурсы, но зависимость от них

Адольф Рен. Встреча Наполеона I и Александра I на Немане 25 июня 1807 года

плодотворна до известного предела и при определенных условиях.

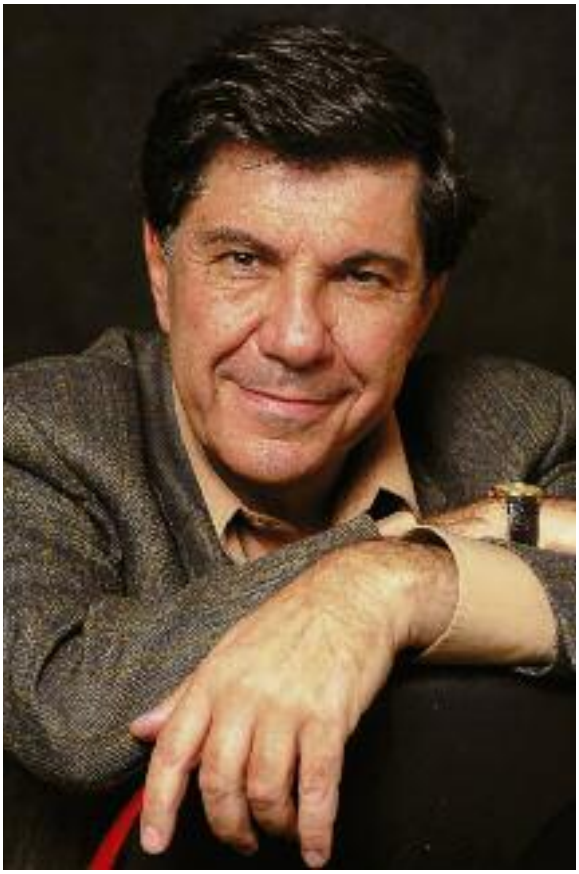
– Об этой зависимости России много говорят. Считается, что «сланцевая революция» в США подрывает российский сырьевой экспорт. Я не считаю, что американские сланцевые продукты смогут потеснить российские. У России сейчас есть все возможности для того, чтобы внедрять высокие технологии для добычи нефти в Сибири и в Арктике. Высокотехнологичные разработки – это очень важно. Диверсификация, безусловно, нужна. Но печальное состояние российской экономики из-за отсутствия диверсификации сильно преувеличено. Я приехал в Россию почти 15 лет назад, и каждый год здесь возводились новые машиностроительные заводы. Почти у всех автомобильных брендов тут есть свои предприятия. Значит, диверсификация идет своим чередом, а в условиях ослабления рубля стимулов для нее становится еще больше. Одним словом, в течение 15 лет я наблюдаю позитивные тенденции как в российской политике, так и в экономике.

Я бывший офицер, десантник, поэтому хорошо знаю, какая репутация у России и русских солдат в Европе. Если наша армия получит приказ воевать с Россией, она его, безусловно, выполнит, но политикам придется четко объяснить, зачем это нужно. Поверьте, никто не сможет этого сделать.

– Есть расхожее мнение, что в России запредельный уровень коррупции и невероятная коррупционная составляющая принятия решений, а также высочайшие издержки проведения их в жизнь губят на корню любое самое благое начинание. Вы можете это прокомментировать?

– Я вижу конкретную жизнь и знаю, что многие решения принимаются без коррупции. Ну а коррупция есть везде. В ряде стран она легальна и называется лоббизмом, да и очень сильная связь между властью и бизнесом на самом высоком уровне не оставляет сомнений в том, что их сотрудничество взаимовыгодно. Где начинается коррупция и где она заканчивается, сложно сказать. Я не думаю, что в России это сейчас самая важная проблема.

– А если, например, председатель крупнейшего банка страны говорит, что коррупционные издержки слишком велики, не



Во Франции есть один очень известный экономист, которого зовут Жак Сапир (на фото). Он бывал в России, и я люблю читать то, что он пишет. Он сторонник суверенитета и считает, что Франции надо выйти из Евросоюза. Сапир поддерживает Россию, особенно в ее последовательном отстаивании своего суверенитета.

свидетельствует ли это о том, что проблема-то все-таки архиважная?

– Русские люди иногда любят преувеличивать и драматизировать. Я в своей жизни уже давно не платил никаких взяток. Однажды ГИБДД меня остановила и оштрафовала за нарушение. Я получил документ и оплатил в «Сбербанке». Я ничего не предлагал, и у меня никто ничего не просил. Я полагаю, что система улучшается. Это был проект Медведева: чтобы уменьшить коррупцию, надо как можно больше формализовать и упростить процедуру общения граждан с представителями власти.

– Это очень удобно.

– Это очень удобно. Например, я недавно получил гражданство России и убедился, что эта система очень хорошо работает.

– В России работают разные французские компании. Вы представляете себе состояние этих компаний, какой-то информацией о них владеете?

– Они все успешно работают. Они построили здесь заводы, и им хорошо, потому что они знают, что Россия остается на рынке и их не коснутся никакие санкции. Они ведь производят свою продукцию здесь. Для этих компаний введенные ограничения даже выгодны, они ими довольны, потому что перед ними открываются большие возможности на российском рынке, где нужны высокотехнологические комплектующие.

– Насколько я понял из нашей беседы, российский выход из украинского кризиса вам также видится оптимистичным?

– Полагаю, что в любом случае Россия выиграет. Ни одна европейская страна не хочет воевать против России. Россия не будет отправлять войска на Восточную Украину. Для Украины же наступают новые времена без дешевого газа. При этом на Украине нет мощной экономики, подобной экономикам Японии или Кореи, она не продает высокотехнологичные товары, поэтому ей придется плохо.

– Какой же выход из этой ситуации вы видите для Украины?

– Нужно находить компромисс с Россией, договариваться. Я не думаю, что Запад переиграет Россию. У России есть все козыри, а у Запада нет ни одной ценной карты. Если идти ва-банк, то нужно воевать с Россией. А никто на это не пойдет. Конечно, США попытаются воспользоваться благоприятной ситуацией, чтобы раздуть конфликт между Россией и Западной Европой. Но с Украиной-то что делать? Хорошо, Евросоюз будет платить за газ для Украины. Но ведь не только в газе дело: украинской экономике сейчас нужно как минимум десять лет для восстановления. А кто будет это оплачивать, гасить долги?

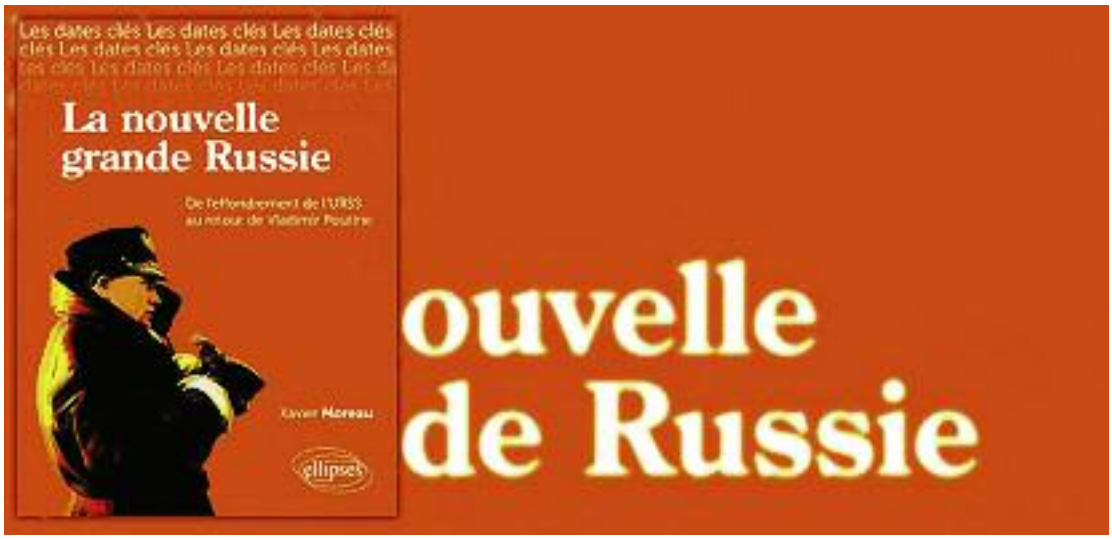
– Европейцы.

– Ну нет, у нас нет денег. Европейцы не захотят давать деньги. Почему они должны за свой счет согревать Украину. И сколько это будет продолжаться: полгода, год... Кто будет содержать трубопровод, который идет через Украину, ведь он сломается без должного обслуживания и инвестиций. Не знаю, кто станет рисковать своими капиталами на украинских просторах. А если проложат трубопровод в обход Украины, то через пару лет дохода от транзита не будет. И как же они на Украине будут жить? Они смогут жить, если будут строить нормальные добрососедские отношения с Россией. Другого выбора у украинцев нет.

– В подобной же ситуации находится и Грузия. С вашей точки зрения, наметились ли какие-нибудь перемены в российско-грузинских отношениях?

– Рано или поздно они будут, когда США откажутся от своей агрессивной политики в Европе. Ведь тут выбор невелик: либо в конце концов отправить свои войска в Европу, в чем я очень сильно сомневаюсь, либо остепениться. И тогда Грузия и остальные маленькие страны займут положенные им места.

– Но пока вы не видите у Грузии стремления налаживать отношения с Россией? Хотя вроде бы Саакашвили ушел...



– Грузия сейчас старается идти на компромисс. Что сказал Юнкер? «В ближайшие пять лет не будет государств, которые вступят в ЕС». В Грузии не хотят этого слышать. Им подавай Евросоюз, и им кажется, что потом все само собой будет хорошо. А что будет с Евросоюзом через пять лет? Великобритания уйдет из Евросоюза? Будут ли пересмотрены договоры?

– Кстати, это хороший вопрос. Что, как вы думаете, будет с Евросоюзом через пять лет?

– Может быть, его больше не будет.

– Такой вариант возможен?

– Да. Вполне вероятно, что евро не будет или не все страны будут им пользоваться. Именно Евросоюза, вполне возможно, уже не будет. Кто думал в 1987 году, что Советский Союз скоро распадется? Многое зависит от поведения государств – членов Евросоюза. Например, если во Франции на президентских выборах победит сторонник суверенитета, то страна сразу уйдет из Евросоюза. Он ведь подобен Советскому Союзу. Тут есть своя элита – евробюрократия. К примеру, выгоднее быть депутатом Европарламента, чем французского парламента. Вы не платите налогов, получаете в три раза больше денег, у вас все бесплатно – вплоть до еды в столовой. Это номенклатура. Такая система не может долго жить. Она дорого обходится европейцам, которые не хотят иметь на своей шее дармоедов. Стоит только одной стране уйти из Евросоюза, и все собирание Европы опять придется начинать сначала. Но что интересно, что произошло с Украиной. До сих пор Евросоюз оказывал давление на страны, входящие в его состав. Причем делал это жестко, как, например, в случае с Грецией, когда был фактически уволен еврочиновниками премьер-министр Папандреу, который только заикнулся о проведении референдума. На Украине они начали революцию и гражданскую войну, чтобы наказать страну, которая не была членом Евросоюза. Это тоже очень важный момент: первый раз тоталитарная система Евросоюза использует военную силу и проявляет волю для принуждения к повиновению страны, которая не входит в эту систему. Почему они начали войну? Они хотели пресечь инакомыслие, заставить всех граждан Украины считать Евросоюз единственным идеальным вариантом европейской интеграции. Как Евросоюз может простить Донбасс, который записал в конституции, что брак заключается только между женщиной и мужчиной и что его надо защищать от абортов? Это же вызов ключевым положениям западной бесполой идеологии! Как они все это могут оставить безнаказанным? Вот такая вот глобальная либеральная идеология, готовая смести все на своем пути.

С 2003 года Россия восстанавливает свой авторитет в международной дипломатии, и украинские дела – ключевая веха в этом процессе. Российские аналитики переиграли западных визави, они реагировали гораздо быстрее и эффективнее.

– Господин Моро, спасибо вам за беседу, в ходе которой мы затронули широкий круг проблем современной мировой политики. Очень надеюсь на то, что наше сотрудничество продолжится – альманах «Развитие и экономика» старается поддерживать регулярные контакты с европейскими коллегами в области геополитического анализа. И конечно, хочу вам пожелать успешной работы над вашей новой книгой о современной России. Когда она будет готова, мы будем рады представить ее на страницах альманаха.

27 ноября 2014 года

Георгий Матвеевич Дерлугьян –
профессор социологии Нью-Йоркского университета в Абу-Даби

Кризис прежнего, возможности нового

Главное политическое и идейное условие наших дней – конечно, кризис гегемонии США. Сигнальный предкризис ударил еще в 1960–1970-е годы. Его последствия так и не были преодолены, а лишь отложены на два десятилетия благодаря неожиданному распаду СССР и столь же неожиданному успеху глобализации на основе американской неолиберальной идеологии и американских же финансовых институтов. Историко-логическая последовательность американского кризиса в чем-то поразительно похожа на последовательность кризисных событий, приведших к советской перестройке. Обе сверхдержавы достигли пика геополитического влияния, внутреннего благосостояния и идейного престижа после 1945 года. Конечно, Америка и Россия – уникальные страны-гиганты континентального масштаба, непосредственно выросшие из расширения переделов европейской цивилизации и со временем превзошедшие Европу. Такое развитие предсказывал еще в 1830-х проницательный Алексис де Токвиль, однако геополитические прогнозы исполняются крайне медленно. Как говорил Йозеф Шумпетер, день в мировой экономике длится столетие. Но в августе 1914 года имперская Европа совершила, по сути, групповое самоубийство. И лишь через 30 с лишним лет после этого Европа стабилизировалась в новом мирном – хотя и реликтово-карликовом – состоянии под двойственным покровительством – СССР и США.

Руководство обеих сверхдержав, разумеется, провозгласило послевоенные успехи исполнением собственных идеологических предначертаний, будь то развитой социализм или регулируемый капитализм. Технологический рост середины XX века мощно подкреплял их уверенность в своих силах. (Какой научно-

фантастический оптимизм и страхи порождали тогда космос, органический синтез и особенно атомная энергия!) Сверхдержавам оставалось увековечить свою модель и в азартном соперничестве распространить ее на остальной мир в виде программ «либеральной модернизации» либо «социалистической ориентации».

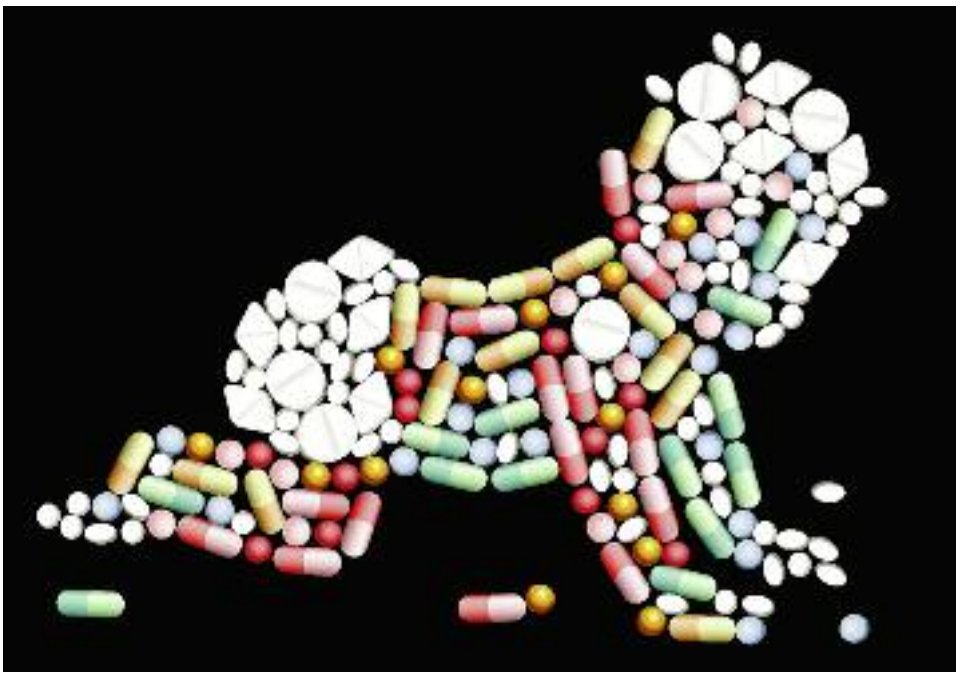
Американцы напоролись на неподатливость Кубы и Вьетнама. СССР получил аналогичные проблемы в Венгрии, затем Чехословакии и Польше и, наконец, в Афганистане. Первой вполне ожидаемой реакцией было применение на первый взгляд подавляющей военной силы в сочетании с экономической «помощью» союзникам, оказавшимся на поверку бездонной бочкой. Это привело к нарастающему бюджетному кризису, который, в свой черед, обострил внутриэлитное соперничество между просвещенно-реформистскими и ортодоксально-консервативными фракциями политического истеблишмента обеих стран. Внутриэлитные разногласия выплескивались наружу, порождая растущие надежды среди интеллигенции и новых средних слоев образованных специалистов. С советской стороны известно множество примеров того, как деятели науки и культуры – в полном спектре, от махровых реакционеров до либеральных диссидентов, – писали записки на Старую площадь. Но ведь и в Америке 1968 года молодые профессора элитных университетов – Бжезинский, Киссинджер, Хантингтон и с другой стороны Валлерстайн – стали поставщиками идей для кандидатов в президенты от Никсона до Боба Кеннеди.

Следом за периодом гласности, то есть выплескивания в открытую печать идейной борьбы элитных фракций, наступает этап радикализации в основной массе средних и даже нижних слоев, ловящих политический момент. Радикализация происходит на основе двух программ: требования демократического доступа на политическую арену (белые средние слои в США и русскоязычные специалисты в СССР) либо признания групповых идентичностей (в США это движения негров, индейцев, феминисток, в СССР – национализмы во всех республиках). Оказавшись в цейтноте, политическое руководство спешно обещает удовлетворить все пожелания, включая большую долю экономических гарантий, что уже до невозможности перегружает бюджет и провоцирует экономический кризис.

В 1970-е руководству СССР неожиданно помог взлет цен на нефть. Однако это лишь отложило на полтора десятилетия наступление окончательного кризиса. Конечно, СССР был почти впятеро беднее США по ВВП на душу населения, имел иную структуру экономики и исторически сложившееся размещение промышленных баз на своей бескрайней территории. Однако сравнивая траектории обеих сверхдержав, ни в коем случае нельзя забывать разницу в качестве геополитических союзов. Одно дело иметь сателлитами Польшу и Болгарию, и совсем иное дело – ФРГ и Японию.

Руководство США в 1979 году пошло на отчаянный шаг, срывая ограничители, которые регулировали экономику со времен «нового курса» Рузвельта. Эффект, как становится ясно из ныне опубликованных стенограмм Федерального резервного фонда, превзошел все ожидания американского Центробанка. В 1980–1990-е в США хлынул поток инвестиционных капи-

Руководство США в 1979 году пошло на отчаянный шаг, срывая ограничители, которые регулировали экономику со времен «нового курса» Рузвельта. Сломав рузвельтовские механизмы регуляции, Уолл-стрит добился спекулятивной конъюнктуры, невиданной со времен *Belle Époque* 1900-х и «джазового бума» 1920-х. Но также возродился и призрак спекулятивного обвала, подобного «черному вторнику» 1929 года.



Сегодня, критикуя твердую веру Просвещения в могущество науки, ни в коем случае не следует впадать в другую крайность, подвергая сомнению саму науку и научный метод рассуждения, как к тому склонны постмодернистские критики. И либерализм, и марксизм постулировали, что все развитие человеческих обществ идет по ступеням прогресса.

талов из Западной Европы, Восточной Азии и нефтедобывающих стран, искавших более выгодного вложения с низкими рисками. Сломав рузвельтовские механизмы регуляции, Уолл-стрит добился спекулятивной конъюнктуры, невиданной со времен *Belle Époque* 1900-х и «джазового бума» 1920-х. Но также возродился и призрак спекулятивного обвала, подобного «черному вторнику» 1929 года. Пока что этот призрак удавалось заговорить как минимум трижды – во время паники 1987, 1998 и 2001 годов. Призрак, однако, никуда не делся, а напротив – вырос до гигантских размеров. В первую очередь это дотоле невиданный дефицит платежного баланса США и астрономическая задолженность, которую все еще финансируют банки Восточной Азии – несомненно, из опасения, что обвал американского рынка погребет в обломках и их экспортно-ориентированные индустрии. Перспектива настолько пугающая и неясная, что экономические аналитики мейнстрима о ней предпочитают молчать либо говорить профессионально-жаргонными экивоками. Тем более от этой темы уклоняются политики, добивающиеся голосов избирателей. Американская война с террором выглядит на этом фоне дерзким и крайне честолюбивым обходным маневром – чей провал теперь можно считать свершившимся фактом.

Что на этом фоне полезного и вразумительного могли бы сказать экономисты и обществоведы? Самым непродуктивным было бы продолжать в дурную бесконечность дебаты 1990-х на модные, но туманно-неопределенные темы глобализации, рыночных и либерально-демократических «транзитологий» или достижения полумифических рубежей постиндустриализма и информационного общества. Неолиберальная глобализация, как становится ясно в нынешней атмосфере нелегкого отрезвления, была на деле последней великой утопией XX века. Она имела поразительно много общего со своим единоутробным собратом и заклятым соперником – марксизмом. В самом деле, марксизм и либерализм родились непосредственно из идей Просвещения. Великие умы той эпохи – от Ньютона до Огюста Конта – были потрясены открытием законов природы и собственной способностью объяснить – а значит, изменить мир. Если, согласно знаменитой формуле тех времен, Бог – механик, а мироустройство постижимо так же, как устройство часового механизма, значит, возможно и необходимо отыскать те кнопки и рычаги, которые управляют нашим миром.

Сегодня, критикуя твердую веру Просвещения в могущество науки, ни в коем случае не следует впадать в другую крайность, подвергая сомнению саму науку и научный метод рассуждения, как к тому склонны постмодернистские критики. Великий американский астроном и популяризатор Карл Саган просил своих слушателей задуматься, сколько из них были бы вообще живы, если бы не достижения медицины вроде элементарных антибиотиков. Критическому разбору подлежит та темная зона социальных наук, которая имеет тенденцию переходить в идеологическую веру.

И либерализм, и марксизм постулировали, что все развитие человеческих обществ идет по ступеням прогресса. Они лишь спорили с догматическим апломбом о количестве этих ступеней и их определении: рабство–феодализм–капита-

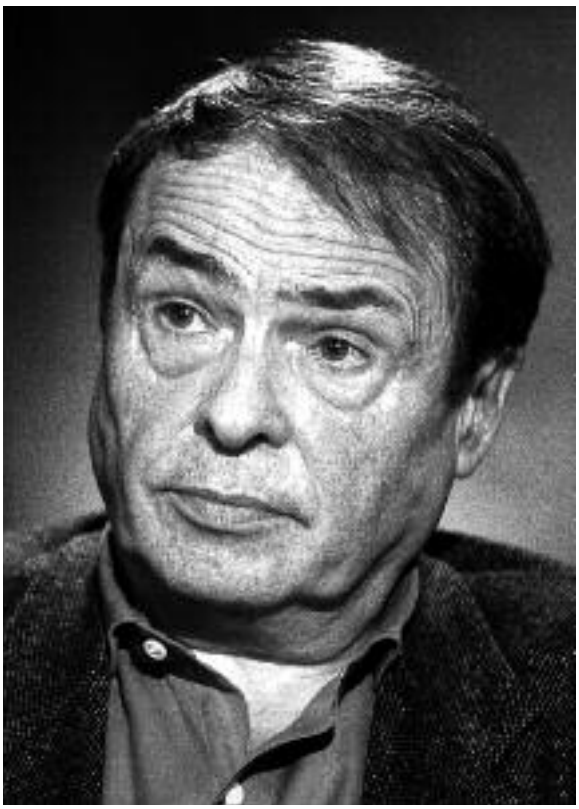
лизм–социализм или аграрное–индустриальное–постиндустриальное общество. Главный же спор был о том, достигнута ли уже высшая ступень модернизации или еще предстоит революционный прыжок в светлое будущее, к социализму, когда история уж точно завершается и наступает окончательное воплощение исторической программы. Марксисты считали двигателем прогресса рабочий класс, либералы – средний класс. Для первых главным способом исторического движения была революция, для вторых – эволюционная реформа.

Аналогии можно продолжать и дальше, что совершенно не случайно – обе идеологии выстраивали свои позиции в одном и том же интеллектуальном пространстве, только с противоположными знаками. Великий французский социолог Пьер Бурдье иронизировал, что подлинно мощная догма является нам не сама, а в паре якобы взаимоисключающих антиномий.

Обе стороны марксистско-либеральной догматики достигли зрелого выражения в 1930–1960-е. Учебным катехизисом одного лагеря стал энгельсовский «Анти-Дюринг», другого – «Протестантская этика и дух капитализма» Макса Вебера. Обоих классиков при этом покрыли изрядным слоем мертвящей бронзы. Тем, кто в студенческие годы настрадался от советских курсов научного коммунизма, было бы весьма забавно и поучительно поглядеть, что происходило при переводе Вебера на английский. Как, к примеру, слово «господство» (*Herrschaft*) плавно превращалось в куда менее грубый «политический авторитет» (*political authority*). Немаловажно и то, что переводом и – по ходу – увековечиванием Вебера руководил Толкотт Парсонс, убежденный американский патриот и сам в молодости протестантский пастор. Крайне наивно было бы воспринимать усилия научной школы Парсонса по построению системной теории общества лишь как абстрактную социологию. Опять-таки, сказанное вовсе не означает отказа от попыток построения системных теорий. Парсонс велик именно своим размахом и успехом в построении сильной научной школы. Но у великих – великие же ошибки, на которых лучше учиться, чем повторять зады чужих авторитетов.

Обе стороны двойной догматики – марксистская и либеральная – были взорваны изнутри в бурный период 1968–1974 годов. Обычные объяснения всплеска молодежного инакомыслия и иконоборчества тех лет страдают поверхностным и излишним вниманием к внешним проявлениям: рок-музыка, переход от формальных костюмов и причесок к джинсам и длинным патлам, сексуальное раскрепощение, якобы стимулируемое изобретением противозачаточных таблеток. На самом деле все было проще и куда серьезнее. В послевоенные годы начался колоссальный демографический бум, который в сочетании с массированным государственным инвестированием в науку привел к беспрецедентному в истории развитию образования и исследовательской инфраструктуры. Повсюду – от Калифорнии до Новосибирска и от Мехико до Уганды – возникали новые университетские центры. Шло массовое рекрутирование нового поколения в исследователи и высокообразованные специалисты. Вступая в жизнь, они искали себе достойного применения – и отказывались встраиваться в прежние структуры почитания чинов и авторитетов. Времена были, конечно, хаотические, но в результате происходят прорывы практически на всем интеллектуальном поле – от киноискусства до естественных наук.

Теории хаоса, которые выдвинул нобелевский лауреат по химии, бельгиец русского происхождения Илья Пригожин, совершенно не случайно оказываются созвучными идеям многолинейной эволюции биологических видов, которые столь талантливо популяризовали американец (кстати, также российского и вен-



Обе идеологии выстраивали свои позиции в одном и том же интеллектуальном пространстве, только с противоположными знаками. Великий французский социолог Пьер Бурдье (на фото) иронизировал, что подлинно мощная догма является нам не сама, а в паре якобы взаимоисключающих антиномий.

герского происхождения) Стивен Джей Гулд или эколог-антрополог Джаред Даймонд. В общественных науках, расположенных где-то посередине между гуманитарным и естественно-научным знанием, произошла собственная и весьма основательная серия теоретических прорывов, начинавшихся из сомнения в унаследованной догматике. Американец Чарльз Тилли и норвежец Стейн Роккан, начинавшие свои исследования еще в рамках модернизаторской парадигмы, восстали против собственных наставников и в результате коренным образом изменили наши взгляды на исторические истоки современных государств. Так называемая военно-налоговая теория сегодня принимается практически всеми историческими социологами. Она гласит, что в основе был элементарный рэкет феодальных баронов, которые выдавали гарантии в первую очередь от самих себя в обмен на согласие подданных регулярно и без особого сопротивления платить фиксированную дань. С резким удорожанием военного дела после появления пушек и массовых армий с подданными пришлось договариваться уже в обмен на производство некоторых общественных благ – вроде дорог, безопасности городских улиц – и стабильной национальной валюты. Со временем это привело к институционализации парламентов, избирательных прав, а также национальной идеологии, дотоле совершенно чуждой космополитичной феодальной верхушке и духовенству.

Благодаря Баррингтону Муру, Теде Скочпол и Джеку Голдстоуну совершенно по-другому стали исследоваться революции и истоки демократизации обществ. Никто более всерьез не говорит о том, что революции порождаются классовой борьбой либо массовым психозом толпы. Даже если продолжаются споры об отдельных механизмах, вполне установлено, что революции возникают в ответ на политические расколы между различными элитными фракциями, как правило, в моменты военного поражения или экономического кризиса на фоне растущего демографического давления.

Новые экономические социологи из Франции, Германии и США, исходящие из классических идей Шумпетера и Поланьи, сформулировали весьма перспективные подходы к анализу рыночной деятельности. Вопреки неоклассической модели, которая алгеброй поверяет идеологическую абстракцию свободных рынков, стремящихся к статичному равновесию, выдвинута гораздо более реалистичная теория монополистического соперничества между коалициями предпринимателей за поиск или создание новых рыночных ниш, относительно защищенных от конкурентного давления и поэтому дающих привилегированные нормы прибыли. Особенно обнадеживает, что нишевая теория рынков позволяет встроить в анализ все то, что неоклассические экономисты полагали досадными экстерналиями: политическую борьбу, войны, социальные сети, культурные нормы. Или показать, откуда берутся технологические инновации, а не представлять технический прогресс самоочевидным или возникающим из ниоткуда, подобно *deus ex machina*.

Подробное перечисление теоретических прорывов, очевидно, займет целую книгу – которую еще предстоит написать. И все-таки назовем еще несколько знаковых имен и новых теорий.

Родившийся в Китае англо-ирландец Бенедикт Андерсон указал на новые подходы к рациональному пониманию феномена национализма.

Уже упоминавшийся француз Пьер Бурдье отточил концептуальный инструментарий для анализа организации поля культуры и социального структурирования поведения человека в общественных сетях.

Работающий в Англии итальянский социолог Диего Гамбетта и его соотечественники Пино Арлакки, Фортуната Пизелли, а также Федерико Варезе и наш русский Вадим Волков показали, как рационально, без фобий и теорий заговора, анализировать феномен мафии. (Стоит ли тут удивляться итальянско-русскому приоритету?)

Теоретический археолог чикагской школы Тимоти Эрл убедительно и доходчиво суммировал новые знания о долгосрочной эволюции человеческих обществ.

Наконец, американец Иммануил Валлерстайн и итальянец Джованни Арриги создали принципиально новую историко-географическую политэкономию мировой системы.

Список можно продолжать и развивать. Вполне может оказаться прав Рэндалл Коллинз, американский социолог исключительно широкой эрудиции и спектра интересов, который считает нашу эпоху самой продуктивной в идейном плане со времен классиков-первопроходцев (Маркса–Вебера–Дюркгейма) и даже «золотым веком» исторической макросоциологии.

Однако это все лишь потенциальная возможность. Между теоретическими прорывами начала 1970-х и нашим днем находится эпоха интеллектуальной засухи, длящейся еще и сегодня. Причин тому, как всегда в случае сложных исторических колебаний, несколько, и они разного порядка – от внутренней организации на-

учного сообщества до политического климата эпохи.

Чтобы работать на уровне Валлерстайна или Тилли, требуются годы труда и усвоение изрядного корпуса литературы. Намного надежнее и проще публиковать статьи на общепринятые темы вроде гендерной и расовой идентичности или математически тестировать частную подтеорему поведения бесплотных рыночных субъектов. Поскольку в западной науке количество мест публикаций и их ортодоксальность непосредственно связаны с занятием научных должностей, следование канону и сфокусированность на узкой тематике дает непосредственные карьерные преимущества. Добавьте к этому, насколько более денежно разрабатывать прикладную тематику для какой-нибудь фирмы или преподавать упрощенные курсы в коммерческой школе бизнеса.

Куда хуже, что после всплеска эмоциональной энергии неизбежно наступает упадок той или иной степени. В случае последних 20–30 лет упадок эмоциональной энергии оказался весьма глубоким. В том, несомненно, повинны общее разочарование в любых больших идеях и наступление климата рыночного неолиберального эгоизма.

Воинствующий либерализм, неожиданно возродившийся в рейганско-тэтчерские 80-е, обладал как минимум двумя мощными источниками силы. Первым из них было возрождение восходящей к эпохе Просвещения веры в индивидуализм и неизбежный прогресс (что при перенесении на уровень мировой экономики вылилось в футуристический энтузиазм по поводу глобализации, которым так ярко было отмечено правление Билла Клинтона).

Поскольку данная вера целиком согласовывалась с унаследованным восприятием классики, большинству она казалась естественной и не требующей дальнейших доказательств. Возьмите столь нашумевший бестселлер Фрэнсиса Фукуямы, который, по сути, есть аспирантского уровня реферат о Гегеле и достижении венца истории. Как иначе объяснить мгновенное вознесение самого Фукуямы до статуса гуру, если не глубинным соответствием его тезиса собственному мироощущению западных элит в момент столь для них неожиданного избавления от угрозы коммунизма?

Обе стороны двойной догматики – марксистская и либеральная – были взорваны изнутри в бурный период 1968–1974 годов.

Здесь становится хорошо виден второй источник силы неолиберальных идей, а именно – мощная материальная и пропагандистская поддержка ведущих западных политиков и финансовых кругов, которые после кризисов 1960–1970-х обрели второе дыхание.

И все-таки просто по заказу элит успешные идеологии не возникают, как бы ни убеждали в обратном хитроумные политтехнологи своих клиентов. Всплеск иконоборчества

Американец Чарльз Тилли и норвежец Стейн Роккан, начинавшие свои исследования еще в рамках модернизаторской парадигмы, восстали против собственных наставников и в результате коренным образом изменили наши взгляды на исторические истоки современных государств. Так называемая военно-налоговая теория сегодня принимается практически всеми историческими социологами.

образца 1968 года – как на Западе, так и в советском геополитическом блоке – был на деле первой мировой революцией не по Марксу, а скорее – по Максу Веберу. Восставали не пролетарии против буржуазии, а молодые образованные специалисты, более не желавшие покорно сносить бюрократический кретинизм и мелочную патерналистскую опеку боссов и начальников. Отсюда и такой безудержный перехлест в анархические проявления, нарушение всяческой дисциплинарной субординации, а также уход в религиозную и квазирелигиозную романтику – в противопоставление обыденности. Основатели «Аль-Каиды» (если взять самое крайнее проявление) ведь тоже не из самых необразованных низов общества. Это как раз и есть крайний фланг образованных элит исламского мира. Их безумно утопический и разрушительный вызов направлен в первую очередь против своих же правителей – и только затем против покровительствующей им Америки.

Исламский фундаментализм, о котором теперь невозможно не упомянуть, тем более в его крайних террористических формах, – на самом деле явление маргинальное. И как всякое экстремистско-сектантское движение оно не приобрело бы такого размаха и самоподдерживающейся динамики, если бы не мощный раздражитель американского контрнаступления.

Парадоксальным образом антибюрократический вектор протеста молодых специалистов поколения 1968 года спустя всего несколько лет обернулся самым серьезным и массовым источником силы неолиберальной реставрации. Если довести до логического завершения идеи Фридриха фон Хайека и Милтона Фридмана, то выйдет либертарианско-анархический мир экономических, политических и культурных предпринимателей, совершенно эмансипированных от государственного и любого прочего внешнего регулирования.

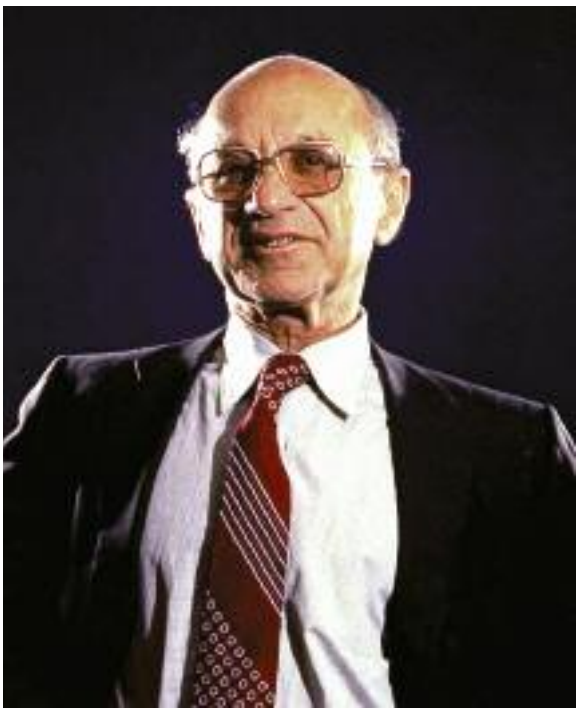
Это по-своему очень стройная и соблазнительная перспектива. Упор делается на внутреннюю рациональность, трезвый расчет, самодисциплину, трудолюбие и ответственность за свои решения.

Это именно те замечательные качества, которые приобретают современные специалисты в результате семейного воспитания и длительного школьно-университетского образования. В свою очередь, обретение данных качеств исторически обусловлено трудом предшествующих поколений – того, что выдающийся немецкий социолог Норберт Элиас описывал как «процесс оцивилизования».

Самонадеянно и пагубно отметать неолиберализм как простую идеологическую диверсию. Это была именно последняя из великих утопий современности, равно как и марксизм растущая из самих основ современной цивилизации – притом не только западной, но и других великих цивилизаций мира. Ценности, к которым взывал неолиберализм (как и марксизм), имеют общемировое значение. Иначе как объяснить притягательность идей либерализма и марксизма для стольких китайцев, индусов, турок, арабов, русских, наконец?

Беда с любой утопической верой не только в том, что она оправдывает насильственную ломку общественных отношений – во имя чего-то великого в будущем, но и в том, что утопия еще и оправдывает власть тех, которые проводят ломку. Неолиберальная глобализация вполне закономерно привела к такому росту антиамериканизма по всему миру именно потому, что и в самом деле вела к ломке и переделке политических и экономических структур прочих стран мира путем непосредственного предписания (как, скажем, в программах МВФ) и менее персонифицированного, но ничуть не менее жесткого конкурентного давления.

При этом неолиберальные реформы, по трезвом рассуждении, не привели ни к ускорению процессов демократизации (которые начались задолго до неолиберализма, как видно на примере нашей страны), ни к устойчивому экономическому росту. Подъем Китая, Индии и, вероятно, наступающий подъем экономик Латинской Америки и Ближнего Востока (эмиратов Персидского залива, Турции, Египта и Ирана – если ему удастся выйти из изоляции), во-первых, явно (особенно в Китае) обусловлен эффективностью государственной власти не менее, чем мировыми рынками. А во-вторых, восходит еще к политике развития 1950–1970-х и даже к древним основам производительных экономик Азии. То же самое можно и хотелось бы сказать о возрождении и развитии экономик бывших республик СССР.



Парадоксальным образом антибюрократический вектор протеста молодых специалистов поколения 1968 года спустя всего несколько лет обернулся самым серьезным и массовым источником силы неолиберальной реставрации. Если довести до логического завершения идеи Фридриха фон Хайека и Милтона Фридмана (на фото), то выйдет либертарианско-анархический мир экономических, политических и культурных предпринимателей, совершенно эмансипированных от государственного и любого прочего внешнего регулирования.

Речь вовсе не идет о революционном сломе неолиберального капитализма. Эта модель просуществовала уже почти три десятилетия и зашла в тупик вместе со своей несущей структурой – гегемонией США. Скорее, если воспользоваться афористичным выражением британского экономгеографа Дэвида Харви, встает вопрос о «спасении капитализма от неолиберализма», о стабилизации и «оцивилизовании» мировых рынков и о желательно нетравматичном выходе США как основного элемента миросистемной архитектуры из режима мировой гегемонии.

Но это все останется благостными пожеланиями, если социальные науки не смогут подкрепить цели серьезным и реалистическим анализом того, откуда и в каких вероятных направлениях развивается наш мир, как могли действовать механизмы социального (в самом широком смысле) воспроизводства отдельных народов и всей миросистемы.

Сегодня организация мировой науки такова, что совершенно непропорциональные силы и ресурсы оказались сосредоточены именно в США. Это, конечно, одно из последствий голодных лет недофинансирования науки и образования, поразивших подавляющее большинство стран мира. В американские университеты в последние десятилетия пере-

селялись целые научные школы, притом не только из бывшего СССР, но даже из Великобритании и Франции. Возможно – и пока лишь в теории, – что в ближайшие годы этот тренд будет разворачиваться в противоположном направлении. Отчасти это вопрос финансирования. Индийские и китайские специалисты уже начали перебираться к себе на родину.

И все-таки не из-за одних долларов утекали мозги. Ученые хорошо чувствуют себя там, где есть эмоциональная энергия, азартное чувство открытия, где можно взаимодействовать с самой передовой – а значит, интересной – наукой. В Америке, конечно, сегодня собралась подлинная сборная мира. Там совершено куда больше открытий, чем американская среда оказалась в состоянии усвоить. Здесь и открывается возможность.

Известный русский экономист из Гарварда Александр Гершенкрон еще в 1950-е сформулировал теорию «преимущества отставания». Представьте себе, что вы сзади приблизились к автомобильной пробке. Те, что встряли в нее первыми, не могут видеть обходных путей, а если бы их и увидели, то слишком зажаты в голове пробки, чтобы совершить маневр. Отставшие герои, как учил Гершенкрон, всегда идут в обход. Ну, а те, кто имитирует моду первых, обречены, как служанка, донашивать за своей госпожой шляпки прошлогоднего фасона.

Имена авторов теоретических прорывов, которые я перечислил ранее, конечно, очень известны на Западе. Если бы существовала Нобелевская премия по социологии, то в списке ближайших кандидатов на нее, несомненно, значились бы и Тилли, и Бурдье (увы, уже посмертно), и Валлерстайн, и Арриги, и Рэндалл Коллинз. Но при этом все эти великие ученые остаются где-то вне ремесленного мейнстрима, куда их идеи с трудом умещаются. Куда важнее то, что теоретические прорывы в макроисторическом понимании общества никак не согласуются с неолиберальным видением мира как конкурентной арены атомистических индивидов. Поэтому даже если имена известны и почитаемы, продолжения исследовательских программ практически не наблюдается. Вот здесь и видится тот путь, по которому можно сманеврировать в обход затора. Возможно, тогда откроется выход из современного мирового тупика.

У России и сопредельных стран пока еще сохраняется преимущество накопленного интеллектуального потенциала и развитая база, даже несмотря на бедствия и унижения последних лет. В советском периоде было два мощнейших творческих подъема – в 1920-е и в 1956–1968-й годы, когда мы выходили на уровень мирового интеллектуального центра.

У нас были некогда такие экономисты, как Чаянов и Кондратьев – или Канторович в другую эпоху. Такие психологи, как Выготский. Такие правоведы, как Пашуканис. Такие филологи, как Бахтин и Пропп. Даже в брежневский застой продолжались отдельные дискуссии, несмотря на обывательскую апатию или постоянную опасность проработок в парткоме, если не хуже.

Беда, что наиболее творческие силы уходили подальше от официозной тематики, в совершенно эзотерические разделы философии и филологии, в древнюю историю либо абстрактное математическое моделирование (слава богу, алгебру преподавали в невиданных объемах). При этом, однако, резко обеднялись самые насущные сектора знания об обществе, где господствовала официальная догматика – политэкономия и социология, именовавшиеся истматом. К моменту перестройки буквально единицы оказались способны вразумительно высказаться о проблемах истории, политической структуры и экономики СССР. Оттого основной заряд эмоциональной энергии ушел в гневную полемику, после которой наступил оглушающий обвал.

Казалось бы, что хорошего можно сказать о наступивших временах. Тем не менее были достигнуты два потенциальных условия для роста общественных наук (которые, однако, еще надо реализовать).

Во-первых, открылись невероятные по советским меркам возможности для получения грантов, поездок на стажировки и конференции, доступ к литературе и, конечно, Интернет. Даже ценой оттока изрядного числа мозгов произошла реинтеграция нашей науки в мировой контекст.

Во-вторых, как ни чудовищно депрессивны были разочарования после краха перестройки, но все же произошло избавление от множества предрассудков и иллюзий, которые делали столь непереносимо наивными большинство диссидентских памфлетов и перестроечной публицистики. Конечно, разочарования обернулись во множестве случаев горьким цинизмом либо выдвижением воинственно самобытных псевдотеорий и заумно-завиральных построений. Вся эта пыль от обвала еще долго будет забиваться в глаза и скрипеть на зубах. Просмотр текущих журналов и книжных публикаций с заявкой на интеллектуальность навевает порой самые злые и тоскливые мысли. Графоманы и имитаторы особенно плодятся в неопределен-

ные времена и громче всех заявляют о себе.

И все-таки сохранилась где-то подспудно, в латентной форме вполне здоровая основа, на которой можно строить. Надежду внушает поколение аспирантов, которых встречаешь как в отечественных, так и в зарубежных университетах. При восстановлении мало-мальски нормальной академической жизни (ох, легко сказать, но и не настолько трудно сделать – нужны только с умом потраченные средства) заработают в автономном режиме механизмы интеллектуальной соревновательности и исследовательского азарта. При этом соревновательность и борьба за почетные передовые позиции в поле интеллектуального производства теперь неизбежно становятся международными. Какому талантливому молодому ученому охота быть эпигоном с периферии? Но как сказать что-то умное и притом оригинальное?

Здесь и должно вступать в действие гершенкроновское «преимущество отставания». Довольно менять советскую догматику на догматику антисоветскую, «научный коммунизм» на «научный неолиберализм». На Западе ведь достигнуты и свои контрортодоксальные идеи – и очень перспективные. Вот их бы пересаживать и развивать, тем более что время как будто не терпит. Западу и прежде всего Америке, судя по множеству признаков, предстоит свой перестроечный кризис. Это как раз времена для придумывания альтернатив.

В качестве эпилога замечу, что научные революции могут занимать два-три поколения и происходят попеременно в различных странах. Некогда поляк Николай Коперник предположил, что изменение во взгляде на центр мироздания снимает множество накопившихся в тогдашней науке проблем и открывает новые перспективы. Но потребовались еще и эмпирические наблюдения итальянца Галилео Галилея, датчанина Тихо Браге и его ученика – немца Иоганна Кеплера, чьи материалы затем предстояло математически формализовать англичанину Ньютону... В общем, история известная. Прошло более столетия, прежде чем новая теория мироздания стала азбучной истиной для школяров.

Сегодня научная революция во взглядах на устройство человеческих обществ вступает во второе поколение и при этом не определено, где и кем будут сделаны необходимые усилия по консолидации и синтезу теоретических прорывов поколения Валлерстайна, Бурдье и Тилли. Тут и возникает очень большая возможность.

Модель неолиберального капитализма просуществовала уже почти три десятилетия и зашла в тупик вместе со своей несущей структурой – гегемонией США. Скорее, если воспользоваться афористичным выражением британского экономгеографа Дэвида Харви, встает вопрос о «спасении капитализма от неолиберализма», о стабилизации и «оцивилизовании» мировых рынков и о желательно нетравматичном выходе США как основного элемента миросистемной архитектуры из режима мировой гегемонии.

Франсуа Асселино:

«Многополярный мир – это американская или даже англосаксонская придумка, основанная на общепланетарном апартеиде»

Интервью французского политика, главы Народного республиканского союза **Франсуа Асселино** первому заместителю главного редактора альманаха «Развитие и экономика» Дмитрию Андрееву

– Господин Асселино, я бы хотел начать нашу беседу вот с какого вопроса. В российских СМИ время от времени появляется информация о вас и о вашей партии. Не скажу, что сведений много, как правило, это лишь ваши интервью или короткие комментарии по тем или иным злободневным вопросам европейской или российской политики. И надо сказать, что эти ваши суждения всегда обращают на себя внимание своей меткостью и своевременностью. А так как вы напоминаете о себе в наших СМИ нечасто, то вокруг вашего имени возник некий ореол загадочности. Моих соотечественников интересует, кто такой этот симпатизант России, что собой представляет его партия, чего она добивается? Собственно, для ответа на эти и другие вопросы я и приехал в Париж, к вам на беседу. Судя по всему, это будет ваше первое крупное интервью российскому изданию. Так вот, вернусь к своему вопросу. В тех наших СМИ, где появляются ваши выступления, вас называют консерватором. Это корректно? Поясню свой вопрос. Дело в том, что в России сейчас понятия «консерватор», «либерал», «правый», «левый», «демократ» настолько затасканы, что уже утратили свой изначальный смысл. И когда кого-то называют консерватором, у меня возникает естественное желание уточнить непосредственно у этого человека, как он сам себя воспринимает и позиционирует. Поэтому, господин Асселино, скажите, пожалуйста, вы действительно консерватор?

– У Народного республиканского союза есть хартия, которую мы издали в том числе и на русском языке. И я захватил ее, идя на встречу с вами. Вот на этих шести страницах указываются основные положения нашей идеологии и наши цели. Ваш вопрос интересует и многих французов, затрудняющихся с определением, кто мы – левые или правые? В этом смысле Народный республиканский союз – особенное политическое движение, потому что мы рассматриваем и оцениваем процессы, происходящие сегодня в мире и во Франции, совершенно иначе, нежели все другие французские политические силы. Вот смотрите, мы даже специально зафиксировали в нашей хартии, что отличаемся от всех них, читаю, «способами решения сложившегося экономического, культурного и социального кризиса Франции». Нас задевает, что Франция сегодня не является суверенной и независимой страной. И это тем более обидно, что этимология названия нашей страны восхо-

дит к племени франков, а слово «франки» переводится как «свободные». На протяжении всей нашей истории мы лишь несколько раз утрачивали независимость и попадали под власть какой-то внешней силы. И сегодняшняя ситуация во Франции имеет очень много общего с каждым из этих случаев утраты нами суверенитета. Например, я вижу сходство между нынешним положением страны и ее оккупацией фашистской Германией, начавшейся в 1940 году. Можно вспомнить и другое поражение – 1870 года, – которое мы потерпели от той же Германии. А в конце XVIII века, в 1792 году, целая европейская коалиция хотела раздавить Французскую революцию – то есть лишить нас суверенитета. Еще один известный факт относится к эпохе Столетней войны, когда Карл VI в 1420 году фактически передал престол англичанам. Вы можете спросить меня: «А кто же сейчас завоевал Францию?» На этот вопрос я могу дать прямой и предельно конкретный ответ: «Американцы». Нас завоевывали постепенно, этот процесс продолжался примерно 30–40 лет. С одной стороны, экспансия против нас разворачивалась в области культуры: нас унифицировали под американские стандарты, делалось это с использованием всех колоссальных медийных возможностей нашего времени. С другой стороны, процесс завоевания Франции имел и непосредственно политическое выражение. Я имею в виду так называемое евростроительство. Французам вот уже 60 лет доказывают, будто сами европейцы захотели такой интеграции друг с другом. Но на самом деле проект единой Европы был нам навязан Соединенными Штатами, правда не впрямую, а так, точно мы, европейцы, сами это для

себя придумали и сами же реализовали. От всех других партий Народный республиканский союз отличается тем, что мы, как говорил генерал де Голль, стремимся докопаться до самой сути. Есть доказательства, что считающиеся отцами-основателями единой Европы создатели «Европейского объединения угля и стали» Жан Монне и бывший на тот момент министром иностранных дел Робер Шуман были американскими агентами и разрабатывали свой проект именно для того, чтобы подчинить Европу Соединенным Штатам. Об этом свидетельствуют рассекреченные и обнародованные в 2000 году американские документы. Но Франция вовсе не безропотно принимала уготованную ей Соединенными Штатами после Второй мировой войны роль. В 50-е годы прошлого века у нас было две крупные политические силы. С одной стороны – голлисты, а с другой – коммунисты. И те и другие говорили в принципе то же самое, что и мы говорим сегодня по поводу необходимости возвращения государству суверенного статуса. Тогда,

в 50-е годы, эти две силы даже объединились в своей борьбе против диктата Вашингтона. Но противостоять ему они не смогли, и в итоге Франция подчинилась насилию со стороны США и Германии и по сей день остается в зависимом положении. Поэтому наша главная цель – восстановление суверенитета Франции. К сожалению, французы в массе своей не видят сходства между гитлеровской оккупацией страны и тем положением, в котором она находится сейчас. И поэтому задача Народного республиканского союза – вывести нацию из такой благостной спячки, заставить ее трезво взглянуть по сторонам и понять, что и через 70 лет после свержения оккупационного режима наше государство попрежнему порабощено. Я считаю, что нам надо всем объединиться – левым, правым, центристам, – как во время Сопротивления, невзирая на наши доктринальные различия, чтобы вернуть Франции ее суверенитет и ее независимость. То есть еще раз – вот наше главное отличие от всех остальных французских политических партий. Никто, кроме нас, не формулирует повестку именно так жестко и однозначно: восстановление суверенитета страны. Никто, я вас уверяю. Если вы возьмете программы политических партий – от крайне правых до крайне левых, – с которыми они выступают во время избирательных кампаний, то вы обнаружите во всех этих программах, по сути, похожую картину. На первом месте у всех борьба с безработицей. На втором – повышение рентабельности предприятий. На третьем – образование. На четвертом – социальные программы. И лишь где-то примерно на двенадцатом месте будут стоять отношения со странами Европейского Союза или вообще международные дела.

– Неужели даже не в первом десятке? В это трудно поверить, французы – такая политизированная нация!

– Были политизированной нацией. А вот сейчас – на двенадцатом месте, представьте себе. Это примерно то же самое, как если бы мы писали политическую программу, скажем, в 1942 году и поставили бы в ней на двенадцатое место борьбу с немецкой оккупацией. И ведь никто даже не проводит такой аналогии! Мы же, Народный республиканский союз, ставим вопрос о взаимоотношениях Франции с НАТО, с зоной евро и с объединенной Европой на первое место и утверждаем, что до тех пор, пока Франция не выйдет из Европейского Союза, из зоны евро и из НАТО, мы не сможем восстановить ее суверенитет. И я, пожалуй, нашел для вас точную аналогию Народного республиканского союза. Как бы вы назвали наше французское Сопротивление в годы Второй мировой? Вы бы его, вероятно, охарактеризовали как общественное надпартийное движение, созданное ради освобождения страны от оккупантов. Точно так же можно рассматривать и Народный республиканский союз. К нам приходят люди и из правых, и из центристских, и из левых партий. Мы представляем собой своего рода «алхимическую смесь» разнообразных политических элементов. И у нас это получается, потому что французы не любят ссориться друг с другом и легко договариваются. Но наша задача такова, чтобы эта «алхимическая смесь» постепенно перестала быть именно смесью, то есть искусственно соединенными веществами, а превратилась бы в нечто качественно новое. Поэтому наша программа преднамеренно не содержит в себе пунктов, которые бы подогревали противоречия между левыми и правыми. Мы, например, специально не касаемся миграции, мы вообще о ней не говорим в своей программе. Зачем нам ссориться из-за отношения к миграции, если по этому вопросу решения принимаем не мы, не национальное французское правительство, а соответствующие структуры Европейского Союза. Точно так же нас не должно разделять отношение к легализации однополых браков. Да, согласен, это чрезвычайно важный вопрос с антропологической и с социальной точек зрения. Но тем не менее этот вопрос все равно вторичен по сравнению с проблемой несамостоятельности Франции, находящейся под влиянием сил, которые толкают ее к саморазрушению. И если кто-то упорствует, настаивая на необходимости все-таки определиться с отношением к однополым бракам, прежде чем бороться за восстановление независимости страны, я обычно привожу этому человеку такой пример. Представьте себе, говорю я ему, если бы 18 июня 1940 года, когда генерал де Голль призвал к формированию французского Сопротивления, вы бы подошли к нему и спросили: «Перед тем как ответить на ваш призыв, проясните-ка сначала, что вы думаете об однополых браках?» – что он вам ответил бы на это? Обычно слушатели после этих моих слов смеются, и вопрос снимается сам собой. То есть еще раз, абсолютный приоритет для нас – это выход Франции из Европейского Союза, из зоны евро и из НАТО ради возвращения ей суверенного состояния, чтобы она снова стала свободной страной.

– Господин Асселино, ну а насколько ваши взгляды популярны среди французов? При том, что, конечно, любые электо-

ральные результаты – это медийный продукт, а вовсе не реальная картина общественных настроений, но тем не менее – сколько голосов набирает Народный республиканский союз на выборах? Вы вообще участвуете в выборах?

– В этом году мы участвовали в выборах в Европарламент. Это был наш первый электоральный опыт. Во Франции мы набрали 0,41 процента голосов. Но ведь в каждом регионе было 25–30 конкурировавших избирательных списков, поэтому разброс голосов был очень сильным. Между тем наш результат все равно несколько выше, чем у Новой антикапиталистической партии господина Безансно, которую мощно рекламируют в средствах массовой информации, – она набрала 0,39 процента. Ведь наша проблема в том, что нас практически не пускают в крупные СМИ, мы в основном действуем через Интернет. И даже в таких условиях количество наших симпатизантов стремительно увеличивается, что удивляет наблюдателей. Всё же понятно – влиятельные СМИ фокусируют свое внимание на тех партиях, которые работают на укрепление так называемой евроатлантической солидарности. Например, тот же Национальный фронт или тот же Левый фронт. А этих-то, казалось бы, зачем пропагандировать? А затем, что они своими действиями углубляют национальный раскол в стране. Это очень хитрый план. Когда Народный республиканский союз отождествляют с крайне правыми, то уже одно это автоматически сближает его с Национальным фронтом и отворачивает от нас около 80 процентов потенциального электората.

– Когда я собирался ехать на встречу с вами, то разговаривал с одним своим знакомым – экспертом по международным отношениям. Услышав, что я буду брать интервью у Франсуа Асселино, он мне сказал: «А, это то же самое, что и Национальный фронт Марин Ле Пен, только гораздо менее раскрученное движение». Как вы прокомментируете такую характеристику Народного республиканского союза?

– А пусть ваш эксперт приедет ко мне, и я с ним поговорю. Я объясню ему принципиальную разницу между Народным республиканским союзом и Национальным фрон-

Альфонс де Невиль. Под обстрелом. 1875 год

Я вижу сходство между нынешним положением страны и ее оккупацией фашистской Германией, начавшейся в 1940 году. Можно вспомнить и другое поражение – 1870 года, – которое мы потерпели от той же Германии. А в конце XVIII века, в 1792 году, целая европейская коалиция хотела раздавить Французскую революцию – то есть лишить нас суверенитета.

Есть доказательства, что считающиеся отцами-основателями единой Европы создатели «Европейского объединения угля и стали» Жан Монне (на фото с президентом США Джоном Кеннеди) и бывший на тот момент министром иностранных дел Робер Шуман были американскими агентами и разрабатывали свой проект именно для того, чтобы подчинить Европу Соединенным Штатам.

том. Если бы Национальный фронт действительно представлял собой проблему для олигархов Соединенных Штатов, разве ему уделяли бы столько внимания в СМИ? Ну посудите сами, если о Национальном фронте так много говорится в ведущих средствах массовой информации, то, значит, евроатлантическая олигархия в этом заинтересована. Пусть ваш знакомый эксперт внимательно посмотрит программу Национального фронта. Не знаю, издана ли она по-русски, как наша хартия. Но уж по-английски точно есть – а в России, насколько я знаю, сейчас из иностранных языков знают преимущественно английский. Так вот, я подарю вашему знакомому эксперту ящик шампанского и килограмм белужьей икры, если он найдет в программе Национального фронта хотя бы намек на то, что эта организация выступает за выход Франции из Европейского Союза и из НАТО.

– Позвоню своему знакомому прямо отсюда сразу после нашего разговора. Думаю, что ваше обещание заставит его проштудировать документы Национального фронта от корки до корки.

– Пусть пробует – все равно там ничего об этом нет... На сайте Народного республиканского союза мы привели любопытный факт: 14 диаметрально противоположных высказываний разных представителей Национального фронта о евро и объединенной Европе. Вы только вдумайтесь – 14 примеров кардинальных расхождений по ключевым вопросам! И об одном и том же – сегодня одно, а завтра другое. Это же известная манипуляционная медийная технология. В 2012 году на такой технологии Социалистическая партия строила избирательную кампанию Франсуа Олланда. Представьте себе, например, сегодня Олланд говорит: «Мой враг – это финансы!» А на следующий день он едет в лондонский Сити и там делает совсем другое признание: «Я всех вас обожаю!» И тем не менее в его команде был Арно Монтебур – до недавнего времени министр экономики, который последовательно выступал против делокализации, то есть против того, чтобы французские предприятия переводились за границу – туда, где более дешевая рабочая сила. В команде Олланда и нынешний премьер-министр Мануэль Вальс, который придерживается очень правых взглядов, но вместе с тем является безусловным сторонником объединенной Европы. То есть все крупные французские политики и политические партии всегда высказывают противоположные мнения в надежде, что избиратель запомнит только то, что ему нравится и выгодно. Это ужасно безнравственно. Возьмем тот же Национальный фронт, о котором вы заговорили. Ему уже больше 40 лет. И все это время он обыгрывает

проблему миграции. Постоянно раздаются голоса представителей Национального фронта против арабов, африканцев, цыган, мусульман вообще – но вместе с тем не против объединенной Европы. Я знаю лично многих активистов Национального фронта, которые говорят: «Мы предпочитаем быть вместе с американцами, чем вместе с арабами». Вот так они рассуждают. Они считают, что арабы и африканцы захватывают Европу, поэтому задача Национального фронта – защитить, так сказать, «белый мир». Да, Национальный фронт часто критикует объединенную Европу, и при этом говорится очень много правильных вещей – особенно тех, что, скажем так, заимствуются из нашего арсенала аргументов. Ладно, критика – это хорошо. Но главное: что вы предлагаете делать? Вы предлагаете выйти из зоны евро, из объединенной Европы и из НАТО? Даже если когда-нибудь какой-нибудь функционер Национального фронта и сделает заявление в подобном духе, то на следующий день он от него непременно отречется. Во всяком случае, в напечатанных или же размещенных в Сети официальных текстах Национального фронта и близко нет ничего такого. Два дня назад на портале «РИА Новости» я видел информацию о том, что мадам Ле Пен в Европейском парламенте по рекомендации своего советника Эмерика Шопрада выступила с предложением создать партию евроскептиков. Да это просто какой-то оксюморон – одновременно и критиковать объединенную Европу, и изо всех сил стремиться в нее. Обратите внимание, и мадам Ле Пен, и господин Шопрад все время говорят о многополярном мире. Но ведь многополярный мир – это иносказательное, закодированное обозначение концепта столкновения цивилизаций. Вы ведь, конечно, знаете известную работу под таким названием Сэмюэля Хантингтона? Мы считаем, что Европейский Союз и НАТО – это две стороны одной и той же медали. ЕС – гражданская сторона, а НАТО – военная. Эту «медаль» и – я бы даже сказал шире – всё то, что мы называем иудеохристианским миром, должны поглотить Соединенные Штаты и противопоставить проглоченное арабо-мусульманскому миру, Китаю, Индии и, конечно, России. Вот что такое на самом деле многополярный мир. Многополярный мир – это американская или даже англосаксонская придумка, основанная на обще-

Как бы вы назвали наше французское Сопротивление в годы Второй мировой? Вы бы его, вероятно, охарактеризовали как общественное надпартийное движение, созданное ради освобождения страны от оккупантов. Точно так же можно рассматривать и Народный республиканский союз.

Да это просто какой-то оксюморон – одновременно и критиковать объединенную Европу, и изо всех сил стремиться в нее. Обратите внимание, и мадам Ле Пен, и господин Шопрад (на фото) все время говорят о многополярном мире. Но ведь многополярный мир – это иносказательное, закодированное обозначение концепта столкновения цивилизаций.

планетарном апартеиде.

– Очень интересное замечание. Дело в том, что у нас словосочетание «многополярный мир» воспринимается как априорно позитивное, так как оно, по общему мнению, характеризует такое геополитическое положение вещей, которое противопоставляется миру однополярному, возникшему после поражения Советского Союза в холодной войне. А выходит, и здесь кроется подвох…

– Подвохов в современной политике вообще очень много. Они буквально на каждом шагу. Поэтому-то мы принципиальным образом не согласны с тем, что Франция должна слиться с европейскими странами или с США на том основании, что якобы весь мир разбегается к тем или иным полюсам. Не надо заниматься подменами и подтасовками понятий. Да, мы утверждаем, что международные отношения должны основываться на экономических интересах и на торговых потоках, на исторических и культурных связях, на миграционных и туристических контактах. Но вместе с тем для нас совершенно очевидно, что мир XXI века – это мир, в котором все государства имеют дело друг с другом исходя из взаимной заинтересованности друг в друге. Абсурдно, когда нам пытаются внушить, что, дескать, Франция должна солидаризироваться с Литвой в неприятии последней России, что, мол, к этому нас обязывает, так сказать, европейская солидарность. Но это просто не соответствует действительности и противоречит интересам Франции как суверенного государства. Я уже не говорю о том, что такая навязываемая нам позиция непомерно усиливает риск вооруженного столкновения с Россией – столкновения, в которое опять же из-за специфическим образом понятой европейской солидарности может оказаться втянутой и Франция. Сам собой напрашивается вывод: европейская система, существующая на протяжении вот уже нескольких десятилетий и выставляющая себя за некий эталон для остального мира, постепенно трансформируется в направлении союза, предназначенного для конфликта с этим остальным миром, для войны с ним. Об этом прямо не говорится, но подобная эволюция единой Европы становится все более и более очевидной.

– Хорошо, господин Асселино, ну а как, на ваш взгляд, остальной – незападный – мир воспринимает эти претензии Запада, в частности Европы, на то, чтобы быть неким эталоном для всей цивилизации, образцом для подражания?

– Я хорошо знаю Ближний и Дальний Восток, жил в Японии, часто ездил в Китай. В 90-х годах я работал в кабинете министров. И когда я служил, в частности, в Министерстве иностранных дел, то ездил с тогдашним президентом Жаком Шираком в Пекин. Нас принимал китайский руководитель Цзян Цзэминь. Я думаю, вам будет полезно услышать эту историю. Сейчас я ее расскажу. Так вот, во время этого приема президент Ширак долго рассказывал китайскому лидеру, что Европейский Союз бурно развивается и непременно станет экономическим гигантом. Цзян Цзэминь никак не отреагировал на эти слова – точно пропустил их мимо ушей. Такое впечатление складывалось еще и из-за того, что его глаза были полузакрыты, он просто молча слушал нашего президента и как будто дремал. Потом президент Ширак сменил тему разговора и начал убеждать своего китайского коллегу в необходимости стратегического партнерства Франции и Китая в такой сфере, как высокоскоростные железнодорожные пассажирские перевозки. Он, в частности, предложил привлечь к проекту создания высокоскоростной линии между Пекином и Шанхаем известную французскую машиностроительную компанию *Alstom* и запустить между этими мегаполисами наш поезд *TGV*. И после того,

как президент Ширак высказал это предложение, Цзян Цзэминь неожиданно приоткрыл один глаз и сказал примерно следующее: «Господин президент Французской Республики, три недели назад я в этом же самом кабинете принимал канцлера Германии господина Шрёдера. И канцлер Германии обратился ко мне с аналогичным предложением, рекомендуя мне привлечь к проекту запуска высокоскоростного поезда от Пекина до Шанхая немецкий концерн *Siemens*. Может быть, вы, европейцы, и строите единую Европу, но я не знаю, кого из вас двоих мне выбрать».

– Господин Асселино, я очень жалею, что читатели нашего альманаха лишены возможности увидеть, как вы эмоционально, ярко, артистично и в лицах рассказали эту историю.

– Послушайте, ну ведь все эти игры в мировой капитализм абсолютно прозрачны.

15 членов Евросоюза, которые считаются владельцами нового аэробуса А380, не производят для него ни единого винтика! Этот самолет реально делают в основном Соединенные Штаты. Кстати, в создании А380 участвуют и российские предприятия, которые поставляют титан, задействованы также японские, китайские, малайзийские и австралийские производители. Вот пример нормального международного сотрудничества – но без экспериментов с созданием каких-то надгосударственных регулирующих органов.

PSA Peugeot Citroën уже в альянсе с китайским автомобильным гигантом *Dong Feng*. А чтобы эффективнее противостоять упомянутым французским производителям автомобилей, немецкий *Volkswagen* заключил договор о стратегическом сотрудничестве с другим китайским автомобилестроителем. Ведущие мировые бренды борются за передел рынка. *Fiat* купил *Chrysler*, оставив последнему разве что его известную марку. Корпорация *Renault* приобрела *Nissan*, чтобы успешнее противостоять концерну *Volkswagen* и бренду *Daimler-Benz*. Точно такая же борьба идет и в других отраслях промышленности – например, в телекоммуникациях и авиастроении. Идея, с которой носились радетели за единую Европу, о том, что в такой новой Европе путем слияния известных производителей будут созданы промышленные гиганты, – эта идея просто не работает, нет этого. 15 членов Евросоюза, которые считаются владельцами нового аэробуса А380, не производят для него ни единого винтика! Этот самолет реально делают в основном Соеди-

ненные Штаты: у них 38 процентов акций, их двигатель *Pratt & Whitney*, шасси, бортовая электроника – все это американское. Кстати, в создании А380 участвуют и российские предприятия, которые поставляют титан, задействованы также японские, китайские, малайзийские и австралийские производители. Вот пример нормального международного сотрудничества – но без экспериментов с созданием каких-то надгосударственных регулирующих органов. Когда мы призываем к выходу из Европейского Союза, нам возражают: мол, вы хотите изолировать Францию от Европы, от ее соседей. Какая ерунда! Швейцария не входит в Европейский Союз, и она что – изолирована? Норвегия тоже не входит – и она изолирована? Когда мы выйдем из Европейского Союза, ничего на самом деле не изменится. Мы будем по-прежнему участвовать в производстве того же А380 и вместе с тем получим возможность еще глубже сотрудничать с теми странами, с которыми у нас традиционно близкие, дружественные отношения – например, с Россией. Мне говорят: «О, китайцы нас поглотят!» Но это не так, у меня есть китайские друзья, и я не боюсь китайцев. А вот примеров негативных последствий от изоляции Франции в жестких границах Европейского Союза от остального мира я могу привести очень много. Так, недавно стало известно, что Россия для строительства высокоскоростной магистрали между Москвой и Казанью выбрала не *Alstom*, а китайских производителей. Препоны, которые помешали России заключить аналогичный контракт с нами, вызваны исключительно нашим членством в ЕС. И таких примеров очень много. Принадлежность к Европейскому Союзу отрезает нас от остального мира. Но между тем я не вижу ничего страшного в том, что у наших взглядов много противников, которые, как собака Павлова с ее условным рефлексом, нервно реагируют на всё, что мы говорим о необходимости добиваться независимости Франции от общеевропейских структур. В конце концов, мы благодаря нашим критикам имеем возможность постоянно оттачивать собственную аргументацию. Завершая ответ на этот вопрос, я хотел бы процитировать слова де Голля, сказанные им в январе 1965 года министру образования Алену Перфиту. Вы знаете, что де Голль в 1966 году вопреки воле Соединенных Штатов посетил Советский Союз, причем визит этот был очень долгим, явно не соответствовавшим устоявшимся дипломатическим канонам. Так вот, эти слова де Голль произнес еще до визита, но уже тогда, когда шла подготовка к этой поездке. Президент заметил, что когда у Франции были хорошие отношения с Россией, это всегда шло на пользу Франции. А когда Франция становилась врагом России, это непременно наносило урон ей самой. Де Голль считал, что в XIX веке растянувшийся на десятилетия политический кризис во Франции уходит своими истоками в нападение Наполеона I на Александра I.

– Я вспоминаю слова, сказанные президентом Шираком о президенте де Голле: «Он неустанно восстанавливал место Франции и Европы на международной арене. В его концепции мира Россия занимала центральное место».

– И тем не менее сегодняшняя Франция, как и Франция Петена в 1940–1944 годах, вновь стала врагом России – просто в силу своих союзнических обязательств перед партнерами по Европейскому Союзу и НАТО. Очень многие во Франции с этим не согласны, несмотря на всю ту истеричную антироссийскую кампанию, которую сегодня развернули ведущие французские СМИ. Потому что сама жизнь убедительно доказала правоту геополитической позиции де Голля. Мы вместе – Франция и Россия – образуем естественный противовес центральноевропейским странам...

– Вы имеете в виду Германию?

– Да, ту самую империю, которая находится в центре Европы и которая называется Германией.

– Господин Асселино, вы уже ответили на некоторые из вопросов, которые я намеревался вам задать. Поэтому я несколько отступлю от их первоначальной, задуманной мной последовательности и спрошу вас о проблеме, являющейся в настоящий момент наиболее острой. Минувшим летом в ситуации войны на Украине Америка фактически сделала Германию своим форпостом в Европе. Конечно, этот новый геополитический расклад в Европе – наше очевидное дипломатическое поражение, поскольку мы на протяжении долгого времени, чуть ли не с эпохи долгого канцлерства Коля, всегда исходили из представления, что с Германией всегда удастся договориться. А сегодня Меркель регулярно делает вызывающие заявления в отношении нашей страны и нашего президента. Дальше. Кэмерон ведет Британию к выходу из Евросоюза через процедуру намеченного по этому вопросу референдума. В такой новой европейской реальности целесообразно ли Франции также рвать с Евросоюзом? Ведь тогда ваша страна останется один на один с проамериканской Германией, в то время как сейчас против германского монополизма объективно работает коллективное мнение членов ЕС, становящихся естественными союзни-

ками Франции. Выгодно ли Франции добровольно отказываться от этой коллективной поддержки? Тем более что после выхода из Евросоюза Британии Франция окажется органичным и закономерным лидером всех противников возвышения проамериканской Германии. Вы согласны с таким видением?

– Нет, не согласен. Я долго работал во французском правительстве, лично знал Миттерана и знаю Ширака. Когда я служил в Министерстве иностранных дел, мне доводилось встречаться с главами многих государств и правительств. И я хочу сказать следующее. Настоящий крупный политический деятель отличается тем, что прекрасно знает историю собственной страны, историю соседних стран и всемирную историю. Этот политический деятель также должен неукоснительно следовать принципу, сформулированному Конфуцием: большой страной надо управлять так, точно ты жаришь маленькую рыбку, то есть проявляя изрядную осторожность. Наконец, настоящий политический деятель способен делом доказать соотечественникам, как важно знать историю и помнить ее уроки. К сожалению, во Франции сегодня таких влиятельных политических деятелей просто нет. Ни Николя Саркози, ни Франсуа Олланд не являются подобными политическими деятелями. Им на самом деле наплевать на Францию, потому что они получили президентство благодаря поддержке из-за рубежа. Именно в результате такой поддержки они были раскручены в СМИ, но реально, кроме медийного рейтинга, за ними не было и нет ничего. Сегодня Франсуа Олланда поддерживают только 13 процентов французов. Это значит, что французский народ интуитивно почувствовал: Франсуа Олланд не на высоте, это – плохой король. Вы знаете, что любопытно? Северные европейские страны защищают свои национальные интересы гораздо тверже и последовательнее, чем южные. Самый яркий пример здесь – это Великобритания, которая, похоже, искренне убеждена, что весь остальной мир создан лишь для обслуживания тех или иных ее интересов. Германия ведет себя точно таким же образом. Кстати, в североевропейских странах и споры по поводу допустимых пределов делегирования полномочий бюрократии ЕС протекают гораздо свободнее, чем в Южной Европе. А чем дальше на юг, тем больше догматизма. Я имею в виду и католические страны – Италию, Испанию, Португалию, – и православную Грецию. Какие бы то ни было дебаты по поводу Европейского Союза, по поводу того, что можно делегировать Брюсселю, а что нельзя, там просто запрещены. И во Франции та же самая картина. Мы просто не можем рассуждать на темы евро, единой Европы так же свободно, как это делают немцы или граждане других североевропейских государств. Что касается Германии, то тут вообще не надо забывать некоторые важные нюансы. Сама идея строительства общеевропейского дома возникла в 1920–1930-х годах в Германии под воздействием усиленной пропаганды в интересах немецких картелей. Эти крупные экономические субъекты, тесно связанные с американской промышленностью, просто хотели унифицировать европейский рынок. Не стоит забывать, что американцы – это ведь англосаксы. А в понятии «англосаксы» «англо» относится к Британии, а «саксы» – к Германии. Поэтому американский менталитет – это не чисто английский менталитет. Среди американцев в XIX веке было много немцев. Возьмем известные американские фамилии. Многие из их представителей были немцами по происхождению, например тот же Боинг или тот же Киссинджер. Столица Северной Дакоты вообще носит название – Бисмарк. То есть исторические связи между Соединенными Штатами и Германией трудно переоценить. И в 20–30-х годах прошлого века крупные немецкие картели с помощью американской финансовой поддержки способствовали приходу к власти Гитлера. Эн-

Эти слова де Голль (на фото) произнес еще до визита в Россию, но уже тогда, когда шла подготовка к этой поездке. Президент заметил, что когда у Франции были хорошие отношения с Россией, это всегда шло на пользу Франции. А когда Франция становилась врагом России, это непременно наносило урон ей самой.

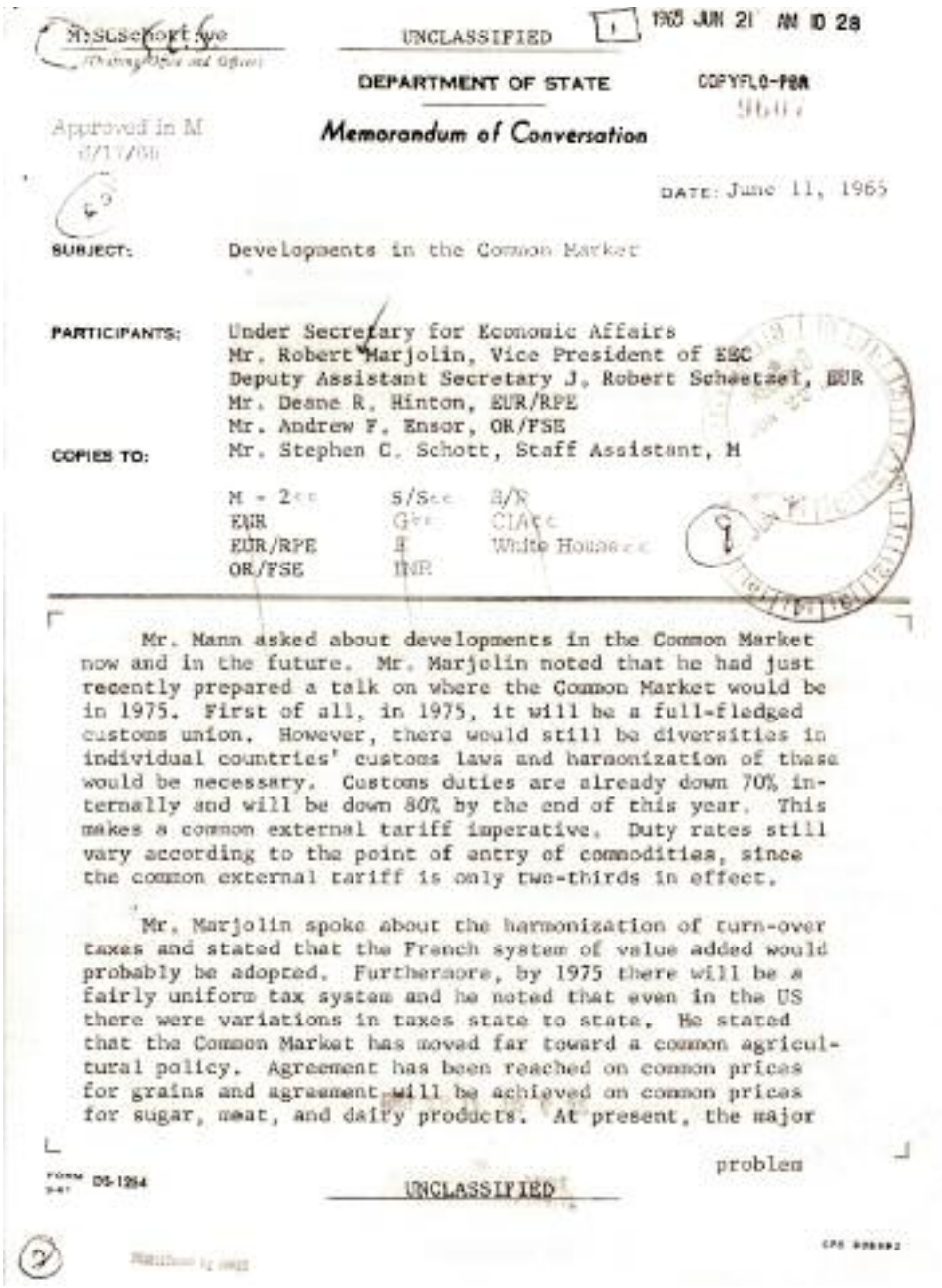
Американцы, помогшие нацистам утвердиться у власти в Германии, стали требовать от них разработки и осуществления новой политики для Европы. Основы этой новой политики, или контуры новой Европы, были начерчены в мае 1938 года в ходе личной встречи в Риме Гитлера и Муссолини (на фото).

тони Саттон – вы, конечно, знаете его работы – писал о германских связях семейства Буш. Так вот американцы, помогшие нацистам утвердиться у власти в Германии, стали требовать от них разработки и осуществления новой политики для Европы. Основы этой новой политики, или контуры новой Европы, были начерчены в мае 1938 года в ходе личной встречи в Риме Гитлера и Муссолини. И уже в следующем месяце, в июне 1938 года, в Рим из Германии прибыла специальная делегация, которая должна была обсудить с итальянцами юридические детали новой объединенной Европы. Возглавлял эту делегацию некий Вальтер Хальштейн, профессор частного и общественного права университета Ростока. И Хальштейн тогда – еще до начала Второй мировой войны – предложил создать ту систему управления Европой, которую мы имеем сегодня, когда все вопросы решают неизбранные чиновники. Когда началась война, Хальштейн воевал во Франции, и в 1944 году он попал в плен к американцам. Его отправили в США, там он прошел все требуемые процедуры «очистки» от нацистского прошлого. Через несколько лет после окончания войны, в 1950 году, он вернулся из Америки в Западную Германию и стал статс-секретарем при канцлере Аденауэре. А после образования в 1951 году Министерства иностранных дел ФРГ и до 1958 года Хальштейн являлся его статс-секретарем. В этом качестве он подготовил знаменитый Римский договор 1957 года, который стал фундаментом Европейского экономического сообщества. Если вы возьмете факсимиле текста этого договора, подписанного в марте 1957-го, то рядом с подписью Аденауэра увидите подпись Хальштейна. Вершиной карьеры Хальштейна стала должность первого председателя самой первой Европейской комиссии, которую он занимал почти 10 лет – с 1958-го по 1967-й. То есть на примере судьбы Хальштейна прослеживаются американские корни идеи объединенной Европы. Соединенные Штаты затевали этот проект еще до войны. Наверное, им для этого в свое время и понадобился Гитлер. А после Второй мировой Вашингтон снова решил реанимировать этот проект. Конечно, задумку отмыли от первых нацистских опытов ее исполнения, придали ей современный вид и, так сказать, маркетинговую привлекательность – дескать, единая Европа служит делу укреп-

ления мира. Но мы-то знаем, что в эту самую единую Европу впервые решили поиграть именно фашисты. В Париже, в Гран-Пале, в июле 1942 года, то есть во время гитлеровской оккупации, была большая выставка, которая называлась «Европейская Франция». На ней демонстрировались карты новой гитлеровской Европы – без всяких границ. Особое внимание на выставке уделялось принципам построения новой Европы, среди которых декларировались свободное перемещение людей и товаров, высокий уровень жизни. Иными словами всё то, о чем как о зримых достоинствах объединенной Европы беспрестанно твердят сейчас – как и тогда, 70 лет назад, когда Франция была захвачена нацистской Германией. А сама Германия как при Гитлере являлась ключевой страной замышлявшейся новой Европы, так и сейчас продолжает оставаться системообразующим членом ЕС. Эта страна находится в самом центре Европы, она наиболее густонаселенная из всех ее партнеров по Европейскому Союзу. К 2030 году самой густонаселенной в Европе будет Франция, и это станет важным геополитическим изменением на континенте. Ну а пока пальма первенства принадлежит Германии. Федеральная структура Германии гораздо больше соответствует принципам построения объединенной Европы, чем централизованная французская система. Вся Восточная Европа ориентируется на Германию. Таким образом, сегодня Германии удается мирными средствами добиться того, чего Гитлеру не удалось заполучить военным путем. Между тем не надо забывать, что это лидерство Германии осуществляется под строгим и внимательным американским контролем. Именно Соединенные Штаты навязали нам евро. В 2000 году американцы рассекретили документ, в котором говорится, что еще в 1965 году Вашингтон рекомендовал вице-председателю Европейской комиссии Роберу Маржолену двигаться в направлении создания общеевропейской валюты. Вот ксерокопия этого документа, мы ее получили в американском Государственном департаменте. Можете посмотреть – тут все написано.

– Спасибо, господин Асселино, мы обязательно поместим факсимиле этого документа в вашем интервью.

– Но ведь и Германии сегодня было бы выгодно выйти из зоны евро. Вы вообще представляете себе, что такое зона евро? Евро на самом деле не единая валюта. Все страны, входящие в эту зону, сохранили свои центральные банки, которые контролируют евро на собственных территориях. Допустим, у вас три тысячи евро на банковском счету в Париже. Если вы снимаете со счета эту сумму, то вам ее выдает Банк Франции. Но если вы переводите эти деньги, скажем, в банк Дюссельдорфа, тогда они переходят в распоряжение Бундесбанка. Или, например, если вы из Греции переводите 300 миллионов евро в Германию, то они тоже списываются со счета Банка Греции и поступают в Бундесбанк. Но ведь такая финансовая операция будет означать не что иное, как обязанность Банка Греции перевести в Бундесбанк эти самые ваши 300 миллионов евро. Вы понимаете, какие угрозы финансовой стабильности содержит в себе эта система? Если евро взорвется, то греки вернутся к драхмам, а немцы – к дойчемаркам. Курс дойчемарки подскочит на 20–30 процентов по отношению к доллару, а курс драхмы, наоборот, упадет на 30–40 процентов. Поэтому обладателям капиталов из Южной Европы выгодно переводить свои средства в Германию. Но самой Германии это объективно невыгодно. Подобные переводы из Южной Европы в Бундесбанк означают превращение Бундесбанка в кредитора ненадежных южноевропейских центральных банков. Потому немцы и выступают против нахождения Германии в зоне евро. Финансово-экономическая элита Германии тоже втайне против евро. Но Соединенные Штаты постоянно держат пистолет у виска госпожи Меркель, категорически запрещая ей пойти навстречу объективным экономическим интересам своей страны и вывести Германию из зоны евро. И понятно, почему Америка так поступает. Если Германия выйдет из зоны евро, то эта зона моментально разрушится, а тогда и Европейский Союз может распасться. Конечно, и у нас во Франции есть люди, которые полагают, что крах системы евро приведет к катастрофе. Но подобное мнение – это просто повторение того, что говорится в наших ведущих СМИ по заказу из США. Но вместе с тем имеются и серьезные исследования ведущих французских экономистов, которые доказывают, что никакой катастрофы в случае отказа от евро не произойдет. Эти экономисты считают, что если Франция выйдет из зоны евро и восстановит свою прежнюю национальную валюту, то франк, естественно, подешевеет на 20–30 процентов, импорт станет дороже, но вместе с тем заметно усилится конкурентоспособность французских товаров на мировом рынке. В результате примерно за четыре года объем производства во Франции вырастет на 20 процентов, в страну вернутся те отрасли промышленности, которые покинули ее из-за нерентабельности. И все эти пе-



UNCLASSIFIED

1965 JUN 21 AM 10 28

DEPARTMENT OF STATE

COPYFLO-FSR

Memorandum of Conversation

DATE: June 11, 1965

SUBJECT: Developments in the Common Market

PARTICIPANTS: Under Secretary for Economic Affairs
Mr. Robert Marjolin, Vice President of EEC
Deputy Assistant Secretary J. Robert Schaetzel, EUR
Mr. Deane R. Hinton, EUR/RPE
Mr. Andrew F. Ensor, OR/FSE

COPIES TO: Mr. Stephen C. Schott, Staff Assistant, M

M - 2
EUR
EUR/RPE
OR/FSE
S/S
G
E
INR
S/R
CIA
White House

Mr. Mann asked about developments in the Common Market now and in the future. Mr. Marjolin noted that he had just recently prepared a talk on where the Common Market would be in 1975. First of all, in 1975, it will be a full-fledged customs union. However, there would still be diversities in individual countries' customs laws and harmonization of these would be necessary. Customs duties are already down 70% internally and will be down 80% by the end of this year. This makes a common external tariff imperative. Duty rates still vary according to the point of entry of commodities, since the common external tariff is only two-thirds in effect.

Mr. Marjolin spoke about the harmonization of turn-over taxes and stated that the French system of value added would probably be adopted. Furthermore, by 1975 there will be a fairly uniform tax system and he noted that even in the US there were variations in taxes state to state. He stated that the Common Market has moved far toward a common agricultural policy. Agreement has been reached on common prices for grains and agreement will be achieved on common prices for sugar, meat, and dairy products. At present, the major

problem

FORM DS-1254

UNCLASSIFIED

Именно Соединенные Штаты навязали нам евро. В 2000 году американцы рассекретили документ (на фото его первая страница), в котором говорится, что еще в 1965 году Вашингтон рекомендовал вице-председателю Европейской комиссии Роберу Маржолену двигаться в направлении создания общеевропейской валюты.

ременны, в свою очередь, приведут к радикальному сокращению безработицы – почти в два раза. Вы представляете себе – почти в два раза! Вот какую неимоверную социальную цену мы платим за пребывание в зоне евро. Я в своих лекциях часто провожу такую аналогию. В зону евро входят 18 стран. А ведь это – 18 разных экономических систем. Представьте себе, что в классе учатся 18 школьников. Кто-то из них более талантлив, кто-то – менее талантлив, у кого-то склонности к математике, а у кого-то – к литературе. И что получится, если всех этих школьников начнут учить по единой стандартной программе, не учитывая их личных способностей и интересов? Происходящее в зоне евро очень напоминает ситуацию, когда амбициозные, но недалекие родители пытаются сами определить, в каком классе – гуманитарном, естественно-научном или физико-математическом – учиться их ребенку, но при этом даже не задумываются, к чему он предрасположен. Точно такая же картина и в отношениях каждой из 18 стран с евро. Евро на самом деле – это скрытая дойчемарка, но чуть-чуть дешевле настоящей дойчемарки. Эта валюта на 30 процентов дороже того эквивалента, который требуется французской экономике, и на 50 процентов превышает стоимость денежной единицы, оптимальной для португальской или греческой экономики. Поэтому мы уверены: если из Европейского Союза извлечь систему евро, то это приведет не к экономической катастрофе стран, использующих эту валюту, а к их возрождению, потому что они снова начнут жить в соответствии с реальностью. Вспомните вашу собственную историю. 74 года коммунисты убеждали советский народ, что они придумали лучший общественный строй, что страна идет по правильному пути. Но история всё расставила на свои места. Неэффективность системы накапливалась, и в конце концов, когда ее оказалось выше допустимой нормы, она просто взорвала Советский Союз. А давайте вспомним, как всё развивалось в направлении такого печального финала? На протяжении десятилетий реальные факты советской жизни не соответствовали обещаниям партийного руководства. Это вынуждало фальсифицировать статистику и су-

щественно ограничивать свободу средств массовой информации. В этом смысле обустройство объединенной Европы очень походит на строительство социализма в СССР: в обоих случаях обществу навязывается утопия и даются обещания, про которые заведомо известно, что они не будут выполнены. Помнится, советские руководители любили говорить, что трудности, с которыми страна сталкивается, – это не вина социализма, а наоборот – свидетельство недостаточности социализма. То же самое, буквально слово в слово, любят утверждать и брюссельские чиновники: мол, экономические проблемы вызваны вовсе не евроинтеграцией, а тем, что евроинтеграция всё еще не вышла на должный уровень. А в действительности мы повторяем ошибки советской утопии. Нам обещали, что переход на евро приведет к снижению уровня безработицы, к росту благосостояния, но на самом деле всё наоборот. У французов пропала вера в будущее, повсюду господствуют упаднические настроения, у людей такое впечатление, что Франция превратилась в сателлит Америки – наподобие стран так называемой Новой Европы, то есть Восточной Европы. Производительность труда снижается, усугубляются социальные пороки – алкоголизм и наркомания. И на всё это накладывается лишь нарастающая иммиграция инокультурных элементов. Французское общество поражено тяжелым недугом. В свое время Россия сумела пережить катастрофу распада Советского Союза, пусть и с колоссальными потерями и издержками. И сегодня Россия всё увереннее закрепляется на ведущих мировых позициях. Сейчас основные французские СМИ по указке из-за океана резко критикуют Владимира Путина. Но те из французов, кто еще не полностью поддался пропаганде и сохранил здравый смысл, не могут не видеть, что в России растет уровень рождаемости, увеличивается ее население – а значит, Путин всё делает правильно. Нас же тем временем продолжают кормить пустыми обещаниями. А чуть только мы начинаем задумываться о выходе из зоны евро и из Европейского Союза, нас тут же осаживают – дескать, остановитесь, у вас будут проблемы. Не спорю, проблемы, конечно, будут. Но проблемы есть уже и сегодня. Мы с вами сейчас сидим и разговариваем в элитном VIII округе Парижа, неподалеку от Триумфальной арки на площади Звезды. Это один из самых дорогих округов нашей столицы, и здесь всё выглядит роскошно и благополучно. Но если мы переедем в другой округ, то увидим и людей, спящих на улице. Уровень жизни в нашей стране не перестает снижаться, и долго так продолжаться не может.

– То есть, господин Асселино, если я вас правильно понял, на вопрос, представляет ли новая проамериканская Германия угрозу для Франции, вы ответили, что американизация Германии – это просто обращение к старому довоенному сценарию, но в новой упаковке?

– Нет, это не совсем так. То, о чем я говорил, касается лишь общеевропейского строительства. Германия – очень хороший ученик. У нее привилегированные отношения с Соединенными Штатами. И как я уже говорил, в Европейском Союзе Германия – это страна номер один, но под контролем американцев. Соединенные Штаты вынуждают немцев оставаться в зоне евро. А немцы, в свою очередь, пытаются навязать странам Южной Европы такую же, как и в Германии, финансовую и – шире – экономическую дисциплину. Отсюда и усиление антигерманских настроений в этих странах. У нас во Франции, а также в Греции и других южноевропейских странах многие воспринимают госпожу Меркель как нового Гитлера. Но речь сейчас не об этом. Сама Германия сейчас испытывает серьезные трудности. В стране очень низкие зарплаты, и в ближайшее время их не будут повышать. То есть люди с очень хорошим образованием практически ничего не получают, их зарплаты ничтожны. А есть и такие отрасли экономики, в которых даже отсутствует само понятие минимальной зарплаты. На социальные нужды просто нет средств. В итоге в немецком обществе усиливается общественный пессимизм, падает рождаемость. Германия стала стареющей страной, и через 20–30 лет, даже если туда ежегодно будут иммигрировать 100 тысяч турок, она всё равно будет обойдена Францией по численности населения. Теперь о взаимоотношениях Франции и Германии. Если мы выйдем из Европейского Союза, то сможем установить с Германией более спокойные и дружеские связи. Мы никуда от этого не денемся и будем просто вынуждены развивать сотрудничество во всех сферах – но при этом на действительно взаимовыгодной основе. Пора наконец в полном объеме восстановить то влияние, которое раньше имела Организация Объединенных Наций. Необходимо прекратить демонизировать русских, арабов и вообще мусульман. И если уж я заговорил о мусульманах, то скажу, что Народный республиканский союз – одна из немногих партий, которая в открытую, прямо говорит, какую роль сыграли Соединенные Штаты в нагнетании так называемой исламской угрозы. Кто финан-

сировал радикальных исламистов в Афганистане, которые сражались с Советской армией? Кто дестабилизировал Ирак, Ливию и Сирию? Всё американцы. А сейчас они дестабилизируют Украину. Соединенные Штаты стремятся дезинтегрировать, расчленить те государства, которые готовы оказывать им сопротивление. Кто стоит за происходящей сейчас в Гонконге «революцией зонтиков»? Американский Национальный фонд поддержки демократии. Мы знаем, что далай-лама связан с ЦРУ. Президент Всемирного уйгурского конгресса госпожа Рабия Кадир живет в Вашингтоне. С каждой европейской страной может случиться то же самое, что и с Югославией, никто от этого не застрахован, если Соединенные Штаты зададутся такой целью. Над Францией сегодня вообще нависла угроза утраты государственной целостности. Дело в том, что французское правительство замыслило упразднить существующее административное деление страны на департаменты и создать вместо них гораздо более крупные регионы, которые могли бы напрямую взаимодействовать с Брюсселем. Это сейчас называется глокализацией, но на деле обернется настоящим расколом Французской Республики.

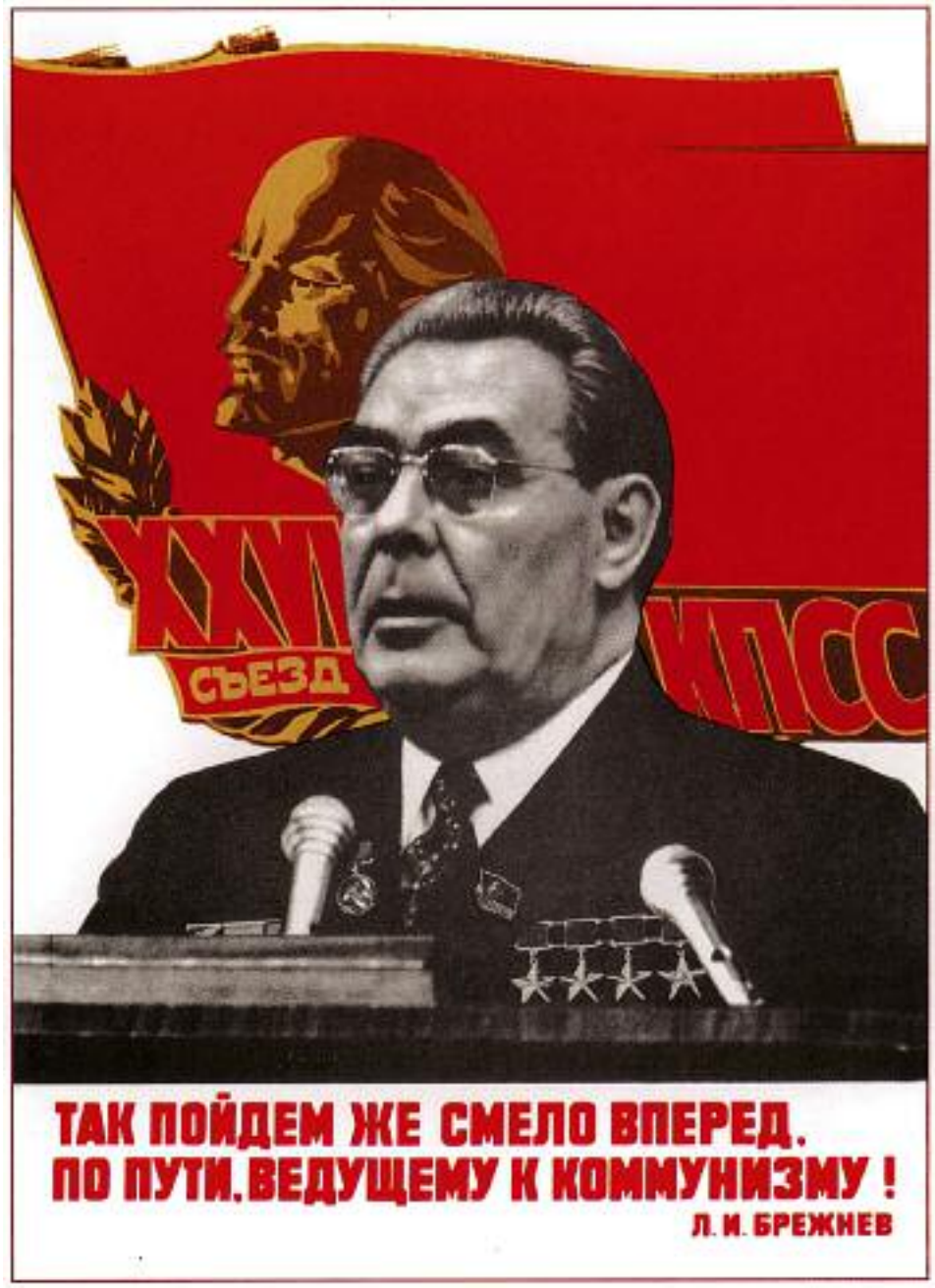
– Насколько я понимаю, такая реформа, если она действительно будет осуществлена, придет в непосредственное столкновение с Конституцией Франции. А французы всегда очень болезненно реагируют на любые покушения на собственную Конституцию…

– Да что вы говорите? Я вам чуть позже – чтобы не нарушать ход разговора – приведу такие факты, касающиеся того, что вытворяют с нашей Конституцией, что вы тут же убедитесь в своей неправоте. А пока снова вернусь к Национальному фронту мадам Ле Пен. Национальный фронт никогда не говорит о той угрозе, которую представляют для Европы Соединенные Штаты. В 80-х годах Национальный фронт был очень близок к секте Муна. Говоря об этом, я полностью отвечаю за свои слова. Мун оказывал Национальному фронту финансовую помощь. Связи секты Муна с южнокорейской разведкой хорошо известны. Не будем забывать, что мадам Ле Пен во время своей президентской кампании приезжала в Соединенные Штаты, и там была принята известным произраильским лоббистом – Американо-израильским комитетом по общественным связям. У меня такое впечатление, что в последнее время пытаются раздуть популярность Национального фронта, представить именно его – а не наш Народный республиканский союз – эдаким подлинно народным движением, чтобы вытеснить из этой ниши нас, не дать нам выйти на политическую сцену. И понятно, почему Национальный фронт противопоставляют именно нам. Ведь только мы вскрываем подлинные механизмы того, как на протяжении десятилетий делается политическое имя семье Ле Пен. Перед каждыми выборами либо отец, либо теперь дочь вдруг неожиданно выступает со скандальными заявлениями. Например, во время той же президентской кампании Марин Ле Пен в 2012 году наши СМИ отмечали, что ее всё меньше выставляют некой злой силой, потому что она в отличие от своего отца более цивилизованная. А многие стали и подавно вовсю нахваливать мадам Ле Пен. Такая любовь, как по команде, – это весьма странно, не находите? Причем этот разворот СМИ в сторону мадам Ле Пен произошел еще до ее поездки в США. Я полагаю, что здесь свою роль сыграло другое событие. В январе 2012 года она танцевала в Вене на балу, организованном крайне правой Австрийской партией свободы. Причем это мероприятие было в годовщину освобождения лагеря смерти Освенцим – и в этот самый день мадам Ле Пен веселилась на балу с неонацистами! Во Франции, разумеется, вспыхнул скандал. Знаете, это такая китайская стратегия: дать вырасти сорнякам, чтобы их потом легче было вырвать. Если существует электоральный запрос на идеологию, с которой выступает Национальный фронт, значит, надо эту самую идеологию и транслирующую ее структуру пропагандировать, закладывая при этом определенные смысловые мины, которые будут взрываться и производить обратный эффект. Народный республиканский союз на подобные дешевые уловки не поддается. Мы делаем упор на пропаганду наших взглядов в обществе. Я регулярно выступаю с лекциями, очень длинными лекциями. Вы видите, что я разговорчивый человек.

– Я бы сказал, что не просто разговорчивый, а содержательно разговорчивый. Оба качества – умение донести до слушателя информацию и сделать так, чтобы информация при этом была насыщенной, ценной, – совпадают нечасто. И вы – один из немногих владеющих таким мастерством.

– Спасибо. Я просто пытаюсь ответить своим соотечественникам на естественно возникающий у всё большего их числа вопрос: что происходит с Францией? Почему Франция – страна Наполеона, Клемансо и де Голля – докатилась до такой жизни? Почему французская политическая сцена настолько несвободна? У Народного республиканского союза имеются ответы на все эти вопросы. Но нам пред-

стоит долгая, серьезная и нелегкая борьба. Потому что, как я уже сказал, все основные СМИ у нас следуют единой установке, действуют по указке. Да, легкая и, как правило, по мелочам критика Европейского Союза не возбраняется. Но о выходе из зоны евро и из ЕС не говорится вообще ни слова, эти вопросы табуированы. Известному французскому политическому деятелю Шарлю Морису Талейрану, который был министром иностранных дел при Директории, при императоре Наполеоне, а также при королях Людовике XVIII и Луи-Филиппе, принадлежит замечательное высказывание. Он как-то произнес, что единственная возможность сказать «да» – это сказать «да», а все остальные фразы будут означать только одно – «нет». И я хочу вслед за Талейраном повторить: единственная возможность выйти из НАТО, Европейского Союза и зоны евро – это прямо говорить, что мы хотим это сделать, все остальные слова – это попытки закамуфлировать наше нежелание поступать подобным образом. Существует легальная процедура выхода государства из Европейского Союза. В соответствии с этой процедурой страна-член ЕС, желающая совершить такой шаг, должна определенным образом проголосовать за него, а также уведомить о своем решении партнеров по Европейскому Союзу. В договоре о создании НАТО, подписанном 4 апреля 1949 года, есть статья о выходе и из этой организации. То есть официальные и законные пути прекращения членства страны в обеих межгосударственных структурах имеются, только ими никто не пользуется. И всякий раз, когда я начинаю говорить об этом, мои слова воспринимаются нашими оппонентами крайне враждебно.



74 года коммунисты убеждали советский народ, что они придумали лучший общественный строй, что страна идет по правильному пути. Но история всё расставила на свои места. Неэффективность системы накапливалась, и в конце концов, когда ее оказалось выше допустимой нормы, она просто взорвала Советский Союз.

Доходит до смешного. Отдельные члены Европейского парламента и Национального фронта высказываются, что, мол, было бы неплохо выйти из Европейского Союза, но нас они критикуют именно за то, что мы, по их словам, как-то уж слишком конкретно, практически, легитимно и ссылаясь на те или иные документы подходим к этому вопросу. А какие вообще проблемы? Ведь даже если мы выйдем из Европейского Союза, от этого география не изменится. Мы всё равно будем оставаться соседями Италии,

Британии, Германии и других стран и поддерживать с ними добрососедские и деловые отношения. Вот я много критиковал Национальный фронт, то есть организацию, считающуюся правой. А теперь давайте посмотрим на левый фланг наших политических сил – на коммунистов. Хотя, конечно, они уже давно никакие не коммунисты, осталось лишь одно название. Французские коммунисты и вообще левые постоянно говорят, что Франция должна ударить кулаком по столу и заставить Германию соблюдать наши, то есть французские, интересы. Но это совершенно безответственная позиция. Да, мы хотим, чтобы страны Европейского Союза и всего остального мира уважали наш национальный суверенитет. Но и мы намерены последовательно и неукоснительно уважать национальный суверенитет других государств. Да, мы против того, чтобы Германия пыталась за счет Франции спасать зону евро. Но и мы не собираемся навязывать немцам нашу систему общественных служб. Нужно просто соблюдать закон – там всё написано. Между прочим, Владимир Путин, с моей точки зрения, гораздо более уважительно относится к международному праву, чем западные страны, которые сегодня позволяют себе не соблюдать Устав ООН и показывают всему остальному миру, что это можно делать совершенно безнаказанно.

– Теперь, господин Асселино, хочу задать вам такой вопрос. Вы в нашем разговоре неоднократно упоминали генерала де Голля, причем всякий раз исключительно позитивно, давая этому государственному деятелю самую высокую оценку. Если, конечно, я вас правильно понял.

– В общем, да, так оно и есть.

– Вот поэтому возникает следующий вопрос. Если мы ограничимся только лишь эпохой после де Голля, то можно назвать две партии, которые уже прекратили существование и которые идентифицировали себя как голлистские, это Союз демократов в поддержку республики и Объединение в поддержку республики. А сегодня Союз за народное движение считает себя наследником идеологии голлизма. Но судя по вашему критическому восприятию той политики, которую проводит французское руководство на протяжении последних десятилетий, все эти силы трудно считать подлинно голлистскими, потому что самым главным устремлением де Голля было обеспечение суверенитета Франции, чего, как вы показали в нашем разговоре, уже давно не существует. В связи с этим можно ли считать все эти партии голлистскими? Или же они голлисты только на бумаге, а настоящей голлистской силой сейчас можно назвать только ваш Народный республиканский союз?

– Да, я часто цитирую де Голля. Для Франции де Голль – безусловно, фигура, олицетворяющая национальный консенсус. Более 95 процентов французов считают его настоящим национальным лидером, национальным героем. То есть не просто большинство, а именно практически все французы. Это небывалый рейтинг популярности, который нельзя игнорировать. Вместе с тем нельзя закрывать глаза и на объективные факты. Когда де Голль в 1958 году создал Пятую республику, а потом на протяжении десяти с лишним лет руководил ею, то нельзя сказать, что всё у него было правильно и идеально. Надо признать, что в эти годы он не успевал за многими событиями, что подтверждается хотя бы тем, при каких обстоятельствах он ушел в отставку. Наши левые, например, считают, что во время Второй мировой войны де Голль был на своем месте и всё делал верно, но вот то, как он руководил Францией потом, особенно в 60-е годы, они решительно критикуют. Де Голлю как президенту главным образом вменяется в вину то, как он провел деколонизацию Алжира. И осуждение де Голля за Алжир представляется совершенно справедливым. Мы бездарно, с колоссальными потерями уходили оттуда. Полтора миллиона французов были репатриированы из Алжира, а десятки тысяч просто убиты. И мы не можем просто так забыть эту национальную трагедию. Именно поэтому, из-за Алжира, некоторая часть крайне правого электората – в частности, из Национального фронта – негативно относится к де Голлю. Что же касается Народного республиканского союза, то в него, как я вам уже говорил, входят люди с самыми разными политическими убеждениями. Поэтому, отвечая на ваш непосредственный вопрос, я скажу, что мы не хотим называть себя голлистами. Среди наших товарищей по Народному республиканскому союзу есть и те, кто не любит де Голля, и мы не хотим их из-за этого отталкивать от себя. Но это не мешает мне обильно цитировать де Голля – как, впрочем, и других исторических деятелей Франции. Если говорить о моем личном отношении к де Голлю, то я считаю его самым крупным французским политиком XX века, потому что действительно, как вы заметили, главным для него было обеспечение суверенитета страны. Ради этого он был готов на любые шаги – например, на выход из НАТО или на сотрудничество с Советским Союзом и Китаем. И в том, как де Голль действовал, отстаивая независимость Франции, он очень походил на нашего короля Франциска I,

правившего в первой половине XVI века. В то время Франция была окружена землями, которые принадлежали Габсбургам. Власть императора Священной Римской империи Карла V Габсбурга, который был на несколько лет младше Франциска, распространялась на Голландию, Бургундию, Австрию, Германию, Северную Италию, Сицилию и Иберийский полуостров. То есть Франция находилась в плотном окружении земель Габсбургов. Франциск пытался противопоставить Габсбургам свой союз с Англией и даже встречался для этого с Генрихом VIII у Кале в 1520 году. Но Генрих VIII тем не менее после этой встречи заключил союз с Карлом V, в результате Франция оказалась теперь уже полностью окруженной Габсбургами и их союзниками. И что сделал Франциск I? В то время каждый европейский монарх имел в своем титуловании и некоторые формулировки, которые были призваны подчеркнуть особые отношения того или иного монаршего дома с Церковью. Так, к испанскому королю обращались: «Ваше католическое величество». А к французскому королю: «Ваше христианнейшее величество». Когда в монарших дворах Европы того времени говорили: «Христианнейший», – то имели в виду именно короля Франции, а саму Францию называли «старшей дочерью Церкви». К чему я всё это говорю? А к тому, что когда Франциск оказался в полном окружении, он, несмотря на то что был «христианнейшим» и монархом «старшей дочери Церкви», пошел на откровенно антицерковные политические союзы. Он начал договариваться с германскими властителями, которые поддерживали реформационное движение. Для католической Европы такое поведение «христианнейшего» Франциска выглядело просто недопустимым, но что ему оставалось делать? Ему же надо было внести раздор в стан Габсбургов и их союзников. Франциск пытался наладить отношения и с русским царем Василием III. Но подлинным вызовом Европе стал подписанный Франциском в 1528 году тайный договор с турецким султаном Сулейманом Великолепным. Кстати, одним из условий этого договора было обещание Сулеймана защищать христиан в Сирии и Ливане. Именно к тем временам и восходит

Почему Франция – страна Наполеона, Клемансо (на фото вместе с Вудро Вильсоном) и де Голля – докатилась до такой жизни? Почему французская политическая сцена настолько несвободна? У Народного республиканского союза имеются ответы на все эти вопросы. Но нам предстоит долгая, серьезная и нелегкая борьба.

Франсуа Жерар. Портрет Талейрана. 1808 год

Талейран как-то произнес, что единственная возможность сказать «да» – это сказать «да», а все остальные фразы будут означать только одно – «нет». И я хочу вслед за Талейраном повторить: единственная возможность выйти из НАТО, Европейского Союза и зоны евро – это прямо говорить, что мы хотим это сделать, все остальные слова – это попытки закамуфлировать наше нежелание поступать подобным образом.

начало влияния Франции в этих землях. Де Голль действовал похожим образом. Он понял, что строительство объединенной Европы – это американский маневр, необходимый для того, чтобы приручить европейские страны. И чем сложнее и запутаннее будут отношения между этими странами, тем легче станет создающим всю эту ситуацию Соединенным Штатам. Де Голль изложил эту мысль в завуалированном виде на знаменитой пресс-конференции 15 мая 1962 года. Он тогда сказал, что для укрепления единства входивших на тот момент в Европейское экономическое сообщество шести стран – Бельгии, Германии, Италии, Люксембурга, Нидерландов и Франции – необходимо посредничество какой-то другой страны, не входящей в ЕЭС. Понятно, да, какую страну он имел в виду и к какому выводу подводил этим своим намеком? Разразился скандал, проамерикански настроенные министры подали в отставку. Де Голль оказался в сложной ситуации. Налицо правительственный кризис. Он не располагал большинством ни в Национальном собрании, ни в Сенате. При этом центристы и социалисты были слишком сильны, и де Голль не мог навязать им свою точку зрения на подлинный интерес Америки в деле создания объединенной Европы. Но он тем не менее решил не останавливаться и идти дальше, делая хорошую мину при плохой игре. Де Голль задался целью так переформатировать американский европейский проект – если уж от него невозможно отказаться вовсе, – чтобы интересы Франции занимали в нем приоритетные позиции. Как я уже сказал, на тот момент в ЕЭС входило шесть стран. Из них три маленькие страны – Бельгия, Нидерланды, Люксембург – не могли конкурировать с Францией. Оставались Германия и Италия. Германия тогда, как вы помните, была поделена на две части. Восточная Германия входила в советский блок. А Западная Германия, хотя она по всем показателям и превосходила Восточную Германию, особо не лезла в большую мировую политику. Она даже в ООН вступила только в 1973 году – вместе с Восточной Германией. Не будет большой натяжкой сказать, что, несмотря на свой экономический потенциал, Западная Германия в 60-х годах оставалась политическим карликом. Такую же характе-

ристику можно дать и Италии того времени. Но совсем другое дело – Франция: самая большая из этих шести стран по площади, ядерная держава, постоянный член Совета Безопасности ООН, реальное влияние на огромном пространстве ее бывших колоний. К тому же после смерти Рузвельта и Сталина, а также после окончательного ухода с политической сцены Черчилля де Голль оставался единственной фигурой такого масштаба в статусе действующего лидера страны. И де Голль рассчитывал – как ему казалось, небезосновательно – на то, что у него получится превратить объединенную Европу во французскую Европу, в Европу, которая будет действовать в интересах Франции. Конечно, он не мог так прямо и сказать: «Я хочу, чтобы объединенная Европа была французской Европой». Поэтому он вместо словосочетания «французская Европа» говорил «европейская Европа». Я считаю, что в тех реалиях это была дельная и – главное – осуществимая задумка. Надо было только неукоснительно соблюсти два условия. Первое условие: никогда и ни при каких обстоятельствах не пускать в ЕЭС Британию, этого троянского коня Соединенных Штатов. К тому же не надо забывать, что на тот момент в ЕЭС было только четыре официальных языка – французский, итальянский, немецкий и голландский, и 60–70 процентов официального делопроизводства велось на французском языке. Теперь в Европейском Союзе примерно 90 процентов всей документации на английском языке. Чувствуете разницу? Так что де Голль изо всех сил препятствовал вхождению Британии в объединенную Европу. И второе условие, которое де Голлю обязательно надо было выполнить, заключалось в отрыве Германии от Соединенных Штатов и ее переориентации на Европу – а значит, на Францию. Ради этого де Голль и подписал в 1963 году знаменитый Елисейский договор с Аденауэром. Это был договор именно о сотрудничестве двух государств, в нем ничего не говорилось ни о США, ни о Британии, ни о НАТО, ни о предшественнике Всемирной торговой организации – Генеральном соглашении по тарифам и торговле. Америка болезненно отреагировала на Елисейский договор. Кеннеди даже вызвал посла Западной Германии и высказал ему, что Соединенные Штаты обеспокоены этим договором. Американцы поняли, что де Голль пытается взять под контроль процесс создания объединенной Европы. И США путем давления на Германию добились, что Елисейский договор не был ратифицирован, причем выглядело так, что по вине именно французской стороны. Когда договор был представлен Бундестагу для ратификации, немецкие парламентарии проголосовали, чтобы в уже подписанный де Голлем и Аденауэром текст была внесена преамбула. В этой преамбуле требовалось зафиксировать, что Германия ратифицирует договор, но при этом настаивает на вхождении Британии в ЕЭС, на осуществлении необходимых мер по обеспечению обороны исключительно в рамках Североатлантического альянса, на продолжении международных переговоров в рамках Генерального соглашения по тарифам и торговле. То есть германские парламентарии полностью обессмыслили Елисейский договор, который как раз был направлен против всего того, что члены Бундестага внесли в преамбулу. И сегодня, полвека спустя, мы вынуждены констатировать, что отношения между Францией и Германией безнадежно испортились. Правда, об этом говорят только лишь во Франции. Возникает впечатление, что нас очень заботит этот несостоявшийся альянс между нашими странами. А вот немцев, похоже, это совсем не задевает – они только и знают, что говорят о союзнических отношениях с Америкой. Я помню такую историю. Как-то выступал с публичной лекцией. В первом ряду сидела одна дама и очень внимательно меня слушала. После лекции она подошла ко мне и сказала, что она немка, муж у нее француз, и она уже 25 лет живет во Франции. И она полностью согласилась со мной, что только во Франции так много думают и говорят о взаимоотношениях с Германией. Немцев же, похоже, вообще не интересует этот вопрос: они его не касаются вовсе... Вернусь несколько назад. Таким образом, де Голль стал по образцу Франциска выстраивать неожиданные политические союзы. В 1964 году он принял решение об установлении дипломатических отношений с маоистским Китаем. В том же году он посетил Латинскую Америку, а двумя годами позже – Советский Союз. Впечатление от этих поездок французского президента было такое, как если бы, скажем, сегодня Олланд приехал в Севастополь и выступил там вместе с Путиным. Или же если бы тот же Олланд решил провести отпуск в Иране. То есть де Голль сознательно шел наперекор всем тем запретам, которые Соединенные Штаты наложили на европейские страны. Америка дозволяла Европе иметь с вашей страной лишь дипломатические отношения, но никак не экономические. Де Голль же во время своего визита в СССР обсуждал перспективы именно сотрудничества в научно-технической

Жан Клюэ. Портрет Франциска I. 1514 год

Если говорить о моем личном отношении к де Голлю, то я считаю его самым крупным французским политиком XX века, потому что главным для него было обеспечение суверенитета страны. Ради этого он был готов на любые шаги – например, на выход из НАТО или на сотрудничество с Советским Союзом и Китаем. И в том, как де Голль действовал, отстаивая независимость Франции, он очень походил на нашего короля Франциска I, правившего в первой половине XVI века.

области, в частности в сфере цветного телевещания.

– Извините, пожалуйста, я перебью вас, господин Асселино, но я хочу сказать, что мы вообще очень скупы на какие-то симпатии в адрес политических лидеров других стран. Но вот если уж кого-то полюбим, так это действительно по-настоящему, исступленно, как у нас говорится, по гроб жизни. В России буквально влюблены в де Голля. Я, конечно, отдаю себе отчет в том, что мы любим какого-то уж очень своего де Голля, имеющего, возможно, мало общего с реальным создателем Пятой республики. Но так ли уж это важно, по большому счету? Имя де Голля связывается у нас со многими апокрифическими историями, по поводу которых трудно с уверенностью сказать, были они на самом деле или являются плодом народной фантазии. К его авторству относят те или иные высказывания, рассказывают о каких-то его конкретных поступках во время того самого визита в Советский Союз. Сейчас, когда мы бурно переживаем очередную переоценку роли и места Сталина в нашей истории, чрезвычайно популярным является высказывание, приписываемое – я, во всяком случае, не мог с достоверностью определить, произносилось ли оно в действительности, – де Голлю: «Сталин не ушел в прошлое – он растворился в будущем». Возможно, вам как знатоку и любителю французской истории это мое замечание покажется небезынтересным.

– Да, благодарю вас, то, что вы сказали, действительно любопытно. Феномен этой любви русских к де Голлю следует учитывать и изучать. А я все-таки продолжу. Сейчас Франции, чтобы снова стать Францией, необходимо завязать новые близкие отношения с Москвой, Пекином, вернуться на арабский Ближний Восток, в свои бывшие колонии – а ныне независимые франкоязычные страны. Иными словами – проводить ту политику, которая соответствовала бы ее национальным интересам.

– Сегодняшняя Франция – во всяком случае, какой она видится из России – это прежде всего и главным образом именно Пятая республика, то есть творение де Голля. Что сейчас происходит с Пятой республикой? Многие наблюдатели и эксперты говорят о ее кризисе, о том, что модель де Голля уже не работает, что она не адекватна вызовам времени и пора задумать-

ся о Шестой республике. При этом обычно ссылаются на проведенную Саркози в 2008 году фундаментальную конституционную реформу, ставшую, по сути, фактическим пересмотром Конституции 1958 года. Давайте вспомним, тогда – шесть лет назад – главным доводом в пользу необходимости такой реформы был аргумент: мол, институты Пятой республики устарели, их необходимо модернизировать. Эта реформа коснулась в том числе и института президентства. А за несколько лет до того – в 2000 году, еще при Шираке, – срок президентской легислатуры был сокращен с семи до пяти лет. Если же вернуться к эпохе Саркози, то самое главное – это даже не столько его конституционная реформа, сколько осуществленная им радикальная смена имиджа, стилистики политического поведения французского президента. Начиная с де Голля любой президент являлся как бы некоронованным монархом, он находился слишком высоко и не опускался до повседневной практической политики. Саркози же до всего было дело. Он вникал буквально во все дела и, как у нас сейчас говорят в России, пиарился – причем исступленно пиарился – в СМИ и главным образом по телевидению. Я слышал мнение, что Саркози отвечал критикам, упрекавшим его в поведении, не соответствующем образу президента Франции, что и де Голль много внимания уделял пиару, только это был другой пиар – сообразный с той эпохой, когда правил де Голль. У меня вопрос, господин Асселино. Считаете ли вы, что Пятая республика находится в кризисе? Нужны ли в действительности все те перемены, которые были осуществлены при Шираке и Саркози или они тоже навязаны Франции извне? Вы резко критикуете Саркози, но, может быть, он всё же верно уловил тренд – сделать президента более близким к реальной жизни, превратить его из небожителя в просто чиновника – пускай харизматичного, но тем не менее чиновника? Хотя, наверное, я всё же неточно выразился. Правильнее говорить, что Саркози не хотел выглядеть чиновником. Скорее, он пытался оставаться президентом-лидером, но в гораздо большей степени погруженным в текущие дела, чем это предусматривается в Конституции. Может быть, конечно, я и не прав, но такое впечатление возникало при взгляде со стороны.

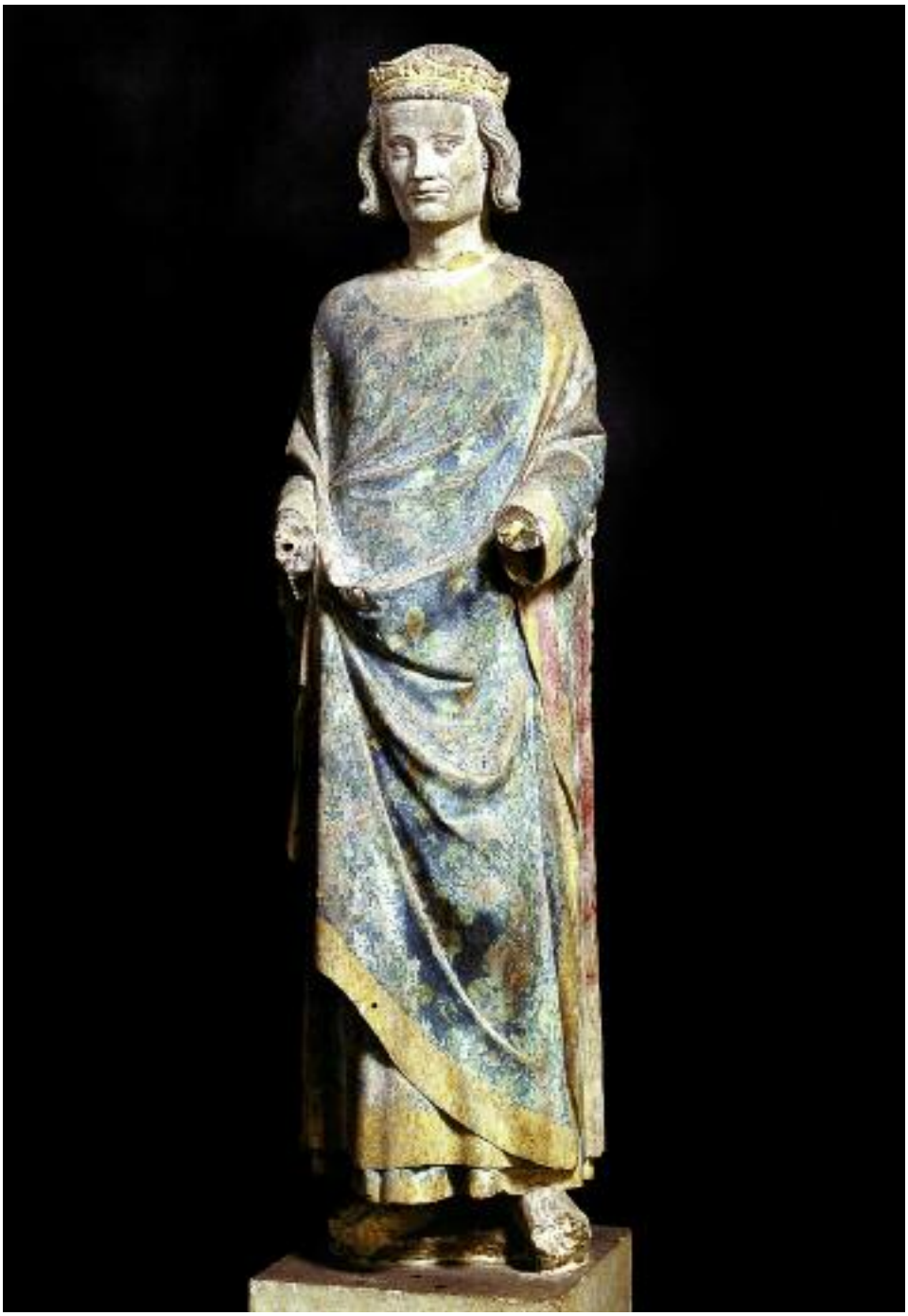
– Да, о дальнейшей судьбе Пятой республики у нас много говорят. В частности, деятели Левого фронта считают, что пора задуматься о создании Шестой республики. Но что это такое – Шестая республика? Какой она должна быть? По-моему, это просто лозунг – и не более того. На сегодняшний день никто не может предложить более или менее вразумительного содержательного наполнения для этого лозунга. Мне кажется, что нам нужно просто глубже, основательнее понять, что такое Пятая республика. Де Голль очень тонко чувствовал и понимал всю нашу национальную специфику и при этом прекрасно разбирался в том, как эта специфика преломлялась в нашей истории. Вы, наверное, знаете, что у нас сотни сортов сыра, что мы любим ссориться, ругаться, влюбляться, сбиваться вместе по политическим пристрастиям и на этой основе организовывать партии. Но есть у французов и еще одна специфическая особенность, ярко проявлявшаяся в нашем прошлом: французские элиты в ситуациях, когда надо было выбирать между собственным народом и иностранными государствами, очень часто – если не сказать всегда – вставали на сторону последних. Я уже упоминал, как в 1420 году Карл VI сдал престол врагам Франции – англичанам. Тогда очень многие представители парижской знати и просто состоятельные горожане считали Францию слишком слабой страной, чтобы существовать независимо от Британии. Это было 600 лет назад. И в то же самое время французский народ под предводительством Жанны д'Арк объединился для сопротивления англичанам. Де Голль говорил, что патриот во Франции – это только народ, но не буржуа. Все крупные исторические фигуры, оставившие значительный след в нашей истории, в конфликте между элитами и народом всегда вставали на сторону народа. Народ же всегда ждал от королевской власти, чтобы она защищала его от знати. В России таким народным любимцем был Петр I, а во Франции – Людовик IX, который жил и правил почти на полтысячелетия раньше Петра. Людовик создавал больницы для самых бедных, где они могли получать бесплатную медицинскую помощь. За свои добродетели Людовик был канонизирован и стал называться Людовиком Святым. Генрих IV, как известно, провозгласил своей задачей, чтобы у каждого француза была возможность варить себе по воскресеньям куриный суп. А Людовик XIV рассылал в провинции своих специальных представителей, собиравших у населения жалобы на местную знать, а потом, основываясь на этих жалобах, он наказывал тех из представителей аристократии, кто этого действительно заслуживал. И Версаль он строил для того, чтобы иметь представительное место, где можно было бы вершить праведный суд над провинившейся знатью. Но были у нас и монархи, оставившие о себе дурную память именно по той причине, что подыгрывали другим госу-

дарствам. Например, тот же Карл VI. Или же Людовик XV, стремившийся во всем подражать Фридриху II Прусскому. В этом же ряду надо назвать, конечно, и Людовика XVI. Французы одобрительно отнеслись к его казни, потому что он подготавливал ввод во Францию иностранных войск для подавления революции. Де Голль, разумеется, хорошо представлял себе роль монархии в истории Франции и чувства, питаемые французами к своим суверенам. Поэтому, когда он в 1944 году возглавил Временное правительство Франции, он стал задумываться о такой Конституции, которая делала бы власть президента сопоставимой с властью короля. Он понимал, что президент должен иметь исключительные полномочия, чтобы справляться с современным феодализмом, проявлением чего, в частности, являются политические партии с их непомерными амбициями влиять на текущую политическую жизнь страны. Де Голль был убежден, что поражение 1940 года было во многом вызвано именно политическими играми французских политических партий, больше заботившихся о собственных интересах, нежели об укреплении обороны. Но тогда, сразу после освобождения Франции и окончания войны, де Голлю не удалось реализовать задуманное. В 1946 году была принята новая Конституция, учреждавшая Четвертую республику. Это была парламентская республика, создававшая самые благоприятные условия для партийной олигархии. С 1946-го по 1958 год Францией руководили именно политические партии – в основном центристы и социалисты, – они находились под полным контролем американцев. Политики Четвертой республики были просто ничтожными – как нынешние. 1 ноября 1954 года началась война в Алжире, на тот момент являвшемся территорией, где располагались три заморских департамента Франции. Эта война приняла затяжной характер. Усугублялись политический и экономический кризисы. И тогда де Голль снова был призван во власть. Президент Коти обратился к Национальному собранию, чтобы оно избрало де Голля премьером и наделило его чрезвычайными полномочиями – не только для формирования кабинета, но и для подготовки новой Конституции. Работа над проектом нового Основного закона велась очень быстро, и уже осенью 1958 года подавляющее большинство граждан поддержали его на референдуме. Суть новой Конституции очень точно выразил де Голль, когда возглавил последнее правительство Четвертой республики. Он тогда заявил, что хочет дать стране такую Конституцию, которая сможет действовать во Франции. Он имел в виду – действовать эффективно, на благо страны. Режим Пятой республики – это, по сути, республиканская монархия с сувереном, избиравшимся – до реформы, проведенной Шираком, о чем вы сказали, – на семь лет. Этот республиканский монарх занимается стратегическими вопросами, а текущими делами ведают премьер и руководимое им правительство. Поэтому для Пятой республики – до Саркози, кардинально изменившего, как вы тоже верно заметили, имидж президентской власти, – характерна такая картина: невидимый, но незримо присутствующий президент и вездесущий премьер-стрелочник. Премьер отвечает за всё – именно аккумулирует на себе недовольство граждан текущими неурядицами. Прерогативы же президента в отношении других ветвей власти являются просто колоссальными. Все эти изменения, по мысли де Голля, должны были восстановить авторитет государства и власти, сделать их эффективными, способными избегать кризисов или быстро выходить из них. Но что такое авторитет? Это понятие восходит к латинскому слову *auctoritas* – то есть «власть» или «влияние». Можно также истолковать это слово и в смысле власти как авторства чего-либо. Государство обладает авторитетом только в том случае, если является автором своих собственных решений. А что мы видим сегодня? Конституция та же самая, но государство уже перестало быть автором проводимой им политики. Все основные полномочия переданы в Европейскую комиссию в Брюсселе, или в Европейский центральный банк во Франкфурте-на-Майне, или в штаб-квартиру НАТО – тоже в Брюсселе. И за всем этим из-за океана приглядывает Вашингтон. Возьмем, к примеру, министра финансов Франции. Зачем он вообще нужен? Да он ни для чего не нужен – брюссельские чиновники управятся и без него. Зачем нужны французские министры иностранных дел и обороны? Они тоже совершенно не нужны: натовские генералы и американский Государственный департамент всегда имеют готовые решения по всем вопросам международных отношений и обеспечения безопасности. Наши министры лишь создают видимость, что они что-то решают. Если ты делегировал все полномочия надгосударственным международным органам, то сам ты уже больше не нужен. Франция превратилась в какой-то театр теней. Французские граждане выбирают президента и парламентариев, но наши законы – это на 80 процентов переписанные европейские

директивы. Президент перестал быть не только некоронованным монархом, но даже просто независимым первым лицом государства. Он превратился в маленького мальчика, который должен на всё спрашивать разрешение у дяди Обамы – даже на то, чтобы пойти в туалет. Проблема не в Конституции – сама по себе Конституция хороша. Проблема в том, что Конституция выхолощена, опустошена, лишена заложенных в нее смыслов, потому что у нас нет собственных авторитетов, потому что мы постоянно оглядываемся на наших американских «мэтров». От политических партий требуется, чтобы они во всём руководствовались национальными интересами и действовали исходя из неукоснительного соблюдения национального суверенитета. Но на самом деле названными принципами руководствуется лишь наша партия. Те партии, что ратуют за европейское единство, просто жульничают, когда клянутся в приверженности интересам Франции. Приведу, наконец, самый вопиющий факт нарушения суверенитета Французской Республики – это переписывание втихую Конституции.

– Да, господин Асселино, а я только хотел задать вам вопрос: что во Франции позволяют себе в отношении Конституции? Вы меня буквально заинтриговали своими словами. Разве такое может быть в демократическом государстве, где всё на виду?

– Представьте себе! В Конституции Пятой республики под редакцией генерала де Голля была статья 68. В ней содержалась формулировка о заговорах против интересов государства. Так теперь этой формулировки нет, ее украдкой убрали, а французы об этом ничего не знают. Произошло это через несколько месяцев после ратификации Маастрихтского договора. И это при том, что легитимный путь изменения Конституции четко прописан. Это можно сделать либо через общенациональный референдум, либо если за соответствующую кор-



Людовик Святой. Начало XIV века

Де Голль говорил, что патриот во Франции – это только народ, но не буржуа. Все крупные исторические фигуры, оставившие значительный след в нашей истории, в конфликте между элитами и народом всегда вставали на сторону народа. Народ же всегда ждал от королевской власти, чтобы она защищала его от знати. В России таким народным любимцем был Петр I, а во Франции – Людовик IX, который жил и правил почти на полтысячелетия раньше Петра.

ректировку выскажутся три пятых членов Национального собрания и Сената. Как вы считаете, можно ли вот так самовольно что-то «подрегулировать» в Конституции, тем более в данном случае, когда речь идет об обеспечении национальной безопасности? В этой же самой 68-й статье говорилось и об измене родине – и это тоже оттуда убрали, причем совсем недавно, в 2007 году, незадолго до выборов, на которых победил Саркози.

– Я потрясен тем, что вы рассказали. Уж насколько мы, русские, правовые нигилисты, но мне трудно себе представить, чтобы у нас могло произойти такое. И это при том, что Конституцией у нас, конечно, принято размахивать, но мало кто ее вообще читал. Хотя, возможно, у нас подобный казус как раз и невозможен именно из-за того, что мы правовые нигилисты. Мог бы на этот счет привести несколько русских поговорок, но не стану лишний раз обременять нашего переводчика поиском соответствующих французских эквивалентов.

– Я с полной ответственностью за каждое сказанное слово заявляю, что французские руководители виновны в измене родине, потому что это преступление заключается в том числе и в подчинении интересов своего государства интересам другого государства. Именно это мы сегодня и наблюдаем – в частности, в ситуации с санкциями против России. Когда руководители государства принимают решения вопреки интересам Франции, мы называем это предательством, изменой родине. Народный республиканский союз считает, что 68-я статья Конституции должна быть восстановлена в первозданном виде – в редакции де Голля. Когда вам говорят о Французской Республике, вы должны понимать: проблема не в том, Пятая эта республика или Шестая, а в том, что у французов отобрано право принимать суверенные решения. Правда, я должен с оптимизмом отметить: в настоящее время всё больше французов начинают понимать, что ими руководят люди, не защищающие национальные интересы.

– Господин Асселино, вы долго и подробно говорили о том, что сейчас происходит во Франции, какова историческая подоплека перемен, произошедших с вашей страной на протяжении последних десятилетий. Вы высказали много практических рекомендаций по первоочередным мерам, которые необходимо предпринять французским властям. Но вот мы и подошли к очень практическому и предельно конкретному вопросу. Ваше видение президентской кампании 2017 года и ее итогов.

– Прежде всего мы еще не знаем, состоятся выборы в 2017-м или не состоятся.

– А что им может помешать? Мне трудно себе представить, чтобы во Франции эта ключевая демократическая процедура могла бы по каким-то причинам не состояться в положенный срок. Другое дело, насколько действительно демократическими являются национальные избирательные кампании, отражают ли они реальный расклад электоральных предпочтений или же просто легитимируют заранее определенные политтехнологами проценты.

– Сейчас я вам объясню. Но прежде хочу добавить несколько слов по предыдущему вопросу. По Конституции Пятой республики президента до 2000 года избирали на семь лет. А легислатуры депутатов Национального собрания и премьер-министров не изменились – пять лет и четыре года соответственно. То есть на одну президентскую легислатуру приходились, как минимум, две премьерские легислатуры. На практике же их было гораздо больше. При де Голле было три премьера – Мишель Дебре, Жорж Помпиду и Морис Кув де Мюрвиль. При Помпиду – два премьера: Жак Шабан-Дельмас и Пьер Мессмер. При Жискар д'Эстене – тоже два премьера: Жак Ширак и Раймон Барр. А вот затем количество премьеров на одного президента резко увеличилось – и не только из-за того, что Миттеран и Ширак занимали высший пост два срока подряд. За время президентства Миттерана правительство возглавляли семь человек: Пьер Моруа, Лоран Фабиус, Жак Ширак, Мишель Локар, Эдит Кресон, Пьер Береговуа, Эдуар Балладюр. А при Шираке их было четверо: Ален Жюппе, Лионель Жоспен, Жан-Пьер Раффарен и Доминик де Вильпен. Как я уже говорил, по задумке де Голля премьер должен забирать весь негатив, всю непопулярность на себя, позволяя тем самым президенту надолго оставаться как бы вне критики и более или менее благополучно исполнять обязанности высшего должностного лица в государстве. Поэтому то, что совершил Ширак, когда сократил президентский срок с семи до пяти лет, можно рассматривать как политическое самоубийство. Теперь президент выбирается на пять лет – как и депутат Национального собрания. И несмотря на то что конституционные прерогативы главы государства остались прежними, сокращение легислатуры на два года привело к фактическому понижению властного статуса президента Французской Республики. Сокращение срока президентского мандата означает даже большее, а именно: структурную перекомпоновку полномочий главы государства и главы правительства – в ущерб первому и в пользу последнего. Теперь президент и премьер неизбежно будут наступать друг другу

на ноги, сталкиваться и задевать друг друга в пространстве власти. За счет этого стратегическая доминанта президентской власти – та самая доминанта, которая замышлялась еще де Голлем как отличительная черта некоронованного монарха, – станет неизбежно ослабевать. Зато будет увеличиваться политический вес премьера, буквально на глазах превращающегося из стрелочника в фигуру, принимающую ответственные политические решения. Политизация премьерских обязанностей происходит еще и потому, что французское правительство сейчас лишено возможности управлять происходящим в финансовой сфере и в реальном секторе экономики. Этим теперь занимаются брюссельские чиновники. Вот и возникает соблазн подняться над текучкой, потягаться с президентом, который теперь по сроку своих полномочий практически сравнялся с премьером. То есть ясно одно: идет целенаправленное умаление статуса французского президента ради подчинения нашей страны разного рода надгосударственным регулирующим органам, а через них – Соединенным Штатам. А между тем срок мандата президента Европейского центрального банка составляет восемь лет. И когда соответствующее решение принималось, говорилось, что столь продолжительное время для отправления обязанностей одним лицом нужно как раз для того, чтобы это лицо действовало независимо. По-моему, тут всё ясно и не требует никаких дополнительных комментариев.

– Господин Асселино, а теперь о президентской кампании 2017 года. Почему она может не состояться в положенный для нее срок?

– Понимаете, сегодня невозможно точно предугадать, когда будут следующие президентские выборы. Франсуа Олланд может подать в отставку хоть завтра. Но я не думаю, что он так поступит, это не в его интересах. Высказывается также мнение, что сам он останется, но распустит Национальное собрание. Такое конституционное право у него имеется, но подобный шаг в настоящий момент тоже выглядел бы очень странным. Хотя довод в пользу подобного решения высказывается лаконичный и оттого убедительный: дескать, внутриполитическая ситуация сейчас настолько сложна, а авторитет власти настолько упал, что без радикальных мер не обойтись. И тут либо отставка президента, либо роспуск Национального собрания. Досрочный уход президента создаст гораздо больше проблем, поэтому придется пожертвовать парламентом. В преждевременном роспуске Национального собрания имеется и еще один резон. Если президент и парламент просуществуют полностью свои легислатуры, то выборы и того и другого состоятся в 2017 году практически одновременно. Но если Олланд распустит Национальное собрание сейчас, то выборы окажутся разнесенными на два года: в 2017-м – президентские, а в 2019-м – парламентские. В таком случае можно будет более тщательно подготовиться к каждой из обеих кампаний. Но лично я думаю, Олланд и сам в отставку не уйдет, и Национальное собрание распускать не станет. Потому что если такое случится, то где-то две трети депутатов-социалистов почти наверняка потеряют свои места. А в новом Национальном собрании образуется правое большинство, и возникнет точно такой же расклад, как и при Миттеране: левый президент – пра-

Франция превратилась в какой-то театр теней. Французские граждане выбирают президента и парламентариев, но наши законы – это на 80 процентов переписанные европейские директивы. Президент перестал быть не только некоронованным монархом, но даже просто независимым первым лицом государства. Он превратился в маленького мальчика, который должен на всё спрашивать разрешение у дяди Обамы (на фото с Франсуа Олландом).

вое правительство. В условиях нашей политической культуры это чревато конфликтами, в которых не заинтересованы те, кто управляет процессами извне. Хотя лично для Олланда правое правительство было бы выгодно. Правые в этом случае быстро станут непопулярными, поскольку ответственность за все провалы будет возлагаться уже на них. И тогда Олланд может выставить свою кандидатуру на выборах 2017 года, имея при этом неплохие шансы на успех. Но еще раз: лично я в какие-либо резкие движения типа отставки президента или роспуска парламента не верю. Я считаю, что и президентские, и парламентские выборы пройдут в положенные для них сроки. Но вы просили меня спрогнозировать развитие политической ситуации. Мне кажется, что Олланд настолько непопулярен, что он вряд ли станет выставлять свою кандидатуру на второй срок. Хотя за три – а теперь уже даже за два с половиной – года многое может измениться. А пока всё идет к тому, что социалисты просто предложат другого кандидата. В последнее время активизировался Саркози. Причем на фоне провального президентства Олланда всё больше наблюдателей начинают допускать возможность возвращения Саркози в Елисейский дворец. Но я не верю в возможность подобного политического воскресения Саркози. Уж очень много скандалов связано с его именем, расследуются довольно серьезные дела, где Саркози фигурирует в неблаговидном свете. Хотя у определенной части правого электората Саркози пользуется популярностью. Называют также первого премьера Ширака Алена Жюппе. Ну и, конечно, будут, как и в 2012-м, раскручивать Национальный фронт. Я уже много говорил об этой организации, поэтому повторю кратко – и в конкретном приложении к кампании 2017 года. Национальный фронт не представляет никакой опасности для олигархии, потому что он не призывает к выходу из Европейского Союза, зоны евро и НАТО. Есть и еще одна причина, по которой наши проамериканские СМИ будут пропагандировать Национальный фронт. Как показывают социологические исследования, Национальный фронт достиг возможного предела своей популярности и его рейтинг больше не будет подниматься. На сегодняшний день у 70 процентов французов хотя бы кто-то один из дедушек или бабушек является иностранцем. А при такой статистике мигрантофобия, на которую делает ставку Национальный фронт, имеет естественные пределы. Вообще опросы общественного мнения свидетельствуют, что Национальный фронт, больше чем какая-либо другая партия, вызывает неодобрительные и негативные эмоции во французском обществе. Хотя с приходом к руководству Национальным фронтом Марин Ле Пен этот негатив начал снижаться. За все сорок с лишним лет своего существования Национальный фронт никогда не набирал больше 14 процентов списочного состава избирателей. Когда говорят о прорыве Национального фронта на европейских выборах и результате в 20–25 процентов, то лукаво умалчивают, что это процент голосовавших, а не списочного состава избирателей. Если же отталкиваться от списочного состава, то мы получим те же неизменные 14 процентов. Но электорату Национального фронта неведом абсентеизм, его избиратели всегда дисциплинированно приходят на выборы, чего не скажешь об избирателях других партий. А избиратели Национального фронта мобилизуются. Национальный фронт с накачанным рейтингом может стать очень полезным инструментом для обеспечения во втором туре победы любого кандидата, против которого будет выступать кандидат от Национального фронта. Потому что Национальный фронт никогда не получит больше половины голосов, это исключено по определению. Для этого и надо держать партию мадам Ле Пен в разогретом состоянии – я имею в виду рейтинг Национального фронта. Ходят слухи, что Олланд способствует тому, чтобы СМИ уделяли повышенное внимание Национальному фронту и лично мадам Ле Пен, так как не исключает вероятности сойтись с ней во втором туре выборов в 2017-м. Говорят также, что Саркози очень опасается роста популярности Национального фронта, потому что сам рассчитывает выйти во второй тур против Олланда. Электорат экс-президента и мадам Ле Пен относится во многом к одному политическому сегменту и даже во многом пересекается, так как есть колеблющиеся, они определятся с выбором в самый последний момент. А недавно заговорили о президентских перспективах экс-министра экономики Монтебура, и если он действительно пойдет на выборы, то это спутает карты и Национальному фронту, и Саркози. Возможный электорат Монтебура располагается примерно в том же диапазоне политического спектра, но он тем не менее не станет голосовать ни за Национальный фронт, ни за Саркози. То есть ожидается очень сложная игра. И конечно, главное сегодня – это информационное обеспечение избирательной кампании. В Соединенных Штатах было проведено ис-

следование поведения электората во время общенациональных избирательных кампаний. Это исследование показало, что чем больше люди видят того или иного политика по телевизору – причем не важно, в позитивном или негативном освещении, – тем больше голосов он получает на выборах. Думаю, что то же самое можно сказать и о мотивации французского избирателя. Например, в 2012 году в течение нескольких месяцев до первого тура президентских выборов больше всего времени на телеэкране провел Олланд. И это несмотря на то, что против него был президент Саркози, который уже в силу своего статуса имел больше возможностей переключить на себя внимание телеаудитории. Но этого не произошло, поскольку олигархи, управляющие средствами массовой информации во Франции, решили, что приоритет надо отдать Олланду. Эфирного времени у него было больше, чем у всех остальных кандидатов. Можно даже вывести прямую зависимость: сколько кандидаты получили эфирного времени в сравнении друг с другом, такой процент голосов они и берут на выборах. Кроме телевидения существует еще и Интернет, и количество людей, предпочитающих его остальным электронным СМИ, год от года увеличивается. Я думаю, что во Франции Интернет впервые всерьез заявит о себе именно на выборах 2017 года. Посмотрите, что получилось в Индии. Новый премьер-министр Нарендра Моди вел свою избирательную кампанию практически исключительно в Интернете. А ведь Индия – далеко не самая развитая страна. Я знаю, что и в Италии Интернет играет всё более значимую роль во время избирательных кампаний. То же самое будет и у нас, никуда мы от этого не денемся.

Мне кажется, что Олланд настолько непопулярен, что он вряд ли станет выставлять свою кандидатуру на второй срок. В последнее время активизировался Саркози. Причем на фоне провального президентства Олланда всё больше наблюдателей начинают допускать возможность его возвращения в Елисейский дворец. Но я в это не верю. Называют также первого премьера Ширака Алена Жюппе (на фото). Ну и, конечно, будут, как и в 2012-м, раскручивать Национальный фронт.

– Какие планы на 2017 год у Народного республиканского союза? Или же вы пока не определились, станете ли участвовать в следующей президентской кампании?

– Мы попробуем участвовать в президентских выборах. Хотя наша партия и молодая, но у нас уже на сегодняшний день 6160 членов. Для партийного ландшафта Франции, где борются гиганты, история которых насчитывает десятилетия, и где численный рост партий ограничен в силу того, что электорат давно поделен между основными игроками, это много. Я подчеркиваю, мы не тягаемся с этими гигантами – я оцениваю силы именно в своей, так сказать, «весовой категории» – среди новых политических образований. К тому же численность Народного республиканского союза постоянно увеличивается, и я рассчитываю, что к 2015 году, когда должны пройти выборы в местные органы власти, у нас будет в два раза больше членов. И мы обязательно на следующий год станем участвовать в этих выборах, чтобы набраться опыта, чтобы приучить избирателей к нашей партии и чтобы повысить ее авторитет. То есть попробуем еще раз – после европейских выборов. Тогда, как я уже говорил, наш результат был невысок, но это же была наша первая попытка. Я вижу сильную сторону Народного республиканского союза в том, что у нас нет определенной географической привязки к тому или иному региону, где нас выбирают. У нас нет и социальной привязки – в Народный республиканский союз входят люди самых разных политических взглядов и убеждений. Конечно, среди

Жанна д'Арк. Вторая половина XV века

В переломные моменты своей истории французы способны совершать самые безрассудные поступки, мобилизовываться и совершать подвиги. Жанна д'Арк начинала одна – и за ней пошла вся Франция. Де Голль создавал Сопротивление буквально на пустом месте, а через несколько месяцев это было уже мощное движение. Во французском народе в результате каких-то «алхимических» процессов могут происходить чудесные превращения, когда мы вдруг начинаем ощущать свою миссию и свое предназначение.

наших членов нет крупных банкиров, это понятно. Но это, пожалуй, единственная социальная группа, которая не заинтересована в нас и нашей идеологии в силу своих материальных ориентиров. Никаких других мотивационных барьеров, препятствующих вступать в Народный республиканский союз, я не могу назвать, их просто не существует. К нам переходят из крайне правых, правых, центристских, левых и крайне левых партий. Могу выделить две особенности социального состава Народного республиканского союза. Первая особенность – это молодость наших членов. Наверное, это результат того, что мы стараемся работать в самой гуще народа. Я вам говорил, что регулярно выступаю с лекциями, в которых разъясняю нашу позицию. В этом нет ничего оригинального – другие политики тоже выступают с лекциями, но делают это преимущественно по телевизору или в Интернете. Я же предпочитаю живые лекции, причем вне зависимости от того, сколько собралось слушателей. И в основном я езжу с лекциями по провинции. Вы знаете, меня приходят слушать очень много молодых людей. Средний возраст членов Народного республиканского союза – 42 с половиной года. Другая особенность социального состава нашей партии – это значительное количество иммигрантов или французов иммигрантского происхождения. И я ничуть не сомневаюсь в их патриотизме. Представьте себе такую картину: после моей лекции в университете молодые алжирцы встают и поют «Марсельезу». Нужно понимать мотивацию иммигрантов. Подавляющее большинство из них мечтают заработать на жилье, на хорошую машину или хотя бы на какие-то предметы роскоши. Когда они возвращаются к себе на родину, то родственники нередко воспринимают их отчужденно, видя в своих близких, приехавших из Франции, уже французов. И

эти «новые французы» быстро возвращаются обратно во Францию. Многие из них даже постепенно забывают родной язык и начинают говорить только на французском. Да, коренные французы часто относятся к иммигрантам с недоверием и опаской. Наши СМИ тоже подливают масла в огонь, муссируя тему угрозы со стороны арабов и русских. Но не надо забывать, что Франция – особенная страна, в ней очень легко ассимилироваться, потому что сам французский народ представляет собой синтез нескольких народов. У нас запрещена этническая статистика. Но по некоторым косвенным данным можно заключить, что во Франции из всех заключаемых в настоящее время браков смешанными являются 12–14 процентов. Я имею в виду прежде всего браки между этническими французами и выходцами из Северной Африки и из арабского мира. В Британии этническая статистика не запрещена, и там смешанных браков – всего 0,1 процента. Народный республиканский союз стремится донести до всех, что Франция – великая страна. Мы делаем это вопреки активно насаждаемому ведущими французскими СМИ взгляду, что Франция стала во всех отношениях никчемной и пустой страной. Между прочим, этот взгляд активно навязывается как этническим французам, так и иммигрантам. Среди лекций, которые я прочитал, наибольшим успехом пользовались лекции по истории Франции. Это свидетельствует, что люди хотят знать свою историю, знать ее светлые и темные страницы. Да, на совести французов есть преступления. Но преступления имеются на совести всех народов, все так или иначе совершали насилия и притеснения других. Но это не повод заниматься тотальным очернением собственного прошлого, потому что история Франции – это история великой страны, веками боровшейся за свою свободу и независимость. Мы подарили миру универсальные ценности, например Декларацию прав человека и гражданина. Вы не можете себе представить, насколько все эти рассуждения интересуют молодых французов – вне зависимости от их этнического происхождения. Кстати, 5,8 процента наших членов – это французы, проживающие за пределами Франции. Для сравнения скажу, что в целом два процента французов проживают за границей. Таким образом, наши взгляды о необходимости выхода Франции из Европейского Союза, зоны евро и НАТО разделяются французами, живущими не на родине... А возвращаясь к вопросу о нашем участии в следующих президентских выборах, хочу сказать, что мы станем к ним готовиться в декабре следующего года, когда будем заниматься сбором подписей. Мы начали налаживать связи с поддерживающими нас мэрами коммун. Сегодня трудно предугадать, каковы будут результаты. Но нам придает сил и уверенности осознание того, что мы делаем дело, кажущееся невозможным, сумасшедшим. В переломные моменты своей истории французы способны совершать самые безрассудные поступки, мобилизовываться, находить нетривиальные решения самых сложных вопросов, наконец, совершать подвиги и демонстрировать величайшие проявления героизма. Жанна д'Арк начинала одна – и за ней пошла вся Франция. Де Голль создавал Сопротивление буквально на пустом месте, а через несколько месяцев это было уже мощное движение. То есть во французском народе в результате каких-то «алхимических» процессов могут происходить чудесные превращения, когда мы вдруг начинаем ощущать свою миссию и свое предназначение. И мы надеемся, что тот энтузиазм, который я вижу на своих лекциях, который демонстрируют молодые члены Народного республиканского союза, как раз является первым симптомом этих самых «алхимических» процессов. У нас на самом деле есть шанс взять тем, чего совсем нет у старых и уставших от лицемерной политики партий, – азартом и искренностью. Я в это верю.

– Господин Асселино, спасибо вам за интересную беседу, за те сведения, которыми вы поделились со мной. Возможно, с моей стороны это будет выглядеть некорректным шагом, вмешательством во внутренние дела другого государства, но мне искренне хочется пожелать вам и Народному республиканскому союзу всяческих успехов в большой политике. Я высказываю это пожелание исходя из очень простых соображений. Да, не спорю, многие из тех проблем, которыми занимается ваша партия, объективно очень далеки от вопросов, действительно задевающих меня и моих соотечественников. Но я тем не менее открыто демонстрирую свою поддержку именно вам, потому что в сегодняшней сложной ситуации, когда на Западе развернулась массированная травля моей страны и президента, за которого я голосовал, вы – один из немногих, кто не скрывает симпатий к России и к Путину, кто осуждает свои власти за поддержку санкций. И мне остается только сожалеть, что о вас в России так мало знают. Рассчитываю, что это обширное интервью поможет лучше представить вас нашей аудитории.

Париж, 13 октября 2014 года

Переводил Олег Бергазов

Чандра Музаффар –
президент Международного движения
за справедливый мир (Малайзия)

Напряженность в Западной Азии и Северной Африке: кто несет ответственность?

Волнения и беспорядки в Западной Азии и Северной Африке (ЗАСА) происходят десятилетиями. Каковы основные причины отсутствия стабильности в этом жизненно важном регионе мира? Объективный анализ показывает, что в основе постоянного конфликта и бедствий, приведших здесь к многочисленным смертям и разрушениям, лежат интересы элит двух государств ЗАСА – Израиля и Саудовской Аравии, – а также стремление США и их союзников господствовать в регионе и контролировать его.

Интересы элит в обоих государствах и управляемая гегемония США часто переплетаются, хотя иногда они действуют отдельно. Но влияние этих факторов на регион огромно.

Я начну с Израиля – наиболее дестабилизирующей силы в ЗАСА.

Израиль

Со времени своего незаконного создания в 1948 году Израиль одержим идеей обеспечения собственной безопасности. Его понятие о безопасности отличается от того, как ее понимают в любом другом государстве мира. Он рассматрива-

Враждебность Израиля по отношению к Ираку была обусловлена рядом факторов. Саддам Хусейн (на фото) был последовательным сторонником Палестины и противником Израиля. Ирак имеет огромные запасы нефти, и в начале правления Саддама он занимал второе место по ее экспорту среди членов ОПЕК. Часть доходов от экспорта нефти иракский лидер использовал для помощи палестинцам.

ет свою безопасность как осуществление полного господства и власти над всем регионом. Это одна из причин, почему он продолжает аннексировать арабские земли, расширять свою территорию и укреплять свои поселения на протяжении последних 66 лет.

Например, он использовал войну 1948–1949 годов со своими арабскими соседями, чтобы захватить больше территорий. Точно так же он превратил Шестидневную войну в июне 1967 года в крупный захват территорий, аннексировав Газу, Западный берег реки Иордан и Восточный Иерусалим в Палестине, части южного Ливана, Голанские высоты в Сирии, а также Синайский полуостров в Египте. С 1967 года Израиль усиливает свой контроль над Западным берегом реки Иордан и Восточным Иерусалимом путем бесконечного расширения поселений.

Осуществляя политику экспансии, израильская элита всегда действует против какого-то конкретного государства и его лидера. В 1950–1960-х годах смертельным врагом Израиля был объявлен Египет, возглавляемый Гамалем Абделем Насером, причем не только потому, что Насер выступал против Израиля, но также потому, что он был способен идеологически мобилизовать арабские народные массы. Именно поэтому Израиль объединился с Британией и Францией, стремясь помешать Насеру национализировать Суэцкий канал в 1956 году. Однако им не удалось это сделать – отчасти из-за того, что американский президент Дуайт Эйзенхауэр открыто критиковал действия Израиля и его союзников.

После эпизода с Суэцким каналом израильские лидеры и их лоббисты в США разными способами добивались того, чтобы руководство Соединенных Штатов отдавало приоритет израильским интересам над всеми остальными. Когда в 1967 году разразилась война, правящие круги США безоговорочно поддержали Изра-

Саудиты не будут предпринимать ничего, что могло бы поставить под угрозу их отношения с Вашингтоном и Лондоном, которые помогают им защищать свой трон – и которые в то же самое время оберегают интересы Израиля. Исключением был разве что король Фейсал I (на фото), который хотя и был близким союзником Запада, но тем не менее пытался использовать нефть как средство добиться от США уступок для арабов во время войны 1973 года.

ское сопротивление Израилю.

Однако в следующем году произошло событие, серьезно нарушившее дальнейшие планы Израиля: иранский народ сверг своего шаха Резу Пехлеви, считавшегося жандармом США и их союзников в ЗАСА. Правда, еще более чем за два десятилетия до исламской революции 1979 года благородную и смелую попытку отстоять независимость Ирана предпринял премьер-министр страны Мохаммед Мосаддык. Но эта попытка была подавлена в 1953 году британской разведкой и ЦРУ. С 1979 года лидер исламской революции имам Хомейни и Исламская Республика Иран стали врагами Израиля. Совместно с США и другими государствами ЗАСА Израиль пытался ослабить революционный Иран восьмилетней войной, навязанной молодой республике рядом арабских государств во главе с иракским лидером Саддамом Хусейном. Причем сам Израиль напрямую не участвовал в этой войне, которой умело дирижировали Соединенные Штаты, Британия и некоторые из их западных союзников. В этой войне погибли около полумиллиона человек. Выяснилось, что Вашингтон и Лондон не только поставляли Саддаму химическое оружие, но также тайно строили для него склад биологического оружия.

По иронии истории после закончившейся в 1988 году ирако-иранской войны Запад обратил свои силы уже против Ирака. Причиной этого стало вторжение Ирака в Кувейт в 1990 году. Агрессия Багдада явилась для Соединенных Штатов предлогом, чтобы усилить свой контроль над Кувейтом, который длительное время был союзником США, и начать атаковать Ирак. Израиль же противостоял Саддаму еще с конца 1970-х годов, несмотря на его союз с Ираком во время войны против Ирана. Так, израильские военно-воздушные силы по собственной инициативе в 1981 году бомбили иракскую атомную станцию в Осираке.

Враждебность Израиля по отношению к Ираку была обусловлена рядом факторов. Саддам, как и Насер, был последовательным сторонником Палестины и противником Израиля. Ирак имеет огромные запасы нефти, и в начале правления Саддама он занимал второе место по ее экспорту среди членов ОПЕК. Часть доходов от экспорта нефти иракский лидер использовал для помощи палестинцам. Он также вкладывал крупные средства в совершенствование вооружений и создание национальной научной инфраструктуры. Политический лидер с такой репутацией, естественно, представлял собой угрозу для безопасности Израиля. Вот почему Израиль полностью одобрил санкции, которые США и Британия через Совет Безопасности ООН наложили в 1991 году на народ Ирака. Эти санкции привели к резкому падению жизненного уровня в Ираке, что привело к смерти примерно 650 тысяч иракских детей на протяжении 1990-х годов. По общепринятому мнению, ответственность за это целиком лежит на Вашингтоне и Лондоне. В 2003 году коалиционные силы США и Британии вторглись в Ирак и захватили его. Можно

иль, что они и продолжают делать с тех пор. Это – результат исключительно сильного влияния Израиля и его американских лоббистов, которое они оказывают на Конгресс и Сенат США, Белый дом, верхние эшелоны национальной экономической и финансовой иерархии, средства массовой информации, научные круги и мир развлечений.

Именно Соединенные Штаты способствовали выходу Египта из орбиты Советского Союза через несколько лет после смерти Насера в 1970 году и его попаданию в сферу влияния Вашингтона. Для Израиля это был триумф, который завершился заключением в 1978 году при посредничестве США мирного соглашения между Израилем и Египтом. Этот шаг Египта ослабил араб-

назвать две причины оккупации Ирака: во-первых, нефть, во-вторых, необходимость обеспечения безопасности Израиля. Это означает, что если в Ираке с 1990 года, включая восемь лет оккупации Соединенными Штатами с 2003-го по 2011 год, погибли и умерли более трех миллионов человек, то это случилось во многом ради того, чтобы защитить Израиль.

Когда в 2006 году в Ираке под контролем американцев прошли выборы и к власти пришло шиитское большинство, США, Израиль и некоторые арабские монархии вдруг поняли, что новое шиитское правительство в Багдаде смотрит в сторону Тегерана. Такого поворота событий они уж никак не ожидали и поэтому начали создавать и поддерживать боевые группы суннитов в противовес правительству шиитов. Так «Аль-Каида» стала частью политического ландшафта Ирака. Макиавеллистские манипуляции и провоцирование суннитов и шиитов на взаимное сдерживание достигли апогея в Ираке и других странах региона.

Событием, произошедшим за пределами ЗАСА, но тем не менее вызвавшим ответную реакцию Эр-Рияда, стало вторжение Советского Союза в Афганистан. Саудиты начали работать в тесном контакте с США, помогая создать обширную сеть борцов за независимость из представителей разных стран – моджахедов, – которые отправлялись в Афганистан для войны с теми, которых воспринимали как безбожных захватчиков.

Израильскую элиту беспокоило усиление шиитов не только в Ираке. Военно-политическая власть шиитов стала укрепляться с 2001 года и в Ливане. В данном случае это было народное движение шиитов – Хезболла, – которое сумело остановить наступление Израиля на Ливан в 2006 году. Поэтому Хезболла – единственное народное движение в ЗАСА, которого опасаются вооруженные силы Израиля.

Хезболла, Иран и сирийское руководство под предводительством Башара аль-Асада, происходящего из алавитов (шиитов), – вот три силы, которые Израиль рассматривает как наиболее значительных противников его власти в регионе. Поэтому израильская политика нацелена прежде всего на разрушение этого триумвирата. Аналогичная установка и у Соединенных Штатов, поскольку они видят в Хезболле, сирийских верхах и Иране помехи американской гегемонии на Ближнем и Среднем Востоке.

Именно этим раскладом геополитических интересов и вы-

званы предпринимаемые с 2011 года попытки различных вооруженных групп устранить Башара аль-Асада. Израиль оказывает некоторым из этих групп материальную помощь и сам наносит регулярные удары по позициям сирийской армии. Такие региональные игроки, как Израиль, Саудовская Аравия, Катар и Турция, и игроки мирового масштаба – США, Британия и Франция – привлекли в эти вооруженные группы тысячи иностранных бойцов из примерно 80 стран, которые считают устранение Асада джихадом. Три с половиной года сирийского конфликта привели к гибели десятков тысяч сирийских мирных жителей и военных, не считая самих боевиков.

Для Израиля самым непримиримым врагом в этом триумвирате является именно Иран. Израильская элита осознает, что военные и научные возможности Ирана гораздо более внушительны, чем у Ирака в период Саддама Хусейна. Иран является одним из ведущих экспортеров нефти и газа. Его власти пользуются непререкаемым авторитетом у народных масс. У Ирана имеются наработанные религиозные связи в регионе, а его идеология отличается высокой степенью самопожертвования и ответственности. Вот почему Израиль изо всех сил старается убедить своих покровителей и защитников – Соединенные Штаты и их европейских союзников – в том, что Иран продолжает секретную программу разработки ядерного оружия под видом программы развития ядерной энергетики в мирных целях. И хотя Иран заявляет, что производство ядерного оружия в исламе запрещено, и на протяжении многих лет разрешает широкомасштабные инспекции с выездом инспекторов на свои ядерные объекты, израильская элита продолжает распространять ложь о намерениях Ирана применить ядерное оружие. Чтобы обвинить Иран, израильтяне даже пошли на подделку документов, предоставленных ими в распоряжение Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ). Израиль развязал кибервойну против ядерных программ Ирана и взламывает компьютеры на его ядерных объектах. Иранских ученых вероломно убивают. Все перечисленные действия Израиля доказывают его непреодолимую одержимость безопасностью – одержимость, не имеющую ничего общего с реальностью.

Эта одержимость наиболее агрессивно выражена в политике Израиля на Западном берегу реки Иордан и в секторе Газа. Выше уже говорилось об укреплении израильских поселений на Западном берегу реки Иордан. Газа, которую часто называют самой большой в мире тюрьмой под открытым небом, подвергалась массированным атакам со стороны Израиля не менее трех раз с 2008 года. Во время последнего обострения в июле–августе 2014 года было убито около 2100 палестинцев, четверть из которых – дети. А всего с сентября 2000 года убито не менее 9100 палестинцев. И практически всегда израильские лидеры оправдывают убийства интересами безопасности Израиля.

Саудовская Аравия

Если смыслом существования Израиля является обеспечение его безопасности, то действительной, хотя и негласной, причиной многих решений и действий правящего класса Саудовской Аравии является защита трона Дома Саудитов. В стремлении сохранить свой трон саудовские правители идут навстречу некоторым пожеланиям собственного народа и соседей, но вместе с тем внимательно следят, чтобы их королевская власть оставалась неприкосновенной. Точно так же они подходят и к палестинской проблеме. На словах правители Саудовской Аравии всегда выступают за соблюдение прав палестинцев и предоставляют им финансовую и гуманитарную помощь. Но Саудиты не будут предпринимать ничего, что могло бы поставить под угрозу их отношения с Вашингтоном и Лондоном, которые помогают им защищать свой трон – и которые в то же самое время оберегают интересы Израиля. Исключением был разве что король Фейсал I, который хотя и был близким союзником Запада, но тем не менее пытался использовать нефть как средство добиться от США уступок для арабов во время войны 1973 года.

Второстепенная роль Саудовской Аравии в политике региона изменилась благодаря двум событиям, произошедшим в 1979 году.

Первым событием явилась иранская революция, вызвавшая в Эр-Рияде настоящую панику. Элита Саудовской Аравии увидела в революции вызов ближневосточным феодальным монархиям. Эгалитаризм исламской революции также шел вразрез с исламом ваххабитского толка, которому следовал Дом Саудитов. Проблемой для саудовской элиты было и то обстоятельство, что иранский ислам является шиитским, в то время как большинство мусульман являются суннитами. Примерно в это же время Саудиты стали представлять разделение на шиитов и суннитов как главный теологический и политический раскол в исламе. Но до 1979 года элита Саудовской Аравии, у которой были тесные отношения с шахом Резой Пехлеви, не видела проблемы в его принадлежности к шиитам. Саудовская

Аравия сыграла решающую роль в войне против Ирана, финансируя иракскую коалицию, поддерживаемую Соединенными Штатами. Теперь Саудиты были решительно настроены остановить распространение антимонархического шиитского ислама, который диаметрально отличался от ваххабизма.

Другим событием, произошедшим за пределами ЗАСА, но тем не менее вызвавшим ответную реакцию Эр-Рияда, стало вторжение Советского Союза в Афганистан. Саудиты начали работать в тесном контакте с США, помогая создать обширную сеть борцов за независимость из представителей разных стран – моджахедов, – которые отправлялись в Афганистан для войны с теми, которых воспринимали как безбожных захватчиков. В подготовке моджахедов также участвовала и ведущая спецслужба Пакистана – Межведомственная разведка.

Отправной точкой превращения Саудовской Аравии в силу, провоцирующую конфликты в ЗАСА и сравнимую по силе своего участия в эскалации напряженности в регионе разве что с Израилем, стало сопротивление исламской революции в Иране. Эта революция в определенном смысле сыграла роль пускового механизма.

Значимость вовлечения Саудовской Аравии в афганский конфликт заключается в том, что некоторые из возникших в ходе него групп боевиков – например, «Аль-Каида» – завязали прочные отношения с Эр-Риядом. Так, покойный Усама бен Ладен был гражданином Саудовской Аравии и имел тесные связи с саудовской элитой. 15 из 19 воздушных пиратов, атаковавших 11 сентября 2001 года башни Всемирного торгового центра, были саудовцами, некоторые из них даже помогали финансировать подготовку этого теракта.

Саудовская Аравия финансирует и суннитских боевиков, воюющих с шиитским правительством Ирака. Причем эти деньги не обязательно идут от государства. Спонсорами могут выступать и частные лица. Государственные и негосударственные структуры Эр-Рияда рекрутируют и поддерживают боевиков для участия в сирийском конфликте, с тех пор как в марте 2011 года там началась гражданская война. Исламские проповедники из Саудовской Аравии активно призывают молодежь ехать в Сирию, чтобы сражаться с «неверным» правительством шиитов, якобы угнетающим суннитское большинство. Подобная агитация через *YouTube* и *Facebook* оказала огромное влияние на мусульманскую молодежь от Куала-Лумпура и

Исключительная роль Саудовской Аравии в сохранении гегемонии США наглядно подтвердилась благодаря недавней договоренности между ними, в результате которой саудовцы заполнили мировой рынок дешевой нефтью, что привело к ослаблению Ирана и России, зависящих от нефтегазовых цен как основных источников дохода.

Карачи до Бирмингема и Берлина. То есть саудовские деньги и проповедники были решающим фактором в общемировой мобилизации суннитов против шиитов, которая произошла на фоне разрастания сирийского конфликта. Поэтому саудовцы и некоторые другие страны в ЗАСА – как арабские, так и неарабские – несут ответственность за увеличение численности и усиление террористических группировок, таких как Исламское государство (ИГ). В пропагандистских проповедях представителей ИГ и других религиозных деятелей подобного рода не только искажается ислам, но и тенденциозно преподносится фактическая ситуация в Сирии. А передергивание фактов и неправдоподобное освещение реальности, в свою очередь, приводят к гибели тысяч в основном молодых людей из разных частей мира.

Таким образом, отправной точкой превращения Саудовской Аравии в силу, провоцирующую конфликты в ЗАСА и сравнимую по силе своего участия в эскалации напряженности в регионе разве что с Израилем, стало сопротивление исламской революции в Иране. Эта революция в определенном смысле сыграла роль пускового механизма. Израиль усмотрел в новом иранском режиме угрозу для собственной безопасности из-за несуществующей тегеранской программы разработки ядерного оружия. А для Саудовской Аравии республиканский исламский Иран означал рост шиитского влияния в регионе. Именно это противоречие между обоими исламскими государствами обусловило их взаимную враждебность и борьбу за влияние в регионе.

Соединенные Штаты Америки

Выше уже приводились многочисленные примеры того, как Соединенные Штаты отстаивают свою гегемонию в ЗАСА. Этой проблемой они сильно озабочены с 1960-х годов, хотя интерес к региону стали проявлять уже с 1920-х годов. Отправной точкой американского интереса к территории ЗАСА была нефть. Вот почему США тогда добивались расположения обеих нефтеносных монархий ЗАСА – Саудовской Аравии и Ирана. Причем американские нефтяные магнаты следовали здесь за своими британскими коллегами, у которых были налажены связи с дворцами и Саудовской Аравии, и Ирана. После исламской революции в Иране форпостом гегемонии США в ЗАСА остается лишь одна Саудовская Аравия.

Во многом благодаря своему контролю над саудовской нефтью Соединенные Штаты после Второй мировой войны смогли помочь Европе встать на ноги, так как Европа была очень зависима от Саудовской Аравии и других государств ЗАСА, экспортирующих нефть. Вообще глобальное господство США во многом основывается на том, что эта страна контролирует производство и продажу нефти в мире – в отличие от большинства стран, которые просто заинтересованы в доступе к «черному золоту». Именно из-за стремления быть главным игроком на нефтяных рынках планеты США вместе с Британией вторглись в 2003 году в Ирак. А в 2011 году западная коалиция под американским руководством свергла Муаммара Каддафи и попыталась посадить в Ливии своих ставленников, чтобы заполучить

доступ к имеющимся у этой страны богатым запасам нефти.

На территории ЗАСА Соединенным Штатам удается сохранять свою нефтяную гегемонию благодаря сотрудничеству с Саудовской Аравией и другими арабскими монархиями, экспортирующими нефть. Причем очевидно, что почти все эти монархии являются марионеточными режимами, предназначение которых – помочь Америке сохранить контроль над нефтяными кранами региона.

Особенно важна для США Саудовская Аравия, поскольку она является самым крупным экспортером нефти в мире и ведущим членом ОПЕК. Через нее Соединенные Штаты опосредованно контролируют ОПЕК. Поскольку Саудовская Аравия также является фактическим лидером Организации исламского сотрудничества, США также имеют определенное влияние и на эту межгосударственную структуру, в которую входят 57 членов.

Исключительная роль Саудовской Аравии в сохранении гегемонии США наглядно подтвердилась благодаря недавней договоренности между ними, в результате которой саудовцы заполнили мировой рынок дешевой нефтью, что привело к ослаблению Ирана и России, зависящих от нефтегазовых цен как основных источников дохода. По мнению известного аналитика Уильяма Энгдала, эта саудовская операция, по-видимому, проведена в соответствии с финансово-военным сценарием Министерства финансов США, разработанным его Управлением контртеррористической и финансовой разведки при сотрудничестве с небольшим количеством внутренних игроков на Уолл-стрит, которые контролируют торговлю нефтью.

Катар поддержал действия Саудовской Аравии по свержению Башара аль-Асада (на фото), финансируя террористов и рекрутируя добровольцев для участия в объявленном джихаде. Вашингтон, естественно, приветствует эти усилия, оказывая им моральную и материальную поддержку, поскольку Асад был и остается противником гегемонии США.

Саудовская Аравия является не единственным государством в ЗАСА, которое обеспечивает гегемонию США. Другие страны действуют в том же русле иными способами. В каких-то из них – например, в Кувейте, Катаре и Бахрейне – имеются хорошо оборудованные военные базы США. Так, в Бахрейне базируется Пятый флот ВМС США. А Турция вообще уже долгое время состоит в НАТО. Проводниками западных экономических интересов в регионе являются транснациональные корпорации и курируемые ими различные финансовые центры.

Любая попытка со стороны правительств тех или иных государств или общественных движений действовать самостоятельно вызывает негативную реакцию у стран региона и у самих США. Это произошло, например, в случае с согла-

Сам президент Барак Обама (на фото справа) не в восторге от политики премьер-министра Израиля Биньямина Нетаньяху (на фото слева). Расширение им израильских поселений на Западном берегу реки Иордан оттолкнуло многих его сторонников в США и особенно в Европе. Поэтому Обама ищет сейчас баланс в подходе США к политике в ЗАСА. Попытка переговоров с Ираном может быть элементом этого нового курса.

шением о газопроводе, подписанным правительствами Сирии, Ирана и Ирака в июле 2011 года. По соглашению предполагалось строительство газопровода, который перекачивал бы газ из крупного месторождения природного газа Южный Парс через Ирак в Дамаск, а со временем – в Ливан и оттуда в Европу. Данное соглашение напрямую задевало интересы Катара, который также намеревался поставлять газ в Европу и у которого было собственное видение того, как должен пролегать газопровод. Указанное обстоятельство предположительно стало одной из причин, по которым Катар поддержал действия Саудовской Аравии по свержению Башара аль-Асада, финансируя террористов и рекрутируя добровольцев для участия в объявленном джихаде. Вашингтон, естественно, приветствует эти усилия, оказывая им моральную и материальную поддержку, поскольку Асад был и остается противником гегемонии США.

Америка приложила руку и к взаимному стравливанию шиитов и суннитов, действуя по известному древнему принципу «разделяй и властвуй». Саудовская Аравия, Катар и некоторые другие государства региона поддерживают Соединенные Штаты в этой жестокой игре, но при этом действуют в соответствии с собственной программой. К подогреванию шиитско-суннитского противостояния причастен и Израиль. Вовлеченность Израиля в провоцирование этого внутриисламского конфликта – одна из многих граней его сотрудничества с США. Страны были партнерами еще с 1960-х годов, когда боролись с палестинским народом, они поддерживали друг друга во время завоевания Ирака и продолжают координировать свои шаги в борьбе с Асадом и в травле Ирана. За переплетением интересов США и Израиля во всех названных авантюрах кроются более глубокие отношения между элитами обеих стран, которые развивались благодаря влиятельному сионистскому лобби в США. Поэтому Израилю всегда удавалось получать от войн, которые он вел в регионе, все, чего он добивался. Ни одна другая страна в мире никогда не имела такой же защиты и поддержки гегемона – США, – как Израиль. Причем Израилю удается настолько использовать этого гегемона в собственных интересах, что порой непонятно, какая из стран больше выигрывает от этого сотрудничества. Для многих наблюдателей очевидно, что здесь чаще хвост вертит собакой.

Израиль и Саудовская Аравия помогают Соединенным Штатам сохранять за собой гегемонию в ЗАСА. Соединенные Штаты, в свою очередь, защищают интересы Израиля и Саудовской Аравии. То есть взаимная заинтересованность всех этих игроков друг в друге налицо. И тем не менее в последнее время в их отношениях появляются трещины. Почему? Что это предвещает в будущем?

Происходящие перемены

Израильскую и саудовскую элиты раздражает и злит, что США и другие западные державы вместе с Россией и Китаем вступили в переговоры с Ираном по его ядерной программе. Цель этих переговоров – заключение всеобъемлющего соглашения, по которому Иран никогда не будет иметь ядерного оружия, но сможет проводить исследования по использованию атомной энергии в мирных целях, что является правом любого суверенного государства. Как только соответствующая договоренность будет достигнута,

иранские руководители намерены настаивать на том, чтобы США и Европа отменили все несправедливые санкции, наложенные на Иран в течение многих лет. Санкции нанесли ущерб иранской экономике, хотя все это время иранское правительство было открыто для переговоров по своей ядерной программе. Например, действующий президент Ирана Хасан Рухани был основным переговорщиком по ядерным вопросам при Мохаммаде Хатами, когда тот был президентом в 1997–2005 годах.

Желание иранских лидеров, таких как Рухани, Хатами, и еще одного бывшего президента, Рафсанджани, вести переговоры, искать взаимовыгодное решение, закончить конфронтацию, которая может привести к войне и насилию, – одна из причин, почему сейчас, с приходом Рухани, существует серьезное намерение решить ядерный вопрос раз и навсегда. В общем и целом иранский народ всегда был склонен к мирному разрешению споров, что отражено и в его политической культуре.

По ряду причин нынешние лидеры США, возможно, также несколько более склонны к нахождению мирного выхода из иранской ядерной проблемы, чем, скажем, Джордж Буш-младший. Некоторые из этих причин, вероятно, имеют отношение к Израилю и Саудовской Аравии. Жестокое отношение Израиля к палестинцам, проводящиеся им с 2008 года систематические погромы бедных и бесправных жителей Газы начали вызывать отвращение у самих американцев. По данным проведенного недавно опроса американцев на *Google*, 6 из 10 американцев считают, что США слишком много помогают Израилю. Сам президент Барак Обама не в восторге от политики премьер-министра Израиля Биньямина Нетаньяху. Расширение им израильских поселений на Западном берегу реки Иордан оттолкнуло многих его сторонников в США и особенно в Европе. Поэтому Обама ищет сейчас баланс в подходе США к политике в ЗАСА. Попытка переговоров с Ираном может быть элементом этого нового курса.

В вашингтонских коридорах власти разочарованы и саудовской элитой из-за ее причастности к жестокому и варварскому насилию военизированных группировок ваххабитского толка в Ираке и Сирии. Да, сами Соединенные Штаты в свое время действовали в сговоре с этими группировками. Но в настоящее время американские лидеры, похоже, дистанцируются от наиболее явных спонсоров террора, какими являются саудовцы. К тому же сегодня американцы и европейцы все больше осознают, насколько регрессивным и атавистическим является правящий класс Саудовской Аравии в вопросах отношения к женщинам, прав человека и контактах с немусульманами и даже другими мусульманскими группами.

Новое отношение США к Израилю и Саудовской Аравии еще только формируется. Это новое отношение следует рассматривать на фоне упадка власти самих США и Запада. Отчасти именно по причине того, что США и Запад больше не занимают ведущие позиции в мировой экономике, которые они когда-то удерживали, и что они все менее способны указывать остальному миру, как ему поступать, их подход к происходящему в ЗАСА претерпевает изменения. В частности, США увидели, что, несмотря на все попытки обессилить Иран, он остается несгибаемым. Прочные связи Тегерана с Москвой и Пекином усилили его, и США осознают это. Поэтому в Вашингтоне понимают важность достижения соглашения с Ираном в контексте указанных мировых трансформаций.

К перечисленным факторам, вероятно, следует также добавить и скромную закулисную роль различных частных лиц по обе стороны границы, которые решительно настроены уменьшить напряженность и непонимание между США и Ираном. Некоторые из этих лиц являются бывшими дипломатами. Их «двухвекторный» диалог в течение нескольких лет подготовил почву для переговоров между Ираном и США, а также другими государствами, которые сейчас находятся на заключительной стадии.

Нет никакой гарантии, что это соглашение будет достигнуто. Препятствия труднопреодолимы, а израильская и саудовская позиции – бескомпромиссны. Но если соглашение все-таки подпишут и в нем будет признано право Ирана осуществлять собственную ядерную программу в мирных целях, если в результате этого будут отменены санкции против Тегерана, эти события окажут огромное влияние на ЗАСА и на мир в целом. А Израилю и Саудовской Аравии придется приспосабливаться к новой политической реальности, в которой их интересы больше не будут автоматически поддерживаться Соединенными Штатами. Такой поворот мог бы вынудить эти страны иначе относиться к их соседям. И тогда новый расклад сил в ЗАСА, а также другая конфигурация во взаимоотношениях между ЗАСА и США смогли бы оказать благотворное влияние на региональную и мировую политику.

Перевод с английского

Драгомир Анджелкович:

«Россия должна предложить миру идеологию новой глобализации»

Интервью сербского историка, политолога и писателя **Драгомира Анджелковича** первому заместителю главного редактора альманаха «Развитие и экономика» Дмитрию Андрееву

– Драгомир, готовясь к нашей беседе, я еще раз посмотрел твои работы в Сети и, хотя смог понять в них только какие-то самые общие вещи, так как не знаю сербского языка, убедился, что ты – как раз тот человек, который сможет ответить на интересующие меня вопросы. Я имею в виду твои тексты про истоки «бульдозерной революции», ее ход и ее последствия. Ты хорошо знаешь Россию, часто в ней бываешь, и сейчас ты, конечно, в курсе той оголтелой травли, которую Запад развернул против нашей страны и особенно против ее президента. В западных СМИ чуть ли не в открытую в адрес определенных групп нашей элиты говорится: сбросьте Путина, поменяйте режим, а мы обеспечим сохранность ваших активов и вашего бизнеса на Западе. В общем, ситуация у нас сейчас очень похожая на ту, что была в Югославии накануне той самой «бульдозерной революции» 2000 года. Некоторые эксперты даже проводят параллели между Путиным и Милошевичем: дескать, Милошевич в свое время обещал поддержку сербам за пределами Сербии, а потом дал задний ход, и Путин поступает точно так же в отношении жителей востока Украины. Хотя я считаю, что это сравнение некорректное, различий тут гораздо больше, чем какого-то внешнего сходства. Но ясно одно: Запад не простит Путину ни Крыма, ни поддержки – даже и без официального признания – Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики. Всё, точка невозврата пройдена. И мне совершенно очевидно, что Запад дал отмашку на подготовку у нас «бархатной революции». Сегодня шансы этой затеи на успех ничтожны. Но кто знает, что будет через год, через два. Сейчас вообще трудно понять, как скажутся на уровне жизни большинства россиян санкции, будет ли инфляция – и если будет, то какая. Ты понимаешь, что от названных мною факторов напрямую зависит успех этой «бархатной революции». Но ее подготовка уже началась – я говорю о соответствующей обработке общественного мнения и месседжах симпатизантам Запада среди нашей элиты. Может быть, имеют место и какие-то другие действия, но об этом в открытых СМИ ничего не говорится. Словом, Драгомир, я хотел бы с тобой обсудить вопрос: как это все было у вас 14 лет назад, усматриваешь ли ты какое-либо сходство между ситуацией в Югославии накануне свержения Милошевича и в сегодняшней России?

– И к Сербии, и к России Запад относится одинаково: наши страны для него глубоко враждебны в цивилизационном и культурном смыслах – и это главное. Запад – и в первую очередь именно Америка как наиболее яркое его олицетворение – традиционно стремится максимально ослаблять те суверенные государства, которые не находятся в сфере его

влияния. И я бы даже сказал еще резче – ослаблять до полной ликвидации их суверенного статуса. Да, собственно, даже и те страны, которые входят в так называемый коллективный Запад, уже трудно назвать стопроцентно суверенными в силу их очевидной зависимости от США. Но, конечно, главный оппонент для Америки – это православные славянские и иные государства незападного типа. Соединенные Штаты просто отказываются считать нас Европой: граница Европы в понимании Вашингтона пролегает там, где заканчивается католическо-протестантский мир. Однако при всей схожести восприятия Западом Сербии и России налицо и разница между нашими странами. И здесь я в первую очередь отмечаю именно тот аспект, о котором ты говоришь, а именно – устойчивость и жизнеспособность власти. Милошевич допустил много ошибок. О Путине такого не скажешь. Если посмотреть, какую Россию он принял в 1999-м и какой Россия является сейчас – через 15 лет, – то правление Путина можно с полной уверенностью назвать успешным. Безусловно, я не берусь судить о каких-то недочетах и недоработках – у кого их нет. Но в целом на всех направлениях политика Путина грамотная и адекватная. Чего, увы, не скажешь о политике Милошевича. Ошибки, которые он допустил, оказались фатальными и во многом предопределили отношение сербского общества к своему лидеру.

– Какие именно ошибки Милошевича?

– Милошевич руководствовался совершенно неправильным представлением о том, что суверенитет можно обеспечивать частично – гибко, ситуационно, жертвуя чем-то одним в пользу чего-то другого. А так поступать ни в коем

случае нельзя. Уступок в вопросах, затрагивающих суверенитет государства, не может быть в принципе – от этого те, кто требует таких уступок, становятся еще более агрессивными и несговорчивыми. Скажем, в 1995-м он не стал оказывать военную помощь Республике Сербская Краина. Кто знает, если бы тогда Милошевич повел себя решительнее, если бы Белград выступил на защиту своих соотечественников, может быть, агрессии НАТО и удалось бы избежать. Ведь это только на словах операции «Молния» и «Буря» осуществлялись хорватской армией. Точнее, хорватской в этих операциях являлась одна лишь пехота. Авиация, ракетная и иная серьезная военная техника были натовскими. На чем тогда основывался расчет Милошевича, понятно: мы не вмешиваемся в дела Республики Сербская Краина – но в то же время рассчитываем, что и Запад пойдет навстречу в вопросах, касающихся других территорий компактного проживания сербов. Но как бы не так! После Сербской Краины натовцы нанесли удар по Республике Сербской и заняли ее западную часть. Бóльшая часть сербского общества и политиков, включая даже тех, кто впоследствии поддержал «бульдозерную революцию» в октябре 2000-го, тогда требовали, чтобы официальный Белград защитил соотечественников. Но Милошевич на это не пошел – и с этого времени стал стремительно терять популярность. И даже последующие натовские бомбардировки 1999-го уже мало что могли изменить в восприятии Милошевича сербским обществом. Я хорошо

Подписание Дейтонского соглашения 14 декабря 1995 года

Милошевич руководствовался совершенно неправильным представлением о том, что суверенитет можно обеспечивать частично – гибко, ситуационно, жертвуя чем-то одним в пользу чего-то другого. Уступок в вопросах, затрагивающих суверенитет государства, не может быть в принципе – от этого те, кто требует таких уступок, становятся еще более агрессивными и несговорчивыми.

помню, как многие в 1999-м говорили: если бы он, то есть Милошевич, резко отреагировал на действия против сербов за пределами Сербии, то не исключено, что никаких бомбардировок и не было бы. И такое рассуждение справедливо: Запад зондирует своих противников, ищет тех из них, кто дает слабину, и уже найдя таких – как правило, дожимает их до конца.

– То есть я правильно тебя понял, что перед «бульдозерной революцией» против Милошевича были уже не только люди прозападной ориентации, но и патриоты?

– Совершенно верно. Если до 1995-го в числе оппонентов Милошевича были практически одни либералы, то после невмешательства в дела Сербской Краины в лагере его противников оказались и многие из тех, что считали себя патриотами.

– А неужели эти патриоты, которые поддержали свержение Милошевича, не понимали, что он при всех своих минусах, при всей своей нерешительности тем не менее оптимальный национальный лидер, что другого просто нет?

– Естественно, сегодня понятно, что мы допустили ошибку. Мы хотели чего-то идеального – а в итоге потеряли даже то реальное, чем обладали и что в смысле отстаивания национальных интересов было значительно эффективнее и действеннее того, что мы потом получили... Да, задним умом, как по-русски говорится, все бывают крепки. Это сейчас, из сегодняшнего дня все видится иначе, все познается в сравнении. А в конце прошлого и в самом начале этого века мы были наивными максималистами. К тому же не следует сбрасывать со счетов и фактор массированной прозападной пропагандистской обработки нашего общества буквально с самого начала 90-х. Запад целенаправленно выстраивал здесь свои пропагандистские структуры – СМИ, и особенно телевидение, а также неправительственные организации. Следует подчеркнуть роль телевидения в подготовке свержения Милошевича. Уже с конца 90-х ведущие телеканалы страны открыто поддерживали оппозицию – хотя на тот момент еще нельзя было сказать, что они напрямую управлялись с Запада. Но когда в стране начались беспорядки, столкновения противников Милошевича с его сторонниками, Запад стал открыто финансировать эти телеканалы – заявляя, что тем самым поддерживает развитие демократии в Сербии. В скором времени не только центральные, но и местные телеканалы оказались под западным влиянием. Сложилась целая прозападная пропагандистская система – так называемая Демократическая сеть средств массовой информации, в ко-

торую вошли теле- и радиоканалы, а также печатные издания. Дестабилизация внутриполитической обстановки активно поддерживалась неправительственными организациями, сидевшими на западных грантах. Я слышал, что в России некоторое время назад НПО, получающие финансирование из-за рубежа, стали объектами повышенного внимания со стороны соответствующих служб на предмет антигосударственной деятельности. Все правильно – мы в свое время недоглядели. И в результате выстраивания всей этой информационно-пропагандистской инфраструктуры победа оппозиции – сейчас это совершенно очевидно – была просто неизбежной, предрешенной. Например, еще до начала активной фазы беспорядков осенью 2000-го оппозиция уже полностью управляла университетским сообществом.

– Студенты были «очарованы»?

– Если бы только студенты! Прежде всего это профессора, определяющие погоду в университетской среде. Их элементарно перекупали: давали солидные гранты, которые не шли ни в какое сравнение с крохотными профессорскими зарплатами. И в итоге даже те из профессоров, что раньше находились на непримиримых антизападных позициях, просто перестали высказываться на политические темы. А другие и подавно превратились в яростных лоббистов как бы «демократических» перемен. И эта поменявшая свои взгляды и убеждения профессура стала обращать в свою веру и студенчество. Поэтому я бы сказал, что такое перерождение в университетах началось именно с преподавателей.

– А как получилось, что демократические идеи так быстро дали всходы в сербском обществе – в общем-то традиционалистски ориентированном?

– Нет, Дмитрий, в том-то и дело, что Милошевича свергла не столько демократическая, сколько националистическая оппозиция. Точнее, националистическая риторика оппозиции была наиболее громкой, так как для подавляющего большинства сербов демократические ценности собственно ценностями в прямом смысле этого слова не являлись и не являются по сей день. Запад четко просчитал, чем можно пронять душу простого серба – представителя большинства нашего общества. Вовсе не тем, что Милошевич правит недемократично, а тем, что он не защищает сербов, а значит – не отстаивает национальные интересы страны. На этот пропагандистский ход работало и то обстоятельство, что когда в 1999-м начались бомбардировки, Милошевич не успел защитить Косово. И тогда еще один общественный сегмент отвернулся от него и стал считать его национальным предателем.

– И кто же сыграл решающую роль в октябре 2000-го?

– Давай посмотрим, кто победил Милошевича. Вовсе не насквозь прозападный Зоран Джинджич, а вполне себе националист Воислав Коштуница. У сербов есть такая поговорка, которую на русский можно перевести примерно так: когда ты что-то затеваешь вместе с дьяволом, то потом эта затея разбивается о твою же собственную голову. Вот, например, Коштуница взялся было за создание национально ориентированной Сербии – еще более национально ориентированной, чем она была при Милошевиче. А в конечном счете доломал и то, что было конструктивного у его свергнутого предшественника. Иначе говоря, затеял игру с дьяволом – Западом – и довел Югославию до окончательного распада. Ведь те, что на Западе пишут сценарии, по которым в бывших социалистических странах происходят «цветные революции», действуют чрезвычайно грамотно. Они даже готовы поддержать открыто выступающих против Запада, если деятельность таких политиков в итоге приведет – а они это умеют просчитывать – к обратному результату. Подобные приманки чрезвычайно опасны. Сколько мы знаем примеров того, как общество, недовольное, по его мнению, половинчатостью и нерешительностью власти, тем, как эта власть отстаивает национальные интересы, влюблялось в того или иного харизматичного политика, настоящего патриота – как это виделось обществу. А этот политик на самом деле оказывался миной замедленного действия, заложенной Западом в основание суверенной государственности. И я вернусь к вопросу, с которого ты начал разговор, – о возможности в России «бархатной революции». Я внимательно слежу за тем, что у вас происходит, какие настроения высказываются в СМИ и в Рунете. И я полностью согласен с теми из ваших экспертов, которые считают, что если такая угроза и существует, то она исходит вовсе не от прозападных белоленточников, протестовавших против возвращения Путина два с лишним года назад, а от так называемого патриотического майдана. Я говорю о тех, кто прошедшим летом критиковал Путина за нерешительность на Украине и утверждал, что он предает национальные интересы России. Но эти люди на самом деле подталкивают Россию к катастрофе. Я это очень хорошо чувствую, так как сам в свое время обвинял Милошевича в том, что он не защищает сербские интересы. И что в итоге мы – в смыс-

ле сербы – получили? В политике очень часто бывает лишь одно правильное решение – пусть это решение подчас и выглядит ошибочным или приводящим ко многим издержкам. Другие решения, кажущиеся на этом фоне гораздо более правильными, всегда – я подчеркиваю это, именно всегда – ведут в пропасть. Самое досадное, что заблуждающиеся подобным образом в массе своей совершенно искренни в своих намерениях. Совсем другое дело – меньшинство, которое прекрасно понимает, на что оно толкает своих воодушевленных сторонников и к чему должна привести такая – как такое меньшинство утверждает, «на самом деле патриотическая» – политика. Запад играет обеими руками. С одной стороны – условно говоря, стерильные прозападные демократы, упрекающие власть в попрании европейских ценностей. С другой стороны – ряженые борцы за национальные интересы, истошно выкрикивающие какие-то уж совершенно нереальные патриотические лозунги. Такая растяжка ведет к поляризации общества, ослабляет его жизнестойкость. Как мне видится, в России пока еще нет реальных условий для возникновения патриотического майдана, однако имеются фигуры и целые структуры, которые всячески пытаются спровоцировать развитие ситуации именно в этом направлении. «Бархатная революция» – процесс не одномоментный, это цепочка взаимосвязанных событий, каждое из которых является естественным порождением предыдущего и предопределяет последующее. И если для каких-то фрагментов такой цепочки гораздо более действенными оказываются протесты и проистекающие из них беспорядки не под либеральными, а под патриотическими лозунгами, значит, в этом конкретном случае так надежнее прийти к конечной цели – тотальной нивелировке общества под западные стандарты. К тому же накачивание враждебных друг другу лагерей гражданского противостояния само по себе работает на ослабление того режима, против которого готовится «бархатная революция».

– Драгомир, я полностью согласен с твоей оценкой того, что сейчас на самом деле и в первую очередь угрожает России. И парадоксально, что это говоришь мне ты – иностранец. Пусть и хорошо знающий Россию, но все же иностранец. А подавляющее большинство моих соотечественников сейчас вообще не видят опасности, которую несет в себе русский национализм. Это страшная вещь! Я имею в виду именно так называемый уменьшительный национализм под лозунгами: «Россия для русских! Хватит кормить Кавказ!» Люди наивно полагают, что если мы отбросим регионы, большинство населения в которых – нерусские, то нам удастся создать национально ориентированный и вполне себе патриотический режим. Какой политический инфантилизм! Так и хочется на это ответить: не вы собирали – и не вам вообще заикаться об отделении кого-то. И это при том, что в самих национальных регионах сепаратистские идеи сейчас если и разделяются, то лишь незначительным меньшинством представителей титульных наций.

– Дмитрий, я знаю, что в русском языке – даже не столько в самом языке, сколько в сегодняшнем словоупотреблении – понятие «национализм» имеет очень много оттенков. И называя русский национализм «страшной вещью», ты, наверное, имеешь в виду как раз вполне определенные оттенки. Потому что у нас это слово не содержит в себе негативного смысла, оно целиком положительное. Другое дело – шовинизм или экстремизм.

– Драгомир, я поэтому и конкретизировал – именно уменьшительный национализм.

– Да-да. Уменьшительный национализм – я понял. Это когда...

– Это когда призывают отсоединить от России Северный Кавказ. А заодно, может, и Поволжье тоже.

– Тогда же от России ничего не останется: Сибирь отсоединится, отдаленные от центра территории отпадут, страны не будет. Подобный подход уже привел к тому, что Украина теперь не является частью России, Казахстан тоже не является частью России. Под Россией я подразумеваю, конечно, Большую Россию, каковой был Советский Союз, например. А нынешняя Российская Федерация – это явно неполная Россия. И я уж тем более не понимаю, во что превратится Россия, если восторжествуют идеи уменьшительного национализма.

– Я счастлив, что в Сербии есть люди, которые это понимают.

– Если действовать в логике такого уменьшительного национализма, то рано или поздно возникнет желание и Москву отсоединить от России... А ведь важнейшее, если не сказать – самое главное, качество русских как нации – это умение собирать другие народы и создавать вместе с ними большие государственные проекты, в которых русский язык и русская культура становятся мощными интегрирующими началами. Поэтому те, кто выдвигает лозунг «Россия для русских», объективно работают прежде всего против самих русских, а сам по себе уменьшительный национализм – наглядный пример вброшенной извне подрывной идеологии с некой национальной и как бы

Республика Сербская Крайна выделена розовым цветом

антизападной окраской. Мы об этом говорили применительно к Сербии. Но важно отличать от такого уменьшительного национализма нормальный, здоровый и созидательный национализм, являющийся идеологией национальных интересов. Мне кажется, что как раз такого настоящего национализма русским и не хватает. Вы как нация порой оказываетесь слишком толерантными.

– Драгомир, в современном русском языке это слово имеет вполне определенную смысловую нагрузку. И я даже усмехнулся, когда ты назвал русских «слишком толерантными». Запад-то как раз ставит нам в вину обратное – отсутствие толерантности. Но я понимаю, что ты хотел сказать. Наверное, ты считаешь, что мы слишком беспечны в деле отстаивания национальных интересов.

– Да-да, именно это я и хотел сказать. Ваша привычка – выжидать до самого последнего момента, до тех пор, пока ситуация не окажется на грани катастрофы, и только после этого что-то предпринимать в защиту своих интересов. Может быть, это просто особенность большого народа, который уверен в себе и поэтому не склонен лишний раз напрягаться.

– У нас даже поговорка такая есть: «Гром не грянет, мужик не перекрестится».

– Я-то как раз хотел сказать, что в последнее время этот национальный поведенческий стереотип русских, слава богу, стал меняться. Во всяком случае, это видно опять-таки по той политике, которую прово-

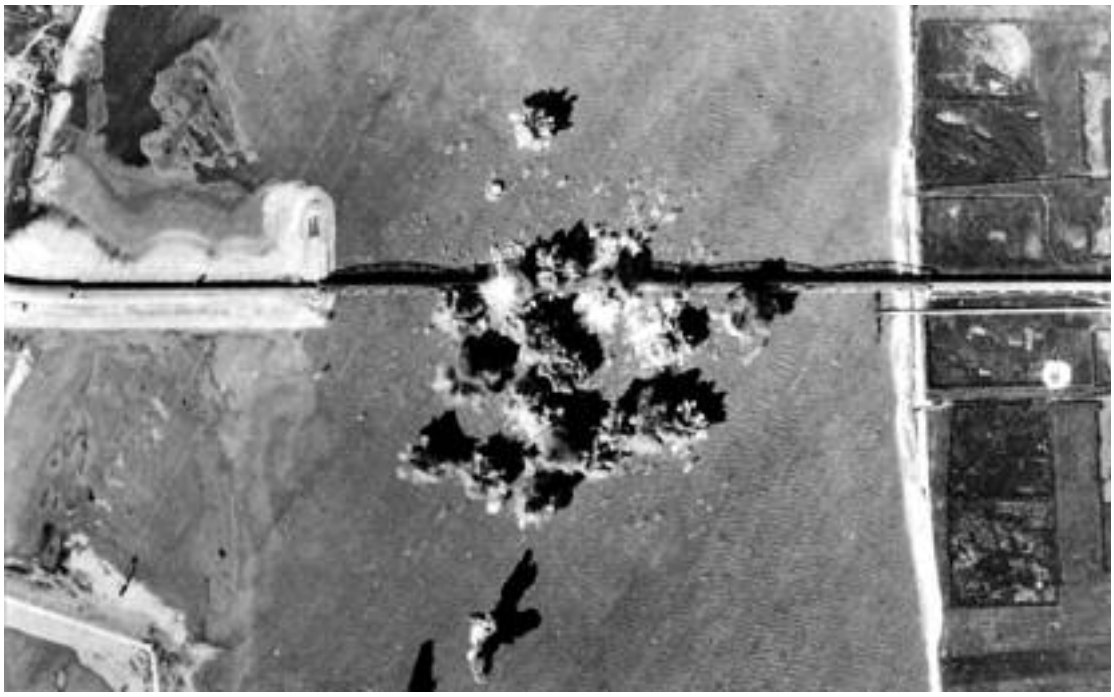
Я хорошо помню, как многие в 1999-м говорили: если бы он, то есть Милошевич, резко отреагировал на действия против сербов за пределами Сербии, то не исключено, что никаких бомбардировок и не было бы. И такое рассуждение справедливо: Запад зондирует своих противников, ищет тех из них, кто дает слабину, и уже найдя таких – как правило, дожимает их до конца.

У сербов есть такая поговорка: когда ты что-то затеваешь вместе с дьяволом, то эта затея разбивается о твою же собственную голову. Вот, например, Коштуница (на фото) взялся было за создание национально ориентированной Сербии – еще более национально ориентированной, чем она была при Милошевиче. А в конечном счете доломал и то, что было конструктивного у его свергнутого предшественника.

дит Путин. В современном мире нельзя быть слишком толерантным.

– Драгомир, опять это слово! Русские удивятся, услышав его в таком контексте. В данном случае ты, наверное, хотел сказать «слишком доверчивым». Хорошо, давай поговорим о том, как развивались события в преддверии «бульдозерной революции».

– Подготовка к свержению Милошевича началась значительно раньше. Соответствующие попытки предпринимались несколько раз. Первые шаги в этом направлении были предприняты уже в 1991-м. Потом еще несколько раз в середине и начале второй половины 90-х. И как я уже говорил, всякий раз Запад использовал для этого те сербские политические силы, которые были недовольны Милошевичем из-за его, по их мнению, непоследовательности при отстаивании национальных интересов страны. Но радикализм в политике – плохой советчик. И я даже скажу больше того: опытный политик, который оценивает ситуацию с разных точек зрения, видит ее как изнутри, так и снаружи, в принципе не может быть радикальным. Радикалы всегда одномерны и недальновидны. Они очень удобны для тех или иных разовых заданий, но при этом не способны проводить долгосрочную и стратегически ориентированную политику. А Милошевич был именно стратегом. Нет, я не хочу его оправдывать и не намерен игнорировать его ошибки. Ошибки были – и немалые. Но он тем не менее являлся фигурой стратегического масштаба, потому что знал, как правильно управлять государством, и умел это делать. И поэтому представлял собой сильную помеху для осуществления тех планов, которые Запад имел применительно к территории бывшей Социалистической Федеративной Республики Югославия. Непрофессионализм, некомпетентность, отсутствие управленческого опыта – вот те критерии, по которым Запад укомплектовывал ряды противников Милошевича. А то, что эти противники выступали с патриотическими и антизападными лозунгами – гораздо более радикальными, чем у Милошевича, – для Запада не имело никакого значения. Главное, что это были люди с улицы, понятия не имевшие о том, что такое государство и как оно функционирует. Команды этих патриотических дилетантов несколько раз пробовали власть на прочность. Но для того, чтобы свалить Милошевича, одних таких дилетантов не хватало: требовалась критическая масса граждан, недовольных властью. Эта масса образовалась к осени 2000-го. Милошевичу вменяли в вину, что он не смог защитить ни Сербию от натовских бомбардировок, ни сербов на территории бывшей Югославии. А как он мог переломить ситуацию в свою пользу, когда ему приходилось действовать в одиночку против всего остального мира, общественным мнением которого заправляла Америка? Ведь даже ельцинская Россия от него отвернулась. Когда-нибудь, я надеюсь, мы узнаем полную правду о том, как развивались события в 1999-м. Но уже сегодня совершенно ясно, что Ельцин в ходе этой войны больше занимался собственным имиджем для внутриполитического употребления. Это знаменитый марш-бросок российских десантников на Приштину – акция, безусловно, блистательная в военном отношении, но не получившая абсолютно никакого развития в последующих политических шагах вашей дипломатии. Я уж не говорю о капитулянтской миссии Черномырдина. То есть еще раз: свержение Милошевича готовили прямо с самого начала 90-х. А в 1999-м и в 2000-м разве что просто резко увеличили финансирование этого проекта. Например, есть сведения, что только американский Национальный фонд поддержки демократии выделил в эти два года сербской оппозиции 34 миллиона долларов. Другая американская организация – Международный республиканский институт – тоже поддержала оппонентов режима Милошевича несколькими миллионами долларов. А это лишь две из всех тех западных структур, которые в период после завер-



Бомбардировка Югославии

Милошевичу вменяли в вину, что он не смог защитить ни Сербию от натовских бомбардировок, ни сербов на территории бывшей Югославии. А как он мог переломить ситуацию в свою пользу, когда ему приходилось действовать в одиночку против всего остального мира, общественным мнением которого заправляла Америка?

шения бомбардировок и до осени 2000-го готовили отстранение Милошевича от власти. По различным оценкам они потратили на подготовку «бульдозерной революции» примерно 100 миллионов долларов. Эти деньги шли на поддержание как бы независимых СМИ и иных организаций, разного рода интеллектуалов – так называемых лидеров общественного мнения.

– Это понятно – революции делаются не массами, а интеллектуалами и элитами.

– Совершенно верно – и в нашей элите происходило соответствующее брожение. Дело в том, что Запад наложил санкции на зарубежный бизнес и счета лиц из ближайшего окружения Милошевича. И элита, причем не только финансово-экономическая, но и силовая, то есть генералитет – армейский и госбезопасности, – стала дистанцироваться от Милошевича. Кого-то Запад просто перекупал, кого-то – шантажировал компроматом. В результате даже в самом близком окружении Милошевича появились его тайные противники. То есть одни выступили против Милошевича, руководствуясь посвоему понятыми патриотическими соображениями. Другие – из шкурных интересов. Третьи – потому что хотели превратить Сербию в, так сказать, «нормальную западную страну». Четвертые – поскольку просто отрабатывали западные гранты. И все они 5 октября объединились, и на следующий день Милошевич был вынужден уйти в отставку. В ходе этих двух дней вся силовая пирамида рухнула как карточный домик. Никто не вступился за власть. Даже те, кто раньше был за Милошевича, перестали его поддерживать, объясняя перемену своей позиции тем, что он не смог удержать Косово, и тем, что даже Россия поставила на нем крест. Кстати, интересно было бы проследить, как и кем распространялся этот последний слух, превратившийся в эти дни в последний аргумент, заставивший колеблющихся перейти на сторону оппозиции. Могу вспомнить и еще один любопытный момент. В те дни в Белграде как-то уж слишком стремительно установилось странное единомыслие: дескать, если уж так все складывается, тогда давайте капитулируем перед Западом – может, удастся найти с ним хотя бы какой-то общий язык. И такое говорили люди, которых этот самый Запад всего лишь чуть больше года назад бомбил и убивал! Политтехнологам хорошо известно, что идеологический разворот на 180 градусов гораздо легче дается не умеренным, а именно радикалам, только что с пеной у рта отстаивавшим противоположную позицию. Так оно в Белграде и вышло. Сначала толпу приучали к мнению, что Милошевич предал сербов и Косово, а затем разом – как по команде – прекратили это де-

лать. И уличный радикальный патриотизм мигом рассеялся – тем более в отсутствие главного объекта критики, – а массовое настроение подверглось резкому перепаду: толпа ощутила неимоверную усталость – эта деталь развития любой «бархатной революции» тоже очень хорошо известна ее технологам и используется ими – и оказалась неожиданно готовой к капитуляции на уже предусмотренных условиях. Заблуждение насчет возможности договориться с Западом в те октябрьские дни было буквально повальным. Люди как будто не хотели понимать элементарную истину, что у них в принципе не получится найти общий язык с Западом. Запад не идет на компромиссы. Когда Запад соглашается заполучить желаемое лишь частично, это не значит, что он готов на уступку, – это просто промежуточная остановка перед продолжением экспансии. Наивно полагать, что Запад заботится об утверждении демократии в мире, потому что воспринимает ее как основополагающую ценность. Запад делает это из прагматических соображений, демократия для него – это властная технология, распространяя которую он добивается утверждения собственного господства над миром. Главное для Запада – это удовлетворение его собственных геополитических интересов. А когда цель настолько прагматична, то для ее выполнения годятся любые средства – лишь бы они работали и давали практический результат.

– В числе таких средств и умело подогреваемые иллюзии по поводу того, что перемены принесут реальное улучшение жизни, и щедро раздаваемые обещания заботиться о повседневных нуждах народа…

– Да, нам обещали, что, как только страна вступит на путь демократических перемен, в ней сложатся условия для экономического роста. На самом деле все ровно наоборот. После «бульдозерной революции» Сербия почти даром стала распродавать свои активы, влезла в долги. Объем выпуска промышленной продукции резко упал и стал гораздо ниже, чем он был при Милошевиче во время санкций. Реальный сектор и сейчас пребывает в затяжном кризисе – мы как-то вытягиваем экономику за счет торговли и банковской деятельности. И понятно, почему так происходит. Это результат реформ, навязанных нам Западом. Сербии было выдвинуто жесткое условие: страна получит зарубежные кредиты лишь в том случае, если осуществит деиндустриализацию. То есть они нам выдают кредиты, чтобы мы на них покупали западную продукцию, и превращают Сербию в государство-паразит. После ухода Милошевича мы просто перестали быть суверенной страной – в том числе в экономической области. Я уже не говорю про суверенитет политический. Государственный Союз Сербии и Черногории быстро распался – Запад провел соответствующую работу с черногорскими элитами. После этого Запад пошел на открытое признание независимости Косова и стал поощрять сепаратизм в других регионах Сербии – например, в Воеводине, – говоря о необходимости делегирования большего объема полномочий на места. Конечная цель Запада предельно ясна – децентрализованная, маленькая и слабая Сербия. Дмитрий, я все это так подробно говорю еще и потому, что точно такой же сценарий Запад вынашивает и для России. В XIX веке англичане называли сербов «балканскими русскими» и говорили, что поэтому на сербах удобно обкатывать те замыслы, которые они вынашивают применительно к России. Поэтому россиянам следует очень внимательно, без розовых очков посмотреть на то, во что превратилась Сербия после победы в ней «бархатной революции». Особенно тем россиянам, которые недовольны Путиным и желали бы его ухода. Конечно, не тех, что не любят Путина за деньги, получаемые в виде разного рода грантов как бы на развитие демократии и гражданского общества, – с этими все ясно, их не переубедишь, – а тех, кто просто искренне верит в то, что им говорит Запад. Во что мы превратились за эти 14 лет после октября 2000-го? Ни о каком суверенитете не может быть и речи. Катастрофическая ситуация в экономике. Армия у нас сегодня в четыре раза меньше, чем была при Милошевиче, – можно сказать, что армии вообще не существует. Система образования в глубоком кризисе. То есть Сербия фактически стала колонией Запада.

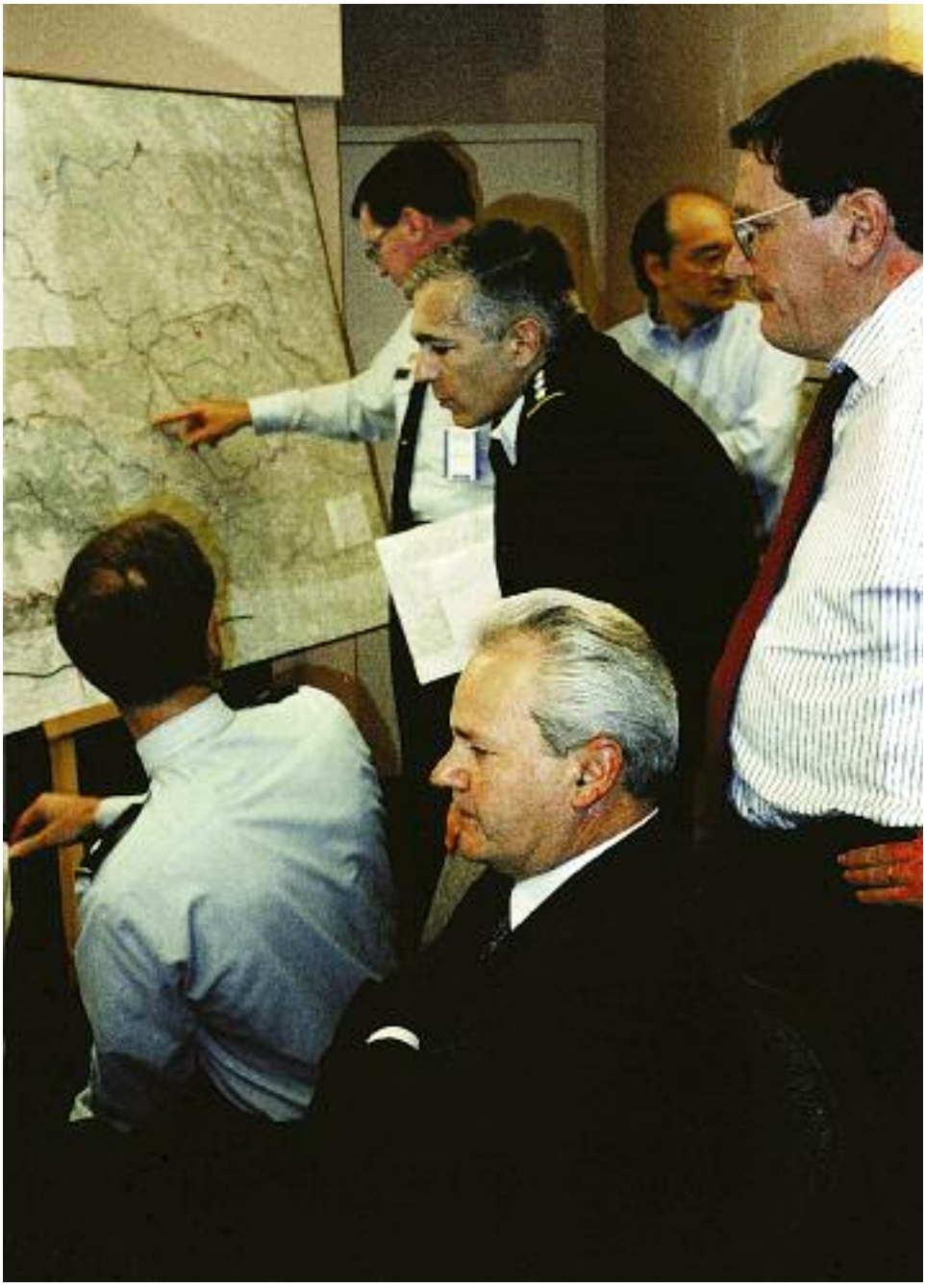
– Драгомир, все, что ты рассказал, Запад точь-в-точь проделывает сейчас и в отношении России: санкции против лиц из окружения первого лица, санкции против определенных элит, санкции против тех или иных секторов экономики. Сценарий тот же самый.

– Да, совершенно верно. Запад сейчас просто один в один реализует против России тот же самый сценарий, который он использовал против Сербии полтора десятилетия назад. Я с тревогой наблюдаю за тем, как это все сейчас разворачивается.

– Вот я и говорю, что пока результатов всех этих санкций не чувствуется, но трудно предугадать, что будет хотя бы через несколько месяцев.

– С одной стороны, экономику России так просто никакими санкциями подкосить невозможно. Но с другой сто-

роны, если интересы российской элиты действительно будут серьезно задеты, то эта самая элита может стать троянским конем для режима Путина. И вам необходимо сейчас внимательно следить за тем, не складывается ли в тех или иных группах элиты нечто наподобие фронды, готовой ради сохранения своих активов на Западе взяться за подготовку «бархатной революции». Ты мне можешь возразить, что за этим должно следить не общество, а органы безопасности. Нет, это иллюзия. Во-первых, не надо преувеличивать возможности органов безопасности: у нас руководящие структуры соответствующих органов быстро нашли общий язык с теми, которые свергали Милошевича. Во-вторых, если в обществе есть четкая позиция, если эта позиция разделяется большинством населения и регулярно публично артикулируется, то любые иные точки зрения будут оставаться маргинальными и Запад просто не станет вкладывать средства в их поддержку. Так что от общественных настроений зависит очень многое – если не сказать всё. Поэтому надо работать с обществом, надо оперативно – и обязательно громко, открыто, во всеуслышание – реагировать на те или иные месседжи, которые, возможно, скоро начнут раздаваться из каких-то сообществ российской элиты – как зондаж того, насколько общество готово поддержать смену власти в стране. Надо, наконец, работать с молодежью. Накануне «бульдозерной революции» Запад имел в Сербии сотни – я не преувеличиваю – молодежных организаций. И я считаю, что именно роль молодежи в мобилизации общества на выступление против власти Милошевича оказалась решающей. Мобильность, коммуникативность, взаимная доверительность – вот те качества молодежных сообществ, которые обычно на полную катушку задействуются в любых «бархатных революциях». Не надо забывать и о возможностях Интернета – а сегодняшняя молодежь, как известно, просто живет в Сети. Когда у нас в октябре 2000-го начинались беспорядки, Интернет еще не превратился в необходимый элемент повседневной жизни, каким он является сейчас. Поэтому вам нужно формировать патриотические, поддерживающие действующую власть молодежные организации. И очень важно, чтобы эти организации работали не для галочки, не ради



Милошевич (на фото на переднем плане) был именно стратегом. Нет, я не хочу его оправдывать и не намерен игнорировать его ошибки. Ошибки были – и немалые. Но он тем не менее являлся фигурой стратегического масштаба, потому что знал, как правильно управлять государством, и умел это делать.

Никакой серьезной ротации Милошевич (на фото в центре) не проводил. Единственную серьезную ротацию элиты он осуществил после того, как в 1986-м возглавил Президиум ЦК Союза коммунистов Сербии. Он тогда освободился от старой коммунистической номенклатуры Стамболича (на фото справа) – своего предшественника на этом посту. А в 90-е уже никакой ротации – именно как политической кампании – не проводилось.

проведения помпезных съездов с громкими речами. Необходимы простые задушевные разговоры с людьми – вы же должны помнить, как большевики перетягивали на свою сторону. Эффективность такой незаметной пропаганды можно будет оценить по тому, как пропагандируемые поведут себя в критической ситуации. Если, скажем, западные агенты влияния начнут агитировать, например, студентов: «Не идите в университет, идите на митинг, на баррикады – начинайте революцию», – очень важно, чтобы нашлись несколько десятков человек, которые сказали бы: «Нет! Мы не станем так поступать, мы не пойдем против нашей власти – а значит, против нашего государства». К сожалению, в Сербии накануне «бархатной революции» власть уже не имела никакого влияния на молодежь, она ее потеряла – как потеряла и все остальные группы поддержки. А если власти не на кого опереться в обществе, если молодежь не считает эту власть своей и не намерена отстаивать ее интересы, то такой власти не помогут никакие силовые структуры. Поэтому Путин, российская власть в целом должны активно работать с молодежью, с молодежными лидерами. Тогда у «бархатной революции» в России не останется никакого шанса на успех.

– Сейчас у нас распространено мнение, что в ситуации санкций Путин ради сохранения собственной власти просто обязан провести ротацию элиты, потому что в противном случае нынешняя элита его сдаст. Сдаст точно так же, как сербская элита сдала Милошевича. Но ведь, Драгомир, насколько я помню, Милошевич проводил ротацию элиты. Я помню, в 90-е он несколько раз делал замены в своем ближайшем окружении...

– Нет, Дмитрий, ты ошибаешься. Никакой серьезной ротации Милошевич не проводил. Единственную серьезную ротацию элиты он осуществил после того, как в 1986-м возглавил Президиум ЦК Союза коммунистов Сербии. Он тогда освободился от старой коммунистической номенклатуры Стамболича – своего предшественника на этом посту. А в 90-е уже никакой ротации – именно как политической кампании – не проводилось. Ну, может, кого-то Милошевич и заменил, но в целом он не был склонен к кадровым перетряскам. Сейчас, глядя в те годы из сегодняшнего дня, понимаешь, что ему тогда надо было гораздо внимательнее подходить к подбору лиц в свое ближайшее окружение. И главная его кадровая ошибка – это какое-то странное безразличное отношение к финансово-экономической элите. Эти люди имели колоссальные состояния, владели средствами массовой информации, финансировали политические партии и, как казалось, были абсолютно лояльны к Милошевичу. А потом все разом переметнулись в лагерь его противников – вместе со своими СМИ и партиями. Поэтому ни в коем случае нельзя допускать, чтобы в России олигархи имели возможность контролировать ведущие СМИ, особенно телевидение. Насколько я понимаю, сейчас это уже не так. Но я вспоминаю, как олигархи заправляли телеканалами при Ельцине. Среди спонсоров политических партий и организаций не должны выделяться монополисты, которые в силу своего исключительного положения имели бы возможность что-то им диктовать. У вас в России я часто слышу упреки в адрес Путина: мол, он до конца не ликвидировал

олигархов. А как бы он это сделал без пересмотра итогов приватизации, что вообще очень рискованный шаг? Зато Путин сразу после прихода к власти установил для олигархов жесткое правило: хочешь заниматься бизнесом – пожалуйста, но тогда не лезь в политику. И как показали дальнейшие события, такая установка полностью себя оправдала. Однако вашей власти расслабляться нельзя – особенно сейчас, когда на фоне санкций видно, чего на самом деле стоит лояльность того или иного представителя крупного бизнеса. Ведь большим деньгам неведомы национальные интересы.

– Главная угроза для власти Путина – так называемая шестая колонна. Это понятие весной ввел политолог Александр Дугин. Что такое «пятая колонна» – понятно. А «шестая колонна» – гораздо более опасная вещь. Это либеральная прозападная группировка, встроенная во власть и потому обладающая реальным влиянием на процесс принятия управленческих решений. Думаю, что наиболее деликатные акции Запад будет проводить – и уже проводит – именно через эту самую «шестую колонну».

– В Сербии именно это и произошло. О предательстве политических элит, об их капитуляции перед Западом накануне и во время октябрьских событий 2000-го я уже говорил. А ведь это была не оппозиция, а именно – если использовать термин Дугина – «шестая колонна»! Эта «шестая колонна» рассчитывала остаться на своих местах и при новом – послереволюционном – режиме. Да, у кого-то это получилось. Тех, кто при Милошевиче занимался бизнесом, не стали трогать. Но все остальные – крупные государственные и политические деятели, представители генералитета, армейского, полиции и госбезопасности, – поплатились за свое предательство. В лучшем случае они оказались не у дел. А в худшем – попали на скамью подсудимых в Гаагу. Запад никогда никому не прощает отстаивания антизападной позиции – даже если потом этот человек покается в содеянном и будет всеми силами стараться доказать свою преданность новым хозяевам. Просто нет никакой уверенности в том, что такой «раскаявшийся» когда-нибудь снова не начнет бороться с Западом. И пусть каждый россиянин, которому дороги интересы его страны, помнит, что если он в какой-то момент усомнится в правильности своего политического выбора и подумает, а не лучше ли попытаться найти с Западом общий язык, то он тем самым совершит непоправимую ошибку. Таким поступком он навредит не только России, но и себе самому, так как на Западе не очень-то жалуют перебежчиков. А то, что Запад хочет развалить Россию, максимально ее ослабить, несомненно. И это не какие-то там пропагандистские сказки, а самая что ни на есть банальная правда. Бжезинский об этом в свое время открыто писал. Многие американские политики высказывались в таком же духе. Вспомним хотя бы Мадлен Олбрайт. Уже давным-давно разработаны планы раздела России на несколько маленьких государств. Запад ждет лишь подходящего момента, чтобы приступить к реализации этих замыслов. Следующим кандидатом на, так сказать, геополитическую стерилизацию Запад видит Китай. Западу ради достижения безраздельного мирового господства необходимо расправиться с этими мировыми гигантами. Поэтому сегодняшняя ситуация во многом напоминает Вторую мировую войну: тогда в случае поражения стран антигитлеровской коалиции весь мир превратился бы в колонию фашистских стран, прежде всего Германии, и сейчас такая же участь ожидает страны, не входящие в коллективный Запад, если Россия и Китай перестанут быть великими и суверенными державами.

– Мы всё говорим о роли элит в «бархатных революциях». Но, конечно, нельзя сбрасывать со счетов и преобладающие в обществе настроения. Скоро будет три года, как десятки тысяч выходили на Болотную площадь и на проспект Сахарова, протестуя против возвращения Путина в Кремль. А в этом году антипутинские акции даже в Москве собирают жалкие горстки – я уже не говорю об остальной России. Присоединение Крыма и вообще политика на украинском направлении, несмотря на всю ее очевидную уязвимость для критики, привели к тому, что многие вчерашние белоленточники больше не позиционируют себя как противников режима. Во всяком случае, они не выражают публично свое неприятие Путина. Политический водораздел прошел как раз по Украине: за политику Путина или против политики Путина. Но все эти всполохи народной любви очень переменчивы и ненадежны. Ты сам только что рассказал, насколько деструктивным оказалось разочарование в Милошевиче – разочарование, охватившее большинство сербского общества. И я очень боюсь, что наше по-детски капризное и политически незрелое общество может точно так же в одночасье разочароваться в Путине. Тем более что все видимые основания для такого разворота налицо. Порой с точки зрения здравого смысла и впрямь трудно понять те или иные его шаги. Посуди сам, ДНР и ЛНР стали развивать успешное наступление – и оно вдруг остановлено. Можно лишь догадываться, по-

Свержение Милошевича готовили прямо с самого начала 90-х. А в 1999-м и в 2000-м разве что просто резко увеличили финансирование этого проекта. Например, есть сведения, что только американский Национальный фонд поддержки демократии выделил в эти два года сербской оппозиции 34 миллиона долларов.

чему так произошло. Потому что Россию не устраивает даже дружественный сухопутный коридор до Крыма – я уж не говорю об этих республиках, не охватывающих и всей территории соответствующих областей. России нужна вся Украина – ну разве что, может быть, без ее запада – как братское и дружественное государство-сосед. Может быть, Путин руководствовался и какими-то иными соображениями, когда он остановил наступление ополченцев. Не знаю. Ты очень интересно показал, как в октябре 2000-го случился перепад в общественных настроениях в Белграде. И я очень опасаюсь аналогичного перепада у нас. Зашкаливающий сейчас рейтинг Путина – неустойчивая вещь. По этому поводу хочется переиначить известное выражение из «Горя от ума» Грибоедова: «Минуй нас пуще всех печалей народный гнев, народная любовь»…

– Естественно, для Путина важно сохранить российское влияние на как можно большей территории Украины, особенно среди русскоязычного населения. В принципе это отдельный большой разговор – как России следует вести себя в отношении Украины. Поэтому скажу коротко: выжидательная стратегия Путина совершенно правильная. Надо просто запастись терпением и элементарно дождаться того момента, когда нынешняя украинская власть сама рухнет. Ведь единой Украины уже фактически не существует. И вовсе не из-за того, что на востоке страны существуют самопровозглашенные ДНР и ЛНР. А огромная территория – кстати, населенная преимущественно русскоязычными, – контролируемая Коломойским, разве подконтрольна официальному Киеву? Пока Донецк и Луганск успешно сопротивляются и даже переходят в контрнаступление – да, подконтрольна, но и то с существенными оговорками. Но стоит только ситуации на востоке Украины как-то стабилизироваться, я думаю, Коломойский станет вести себя иначе. Я полагаю, что тогда и другие территории тоже не захотят во всем слепо подчиняться режиму Порошенко. Но всего этого надо дождаться. Понятно, что многие нетерпеливые хотят всего и сразу. Но если ты доверяешь своему президенту, то доверяй ему во всем. К сожалению, сейчас в России многие патриоты упрекают Путина в том, что он якобы предает интересы России, открыто не поддерживая ДНР и ЛНР. Подобные претензии мне очень напоминают обвинения Милоше-

вича в измене за непоследовательную, как тогда многим казалось, поддержку сербов. И я думаю, что в самое ближайшее время Запад сделает ставку именно на таких недовольных Путиным патриотов. Либерального майдана в России не получилось – Болотной больше не существует. Зато шансы патриотического майдана, патриотической Болотной – особенно на фоне репортажей, в которых показывают обстрелы городских кварталов Донецка, – сейчас велики как никогда. Очень симптоматично, что либеральная оппозиция с ее обвинениями Путина в попрании демократии словно по команде замолчала. Сейчас Путина упрекают только из патриотического лагеря: что он предает национальные интересы, не посылая войска на Украину, что он нерешителен из-за опасения растерять свои контакты на Западе, что он боится собственной элиты, готовой его свергнуть в отместку за санкции. Ох, как мне все это напоминает травлю Милошевича из патриотического лагеря! Но Милошевич и сам тогда совершил еще одну страшную ошибку. Он, вместо того чтобы говорить народу правду, начал – с подачи некоторых лиц из своего окружения – произносить лозунги, в которые свято уверовал сам. Например, он говорил примерно следующее: «Мы победили НАТО. Это наша моральная победа. Они хотели захватить Сербию, но мы их остановили. Мы сегодня – последний бастион свободного мира, крепость, которая охраняет славянство и православие». Милошевич словно стал воспринимать себя эдаким донкихотом, который один борется против Запада, который хотя и потерял что-то в этой схватке, но в целом одержал моральную победу. Может быть, в чем-то такой взгляд и справедлив: он победил хотя бы уже в том смысле, что почти десять лет оттягивал на себя внимание и силы Запада, дав тем самым России возможность както встать на ноги. Но подобное объяснение если и выглядит правомерным, то лишь сейчас, если смотреть на Сербию 90-х – начала нулевых из нашего времени. А в момент их произнесения Милошевичем эти слова звучали чуть ли не как насмешка над национальным бедствием. Ему надо было совершенно иначе расставить акценты: что, мол, сделали

После ухода Милошевича мы просто перестали быть суверенной страной – в том числе в экономической области. Я уже не говорю про суверенитет политический. Государственный Союз Сербии и Черногории быстро распался – Запад провел соответствующую работу с черногорскими элитами.

Милошевич совершил еще одну страшную ошибку. Он, вместо того чтобы говорить народу правду, начал произносить лозунги, в которые свято уверовал сам. Например, он заявлял примерно так: «Мы победили НАТО. Это наша моральная победа. Они хотели захватить Сербию, но мы их остановили. Мы сегодня – последний бастион свободного мира, крепость, охраняющая славянство и православие».

всё что смогли, а большее нам было просто не по силам, сами не отдали Косово – и это уже хорошо. Но Милошевич вместо этого, как одержимый, твердил о победе и раздавал сотни боевых орденов отличившимся в борьбе с натовской агрессией. Всё это производило очень странное и тягостное впечатление. Тут, конечно, следует еще сделать поправку на наш менталитет – менталитет южного народа. Для нас правдой является скорее не какая-то не зависящая от нас данность, а именно то, что мы сами считаем правдой. Путин аналогичных ошибок не допускает. Он не говорит о победе над Западом. Он вообще предпочитает словам дела.

– Драгомир, ну а теперь-то Сербия что – движется по пути в Евросоюз? Знаешь, я сейчас второй раз в Белграде, хожу по улицам вашей замечательной столицы, смотрю на людей, и мне почему-то кажется, что Сербии в Евросоюзе не быть. Нет, это прежде всего какое-то иррациональное ощущение, чувство – не более того. Я ведь прекрасно знаю, что после 2000 года Сербия официально объявила, что намерена вступить в Евросоюз. И с тех пор никто из сербских лидеров не опровергал этой целевой установки. Но тем не менее у меня как-то не склеиваются вместе – Сербия и Евросоюз. Да к тому же ведь можно привести и вполне рациональные аргументы, почему вступление Сербии в ЕС – дело не просто отдаленного, но фантастического будущего. Кризис продолжается. Захочет ли Европа платить за интеграцию нового члена? Да вы и совершенно не готовы к европейским стандартам.

– Дмитрий, а что ты называешь европейскими стандартами? Если европейский стандарт – это Кончита Вурст, то тогда никакой нормальный человек не захочет такого евростандарта.

– Нет-нет, я говорю исключительно об экономике. Европа за Грецию-то не хочет платить, за Португалию со скрипом платит. А тут еще новые нахлебники, понимаешь. Да от Сербии просто отмахнутся, и никакой Обама из-за океана ничего не сможет поделать. Европа подсчитает свои деньги – и не захочет платить. Это если говорить о Европе – стороне принимающей. Позиция Европы в этом смысле, как мне кажется, достаточно легко просчитывается. Совсем другое дело Сербия. С одной стороны, ее пророссийская позиция очевидна и не вызывает сомнения. Но с другой стороны, как я уже сказал, стратегический курс на интеграцию в Европу никто не отменял. И вообще по силам ли такая геополитическая переориентация вашим прозападным режимам, которые руководят Сербией с 2000 года?

– Да вряд ли корректно называть наши режимы после 2000 года прозападными хотя бы уже потому, что Сербия с октября 2000-го является оккупированной страной. До этого мы были суверенным государством, а после стали оккупированной территорией. И не только по причине поражения от натовской агрессии, но и в результате того, что Запад приватизировал все наши наиболее привлекательные активы. Сразу после «бархатной революции» еще никто не мог составить ему конкуренцию. И западный бизнес скупил наши банки, СМИ, то есть все, что представляло для него какую-то ценность. Одновременно Запад всерьез взялся за «перевоспитание» нашего молодого поколения – тысячи студентов получили гранты на продолжение образования в западных университетах. Может быть, я сейчас скажу и кощунственную вещь, но даже при прогерманском прави-

тельстве генерала Недича во время гитлеровской оккупации у нас было больше суверенитета, чем после 2000 года. Недич что-то делал для Сербии, да и оккупационный режим оставался во многом поверхностным. А сейчас ставленники Запада повсюду – в госаппарате, в системе образования, в СМИ. Установлен повсеместный тотальный контроль, чтобы, не дай бог, ни у кого не возникло даже малейшего желания выйти из-под контроля Запада. Когда Коштуница в бытность его премьером Сербии попытался было в 2008 году дистанцироваться от Запада, его буквально за несколько недель поставили на место – устроили массированную травлю в СМИ – и вынудили подать в отставку. И как Сербия может всему этому сопротивляться? Если посмотреть на карту, то видно, что мы почти со всех сторон окружены натовскими странами. Если бы Сербия находилась на месте Белоруссии, тогда, конечно, мы могли бы чувствовать себя иначе.

– Да в НАТО не все так уж однозначно. Вот рядом с вами находится Греция – член НАТО. И ее отношения с другим членом НАТО – Турцией – не просто сложные, а чуть ли не конфликтные. Это хорошо известно. Точно такая же непростая ситуация и внутри Евросоюза между отдельными его членами.

– Согласен, но когда Америке что-то требуется, она вынуждает европейцев принимать нужные ей решения. В 1999-м та же Греция – наш традиционный друг, православная страна – заявила, что она против бомбардировок, но голосовать соответствующим образом не стала. Румыния – тоже православная страна – не поддержала агрессию против Сербии, потому что сама опасается, что завтра получит собственное Косово в Трансильвании, где проживает много венгров. Но тем не менее Румыния предоставила свои военные базы для атак на Сербию. Да, Европа неоднородна, но когда Америка чего-то хочет, все тут же забывают об этой неоднородности. И это не только в Восточной Европе, но и в Западной Европе. Шрёдер в свое время лишь попытался действовать без оглядки на США – его тут же сломали. Поэтому-то на Западе – как, впрочем, и в нынешней Сербии – политики вынуждены проводить ту политику, которая выгодна Америке, что бы они при этом ни думали про себя – этого права у них пока не отнимают.

Уже давным-давно разработаны планы раздела России на несколько маленьких государств. Запад ждет лишь подходящего момента, чтобы приступить к реализации этих замыслов. Следующим кандидатом на, так сказать, геополитическую стерилизацию Запад видит Китай. Западу ради достижения безраздельного мирового господства необходимо расправиться с этими мировыми гигантами. Поэтому сегодняшняя ситуация во многом напоминает Вторую мировую войну.

– Хорошо, Драгомир, ну а как ты думаешь, войдет ли Сербия в Евросоюз – хотя бы даже в отдаленной перспективе?

– Думаю, что нет.

– Почему?

– Начнем с того, что в самой Сербии и общество, и даже политики не очень этого хотят. То есть, конечно, хотят – я имею в виду политиков, – но только лишь на словах. Что произойдет, если мы вступим в Евросоюз? Несколько миллионов сербов уедут на заработки в Европу и ассимилируются там. А сюда на их места приедут мигранты из Африки и из Азии. То есть сербской нации не останется – она исчезнет, растворится. Поэтому не лучше ли нам думать о сербах, чем заботиться о том, как ассимилировать пакистанцев? Вон Болгария потеряла несколько миллионов граждан – и туда потянулись иммигранты из Сомали и других африканских стран. То есть если мы окажемся в Евросоюзе, то многовековое господство турок над нами покажется еще чуть ли не тепличными условиями для развития

Даже при прогерманском правительстве генерала Недича (на фото слева) во время гитлеровской оккупации у нас было больше суверенитета, чем после 2000 года. Недич что-то делал для Сербии, да и оккупационный режим оставался во многом поверхностным. А сейчас ставленники Запада повсюду – в госаппарате, в системе образования, в СМИ.

нации! Поэтому наши политики, твердя о неизменности курса на интеграцию в Европу, просто тянут время – они говорят то, что от них хотят услышать на Западе. Они же живые люди со своими интересами, им не хочется уходить в политическое небытие, а ведь такая судьба может грозить любому непокорному, как это показал пример Коштуницы. Вот они и не перечат Западу. А что они на самом деле думают – это отдельный вопрос. И к тому же не только мы не хотим в Европу, но и Европа нас не хочет – во всяком случае, прямо-таки не жаждет. По разным причинам, но главным образом – потому что действительно не хочет оплачивать нашу европейскую интеграцию. Если бы у Евросоюза было больше денег – как, скажем, 10–15 лет назад, – то, может быть, он бы и решился всерьез евроинтегрировать Сербию. Но сейчас у него нет денег. И не будет – в Европе начинается новая волна рецессии. Я уже не говорю о том, к чему могут привести ответные санкции со стороны России. Например, германская автомобильная индустрия уже их ощутила. Поэтому реально ни о какой интеграции Сербии в Европу не может быть и речи на протяжении следующих 10–15 лет. А за это время уже и мир станет совершенно другим. Когда нас бомбили в 1999-м, объем валового продукта стран, составивших впоследствии БРИКС, был в 4 раза меньше, чем у стран-членов НАТО. А через два года по этому же показателю страны БРИКС обойдут натовские страны. Вот как изменится мир с 1999-го по 2016-й – он станет просто совершенно другим. Поэтому через 15 лет Европа и подавно не захочет – точнее, не сможет, даже если и захочет, – вобрать в себя Сербию. Главное только, чтобы на протяжении этого времени у России все складывалось благополучно. Может, это будет звучать и нескромно, но когда в 90-х мы противостояли одни всему Западу, мы знали, что принимаем на себя удар еще и затем, чтобы дать возможность России встать на ноги. А сегодня уже Россия борется и за нас, и за весь остальной мир, который не хочет идти на поклон Западу. Не дай бог, если с Россией что-то случится: нам тогда будет уготована единственная участь – превратиться в колонию Запада.

– Драгомир, то есть получается, что ваша нынешняя политическая элита, ваша власть – это своего рода «партия имитации»? Партия, которая просто тянет время, имитирует желание евроинтегрироваться, но на самом деле ее главная цель – как можно дольше удерживать статус-кво?

– Я убежден в том, что наши власти именно так и поступают. Западу не отказывают

напрямик, тянут время, говорят о приверженности «европейскому выбору». Но все это лишь для того, чтобы этот самый Запад нас просто не раздавил. А на самом деле в душе молятся на Россию, чтобы она укреплялась, чтобы в решающую минуту на нее можно было опереться. Наши политики отдают себе отчет в том, что пока линия обороны проходит через Донецк и Луганск, с самой Россией всё в порядке. Поэтому они могут быть спокойны. А если с Россией что случится, нового майдана в Белграде не миновать. Западу надо, чтобы вся наша элита и вся наша власть на 100 процентов состояла сплошь из одних квислингов. Запад был недоволен даже Тадичем – насквозь прозападным, который был предшественником нынешнего президента Николича. А все потому, что Тадич хотя бы как-то пытался отстаивать сербские интересы. Западу нужно, чтобы в Сербии у власти находились политики типа Чедомира Йовановича – лидера Либерально-демократической партии, – который является как раз «уменьшительным либералом». Воспользуюсь, Дмитрий, твоим определением, но только применительно не к националисту, а к либералу.

– Драгомир, это не мое определение, у нас его широко используют.

– Не важно, я его от тебя узнал. Так вот, этот самый Йованович уже лет десять повторяет: «Зачем нам Косово? Зачем нам сохранять свое влияние на территориях, где сербов меньшинство? Давайте дадим автономию тем, кто этого хочет».

– То есть он подразумевает даже не Большую Сербию, а собственно Сербию в ее нынешних границах?

– Именно! Скажем, ту же Воеводину, которая когда-то входила в состав Австро-Венгрии и поэтому вплоть до настоящего времени по своей культуре заметно отличается от остальной Сербии. И партия Йовановича требует предоставить Воеводине максимальную автономию. То же самое эта партия предлагает и для Юго-Западной Сербии – так называемой Рашки, – в которой проживают мусульмане, являющиеся этническими сербами, которые – как и боснийцы – тоже считают себя особым народом.

– Но по языку-то они сербы?

– Они сербского происхождения, но при этом мусульмане и называют себя боснийцами, хотя к Боснии не имеют никакого отношения. «Уменьшительным либералам» нужна послушная прозападная Сербия, причем для них не имеет значения, в каких границах.

– Но ведь этот Йованович наверняка же маргинал, не пользуется никакой поддержкой, и перспектив у него нет.

– Да, Йованович маргинал. И Запад, понимая, что электорат Либерально-демократической партии незначителен, не делает на него ставку. Зато Запад поддерживает любые силы – пусть и говорящие о национальных интересах, – которые призывают ориентироваться не на Россию, а на Европу, которые зовут в Евросоюз и НАТО. И не важно, что Запад не возьмет Сербию ни в Евросоюз, ни в НАТО. Для него главное, чтобы эти силы не связывали будущее своей страны с Россией. Да, многие критикуют нынешнюю власть за то, что она на словах по-прежнему выступает за интеграцию Сербии в Европу и европейские структуры. Но, как ты верно заметил, для этой власти такая риторика – не более чем маскировка, чтобы как-то протянуть время. Если бы она на самом деле ориентировалась на Запад, она бы не выступила прямо и открыто против санкций в отношении России.

– Ты знаешь, что меня поразило? Приближается знаковое событие – визит Путина в Белград на празднование 70-летия освобождения города от фашистов. К его приезду приурочено и открытие памятника Николаю II – это уже в связи со столетним юбилеем начала Первой мировой войны. Все это не просто дипломатия, это – откровенно демонстративные шаги, призванные подчеркнуть исключительную значимость для Сербии добрых и близких отношений с Россией. Интересно, ваша власть это делает преднамеренно? Ведь празднование 70-летия освобождения Белграда вполне могли бы интернационализировать, пригласить на него первых лиц из стран антигитлеровской коалиции и в придачу к ним еще и Меркель – для толерантности, как ты любишь говорить. И тогда Путин был бы просто одним из них. Никакой исключительной роли – почти как в июне в Нормандии. Но насколько я успел узнать, находясь в Белграде, Путин по замыслу вашей власти должен стать единственным и главным гостем на торжествах. То есть официальный Белград намерен превратить это событие в наглядную демонстрацию своих геополитических приоритетов. Это так?

– Наша сегодняшняя власть четко знает, что ее электорат – это люди пророссийской ориентации. И таких большинство в нашем обществе. Прозападных взглядов придерживаются лишь 10–20 процентов избирателей.

– Это в основном в Белграде, да?

– Это в Белграде и в больших городах, а также в Воеводине, на севере Сербии, где проживают в основном не православные, а представители других конфессий. Но все-таки именно социальный фактор – а не конфессиональный или

национальный – у нас оказывается решающим при определении политической ориентации. Скажем, в больших городах за Николича не станут голосовать не только неправославные, но и православные. Но в целом по стране – кроме крупных городов – действующую власть поддерживают большинство избирателей, так как ценности патриотизма являются для нас, пожалуй, наиболее значимыми. А сербский патриотизм всегда – чуть ли не автоматически – предполагает и пророссийскую позицию. Но надо четко понимать, что балансирование Николича между Россией и Западом адресовано именно последнему, чтобы хотя бы на уровне политической риторики не дразнить его.

– Не дразнить? По-моему, сценарий предстоящего визита Путина свидетельствует как раз об обратном.

– Нет, Дмитрий, все намного тоньше, не стоит судить о манере Николича лишь по одному празднованию 70-летия освобождения Белграда, хотя не спорю – это, видимо, действительно будет триумф Путина. Конечно, Запад знает подлинную цену такой декларативной лояльности, но в то же самое время он ничего не может поделать с действующей сербской властью – именно потому, что видит: ее поддерживает Россия. Если бы не Россия, Николича давно не было бы. И Николич это знает – и поэтому устраивает празднование юбилея освобождения нашей столицы именно для одного Путина. Да, Запад фактически закрыл глаза на то, что Сербия не поддержала санкции против России. Но можно не сомневаться и в том, что Николичу запомнили такое «своеволие». Другое дело, что и ресурсы Запада ограниченны. Сейчас, когда идет борьба за Украину, Запад не может действовать на два фронта и готовить смену власти в Белграде. Да даже и в Республике Сербской Запад пока ничего не предпринимает, хотя очень хотел бы там снова инспирировать силовое противостояние, которое потом неизбежно перекинулось бы и на территорию уже собственно Сербии. Наша власть это прекрасно понимает и отдает себе отчет в том, что у нее есть лишь единственный надежный союзник – Россия. Случись что с Россией – не останется и Сербии, даже в ее сегодняшнем – урезанном – виде. В истории всегда так было: когда Россия процветала – и Сербии было хорошо, как только в России случалась какая-то смута – Сербия тут же оказывалась под ударом. Исторически, геополитически нам, сербам, просто жизненно необходима сильная Россия.

– То есть сербская пророссийская позиция в основе своей весьма прагматична?

– Конечно, а зачем лукавить или строить из себя каких-то совсем уж оторванных от жизни альтруистов? Это-то как раз и важно, что именно прагматизм заставляет быть пророссийской любую нашу власть, которая хочет лучшего для своей страны.

– Драгомир, вот еще о чем хочу тебя спросить. В Москве мне приходилось слышать мнение, что патриарх Ириней, который возглавил Сербскую церковь после кончины патриарха Павла, – прозападной и даже проватиканской ориентации. Во-первых, так это или нет? А во-вторых, если это так, то не станет ли политическая позиция нынешнего патриарха тем фактором, который подтолкнет Сербию к пересмотру ее пророссийской позиции?

– Я не стал бы говорить, что патриарх Ириней – проватиканский. В нашей Церкви есть течение, которое выступает за более тесные контакты с Римом, но это течение маргинальное. Возможно, такое впечатление о теперешнем предстоятеле Сербской православной церкви сложилось из-за того, что он – как и президент Николич – вынужден быть предельно аккуратным. Ведь задача и у духовной, и у светской власти одна, я об этом несколько раз говорил и еще раз повторю: тянуть время, не идя при этом на открытую конфронтацию с Западом, и исподволь готовиться к тому моменту, когда Сербия сможет начать усиливать свой суверенитет при поддержке России. Вот тебе и все объяснение. А так подавляющее большинство сербских епископов ориентируются на Россию и Русскую православную церковь. Да и с Ватиканом у нас давние счеты. Во время Второй мировой Ватикан устроил на территории Сербии самый настоящий холокост – только в отношении не евреев, а православных. И делал это руками хорватов. Смешно даже подумать о том, что евреи станут хотя бы как-то заискивать перед нацистами. И точно так же смешно представить себе, чтобы сербское духовенство пошло на поклон к Ватикану. А те из представителей нашего духовенства, которые так поступают, – это агенты, сознательно подрывающие Церковь изнутри. И если уж говорить о Сербской церкви, то перед ней сейчас стоит другая, гораздо более важная проблема. К величайшему сожалению, наша Церковь – в отличие от вашей – сейчас утрачивает влияние в обществе. И происходит это из-за того, что она и не пытается стать влиятельной социальной силой – не занимается молодежью, не создает молодежных клубов, не старается играть более заметную роль в жизни невоцерковленных.

– Драгомир, но и в России, и в Сербии существует такое понятие, как культурное правосла-

вие. И у нас, и у вас по-настоящему воцерковленных людей не так уж и много. Зато большинство считают православие органичной и естественной частью своего культурного мира – как родной язык. Причем среди таких людей значительная – если не подавляющая – часть не просто невоцерковленные, но даже вообще далекие от Церкви, а то и подавно неверующие. В этом смысле Церковь прочно встроена в культурную матрицу и русского, и серба.

– Да, согласен, так оно и есть. Просто Церковь не использует всех своих ресурсов влияния на общество. А как политический институт Сербская церковь – очень заметный субъект. Например, в прошлом году она обратилась напрямую к нации, осудив власть за подписание Брюссельского соглашения, означающего фактическое признание Белградом суверенитета Косова. Другое дело – насколько конструктивна такая позиция. С одной стороны, разумеется, трудно оправдывать нашу власть, подписавшую Брюссельское соглашение. Но с другой стороны, его уже просто невозможно было не подписывать после всего того, что сделали для решения косовской проблемы наши предыдущие власти. И если бы Николич и Вучич отказались подписывать это соглашение, в основных своих частях подготовленное еще до них, и президенту, и премьеру – я в этом убежден – пришлось бы очень скоро покинуть свои посты. Не подумай, что я оправдываю Брюссельское соглашение, я считаю его очень плохим компромиссом, но вместе с тем я понимаю, что такой компромисс – наша плата за право иметь ну не совсем уж прозападную власть. А вот Церковь тогда не захотела принимать такой компромисс и обратилась напрямую к сербскому обществу.

Что произойдет, если мы вступим в Евросоюз? Несколько миллионов сербов уедут на заработки в Европу и ассимилируются там. А сюда на их места приедут мигранты из Африки и из Азии. То есть сербской нации не останется – она исчезнет, растворится. Поэтому не лучше ли нам думать о сербах, чем заботиться о том, как ассимилировать пакистанцев?

– И о чем говорилось в этом обращении?

– Церковь призывала сербский народ не соглашаться с подписанным властью соглашением, подчеркивая при этом, что никакая европейская интеграция не стоит того, чтобы за нее платили косовской землей – неотъемлемой частью исторической Сербии. Однако это обращение Церкви осталось только декларацией и не привело ни к каким

Наша сегодняшняя власть четко знает, что ее электорат – это люди пророссийской ориентации. И таких большинство в нашем обществе. Прозападных взглядов придерживаются лишь 10–20 процентов избирателей.

практическим результатам. Недавно Церковь опять выступила с обращением – на этот раз по поводу антироссийских санкций Запада. В этом обращении говорилось, что если кто-то из сербов вслед за Западом начнет вводить санкции против России, то такой поступок станет национальным предательством. В этом вопросе позиции Церкви и власти совпали. А вот когда Церковь столкнулась с государством по вопросу о судьбе Косова, она проиграла.

– Мне трудно опрокинуть эту ситуацию на наши реалии – то есть представить себе подобную нестыковку позиций власти и Церкви по важнейшему вопросу государственной жизни. Нет, конечно, в их отношениях тоже есть разные нюансы, но чтобы Церковь публично критиковала власть – это из области невозможного.

– Да, к сожалению, власть и Церковь не согласовывают друг с другом своих действий. «Симфонии властей» – если прибегать к известному средневековому образу – у нас не получается. Вот у вас, после того как коммунистическая идеология перестала быть господствующей, все складывалось иначе: Церковь стала действовать сообща с властью. А у нас такого тесного сотрудничества не было. Милошевич в глубине души продолжал оставаться коммунистом и поэтому не имел близких отношений с Церковью. Коштуница попытался было предложить новую стилистику во взаимоотношениях между властью и Церковью, но он мало что успел сделать. Потом к власти пришли демократы, которых Церковь вообще не интересовала. Правящая ныне Сербская прогрессивная партия тоже ни с кем не хочет советоваться, в том числе и с Церковью. А напрасно: для православного общества соединение усилий светской и духовной властей всегда оказывается очень благотворным. Тем более что любые политические выступления Церкви всегда выдержаны в исключительно патриотическом духе. Хотя и эту черту Сербской православной церкви Запад тоже пытается использовать в своих интересах. Так, немецкий Фонд Конрада Аденауэра профинансировал у нас целую программу, предполагающую возвращение Церкви в среднюю школу. Вроде бы хорошее начинание, да? Нет, на самом деле оно очень вредное и опасное. Просто вместе с церковными дисциплинами по задумке этого фонда в школах вводятся и другие предметы, призванные воспитывать у учеников, так сказать, толерантность – после твоих замечаний я уж стал задумываться, прежде чем произнести это слово. Но, по-моему, сейчас я использовал его как раз с тем оттенком, с каким его употребляют у вас.

– Да, Драгомир, именно это у нас и имеют в виду, когда говорят о толерантности.

– Так вот, продолжу о затее Фонда Аденауэра. Понятно, что сама Церковь не имеет к ней никакого отношения, но Запад просто ловко использует Церковь, чтобы проводить свою политику. Получается, что дозированным обращением к традиции эту же самую традицию в конечном счете собираются уничтожить.

– Ну вот, кстати, по поводу традиции. Знаешь, что мне бросилось в глаза в Белграде? Засилье латиницы. Кириллицы почти нигде нет – разве что на динарах. А ведь письменность – это, можно сказать, фундамент национальной культуры.

– При Тито было значительно хуже, чем сейчас.

– Даже хуже?

– Да, кириллица почти совсем не использовалась. Она начала возрождаться примерно с конца 80-х.

– Насколько я понимаю, разница сербского и хорватского языков заключается как раз в графике: в сербском – кириллица, в хорватском – латиница. Это так?

– То, что мы сегодня называем сербскохорватским языком, в Хорватии употребляется не повсеместно, а только в Загребе и вокруг него. Когда тут были турки, сербы смешивались с хорватами и хорваты постепенно перенимали у сербов их язык в его народном разговорном варианте. На основе этого разговорного языка сложилось штокавское наречие, то есть современный сербскохорватский язык. Кайкавское наречие, которое сейчас является диалектом хорватского, являлось вплоть до XIX века языком хорватской элиты. А в XIX веке хорваты переняли у сербов и литературный язык, потому что поняли, что если они этого не сделают, то большинство хорватов будут ассимилированы сербами. Этот литературный сербский язык является в Сербии официальным. А разница между нашими языками осталась лишь в графике – кириллица или латиница. Во времена Югославии сербскохорватский язык в его белградском диалекте стал официальным, но при этом он как-то сам собой перешел на латиницу. На латинице работали все федеральные структуры и армия. Это была задумка Тито, который хотел через латиницу укрепить единство югославских народов. Латиница тогда утвердилась во всех югославских республиках, кроме Македонии. Но и в Македонии адаптация латиницы уже начиналась. И если бы Тито прожил еще какое-то время, не исключено, что и эта югославская республика перешла бы на латиницу. Какое-то время после смерти Тито латиница продолжала насаждаться по инерции. Например, когда я учился в начальной школе – а это было в конце 70-х, то есть еще при Тито, – мы писали что-то на латинице, а что-то все-таки и на кириллице. Но когда я был уже в старших классах – а Тито к тому времени уже умер, – мы использовали почти исключительно латиницу. То есть латиница навязывалась сверху как обязательная директива. Мой отец в эпоху федеративной Югославии работал в структуре, занимавшейся внешней торговлей. И вся документация там велась только на латинице. Такое массированное насаждение латиницы дало свой результат. Люди просто привыкли писать на ней. И сегодня снова письменность оказывается инструментом политического влияния. Например, западные фонды, выдающие гранты сербам, требуют, чтобы вся документация по этим грантам велась только на латинице. То есть подчеркиваю: с нас не требуют английского или немецкого – пишите на сербскохорватском, но латиницей. Запад объясняет такое насаждение латиницы необходимостью упростить понимание сербских текстов на всей территории бывшей Югославии. Например, у нас автору гораздо легче получить западный грант на издание своей книги, если его сербскохорватский будет на латинице. А ведь письменность – это же ключ к глубинному генотипическому коду. Если поменять письменность, то национальная идентичность автоматически станет уже другой. У хорватов, которые сейчас превратились в ударный кулак Запада, которому предписано уничтожать сербскую традицию и сербскую культуру, в Средние века проблема письменности тоже стояла очень остро. Внутри хорватского общества тогда были буквально столкновения между сторонниками латиницы и сторонниками кириллицы или глаголицы. И Католическая церковь учинила в отношении последних самый настоящий геноцид. В результате целый народ оказался перекодированным – и мы видим, какими стали хорваты. Ту же самую языковую войну Запад ведет сегодня и против Сербии. Хотя, конечно, теперь уже понятно, что ни у кого не получится отучить нас от кириллицы.

– То есть сейчас идет процесс возрождения кириллицы. И насколько успешно он протекает? Думаю, что не очень – я сужу по уличным рекламам и надписям на латинице.

– Приведу статистические данные. Сегодня в Сербии около 60 процентов граждан пользуются кириллицей. Это в два раза больше, чем к концу существования Югославии. Да, на улицах у нас засилье рекламы на латинице, на что ты обратил внимание. И это несмотря на то, что существует закон, обязывающий любую рекламную надпись на латинице дублировать на кирилли-

це. Но этот закон не соблюдается – никого еще не оштрафовали за отсутствие дублирующей надписи на кириллице. А стоит только начаться тяжбе, тут же поднимется шум, набегут всякие правозащитники и представители Запада. То есть власть сама боится соблюдать собственный же закон, обязывающий в Сербии писать по-сербски.

– Драгомир, хочу тебя спросить, что собой представляет сегодняшняя сербская молодежь? Пережившие бомбардировки в раннем детстве? Чем они живут? На что ориентируются? Вопрос этот, как ты понимаешь, очень серьезный. Фактически речь идет о будущем страны. Понятно, что Запад изо всех сил заманивает молодых сербов в мир своих ценностей. Поэтому за молодое поколение надо бороться. Очень важно, чтобы это поколение осталось сербами.

– Как это ни странно, но молодежь, сформировавшаяся после октября 2000-го, по данным социологических исследований, оказывается гораздо более патриотической и проросийской, чем старшие поколения. А самое прозападное поколение – это мои ровесники, те, кому от 40 до 50 лет, кто формировался в эпоху послетитовской Югославии. Но вообще в целом русские – самая популярная нация в Сербии.

– Да у меня вообще складывается впечатление, что Россию здесь любят даже сильнее, чем в самой России. Меня до глубины души потрясло то, что сербы улыбаются, когда слышат русскую речь. Я с этим сталкиваюсь в Белграде буквально на каждом шагу. Да где в мире еще такое встретишь? Мы в России-то друг другу не улыбаемся.

– У нас проводили исследование – изучали, как сербы относятся к представителям других наций. На вопрос: «Кто из иностранцев был бы для вас самым лучшим соседом», – подавляющее большинство сербов отвечают: «Русские». Вопрос: «На ком из иностранок вы хотели бы жениться или за кого из иностранцев вы хотели бы выйти замуж?» Ответ: «На русской и за русского». Даже на такой вопрос: «Хотите ли вы, чтобы в Сербии иностранцы имели влияние на политику и СМИ?» – сербы отвечают: «Нет, за исключением русских». То есть в массе своей сербское общество глубоко прорусское. А популярность и рейтинг Путина здесь стабильно выше, чем в России. Причем даже сейчас, когда у вас рейтинг Путина вырос на фоне событий на Украине, он все равно ниже, чем в Сербии. А все почему? Потому что в Сербии сегодня нет настоящего государства. Нам его Запад уничтожил. Вот сербы и смотрят на Россию как на свое собственное государство. Для нас Россия – вторая родина. И так было всегда. Еще во времена Княжества и Королевства Сербии, когда наша армия шла в бой, офицеры говорили: «Бог на небе – русский царь на земле». Почему наши нынешние политики прорусские? Да потому, что Россия демонстрирует свое к ним уважение, а Запад, напротив, – пренебрежение.

– Политикам надо было постараться, чтобы при таком действительно искреннем расположении друг к другу на несколько лет стать непримиримыми врагами. Это я про послевоенное время.

– Вот тут очень хорошо видна глубинная разница между Советским Союзом и Югославией. Да, у вас были периоды, когда русскость не просто не поощрялась, а ее истребляли, усматривая в ней угрозу коммунистическому интернационализму. И Русскую церковь тоже во многом из-за этого преследовали – как, пожалуй, наиболее зримый и сохранившийся из дореволюционного прошлого островок этой русскости. Но это довольно быстро прошло. Русскость была реабилитирована еще при Сталине...

– А потом снова репрессирована при Хрущеве…

– Согласен, но масштабы и сама исступленность борьбы с русскостью при Хрущеве были уже совсем другими. Но все равно я веду к тому, что даже в советское время, когда русскость явно не поощрялась, ее государственнические функции просто были восприняты партией и советской властью. А у нас все было прямо наоборот. Титоизм был просто антиправославным и антироссийским – а значит, антинациональным, – прозападным режимом.

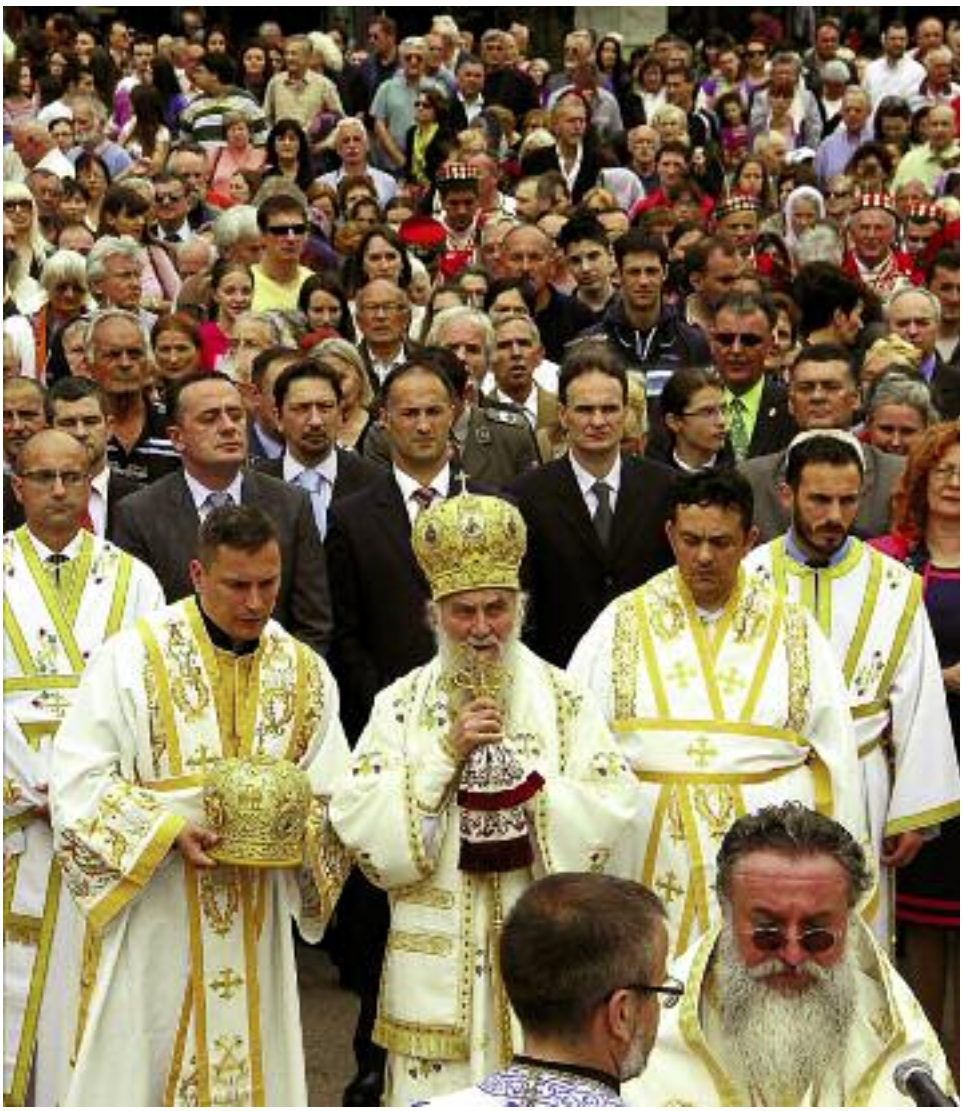
– Прозападным?

– А ты разве не помнишь, что Югославия не входила в главное интеграционное объединение «братской семьи» социалистических стран – Организацию Варшавского договора? Да и в СЭВе она была лишь ассоциированным членом. И Запад очень ценил эту «независимость» Тито от Москвы. Я считаю, что Тито в глубине души всегда оставался носителем австро-венгерской идентичности, в реалиях которой он сформировался как личность. Я даже не исключаю, что он вообще был «спецпроектом» Запада. Когда в 1948 году он разругался со Сталиным, то стал насаждать в стране не только антисоветизм – что уже было на руку Западу, – но и русофобию под видом этого антисоветизма и антисталинизма. Чтобы с корнями вырвать из сербского менталитета – как менталитета большинства граждан Югославии – многовековую привязанность к России. И эта политика Тито действительно отвернула от Советского Союза какую-то часть нашего народа, хотя его большинство

всегда оставалось пророссийски настроенным.

– А почему ты говоришь, что именно наше с тобой поколение сербов – наиболее антироссийское?

– Ну, может, не только наше поколение, но и те, кто старше нас. А наше поколение в Сербии сильно деморализовано санкциями и войной. Это какое-то усталое поколение. Большинство наших ровесников в Сербии говорят: нам все равно, кто мы – сербы или кто-то еще, главное, чтобы нам в материальном отношении хорошо жилось. То есть это поколение не только усталое, но еще и деморализованное. Старшее-то поколение еще хотя бы помнит войну, патриотический подъем. Для нашего же поколения эти ценности – чужие. И если уж мы заговорили о ценностях, то следует особо подчеркнуть, что на фоне нескольких десятилетий латентно прозападного режима Тито и его коммунистических преемников политика Милошевича разительно отличалась антизападничеством и ориентацией на патриотические ценности. Надо сказать, что и Коштуница тоже в какой-то мере продолжил этот антизападный курс – например, в области среднего образования. Я тебе говорил о том, как Запад завербовал наши университеты. Это и понятно: профессура и особенно студенчество – это горючий материал всех «бархатных революций». Но Запад не стал вербовать среднюю школу. Видимо, отложил это на потом, так как дети во время «бархатных революций», как правило, отсиживаются по домам и просто тихо радуются неожиданным каникулам. И Коштуница успел перехватить среднюю школу. При нем были введены новые учебные программы, особенно по гуманитарным предметам. При нем в школах появились новые школьные учебники истории – патриотические и пророссийские. Кстати, не исключено, что во многом благодаря именно этим учебникам наша молодежь патриотически и пророссийски настроена, о чем я уже говорил. А вот теперь подошла очередь вербовки и средней школы, и западная агентура начала у нас реформу среднего образования. Эта реформа предполагает отказ от единых учебников для всей страны. И одновременно Запад поддерживает издание учебников по истории и другим гуманитарным предметам той политической ориентации, которая ему выгодна. И что получается? По одному предмету для каждого класса сейчас имеются уже десятки учебников, и право выбора учебника остается за учителем. А ты же понимаешь, как убедить того или иного учите-



Перед Сербской православной церковью сейчас стоит гораздо более важная проблема. Наша Церковь – в отличие от вашей – сейчас утрачивает влияние в обществе. И происходит это из-за того, что она и не пытается стать влиятельной социальной силой – не занимается молодежью, не создает молодежных клубов, не старается играть более заметную роль в жизни невоцерковленных.

Титоизм был просто антиправославным и антироссийским – а значит, антинациональным, – прозападным режимом. Я считаю, что Тито (на фото) в глубине души всегда оставался носителем австро-венгерской идентичности, в реалиях которой он сформировался как личность. Я даже не исключаю, что он вообще был «спецпроектом» Запада.

ля выбрать «единственно правильный» учебник. Надо просто простимулировать его, чтобы он сделал этот «правильный» выбор. Это решение вопроса на низовом уровне. А помимо этого наша книгоиздательская индустрия получает большие гранты от Фонда Сороса и других фондов. У этих организаций достаточно средств не только для издания соответствующих учебников, но и для раскрутки их рейтингов и даже для откровенного подкупа учителей. Если эту реформу не остановить, она сильно искорежит мировоззрение наших детей. Понимая это, власть пытается влиять на формирование рынка учебников. Взята установка на издание нескольких государственных учебников и вообще на упорядочение издания учебной литературы. Трудно сказать, сможет ли наша власть тягаться с западными «благотворителями». Но выбора нет: если не навести порядок в этом вопросе, то весь тот патриотизм, который присущ нашей сегодняшней молодежи, через несколько лет рассеется как дым. Через 10–15 лет мы будем иметь совсем другую молодежь – с основательно промытыми мозгами. Битва за школу еще важнее, чем битва за университет. В университете учатся и работают люди сложившиеся, сформировавшиеся. И даже там можно многих перевоспитать в нужном духе. А что уж тут говорить о детях, которым именно в школе закладывают мировоззренческий фундамент.

– У нас несколько лет назад началась работа над единым учебником истории. Этому можно было только радоваться – наконец-то после стольких лет беспредела государство решилотаки навести порядок в толковании нашего прошлого. И что ты думаешь? В конце этого лета министр образования и науки вдруг заявляет, что никакого единого ученика истории не будет, что вместо него введут какой-то «единый историко-культурный стандарт», а уже на его основе напишут учебники. Что это будет за «стандарт» – никто не знает. Ясно одно: лучший способ спустить на тормозах любое государственное начинание – это передать его исполнение профессиональным чиновникам. Честное слово, какое-то нехорошее у меня предчувствие по поводу этого неведомого «стандарта».

– Ой, Дмитрий, смотрите, как бы вам не повторить нашу страшную ошибку, когда мы допустили создание рынка учебников по идеологически значимым предметам. Государству особенно необходимо контролировать учебники истории. Ведь если изменится взгляд на прошлое, станет другим и национальный код. И мы получим совсем других

людей. Так что контроль за преподаванием истории должен обязательно находиться в руках государства.

– Еще такой вопрос, Драгомир. Мы сегодня уже говорили о том, что Интернет фактически «не участвовал» в революции 2000 года. А какова его роль в сегодняшней политической жизни Сербии? Идет ли прозападная обработка общества и прежде всего молодежи через сетевую субкультуру? У нас, например, как показала даже Болотная, откровенно антигосударственные силы в Сети достаточно локальны. Да, они активны, заметны и кричат очень громко. Но при этом их все-таки нельзя назвать законодателями мод в Рунете. А какая ситуация в сербском сегменте Сети?

– Знаешь, Дмитрий, если говорить об избирательных кампаниях, то не стоит преувеличивать политическое влияние Интернета – во всяком случае, в Сербии. У нас в Сети сидят в основном люди до 45 лет. Но они-то как раз и не очень ходят голосовать. А старшие поколения, которые, напротив, всегда аккуратно посещают избирательные участки в дни голосований, предпочитают газеты или телевизор. Колоссальный ресурс Интернета в другом – в возможности быстро выводить людей на улицу для демонстраций. Но как это может сработать в наших реалиях, мне сказать трудно. Да, действительно, в октябре 2000-го Интернет еще не был настолько распространенным, как сейчас. Но учитывать мобилизующую способность Сети нам, нашей власти необходимо. И вот почему. У нас погоду в Интернете делают патриотически ориентированные ресурсы и блогеры. Но опять-таки очень важно, чтобы патриотизм был здравым, чтобы он не шел государству во вред. Но есть такие сайты, которые иначе как провокаторами не назовешь. Например, они призывают Сербию к реваншу путем столкновения с НАТО. Неужели не понятно, что подобная авантюра просто уничтожит нашу страну, создаст самый благоприятный повод для ее оккупации Западом?.. То же самое можно сказать и о Республике Сербская Краина: те, кто сейчас призывает ее к восстанию, не могут не понимать, к чему это приведет. Нам сейчас надо беречь то, что осталось, используя все доступные легальные способы и международные институты. Но при этом, разумеется, внимательно следить за происходящим в мире, чтобы – когда для такого шага созреют необходимые условия – при помощи России объединить все сербские земли. И что интересно: серверы многих из этих сайтов-провокаторов находятся в Америке, а выступающие на них с призывами к реваншу оказываются сербами, живущими на Западе и являющимися гражданами тех или иных западных стран. И я, честное слово, не верю, что эти люди ведут такую пропаганду без чьей-то подсказки, на свой страх и риск, просто из любви к своей исторической родине. То же самое можно сказать и о тех, которые у вас лелеют мечту о патриотическом майдане. Так что и государство, и – особенно – общество должны работать с социальными сетями, чтобы не допустить завтра хаоса на улицах.

– И у нас тоже различные псевдопатриотические силы громче всех упрекают Путина за непоследовательную украинскую политику.

– В этом-то и опасность. Потому что либералам после всего того, что они учинили в России при Ельцине, больше ни за что не поверят. Либеральная Болотная выдохлась, даже толком и не начавшись. Ну да, пусть там собиралось по 100 тысяч – но ведь это даже для одной Москвы не так много. А для России – и подавно. Но если какие-нибудь ловкие ребята слаженно и организованно обвинят власть в предательстве национальных интересов страны, в том, что она бросила своих на востоке Украины, или «слила» – как у вас говорят, и при этом призовут народ выйти на улицу против этой власти, думаю, что на эту приманку клюнет гораздо больше людей. Поэтому власть должна доходчиво объяснять народу, что, как и почему она делает. Ей необходимо позаботиться о создании, может быть, специальной неформальной пропагандистской сети, через которую она будет общаться с людьми на гораздо более доверительном уровне. Ведь одно дело, когда меня в чем-то убеждает ведущий по телевизору, который поставленными интонациями считывает нужные слова с бегущей строки, а совсем другое дело, если то же самое мне говорит мой коллега по работе. К словам коллеги я по определению стану прислушиваться больше, потому что они хотя бы по форме отличаются от слов телеведущего. Нужны неформальные общественные структуры, молодежные клубы. Необходимо использовать и колоссальный пропагандистский потенциал социальных сетей. Обо всем этом я говорил выше. То есть общество должно перестать воспринимать власть как нечто стороннее, я уж не говорю – чуждое или враждебное. Только тогда власть сможет эффективно противостоять своим оппонентам – не только и не столько сверху, сколько снизу, из самого общества.

– Драгомир, мы уже полтора часа беседуем, и я хочу задать тебе последний вопрос. Ты знаешь русский язык, часто бываешь в России, знаком с ее про-

блемами. Я разговаривал с тобой как со знатоком, тонко понимающим и чувствующим многие нюансы современной России. Причем такие нюансы, которые неведомы очень многим моим соотечественникам.

– Спасибо!

– Нет, я совершенно серьезно. К сожалению, далеко не все у нас задумываются о том, о чем мы сегодня говорили. Так вот, Драгомир, я хочу спросить тебя как знатока России, какие недостатки, на твой взгляд, присущи нашему обществу, нашей власти? Иными словами – что тебе в нас не нравится?

– Хорошо, я отвечу на этот вопрос, но сначала я скажу о том, что мне в России нравится, чему я искренне и по-доброму завидую. Ваша страна на сегодня является единственным европейским государством, в котором заметны позитивные демографические сдвиги. Ведь будущее у народа есть только в том случае, если он обеспечивает собственное воспроизводство. Несколько лет назад – это было, насколько я помню, во время второго президентского срока Путина – власть объявила о том, что берется за решение этой проблемы. И результат налицо – в течение последних нескольких лет рождаемость стала превышать смертность, и численность населения начала расти.

– Драгомир, я в отличие от тебя совершенно не представляю себе демографическую ситуацию в Сербии.

– Она ужасная. Примерные показатели такие. В год у нас рождаются 70 тысяч, а умирают 110 тысяч. То есть ежегодно наше население сокращается на 40 тысяч. И если эта тенденция будет продолжаться, то через 50 лет сербов будет в два раза меньше, чем сейчас. Я понимаю, что для решения демографической проблемы нужны деньги, а у Сербии их нет, Сербия почти банкрот. Но даже в такой ситуации необходимо действовать, изыскивать какие-то средства, в конце концов, идти на переформатирование расходных статей бюджета для стимулирования рождаемости. Когда Николич стал президентом, он назвал демографическую проблему среди приоритетных направлений, которым он будет уделять первостепенное внимание. Но пока что ничего конкретного не сделано. Хочу надеяться, что он все-таки сдержит свое слово. В противном случае у нас нет будущего. К тому же нация стареет. Проблема усугубляется еще и тем, что у нас женятся и выходят замуж примерно на 10 лет позже, чем у вас. Если в России создают семью в 20 с чем-то лет, то у нас в 30 лет и даже позже.

– Странно. Вы же южный народ, и возраст вступления в брак у вас должен быть ниже, чем у нас.

– Нет, по статистике у нас мужчины женятся в возрасте 34 лет, а женщины выходят замуж в 30 лет. И каждая четвертая семья не имеет детей.

– А чем вызвано, что в брак вступают так поздно?

– Это повелось еще с 50-х. Раньше, конечно, было по-другому, семью создавали примерно в двадцатилетнем возрасте. А почему во время социалистической Югославии произошла такая трансформация, я не знаю. В России даже в 90-х, когда смертность превышала рождаемость, семьи создавали преимущественно двадцатилетние. А у нас уже больше полувека в брак вступают в зрелом возрасте. Вот мы и пришли к тому, что средний возраст нашего населения сейчас – где-то 40 лет. И он продолжает увеличиваться.

– Драгомир, мы начали было говорить о недостатках россиян, но перешли на демографию. Давай все-таки о том, что тебе в нас не нравится.

– Хорошо. Прежде всего не нравится то, что в России слишком много либерализма.

– Интересно.

– Я говорю об экономическом либерализме, из-за которого Россия не до конца использует имеющиеся у нее возможности для развития. У вас богатейшее государство, вы не испытываете никакой нужды ни в сырье, ни в энергетике. Да при таких условиях вы бы могли быть гораздо более развитыми, чем сейчас. Вот, например, возьмем Белоруссию. Много чего можно говорить о Лукашенко, но ведь именно при нем промышленный потенциал страны вырос почти вдвое по сравнению с советским временем. А промышленный потенциал России, наоборот, уменьшился по сравнению с тем, каким он был при Советском Союзе. Почему вы не занимаетесь реиндустриализацией? Почему на протяжении всей советской эпохи Россия предпочитала импортировать промышленную продукцию, а не производить свою собственную? У вас любят говорить красивые слова о поддержке отечественного товаропроизводителя. Но где эта поддержка? Я что-то не вижу. Россия способна на форсированный рывок в своем развитии не только потому, что обладает несметными природными богатствами и энергетическими ресурсами, но и благодаря традиционным качествам своего народа, который всегда ставил – да и сейчас, как мне кажется, не утратил этой привычки – государственные, общие интересы неизмеримо выше интересов индивидуальных. Почему вам обязательно нужны встряски, чтобы начать что-то делать? Я очень надеюсь, что сейчас санкции – как в свое время и дефолт 1998-го – заставят ваше государство всерьез подумать об импортозамещении

и чему-то поучиться у той же Белоруссии, с которой вы тем более будете в Евразийском экономическом союзе. А ведь всего-то надо, чтобы государство – вопреки рыночной догматике, которой у вас до сих пор еще поклоняются, – вернулось в экономику. Ведь именно благодаря сильной регулирующей роли государства Белоруссии удалось уберечь от разбазаривания и разворовывания заработанные за транзит российских энергоносителей деньги и направить их на реиндустриализацию. Когда в России – что царской, что советской – государство контролировало экономику, страна была сильной. Когда государство уходило из экономики и полагалось на рыночную стихию, Россия не то что слабела, а просто приходила в упадок, с ней случались разные катастрофы – смуты и революции. То есть, во-первых, в России мне не нравится какое-то слепое следование догматике экономического либерализма. Во-вторых, мне не нравится, что у вас, похоже, совсем забыли о том, что такое социальная справедливость. Неужели это нормально, когда доходы самой богатой части общества оказываются несопоставимыми с заработками большинства населения? Неужели это нормально, когда ваша элита имеет счета и бизнес на Западе, посылает своих детей в западные университеты и в результате всего этого уже объективно перестает быть элитой национальной? Элита должна быть элитой прежде всего у себя дома и восприниматься в этом качестве остальным населением страны. Если власть не переориентирует элиту, если не сделает ее в полном смысле слова национальной, то в этом случае уже сама элита переориентирует и власть, и государство – сделает их прозападными, чтобы они не шли наперекор ее интересам. Мне кажется, что власть как-то уж слишком снисходительна к элите, вместо того чтобы заняться ее перевоспитанием.

Россия – это не Москва и не Санкт-Петербург. Россия – это прежде всего провинция, или регионы, это малые и средние города, где до сих пор сохраняется настоящий русский дух. И вот эта подлинная, внутренняя Россия почти совсем не развивается – в отличие от тех же Москвы и Петербурга. Но государство может быть сильным лишь тогда, когда оно развито симметрично, а не асимметрично.

– Так, Драгомир, понятно. Две претензии ты назвал. Что еще тебе у нас не нравится?

– Да, скажу. Я много езжу по России и хочу сказать, что Россия – это не Москва и не Санкт-Петербург. Россия – это прежде всего провинция, или регионы – как у вас сейчас называют провинцию, это малые и средние города, где до сих пор сохраняется настоящий русский дух. И вот эта подлинная, внутренняя Россия почти совсем не развивается – в отличие от тех же Москвы и Петербурга. Но государство может быть сильным лишь тогда, когда оно развито симметрично, а не асимметрично. Сильное государство черпает свою силу не из космополитических мегаполисов, а из глубинки. У нас Белград тоже уже не вполне национальный город. А ведь столицы в первую очередь должны быть выразителями национального духа, его символами.

– Понятно, значит, третья претензия – это перекос в сторону мегаполисов, особенно обеих столиц, и недостаточное внима-

ние ко всей остальной России. Еще замечания есть?

– Есть. России явно не хватает идеологии. У вас все говорят о том, что надо сопротивляться Западу. Но вместе с тем идеологии, которая уже сама по себе является важнейшим инструментом такого сопротивления, в России до сих пор нет. А без идеологии невозможно стать центром притяжения для других стран. У Советского Союза была сильная идеология – и его поддерживали многие страны. Царская Россия имела православную идеологию – и на нее ориентировался весь православный мир. Современной России тоже симпатизируют, но вот идеологии, которая могла бы стать сильным магнитом, притягивающим другие страны, у нее нет. И мне кажется, что сейчас России нужна не православная идеология, а, скажем так, идеология суверенитета с опорой на традиционные ценности, или идеология национального интернационализма. И если бы Россия смогла предложить такую идеологию, то она была бы востребована уже не какими-то отдельными странами или группами стран, а миром в целом. Эта идеология подсказала бы, как в современных условиях сочетать национальные государства и процесс глобализации. Я уверен, что подобный амбициозный проект как раз по силам России. И если бы вы взялись за него, то смогли бы организовать в своих интересах и постсоветское пространство, которое Россия не хочет терять, но с которым у нее выходят постоянные трудности. Наконец, эта идеология суверенитета поможет сплотить и саму Россию. Но все-таки главным образом идеология национального интернационализма должна быть предназначена не для внутреннего, а для внешнего употребления. Это и понятно – Россия ведь является мировой державой. И идеология, которую она предложит человечеству, будет способствовать построению не какой-то обезличенной глобальной цивилизации, а гармоничного мира национальных – в смысле суверенных, оговорюсь лишний раз, чтобы подчеркнуть вполне определенное значение слова «национальный», – государств с собственными идентичностями. Иными словами: Россия должна предложить миру идеологию новой глобализации – глобализации на основе не унификации и тотальной стандартизации, а сохранения и развития многообразия суверенных государств и их идентичностей. Я думаю, в этом и заключается историческая миссия России.

– Значит, наш четвертый недостаток – это то, что мы пока еще не создали такую идеологию и, следовательно, не можем выполнить свою историческую миссию.

– Это, скорее, даже не недостаток, а как бы задание для России. А если говорить именно о недостатках, то я бы назвал еще один. Русские и вообще россияне сегодня во многом перестали ощущать органическое единство трех ветвей русской нации – Великой Руси, Малой Руси и Белой Руси. Россия должна бороться за всю Украину, должна стремиться к подлинно братским отношениям с Белоруссией, должна защищать русскоязычных на всем постсоветском пространстве. А то ведь даже сейчас приходится слышать от россиян сетования: мол, а сколько нам будет стоить интеграция Крыма? Или еще чище: а зачем нам нужны беженцы с Донбасса? А то и подавно: а нужны ли нам русскоязычные на Украине? Дескать, пусть сами как хотят адаптируются и учат украинский язык. Разве можно в принципе задаваться такими вопросами? Если потребуется, то за национальное единство надо платить любую цену, его следует сохранять даже ценой собственной жизни. Мы же с вами – сербы и русские – разделенные нации. Просто вы в отличие от нас не пережили тот геноцид, который мы испытали совсем недавно и который продолжается в отношении сербов за пределами Сербии. А в России всё высчитывают: сколько будет стоить тот или иной проект поддержки соотечественников. Да сколько бы ни стоил! Вы что – всё будете деньги считать, если на Украине начнут ударными темпами ассимилировать русских и душить русский язык? Одно дело, когда сейчас на Украине 20 миллионов говорят на русском, и совсем другое дело будет, когда русскоязычных там останется 500 тысяч.

– Драгомир, очень важно, что ты затронул этот вопрос. Я внимательно слежу за происходящим на Украине и должен сказать, что самое отвратительное там сейчас – это русскоязычная русофобия. То есть русофобия, пропагандируемая и распространяемая русскоязычными. Да, конечно, эта русофобия маскируется под негативизм по отношению не к русским как к народу, а именно к современной России, к ее политическому режиму, к Путину. Но это именно маскировка. На самом деле мы имеем дело с самой настоящей русофобией, которая очень мне напоминает еврейский антисемитизм, который считается у евреев чем-то вообще запредельно недопустимым с морально-этической точки зрения. Евреи, которые ради приспособления открыто исповедуют антисемитизм, превращаются для еврейского сообщества просто в изгоев. Вообще нам полезно поучиться у евреев их национальной солидарности.

– О да, полностью с тобой согласен.

– Оплоты русскоязычной русофобии на Украине – это именно русскоязычные центральные регионы страны. Та же Днепропетровщина, где сейчас губернатором сидит Коломойский, которого мы сегодня уже поминали, является оплотом украинизма еще с хрущевских времен. Это отдельная история, как Хрущев в свое время насаждал украинизм в русскоязычных регионах Украины. И раньше-то вызывало иронично отношение, как официальные лица Украины говорят на государственном языке. А сейчас вообще какая-то фантасмагория. Коломойский в помещении своей администрации обязал подчиненных говорить только на украинском. К чему это кривляние? По обе стороны фронта – и ополченцы, с одной стороны, и украинская армия с нацгвардейцами, с другой стороны, – говорят по-русски…

– Помнишь, как у Булгакова в «Днях Турбиных» гетман жалуется: «Это безобразие, в конце концов! Ни один мой офицер не говорит на языке страны»... Да, почти век прошел с тех пор – и всё по новой. У нас в Черногории точно так же искусственно создается нация. Черногорцы – стопроцентные сербы. Сербский национализм родом из Черногории, а не из Сербии. И Обреновичи, и Карагеоргиевичи происходят из Черногории. А сегодня по воле Запада черногорцы – непримиримые враги сербов.

– Да, Драгомир, такое впечатление, что у наших двух народов просто какая-то общая судьба.

– Верно – и это при всех наших различиях. Русские всегда меня поражают своей энергией – но энергией непроявленной, точно затаившейся где-то в глубине народной души. У сербов тоже есть своя энергия, но она другая – легкая, сразу проявляется, но быстро растрачивается и исчезает. А у русских энергия тяжелая, инертная, но стоит только ей прийти в движение – ее не остановить. В истории всегда так было – как только для русских наступали тяжелые времена, у них происходил какой-то мощный энергетический выброс, благодаря которому они и побеждали. Другие народы в подобных ситуациях впадали бы в апатию – а русские, наоборот, мобилизовывались и добивались успеха. Так что, я думаю, Запад просчитался. Если бы он работал не так вызывающе, если бы он с виду вам улыбался, а исподтишка ставил подножки, то, может быть, в итоге чего-то и добился бы. А сейчас, когда Запад в открытую пошел войной против России, он лишь поможет ей мобилизоваться. То есть история в очередной раз идет по отлаженному сценарию. И никакой «бархатной революции» в России не случится. Будут попытки ее организовать – но этим все и закончится. А мобилизация – только на пользу вашему обществу. Она заставит его избавиться от всяких «вредных привычек», вспомнить свое историческое предназначение, постичь Божий замысел о России. А значит – и о Сербии.

У Булгакова в «Днях Турбиных» гетман жалуется: «Это безобразие, в конце концов! Ни один мой офицер не говорит на языке страны»… Да, почти век прошел с тех пор – и всё по новой. В Черногории точно так же искусственно создается нация. Черногорцы – стопроцентные сербы. Сербский национализм родом из Черногории, а не из Сербии. И Обреновичи, и Карагеоргиевичи (на иллюстрации – король Александр I Карагеоргиевич) происходят из Черногории. А сегодня по воле Запада черногорцы – непримиримые враги сербов.

– Драгомир, я тебе чрезвычайно благодарен за беседу. Очень надеюсь, что читатели нашего альманаха внимательно ознакомятся с твоими размышлениями и без труда поймут все содержащиеся в них предельно прозрачные намеки. Если бы ты только знал, насколько своевременными были твои ответы на мои вопросы, как важно нам вспомнить тяжелый опыт братской страны именно сейчас, когда и над нами стали сгущаться тучи. Понятно, что на чужих ошибках не научишься. Но я все-таки очень надеюсь, что те промахи, которые допустило ваше общество почти полтора десятилетия назад, те просчеты, о которых ты так подробно и назидательно рассказал, заставят нас, россиян, хотя бы призадуматься и изо всех сил оберегать то, что мы имеем.

Белград, 19 сентября 2014 года

Олег Тимофеевич Богомолов –
академик Российской академии наук, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный директор Института международных экономических и политических исследований РАН, почетный президент Международной ассоциации экономических наук, почетный профессор Будапештского экономического университета и Нанькайского университета (КНР), действительный член Болгарской академии наук

Перед вызовом кардинальных перемен

Мир меняет свое лицо – порой до неузнаваемости. Многих это не очень волнует. Большинство, как правило, предпочитает более стабильную, спокойную и предсказуемую жизнь. Тем не менее радикальные перемены не могут не коснуться нас. Они затрагивают прежде всего промышленность, транспорт, связь, сельское хозяйство. Мирная и военная атомная энергия существенно поменяла многое в земной жизни, как и освоение космоса. Автоматизация, компьютеризация, современные средства связи и транспорта революционизировали промышленность. Благодаря реактивной авиации сократились расстояния между континентами. Идет переход к следующему технологическому укладу – применению нанотехнологий, генной инженерии, созданию новых материалов с особо ценными свойствами. Радикальные нововведения затронули медицину и систему образования.

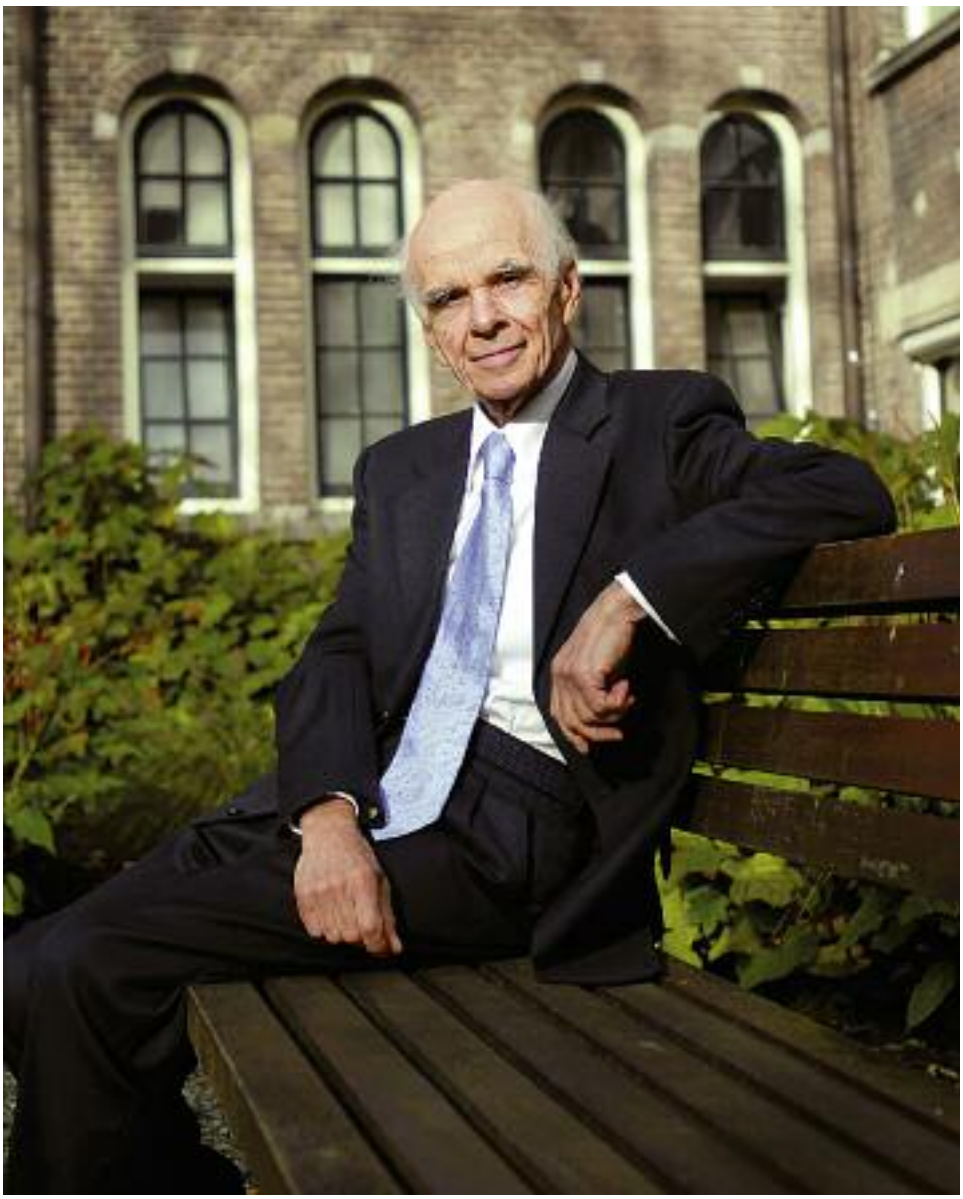
Одновременно появляются признаки назревающих сдвигов в общественном устройстве, зарождения новых его моделей. Меняется мировой порядок и геополитическая обстановка. Возникает иная конфигурация международных отношений и взаимодействия мировых цивилизаций. Однополярный мир, в котором гегемоном выступали США, уступает место многополярному, требующему равноправия, учета интересов и согласия большего круга стран. Авторитет Америки потускнел. Полюс политического и экономического притяжения все более перемещается с запада на восток, где Китай и Индия – самые многонаселенные государства планеты – демонстри-

руют рекордные темпы роста. Набирает силу и влияние объединение БРИКС. Рождается идея образования общего евразийского пространства как будущей геополитической реалии. В результате глобализации подвергаются качественным изменениям производство, торговля, транспорт, связь, доступ к информации, научное сотрудничество, культурные обмены.

Наряду с информационной, промышленной и геополитической революциями учащаются и социально-политические революции в разных частях планеты. Рушатся оставшиеся еще в мире диктаторские и автократические режимы, открывая путь демократическим преобразованиям.

Глобальные взаимозависимость и взаимовлияние дают значительные преимущества, но одновременно ставят страны перед серьезными вызовами, на которые необходимо найти ответы, чтобы избежать кризисных потрясений. Ломка привычных отношений и институтов не происходит безболезненно. По мнению американского философа Эрвина Ласло, процесс социальной эволюции на нашей планете подошел к критической фазе макросдвига. Это сопровождается на первой стадии социальным и культурным разладом и даже хаосом, вспышками жестокости и насилия, когда политические режимы проявляют беспомощность перед лицом надвигающихся перемен, а большинство населения стихийно выплескивает свое недовольство, порой прибегая к насильственным действиям. Мы являемся сегодня жертвами этих процессов, затмевающих намечающиеся перемены к лучшему.

Показательны в связи с этим судорожные усилия США противодействовать закату их гегемонии. Провалы гегемонистской политики следуют один за другим – в Ливии, Сирии, Афганистане, Ираке, Египте, а теперь и на Украине. Современная Украина, ввергнутая пришедшим к власти после государственного переворота режимом в хаос и братоубийственную гражданскую войну, оказалась разменной монетой в геополитике США. Всплеск национализма, неонацизма, русофобии, чудовищные проявления вандализма, нравственной деградации, преступности на Украине не находят осуждения со стороны США и их европейских партнеров. Взваливая вину на Россию за гуманитарную катастрофу, постигшую юго-восточные регионы Украины в результате начатой Киевом карательной опе-



По мнению венгерского философа Эрвина Ласло (на фото), процесс социальной эволюции на нашей планете подошел к критической фазе макросдвига. Это сопровождается на первой стадии социальным и культурным разладом и даже хаосом, вспышками жестокости и насилия, когда политические режимы проявляют беспомощность перед лицом надвигающихся перемен, а большинство населения стихийно выплескивает свое недовольство, порой прибегая к насильственным действиям.

рации с применением тяжелых вооружений, Америка пытается дискредитировать и ослабить нашу страну. В ход пускаются беспардонная пропаганда и экономические санкции, оказывается давление на другие государства с требованием поддержать США в их авантюрной политике. Совершаемые в развязанной Киевом войне преступления сознательно замалчиваются западными СМИ.

Россия продолжает прилагать немалые усилия для решения политическими средствами возникшего опасного военного, пропагандистского и торгового противоборства. Но перспектива восстановления мира и сотрудничества в Европе на основе учета интересов и воли ее народов, преодоления международной напряженности остается неопределенной.

К сожалению, научная и политическая мысль, а также общественное сознание явно не успевают осмысливать суть и особенности происходящих перемен. Господствующие в мире идеология, политическая практика и мораль дискредитируют себя. Тем острее ощущается потребность в нахождении новых моделей государственного и экономического устройства, а также глобального миропорядка, которые были бы адекватны вызовам происходящего макросдвига. Неслучайно мировой экономический форум в Давосе в 2012 году проходил под девизом «Великая трансформация и формирование новых моделей», а в 2014 году – под девизом «Переустройство мира: последствия для общества, политики и бизнеса». Проведенные там обсуждения показали, насколько важно, чтобы в новых моделях надлежащее место находили не только принципиальные улучшения рыночных и управленческих механизмов, но и гуманитарные и демократические ценности, стремление людей к миру, согласию и социальной справедливости. Если западные лидеры задумываются об этом, то и нам пора взяться за ум.

Несмотря на то что президент России Владимир Путин регулярно подчеркивает, что социальная ориентация политики государства не прихоть, а объективная необходимость, существующая реальность этого не подтверждает. Произвольная и несправедливая оплата труда работающего населения, запредельные доходы глав крупнейших государственных компаний и учреждений, как и олигархов частного бизнеса, регрессивное налогообложение, когда на дивиденды, получаемые на капитал, установлен налог в 9 процентов, а остальные работающие платят 13 процентов, приводят к запредельному социальному расслоению. Похоже, что власть больше заботится о новой буржуазии, чем о рядовых тружениках.

В последнее время зреет понимание, что у экономики есть свое гуманитарное измерение и что порой определяющим является не столько решение проблем в экономической сфере, научно-техническом развитии, сколько в идеологии, политике, общественном сознании и порядке, государственном устройстве, культуре, нравственности. В неэкономической сфере имеется крупный нереализованный потенциал роста производства и улучшения положения дел не только в России, но и в мире в целом. Более того, на переломных и кризисных этапах развития неэкономические факторы, разумная политика могут приобретать ведущую роль. Не в этой ли сфере нужно в первую очередь принимать меры, чтобы переломить ситуацию к лучшему?

Стоит вспомнить, что господствующая идеология, управляющая сознанием и поведением значительных масс людей, становится, по выражению Карла Маркса, материальной силой. Крупнейший экономист XX века Джон Мейнард Кейнс писал: «Идеи экономистов и политических мыслителей – и когда они правы, и когда ошибаются – имеют гораздо большее значение, чем принято думать. В действительности только они и правят миром». Сегодня правоту этих слов подтверждают новые факты.

Глобальный кризис обнаружил ущербность так называемого мейнстрима западной экономической мысли, который российские реформаторы приняли на вооружение. Он показал его очевидную неадекватность постсоветским условиям. Мы столкнулись с негативными последствиями как в производстве, так и в духовно-гуманитарной области. Регистрируемые социологическими опросами подавленность психики значительной массы населения, отсутствие ощущения социальной справедливости, неопределенность в отношении грядущего, учащающиеся катастрофы и бедствия, террористические акты – все это выливается в психологический шок.

В общественном сознании произошел раскол. Возникли исключающие друг друга полюса в восприятии реформ и проводимой политики, что осложняет оздоровление общества и экономики. Мешает и падение культуры и нравственности, не говоря уже об аполитичности, отсутствии патриотизма, охватывающих часть общества, в том числе молодежь.

Пора понять, что человек, его культура, знания, умение, здоровье, нравственно-духовное состояние имеют ключевое значение для возрождения

России. Поэтому важно сделать стратегическим приоритетом инвестиции не только и не столько в новую технику, сколько в человека, в наращивание человеческого капитала. Не менее важны для достижения намечаемых целей сплоченность общества, уверенность людей в справедливости и жизнеспособности общественного строя, доверие к лидерам государства. Это то, что называют социальным капиталом, наращивание которого все более становится залогом успеха всех других начинаний.

Возникает, разумеется, исконный вопрос: «Что делать?» На что в первую очередь следует направить усилия, чтобы справиться с серьезными вызовами новой эпохи? Для нас это еще и преодоление негативных последствий неолиберальных рыночных реформ. Напомню истину, ставшую трюизмом. Успешное развитие общества и экономики немыслимо без авторитетного и эффективного государственного управления и грамотной государственной политики. Только во власти государства противодействовать стихии необузданного обогащения участников рынка, гарантировать справедливый доступ людей к общественным благам и тем самым способствовать консолидации и стабильности общества. А кроме того, обеспечивать государственный суверенитет и безопасность.

Произвольная и несправедливая оплата труда работающего населения, запредельные доходы глав крупнейших государственных компаний и учреждений, как и олигархов частного бизнеса, регрессивное налогообложение, когда на дивиденды, получаемые на капитал, установлен налог в 9 процентов, а остальные работающие платят 13 процентов, приводят к запредельному социальному расслоению.

К сожалению, государственный механизм управления и соблюдения порядка оказался у нас разлаженным, лишенным иммунной системы, очищающей его от пороков и страхующей от грубых ошибок. Необходимость его оздоровления и укрепления квалифицированными и честными кадрами очевидна. Тем более что наш частный бизнес во многом себя скомпрометировал ненасытной жаждой наживы, социальной безответственностью, аморальностью, пренебрежением национальными интересами и правопорядком, а нередко и сращиванием с криминалом. Борьба с коррупцией, бюрократизмом, некомпетентностью и недобросовестностью чиновничества всех уровней становится

Джон Мейнард Кейнс (на фото):
«Идеи экономистов и политических мыслителей – и когда они правы, и когда ошибаются – имеют гораздо большее значение, чем принято думать. В действительности только они и правят миром».

одной из центральных функций государства.

Отношение к государству и его роли в экономике – одна из ключевых тем начавшегося переосмысления неолиберальных концепций развития и обдумывания новых моделей жизнеустройства. В одной из своих последних книг лауреат Нобелевской премии Джозеф Стиглиц констатирует фундаментальные изъяны в американской модели капитализма. Ему вторят и другие авторитеты. О назревающей революции в умах свидетельствует и доклад Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД), в котором говорится: «Рыночный фундаментализм *laissez-faire* последних 20 лет драматически провалил экзамен».

По мнению журнала *The Economist*, «мир наблюдает за восходом нового экономического гибрида, который мог бы быть назван “государственный капитализм”». На его обложке даже помещен портрет Ленина – творца нэпа, то есть политики, сочетавшей частнособственнические рыночные отношения с командными высотами экономики под управлением государства. Впечатляющим примером государственного капитализма, по мнению журнала, служит китайская модель, которая в XXI веке может стать доминирующей для развивающихся стран. Китай, разумеется, не отказывается от социализма с китайской спецификой. Он строит богатое, могучее, демократическое, цивилизованное, гармоничное социалистическое государство и видит в этом воплощение своей мечты о величии нации.

Словом, концепции интеграции (конвергенции) оправдавших себя достижений различных общественных систем, сильных сторон либеральной и социал-демократической идеологий вновь начали обсуждаться многими учеными, журналистами и политиками мира. В одной из последних своих публикаций «Идеологический кризис западного капитализма» Джозеф Стиглиц пишет, что «финансовый кризис должен был бы научить американцев (и других) необходимости большего равенства, более жесткого регулирования и лучшего равновесия между рынком и государством. К сожалению, этого не произошло. Совсем наоборот, возрождение экономики правого толка, управляемой идеологией и группами с особыми интересами, вновь угрожает мировой экономике, или, по крайней мере, Европе и Америке, где эти идеи продолжают торжествовать».

Европейцы и в первую очередь скандинавские страны давно практикуют модель государства благосостояния, или социально-ориентированной рыночной экономики. Они ведут поиск новых парадигм развития. Но традиционное неолиберальное мышление еще не утратило своего влияния. И в России значительная часть политической элиты и элиты бизнеса ему привержена.

Между тем Конституция определяет Россию как социальное государство. Но его суть не конкретизирована, поэтому общество лишено ориентиров развития, не получает ответа на важнейшие вопросы. Какая форма демократии будет у нас реализована? К какой социально-экономической формации страна придет в результате проводимых реформ? И что это даст народу? Отсутствие ясной перспективы, уверенности в будущем не может не сказываться на настроениях граждан и деловом климате в нашей стране. И если даже Джозеф Стиглиц поглощен раздумьями о «третьем пути между сегодняшним глобальным капитализмом и вчерашним скомпрометированным социализмом», то и отечественным политическим деятелям не мешало бы озаботиться аналогичными размышлениями.

России предстоит выбрать такую модель и стратегию общественно-экономического развития, которая бы органически сочетала социальную и демократическую ориентацию деятельности государства с его командными позициями в управлении плановой экономикой и контроле за рыночной экономикой. Нельзя игнорировать тот факт, что здо-

ровая экономика имеет важный и неотъемлемый гуманитарно-общественный компонент, что безнравственная экономика бесперспективна. Будущее за обществом, ориентированным на удовлетворение насущных нужд современного человека, на социальную справедливость, на развитие культуры, образования, науки, улучшение здоровья нации и т.д. На этих направлениях государственной политики должен быть сделан упор. Результаты в стратегическом плане проявятся не скоро, через годы, но они будут иметь ключевое значение для восстановления мощи и величия страны.

Пока в предложениях по оздоровлению российской экономики и ускорению ее роста преобладают задачи технических нововведений, улучшения инвестиционного климата, повышения доли накоплений в ВВП, преодоления инфляции. Возлагаются надежды на управленческие перестановки. Все это имеет смысл, но, к сожалению, упускаются из виду стратегические задачи будущего социально-экономического жизнеустройства. Сегодня его возможная модель выглядит далекой мечтой, но она способна стать движущей силой развития. К ее воплощению надо идти шаг за шагом, уточняя цели и исправляя ошибки. Важно, чтобы каждый очередной шаг вперед улучшал жизнь людей и укреплял в них надежду.

В связи с этим остановлюсь лишь на некоторых назревших мерах, которым до последнего времени не уделялось необходимого внимания. Речь идет о сельском хозяйстве, а вернее, об агропромышленном комплексе (АПК) страны, о сложившейся системе трудовых вознаграждений и особенно о растущем социальном и имущественном расслоении населения, о

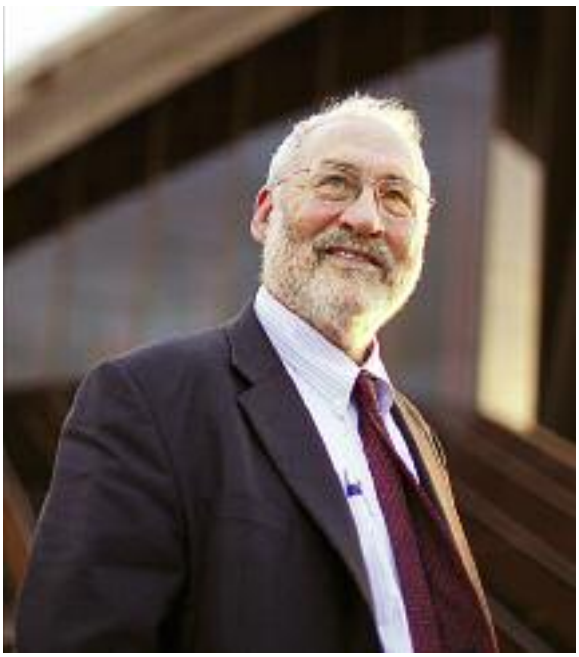
По мнению журнала *The Economist*, «мир наблюдает за восходом нового экономического гибрида, который мог бы быть назван “государственный капитализм”». На его обложке даже помещен портрет Ленина – творца нэпа, то есть политики, сочетавшей частнособственнические рыночные отношения с командными высотами экономики под управлением государства.

назревшей культурной революции, качественно улучшающей духовно-нравственное состояние общества, в том числе образование и воспитание подрастающих поколений.

Сельское хозяйство традиционно воспринималось как малоперспективная и отнюдь не приоритетная отрасль в осуществлении модернизации страны. Между тем реформы, обусловившие беспрецедентный подъем китайской экономики, начинались именно с аграрной сферы. И у нас в ней заключены огромные неиспользуемые резервы ускоренного и устойчивого развития, а также обеспечения безопасности страны. Ужесточение западных санкций в отношении России и принятие нами мер по противодействию им придало особую актуальность государственной поддержке развития российского АПК и замещению импорта продовольствия собственным производством. Это радует.

Россия, имеющая сегодня до 40 миллионов гектаров неиспользуемых пахотных земель и богатая водными ресурсами, способна не только прокормить себя, но и стать крупнейшим в мире экспортером сельскохозяйственной продукции. Это перспективно по ряду причин. Отдача от вложений в АПК происходит относительно быстрее, чем в промышленность. Революционные достижения в биологии и агротехнике способны приблизить доходность сельского хозяйства к доходности нефтегазовой отрасли. К тому же увеличение численности населения и уровня жизни во многих развивающихся странах ведет к неуклонному росту спроса на продовольствие, что на руку его экспортерам.

Реализация крупного экономического потенциала АПК требует, однако, существенной коррекции отношения к нему государства. Прежде всего устранения неэквивалентного обмена продовольствия на промышленные товары, необходимые селу. Это касается регулирования цен, условий



Джозеф Стиглиц (на фото):
«Финансовый кризис должен был бы научить американцев (и других) необходимости большего равенства, более жесткого регулирования и лучшего равновесия между рынком и государством. К сожалению, этого не произошло. Совсем наоборот, возрождение экономики правого толка, управляемой идеологией и группами с особыми интересами, вновь угрожает мировой экономике, или, по крайней мере, Европе и Америке, где эти идеи продолжают торжествовать».

налогообложения и кредитования, устранения ненужных посредников между производителями и непосредственными потребителями продовольственных товаров, создания сбытовых и перерабатывающих кооперативов на селе. Государственная финансовая и материальная поддержка сельского хозяйства должна включать строительство дорог, электрификацию, газификацию, доступ к телефонной связи, Интернету, основным телевизионным каналам, медицинской помощи и т.д. Не обойтись и без развертывания строительства для жителей села современного жилья, детских, образовательных и культурных учреждений. Но главное состоит в подготовке кадров образованных и владеющих современной агрокультурой и техникой селян. Все это скажется на более равномерном расселении жителей страны по ее огромной территории.

Другое направление колоссальной значимости – наведение порядка в оплате труда. К сожалению, несправедливость и экономическая необоснованность трудового вознаграждения наблюдаются повсеместно в масштабах страны. Во многих профессиях наблюдаются недооценка и недоплата труда. Эти явления приводят к деструктивным последствиям. Страдают дисциплина и отношение работников к своим обязанностям, падают производительность и качество труда, глушится творческая инициатива, возникает соблазн дополнительного нечестного «заработка», включая коррупцию, казнокрадство и др.

Внушительная разница средней зарплаты за одинаковые виды труда и его квалификации вызвана не качеством труда, а различиями в финансово-экономическом и социально-политическом положениях, в которые поставлены, не без участия государства, отдельные сегменты общества и экономики. Такого рода сегментацией общества и экономики Россия выделяется среди ведущих стран мира. Например, в ее привилегированных экспортных отраслях топливно-сырьевого сектора, а также в банковском секторе средняя зарплата втрое выше, чем у учителей, врачей, работников культуры, честных и опытных рядовых управленцев, работников текстильной или легкой промышленности и т.д. Сверхщедрые гонорары и доходы получают многие работники телевидения, шоу-бизнеса, адвокаты, администраторы, не говоря уже о топ-менеджерах крупных компаний.

Пропасть, отделяющая заработки рядовых тружеников от доходов государственных ставленников, возглавляющих «командные высоты» экономики – как, например, «Роснефть» или «Газпром», – беспрецедентна. Годовой доход главы «Роснефти» Игоря Сечина, по данным журнала *Forbes*, – 50 миллионов долларов, а руководителя Банка ВТБ Андрея Костина – 35 миллионов долларов.

Моральные последствия несправедливой оплаты вызывают особую тревогу, поскольку они разобщают общество. Незаслуженно принижается роль и человеческое достоинство ценных для общества, его культуры и экономики кадров, в том числе крупных ученых, изобретателей, конструкторов, артистов и музыкантов. Престиж человека начинает все чаще определяться не его трудовыми заслугами, талантом и нравственными качествами, а богатством: роскошным автомобилем, шикарной городской квартирой и загородным домом. Все это отравляет моральную атмосферу в обществе, обесценивает привычные нравственные ценности. Духовно-нравственный урон для нации не поддается подсчету, но он велик. От него страдают не только экономика, образование и здравоохранение, наука, искусство, культура в целом, но и безопасность – как внутренняя, так и внешняя. Ясно, что стоит задача приведения если не уровней (в бедных странах с невысокой производительностью труда они

должны быть ниже), то пропорций вознаграждений работников различных по важности и квалификации профессий в соответствие с мировой практикой и объективными законами воспроизводства трудовых ресурсов.

Влияние духовной культуры на экономическое развитие достаточно существенно, чтобы стать предметом специального рассмотрения. К сожалению, в стратегическом планировании оно редко учитывается. Понятие культуры охватывает многие стороны развития человеческого общества и близко по содержанию к понятию цивилизации. В широком смысле слова культура обозначает накопленный человечеством и каждым народом опыт создания материальных и духовных ценностей, а также сами сохраненные ценности и блага, облагораживающие и возвышающие человека, повышающие качество его жизни.

Россия, имеющая сегодня до 40 миллионов гектаров неиспользуемых пахотных земель и богатая водными ресурсами, способна не только прокормить себя, но и стать крупнейшим в мире экспортером сельскохозяйственной продукции.

Можно считать, что материальную культуру олицетворяют прежде всего экономика, национальное богатство страны, ее производительные силы. Степень развития экономики отражает уровень материальной культуры данной нации. Однако главное содержание культуры представляет ее духовная, гуманистическая составляющая. Достижения человеческого разума, завоевания наук, шедевры искусства, богатства языка и литературы, нравственные и религиозные идеалы, определяющие поведение и взаимоотношения людей, – вот что в общественном сознании обычно связано с культурой и оценкой ее уровня. Интеллектуальная, духовная культура нации сегодня, как никогда раньше, становится основным фактором социально-экономического прогресса. Современное общество и экономика основываются на знаниях, на высших достижениях культуры. Уровень культуры, элитарной и бытовой, – важнейший индикатор степени развитости и авторитета в мире различных цивилизаций.

О культуре народа справедливо судят по ее выдающимся представителям: писателям, поэтам, художникам, артистам, ученым, философам-просветителям, проповедникам, публицистам, изобретателям и т.п. Они формируют духовный климат общества, обогащают культуру своим творчеством, определяют высшие его достижения. Усилиями интеллектуальной и творческой

Несправедливость и экономическая необоснованность трудового вознаграждения наблюдаются повсеместно в масштабах страны.

элиты общества обеспечивается прогресс знаний, техники, развитие искусств, утверждение эстетических и нравственных идеалов, принципов гуманизма. Неслучайно писателей называют инженерами человеческих душ. Но в наши дни души оказались в еще большей мере во власти телевидения и кинематографа, их подчиняют себе средства массовой информации.

Элита несет культуру в массы. Правда, здесь нужно оговориться. Те, кого обычно относят к интеллектуальной элите общества, включая ее наиболее влиятельную часть – политический класс, достаточно разнородны. Отнюдь не всех из них можно считать носителями культуры. Бескультурье, невежество, пошлость, безнравственность, беспринципность также имеют представителей в элите. Они, используя свое влияние, могут растлевать человеческие души, насаждать ложные знания и идеалы, прививать дурные вкусы и нормы поведения. В культуре, как и в обществе, наблюдается столкновение добра и зла, возвышенного и низменного, новаторства и ретроградства. Через борьбу противоречий в конечном счете совершается поступательное развитие, но, возможно, при этом случается временное движение вспять. Смена социального строя на основе радикально-либеральных реформ ввергла российское общество в глубокий кризис, сопровождавшийся деградацией массовой и элитарной культур.

Падение уровня культуры – серьезный тормоз в экономическом развитии. К сожалению, это обычно недооценивается. Укажу лишь на некоторые линии взаимовлияния двух упомянутых сфер общественной жизни. Анализ требует раздельного рассмотрения роли элитарной и массовой культур. И та и другая, разумеется, взаимосвязаны, но по-разному воздействуют на экономику. Повышение ее эффективности и конкурентоспособности более зависит от состояния массовой культуры, нежели культуры элитарной. По крайней мере, это относится к текущему развитию. В стратегическом плане определяющее значение принадлежит элитарной культуре.

Примеры низкого культурного уровня основной массы населения встречаются на каждом шагу. Причем отсутствие противодействия бескультурью ведет к его усилению. Несоблюдение законов и элементарных норм поведения в коллективе и обществе, своекорыстие и эгоизм, попирающие интересы окружающих, необязательность, разгильдяйство, индивидуализм, пренебрегающий малейшим проявлением человеческой солидарности и взаимовыручки, – все это отравляет социальный климат в стране, отрицательно влияет на трудовую и экономическую деятельность. Еще более деструктивные последствия имеет массовое распространение коррупции, воровства и мошенничества, которые превращаются в смертельную болезнь экономики. Она страдает также от пьянства и наркомании, самодурства чиновничества. Небезобидны и такие проявления бескультурья, как нарушение правил гигиены и чистоплотности, загрязнение окружающей среды, варварское отношение к природе. В результате экономика несет значительные потери, ухудшается качество жизни населения, страдает его здоровье. Страна вынуждена содержать огромную армию блюстителей порядка и частных охранников, раздувать контролирующие бюрократические структуры. На уборку мусора и хлама в местах общественного пользования приходится затрачивать немалые усилия и средства.

Нежелание соблюдать дорожные правила, стремление обойти других в автомобильном заторе, обрести преимущество за счет законопослуш-

Интеллектуальная, духовная культура нации сегодня, как никогда раньше, становится основным фактором социально-экономического прогресса. Современное общество и экономика основываются на знаниях, на высших достижениях культуры. Уровень культуры, элитарной и бытовой, – важнейший индикатор степени развитости и авторитета в мире различных цивилизаций.

ных водителей – типичная картина в современной России. Результатом этого становятся тысячи аварий, многочисленные человеческие жертвы. Люди бесполезно теряют время, не говоря уже об утрате имущества и здоровья. Наша страна – рекордсмен по числу смертей на дорогах в расчете на 1000 автомашин. Экономика терпит гигантские убытки от катастроф, пожаров и других бедствий, причина которых в человеческом факторе, низкой профессиональной культуре, недисциплинированности, халатном отношении к своим обязанностям. О тревожном состоянии массовой культуры свидетельствует высокий уровень преступности и коррупции в России. Он является, несомненно, продуктом многих неблагоприятных обстоятельств – прежде всего обнищания значительных масс населения, а также слабости государства и его правоохранительных институтов. Но нельзя не видеть и того, что в ходе поспешных и непродуманных реформ подрывались духовные устои общества, обесценивались его культура и ее носители. Более того, телевидение и печать потакают самым низменным вкусам и интересам людей. Насилие, бандитизм, секс стали основными темами книг и передач. «Носители культуры», в сущности, сознательно растлевают общество. Мошеннические махинации «МММ», жертвами которых стали десятки тысяч доверчивых людей, даже рекламировались по телевидению. Средства массовой информации пропагандируют роскошную жизнь людей высшего класса и западные стандарты потребления, недоступные большинству российского народа. Простой человек, едва сводящий концы с концами и обремененный многочисленными житейскими проблемами, ощущает себя униженным. Общество обре-

Дорогостоящая элитарная культура оказалась невостребованной, поскольку имела узкий круг потребителей, а ее достижения не обещали быстрых денег. Поэтому отнюдь не случайно в литературе, кино, на телевидении перестал быть героем честный и добросовестный труженик, к тому же в одночасье обедневший. Его место заняли рыцари удачи – нувориши, мафиози, бандиты и мошенники разных мастей, окруженные своими прихлебателями.

кали и продолжают обрекать на духовную опустошенность. Это сказывается па производительности труда. Добросовестность и самоотверженный труд оказываются невостребованными и невознагражденными морально и материально. Более того, они нередко наказываются теми, кому халтура и обман обеспечивают дармовой заработок.

К перечню изъянов духовно-нравственного состояния общества необходимо добавить отсутствие должной политической культуры, гражданской ответственности за положение дел в стране. Те, кто с воодушевлением воспринял перемены и возлагал большие надежды на реформы, испытали разочарование, разуверились в реформаторах. Из последних же никто не извинился за свои чудовищные просчеты и ошибки, тем более не понес наказания. Большинство из них вновь на вершине карьерной лестницы, мелькают на телевизионных экранах.

Обнищание большого слоя населения, заботы о выживании не оставляли многим людям сил и времени для общественной активности, размышлений о политике. Средства массовой информации отвлекали их внимание от неурядиц в жизни показом по телевизору остросюжетных сериалов, низкопробного эстрадного юмора, музыкальных шоу, спортивных программ. Их сознанием манипулировали, предлагая ту информацию, которая устраивала власти. В таких условиях формирование гражданского общества и эффективной демократии становилось труднодостижимым. Дефицит политической культуры превратился в препятствие на пути раскрытия творческого потенциала нации и совершенствования общественного устройства, осложнил возрождение экономики.

В противодействии падению уровня массовой культуры важнейшая роль принадлежит творческой интеллигенции, публичным политикам, обще-

ственным и религиозным деятелям, лидерам бизнеса. Они в идеале должны были бы показывать пример владения знаниями, культурой, интеллигентного и ответственного поведения, бережного отношения к национальному культурному наследию, нравственным ценностям. Их роль в выявлении ошибок и просчетов в политике и исправлении ее курса, в сохранении национальной культуры могла бы быть весьма существенной. К сожалению, российская элита, прежде всего политическая, оказалась не на высоте положения. Уровень ее опыта и знаний явно не соответствовал масштабам предпринятых преобразований, а моральные устои уступили жажде власти и быстрого обогащения. Тем самым были заданы порочные ориентиры поведения для значительной массы населения. Духовные ценности были быстро забыты в угоду меркантильным интересам. Рынок нуждался в массовом и невзыскательном спросе, обещающем быстрые и крупные доходы.

Дорогостоящая элитарная культура оказалась невостребованной, поскольку имела узкий круг потребителей, а ее достижения не обещали быстрых денег. Поэтому отнюдь не случайно в литературе, кино, на телевидении перестал быть героем честный и добросовестный труженик, к тому же в одночасье обедневший. Его место заняли рыцари удачи – нувориши, мафиози, бандиты и мошенники разных мастей, окруженные своими прихлебателями. Учителя, врачи, ученые и многие другие представители интеллигенции и бывшего среднего класса превратились в «новых бедных». Их социальный статус опустился, а на авансцену общественного внимания вышли «новые русские» с их дорогими автомобилями, роскошными квартирами, загородными виллами и другими атрибутами высокого социального статуса. Состояния сомнительного происхождения превратились в символы успеха рыночных реформ – символы, вызывающие недобрые чувства обедневшего населения.

Коммерциализация общественных отношений сказалась на творческой интеллигенции, литературе, кино, музыкальном, театральном и изобразительном искусствах. Многие служители культуры пожертвовали высокими идеалами доброго и вечного в угоду нетребовательному спросу массовой аудитории на развлечения, а вернее, на отвлечение от удручающей повседневности. От школ потребовали сокращения часов, отводимых на изучение русской классической литературы и языка. Лучшие образцы духовного творчества нации оказывались все менее востребованными и утрачивали воспитательную роль.

Рыночные свободы отрицают нерыночные закономерности развития культуры. Примеров антагонизма рынка и нравственности, рынка и культуры более чем достаточно. Противопоставить им можно немногие положительные факты. Поэтому все громче слышатся призывы сдерживать рыночный эгоизм, безудержную погоню за наживой, требовать от предпринимателей и чиновничества социальной ответственности. Другими словами, общество ждет от них заботы не только о своем, но и об общественном благе. Экономика страдает от негативных перемен в сознании и поведении людей. Грубость, озлобленность, с которыми люди сталкиваются дома и вне дома, способны надолго испортить настроение. Они отравляют социальный климат, отражаются на качестве и производительности труда. Пока нравственные нормы и принципы не станут частью общей культуры, надо принуждать к законопослушанию, к соблюдению правил общежития, используя авторитет власти, печати, телевидения. Велика роль в воспитании культуры и нравственности всей системы образования. Но, кажется, это не заботит авторов реформ в данной сфере. Правилам вежливости, бытовой гигиены, поведения в общественных местах и многому другому детей по-настоящему в школах не учат. Далеко не всякая семья может восполнить этот недостаток.

Подъем культуры во всех ее проявлениях не может не находиться в числе приоритетных задач государства. Это – важнейшая предпосылка модернизации экономики, гармоничного развития и процветания всего общества. Здесь нельзя ожидать быстрых и ощутимых улучшений. Одними пропагандистскими кампаниями в прессе и на телевидении дело не исправить. Требуется длительная и настойчивая культурно-воспитательная и просветительная работа, причем особое внимание следует уделять подрастающему поколению. Селекция высоконравственных и авторитетных воспитателей не стала пока заботой властей. Поборникам технических инноваций как фактора обновления страны не следует забывать, что инвестиции в наращивание культурного потенциала нации способны принести не меньшую, а даже большую отдачу для дела модернизации страны.

Надеюсь, что высказанные мною соображения помогут нахождению ответов на вызовы назревающих и совершающихся в развитии нашей цивилизации, как и всего мира, кардинальных сдвигов.

Алексей Иванович Подберёзкин – доктор исторических наук, профессор, проректор по научной работе Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России, директор Центра военно-политических исследований, член Экспертного совета при председателе Государственной Думы ФС РФ

Военно-политическая обстановка ближайших десятилетий: сценарии и стратегии

Вассалы Франции искусно поставлены в положение белки, долженствующей вертеть колесо милитаризма.

Александр Свечин

Анализ существующих и прогноз на долгосрочную перспективу будущих сценариев развития военно-политической обстановки (ВПО) является исключительно важной политической, экономической и военной задачей, от решения которой во многом зависят безопасность государства, его экономическое и социальное благополучие. Более того, представляется, что в XXI веке военная безопасность предопределяет уже не только государственный суверенитет и способность защищать национальные и государственные интересы в мире, но и сохранение национальной идентичности и системы ценностей, а также защиту национальных интересов.

Во втором десятилетии XXI века проблема развития сценариев ВПО в будущем приобрела особенно острый характер. Военные конфликты и войны на Ближнем и Среднем Востоке, в Центральной Азии и, наконец, на Украине показали, что произошел существенный перелом в развитии ВПО: резко обострились существующие и появились новые потенциальные и актуальные угрозы. Это связано с двумя глобальными и взаимоисключающими процессами, которые ведут к даль-

нейшему обострению ВПО. С одной стороны, соотношение сил в мире изменилось не в пользу США, и появились новые центры силы. С другой стороны, США тем не менее стремятся во что бы то ни стало сохранить свое глобальное лидерство и способность влиять на развитие любых процессов в мире. Кроме того, объективное усиление целого ряда государств и иных субъектов международной обстановки (МО) неизбежно ведет к усилению роли и значения новых субъектов ВПО. Если прежде – в начале XX века – характер ВПО в мире определяли несколько крупных государств (в период Первой мировой войны – Германия, Франция, Россия, Великобритания, США, Австро-Венгрия, Италия, Турция и др.), а в середине века круг этих государств сузился фактически до СССР, США, Германии, Японии и Великобритании, то в начале нового столетия на формирование ВПО и будущих сценариев ее развития воздействуют уже не только великие державы (среди которых также произошло перераспределение влияния), но и быстро развивающиеся государства и негосударственные акторы – международные организации и иные общественные, политические и военные негосударственные субъекты.

Развитие будущих сценариев ВПО в мире происходит под влиянием нескольких групп факторов:

- основных субъектов ВПО (государств);
- негосударственных акторов ВПО (коалиций, союзов, политических организаций);
- глобальных тенденций политического, экономического, научно-технического развития;
- отношений между этими субъектами и тенденциями ВПО.

Арес Людовизи

При этом совершенно очевидно, что:

- сценарии развития МО и их варианты во многом предопределяют сценарии и варианты развития ВПО;
- сами по себе сценарии развития ВПО зависят как от областей МО, так и от основных факторов, определяющих ВПО;
- анализ и прогноз ВПО имеет сугубо конкретный (временной, военно-технический, экономический и финансовый) характер и не может быть универсальным;
- экстраполяция того или иного сценария развития ВПО на долгосрочную перспективу может быть лишь очень ограниченной из-за огромного числа факторов влияния вообще и переменных величин таких факторов в частности.

Тем не менее вывод о возможности и необходимости анализа существующих и прогноза будущих сценариев и вариантов развития ВПО наглядно подтверждается на фоне качественных перемен, происходящих в ВПО в мире во втором десятилетии XXI века.

Конкретные сценарии развития ВПО и их варианты основываются – теоретически и методологически – на взаимосвязи сценариев развития МО и ВПО. То есть существующие и будущие конкретные сценарии развития ВПО являются логическим следствием развития соответствующих сценариев МО, их естественной составной частью. Вместе с тем конкретные сценарии развития ВПО, вытекающие из сценариев развития МО, неизбежно будут отличаться друг от друга: даже если события разворачиваются в одно и то же время, в одном и том же месте, конкретные военно-политические условия могут быть – и обязательно оказываются! – разными. И при этом зависящими от множества субъективных факторов, часть из которых была неизвестна и не учитывалась, а часть – только что появилась.

Проблема адекватности оценки сценариев развития ВПО правящей элитой

Начиная с 2013 года в России активизировались дискуссии по военно-политической тематике и конкретные шаги в этом направлении, что привело к целой серии важных, хотя порой и запоздалых, решений. Подобная реакция высшего эшелона правящей элиты была вызвана двумя причинами.

Во-первых, обострением ВПО в мире и очевидным усилением антироссийской направленности во внешней политике целого ряда государств Запада. Войны и военные конфликты XXI века – от войн в Югославии и Ираке до войн в Сирии и на Украине – стали яркими примерами готовности Запада не только игнорировать нормы международного права – которые сам Запад пытался многие годы объявить «незыблемыми», – но и откровенно использовать военную силу по своему усмотрению. Во-вторых, дальнейшим избавлением правящей российской элиты от иллюзий протестантского идеологического либерализма, лежавших в основе внешней и военной политики России еще со времен Горбачева. Этот процесс начался еще в первом десятилетии текущего столетия, но именно во втором десятилетии – по мере усиления агрессивности внешней политики США и ЕС – он обрел качественно новый характер. Переоценка интересов, приоритетов и даже ценностей, начатая по инициативе президента Путина, неизбежно ведет к более глубокому политико-идеологическому отходу от примитивного либерализма и к формальному закреплению такого отхода в политических и нормативных документах, а также в кадрово-организационных решениях. Заявление президента о подготовке новой редакции военной доктрины России, принятие в июне 2014 года ФЗ-172 «О стратегическом планировании», реорганизация ВПК, попытки просчитать потенциальные угрозы безопасности и другие действия свидетельствуют о том, что процесс переосмысления основных положений внешней и военной политики России отнюдь не закончился.

Выбор, стоящий перед правящей элитой, и принимаемые ею решения имеют очень широкий разброс как по политическим и дипломатическим последствиям, так и по экономическим затратам. Например, в конце 30-х годов прошлого века в СССР был сделан в целом адекватный анализ внешних угроз. Это привело к целой серии политических и военных шагов по укреплению безопасности страны (от активных действий на Дальнем Востоке и против Финляндии до дипломатических мер по выходу из политической изоляции), а также по подготовке всей военной организации страны к войне. Противоположный пример – когда неадекватности в анализе МО и ВПО, переоценки внешней угрозы в 70-е годы привели к излишним военным расходам, что усиливало отставание в социально-экономическом и научно-техническом развитии. В конечном счете это привело к разрыву в уровне развития человеческого капитала и его институтов между СССР и ведущими странами Запада. Наконец, есть и третий пример неадекватности при анализе и прогнозе развития МО и ВПО и недооценки внешних и внутренних военных угроз – политика Горбачева и Ельцина, которая привела не только к развалу коалиций (ОВД и системы двусторонних связей), но и самого государства, его военной организации и промышленности.

Адекватность оценки ВПО напрямую зависит от адекватности правящей элиты, так как субъективные факторы и интересы могут серьезно влиять на восприятие угроз. Это особенно значимо именно в настоящее время, когда граница между силовыми военными и невоенными средствами политики фактически исчезла либо стала настолько размытой, что в большей степени зависит не от реального положения вещей, а от политической или медийной трактовки. Так, если прежде начало войны ассоциировалось с ее объявле-

нием (что требовалось по международному праву) либо с фактическими действиями вооруженных сил, то сегодня военные действия ведутся без первого и без второго.

Необходимость систематизации сценариев развития ВПО

Анализ и стратегический прогноз развития сценариев ВПО на ближайшие десятилетия в обязательном порядке предполагают:

- создание некой системы, позволяющей систематизировать многочисленные и часто противоречивые сценарии ВПО;
- встраивание этих сценариев в сценарии развития МО, которые имеют приоритетный по отношению к сценариям ВПО характер;
- выделение основных факторов, влияющих на формирование ВПО;
- определение временных различий между современными (существующими) сценариями МО и ВПО и возможными будущими – в период до середины XXI века;
- отбор из максимального числа возможных сценариев ВПО наиболее вероятных, требующих более внимательного изучения;
- рассмотрение вариантов наиболее вероятных сценариев ВПО.

Существующие или будущие сценарии развития ВПО имеют свои варианты, которые конкретизируют и детализируют базовый вариант в зависимости от конкретных исторических и иных условий. Без оценки отдельных вариантов сценариев прогноз развития ВПО теряет смысл, приобретая слишком абстрактный характер. Любой сценарий ВПО не только изначально субъективен, но и предельно конкретен с точки зрения международной, исторической, социальной и т.п. Поэтому, описывая те или иные сценарии развития ВПО, необходимо уточнять варианты этих сценариев в будущем. Некоторые западные исследователи предлагают выделять как минимум три варианта, отражающих возможность развития сценария по трем направлениям:

- зона предполагаемых ожиданий;
- зона растущего разочарования;
- зона растущих ожиданий.

Такой подход, безусловно, уточняет вероятность тех или иных сценариев развития в будущем прежде всего с точки зрения реализации какой-либо стратегии, которая может быть реалистичной, провальной или очень успешной.

К сожалению, для всего процесса принятия политических и военно-политических решений в России характерно существенное отставание в адекватности и качестве анализа и прогноза. На Западе, с которым Россия сегодня находится в острой фазе противостояния, наоборот: на всех уровнях происходит быстрое усовершенствование эффективности управления. На эти цели выделены огромные ресурсы, масштаб которых абсолютно несопоставим с российским. Поэтому необходимо, чтобы у нас на комплексной и системной основе постоянно анализировались, обновлялись и прогнозировались различные сценарии и варианты развития МО и ВПО. Это невозможно сделать силами только одного ведомства – Совбеза, Министерства обороны, Генштаба или РАН. Требуется достаточно разносторонний и крупный коллектив исследователей, способный системно проанализировать и спрогнозировать перспективы развития сценариев ВПО и вытекающие из них угрозы. Масштаб этой работы огромен, но от его качества зависит не только эффективность использования значительной части национальных ресурсов, выделяемых на национальную безопасность и оборону, но и сама возможность существования нации и государства в XXI

Таблица 1

Субъекты сценариев МО и ВПО (США и РФ)	Соединенные Штаты Америки					
	Группы и подгруппы сценариев МО		Группы и подгруппы сценариев развития ВПО	Настоящее время	Прогноз до 2035 года	Прогноз до 2050 года
Российская Федерация	группа позитивных сценариев развития МО	союзнические отношения	сценарии формирования военно-политических союзов и создания политических коалиций	0	0	0
		партнерские отношения	сценарии военно-политического сотрудничества в мире в отдельных регионах	+1	+1	+1
	группа негативных сценариев развития МО	враждебные отношения	сценарии формирования враждебной коалиции, а также геополитической, экономической и военной изоляции и появления соответствующих инфраструктур	+3, +4	+5, +5	+5, +5
		откровенно конфронтационные отношения	сценарии создания «облачного противника» в СНГ и военной провокации в СНГ	+3, +4	+3, +4	+4
	группа нейтральных сценариев развития МО	игнорирование	сценарии фактической военно-политической изоляции	+4	+4, +5	+4, +5
		изолирование	сценарии противодействия любой активности РФ в военно-технической сфере и военно-политической области	+5	+5	+5

веке. Поэтому изначально важно правильно построить модель такого анализа и прогноза, понимая, что очень трудно (если вообще возможно) учесть все факторы, влияющие на формирование ВПО и тем более на все многообразие сценариев и вариантов развития таких сценариев ВПО в будущем.

Дорожная карта развития ВПО на примере противостояния России и США

Определение места сценариев развития ВПО важно прежде всего с точки зрения адекватной оценки политической и военной роли военной силы в современных международных отношениях. Рассмотрим эти сценарии на примере развития отношений двух основных субъектов ВПО – России и США. При этом изначально оценим ситуацию с позиции тенденций, определяющих МО.

Можно выделить как минимум две глобальные тенденции, дестабилизирующие будущее состояние МО: внешняя задолженность США, которая может привести к обвалу промышленного производства, и цепная реакция в других странах – производителях промышленной продукции. Как показал кризис 2008–2010 годов, такая реакция неизбежно последует. Сокращение промышленного производства и экономический кризис в США – угроза для всей МО, имеющая долгосрочное значение. Эта угроза может проявиться и обостриться неожиданно – даже на фоне вполне благополучных прогнозируемых тенденций в экономике США на 2014–2016 годы, когда рост ВВП может превысить 3 процента.

Оценим вероятность развития сценариев МО и ВПО в матрице от 0 до +5, где 0 будет означать абсолютную невозможность, а +5 – сильную вероятность того или иного сценария. При этом в матрице предлагаются только отдельные группы и подгруппы сценариев МО и ВПО, а не сами сценарии, которые должны быть абсолютно конкретными – политически, исторически, а также с собственно военной точки зрения (таблица 1).

Как видно из расположения существующих и будущих сценариев развития ВПО, они являются следствиями и производными от группы негативных сценариев развития МО. В свою очередь, эта группа является следствием конфронтационного сценария взаимоотношений локальных цивилизаций Запада и Востока. Это обстоятельство важно учитывать, потому что в нем скрываются фундаментальные и системные противоречия (ценностные, интере-

сы цивилизаций, наций и государств, социально-культурные, геополитические и др.), которые формируют общие контуры всех вероятных сценариев развития МО и, как следствие, ВПО.

Поддержание военно-технического развития – основное средство изменения современных негативных сценариев развития ВПО

Типичное заблуждение заключается в том, что безопасность может быть обеспечена международными договорами, в том числе по ограничению и сокращению вооружений. Этого не было и никогда не будет. Правда, никто всерьез на это и не рассчитывал.

Во второй половине XX века и в начале XXI века, похоже, утвердилось единственное средство, гарантирующее обеспечение безопасности государства, – технологическое и военно-техническое равенство, то есть способность создавать такие виды и системы вооружений и военной техники, которые делают невозможным либо очень рискованным применение военной силы в качестве политического инструмента.

Международные и региональные системы безопасности могут быть эффективными средствами обеспечения национальной безопасности только в ряде случаев, то есть они отнюдь не универсальны. Тем более что их эффективность в значительной степени зависит от политики великих держав, некоторые из них в последние десятилетия сознательно разрушают международно-правовую основу безопасности. Ни для Югославии, ни для Ирака, ни для Ливии, ни для Сирии, ни для Украины международная система безопасности не стала гарантией.

Таким образом, на фоне усиления негативных тенденций в развитии сценариев ВПО и их неутешительного долгосрочного прогноза возникает вопрос о реанимации традиционных и о поиске новых средств обеспечения национальной безопасности. На фоне множества нравственных, политических и религиозных, а также научных заблуждений относительно эффективности таких средств практическая определенность в этом вопросе имеет решающее значение. Приходится признать, что противопоставить обостряющимся цивилизационным противоречиям интересы сотрудничества, изменив тем самым общий негативный вектор развития сценариев ВПО, можно всего лишь в четырех случаях:

- когда цивилизационные риски и общие интересы всей глобальной цивилизации (экономические, природные и т.д.) будут сильнее аналогичных рисков конфликта локальных цивилизаций: метеоритная угроза, природные катаклизмы, эпидемии и иные проявления опасности для всей цивилизации должны быть не только теоретическими, но и реальными, актуальными угрозами;
- когда возникнут более серьезные угрозы со стороны других локальных цивилизаций (например, исламской) или внутри самой локальной цивилизации между отдельными нациями (Первая мировая война между Германией и Великобританией, например);
- когда внутренние угрозы (в том числе национальные, социальные и др.) окажутся значительно сильнее внешних угроз либо когда природные и иные катаклизмы создадут угрозу существованию локальной цивилизации;
- когда военно-техническое соперничество между локальными цивилизациями станет невыгодным и даже опасным, как это имело место, например, на рубеже 60-х и 70-х годов XX века.

В первых трех случаях изменение негативного вектора развития сценариев ВПО практически не зависит от политической воли: глобальные угрозы не рассматриваются как конкретные, а внутриполитические катаклизмы не прогнозируются, значит, не занимают достойного места в стратегическом планировании. Однако четвертое условие имело прецедент в мировой истории, и его последствия до сих пор положительно сказываются на предотвращении угрозы глобальной войны. Причем характер этого условия в принципе не изменился: в настоящее время конкретным мотивом предотвращения развития негативного сценария может, как и прежде, стать провал политики США, ориентированной на превосходство в основных направлениях НТП – тех, которые будут определять место государства в VI технологическом укладе. Победа в научно-техническом и технологическом соперничестве между ведущими странами-лидерами локальных цивилизаций может быть либо главным средством, обеспечивающим военную и политическую победу (как это является сегодня официально признанным в США), либо средством сдерживания, предотвращения опасной эскалации в негативном развитии сценариев ВПО.

Признание Россией значения технологического и военно-технического развития происходило в XXI веке по мере осознания необходимости отстаивать систему собственных ценностей и национальных интересов. После разрушительных последствий экономических и военных реформ конца 80-х – начала нулевых годов такое признание означа-

ло в конечном счете констатацию необходимости успешного научно-технического и технологического соперничества с Западом по всем основным направлениям. Причем если для Запада, особенно для США, этот приоритет всегда был важнейшим с 40-х годов прошлого века и является важнейшим и в настоящее время, то для России в разные периоды – особенно с конца 80-х и до начала нулевых годов – подобная установка не находилась в центре внимания. Когда такое случалось, соперничество России с США заметно затруднялось по нескольким причинам.

Во-первых, из-за непоследовательности. Если для США на протяжении последних 60–70 лет ставка на научно-техническое превосходство являлась высшим приоритетом, то для СССР-России периодически возникали периоды, когда этот приоритет игнорировался. Последовательность в его соблюдении у нас можно, наверное, отнести только к 30–70-м годам XX века.

Во-вторых, сказывалась огромная разница между начальными научными, экономическими и промышленными потенциалами – разница в сотни раз в 30-е годы и в десятки раз – в 60-е. Особенно заметным был разрыв в качестве национального человеческого капитала, и преодоление его к 80-м годам означало, по сути, достижение военного равновесия.

В-третьих, по причине развала потенциалов СЭВ и СССР, с одной стороны, и интеграции Запада – с другой. В результате соревнование стало крайне неблагоприятным, практически невозможным для России. Особенно когда часть ее элиты продолжает игнорировать значение этого приоритета.

В-четвертых, в силу перехода человечества к VI технологическому укладу. Теперь просто невозможно успешное соревнование в целом ряде отраслей оборонно-промышленного комплекса. Между тем именно приоритетность в развитии новейших направлений научно-технического прогресса, определяющих характер VI технологического уклада, становится решающим фактором для военно-технического соревнования. Достижение научно-технического и технологического превосходства, обеспечивающего превосходство военное, фактически лишает другие локальные цивилизации возможности участвовать в развитии мировых (оптимистичных) сценариев МО и ВПО. Именно поэтому результаты анализа технологического положения России в настоящем и будущем во многом указывают на наиболее вероятный выбор между мирными и военными сценариями ВПО.

Сам по себе подобный взгляд на проблему не нов. Уже к началу 80-х годов прошлого века стало понятно, что нарастает научно-техническое и технологическое отставание СССР от развитых стран и необходимо принимать экстренные меры. В 1982–1984 годах под кураторством ЦК КПСС и правительственного Государственного комитета по науке и технике была разработана масштабная программа, которая предусматривала опережающие темпы развития ряда отраслей, определяющих научно-технический прогресс. Кстати, перечень отраслей удивительным образом совпал с теми программами «инноваций», которые были разработаны через... 30 лет. Но в 1985 году пленум ЦК по научно-технической политике так и не состоялся – вместо него прошел пленум, на котором генсеком был избран Горбачев и который на долгие годы вперед определил иные приоритеты. Проблема снова всплыла в начале нулевых, когда была достигнута внутренняя стабилизация и у России появились ресурсы. Но решить эту проблему с того времени так и не удается.

Правящая элита современной России – в отличие от прежних советских и российских элит – понимает критическую значимость ликвидации технологического разрыва, опасность которого стала заметной еще до происходящего сейчас на Украине. Оценку места России в мире дал в марте 2014 года вице-премьер Рогозин в программной статье в «Российской газете», где, в частности, говорилось: «Весь мир, и наша страна в том числе, вступают в эпоху шестого технологического уклада. Именно он, по прогнозам специалистов, через 25–30 лет станет доминирующим в экономике развитых стран. Технологический уклад – это определенный уровень развития производительных сил, совокупность сопряженных производств, имеющих единый технологический уровень и развивающихся во многом синхронно. <...> Напомню, что сегодня основная часть производственных мощностей России находится на стадии четвертого технологического уклада, битву за который СССР в свое время успешно выиграл. И если в США уже около 60 процентов производств действуют в рамках пятого уклада, то у нас эта цифра ограничивается пока всего 10 процентами. Вот почему именно качественный прорыв сразу в шестой технологический уклад, минуя технологии пятого поколения, является для нас стратегически важным вызовом».

Как видно из приведенной выше матрицы, в сценариях ВПО минимизирована доля сотрудничества и ее роль в отношениях между Россией и

США. И наоборот – более четко и выпукло представлены варианты противоборства, хотя если речь идет о некоторых областях сотрудничества (назовем их избранными), то они могут существовать и параллельно с развитием конфронтационных сценариев. Так, несмотря на предельное обострение отношений России и НАТО, наша страна продолжает сотрудничать с альянсом в целом ряде областей. Между прочим, элементы сотрудничества США с гитлеровской Германией сохранялись на всем протяжении Второй мировой войны.

Как видно из матрицы, область таких сценариев начиная с 2014 года сосредоточена между минимальными партнерскими отношениями (+1) и максимально враждебными сценариями (+3) с устойчивой тенденцией к ухудшению (+5). Из матрицы, например, видно, что параллельно сосуществуют и реализуются три сценария ВПО с главными участниками в лице США и России, однако наиболее вероятными и реалистичными остаются враждебные сценарии (+3 и +4) с безусловной тенденцией к усилению.

Это может быть расценено и как первый – но скрытый, переходный – этап от завершающей стадии подготовки войны к ее фактическому началу. На мой взгляд, военный конфликт на Украине – первая стадия фактической войны США против России, которая реализуется:

- чужими вооруженными силами, вооружениями и военной техникой;
- без объявления войны;
- при задействовании всего набора невоенных силовых действий, характерных для войны.

Указанная тенденция, вероятно, будет определять военно-политические отношения РФ и США в ближайшие годы

и в более отдаленной перспективе. Ситуация может измениться после 2030-х годов, когда станет реальным неизбежное усиливающееся противоборство новых центров силы с монополией на власть Соединенных Штатов.

На развитие сценариев ВПО влияет также и развитие стратегической обстановки. В военной истории имеются примеры того, как неожиданная и быстрая военная победа коренным образом меняла военно-политическую обстановку. В будущем следует ожидать учащения таких примеров в результате использования качественно новых вооружений и военной техники. Например, появление ядерного оружия, а затем и создание стратегических наступательных

Диего Веласкес. Бог войны Марс

вооружений радикально повлияли на развитие сценариев ВПО и даже МО после Второй мировой войны. Берлинский, Суэцкий, Кубинский кризисы, Корейская и Вьетнамская войны и другие события, безусловно, испытывали на себе влияние этих факторов.

В XXI веке влияние технологий и лидерства в области научно-технического прогресса будет только нарастать. Уровень развития военных технологий – а не только собственно систем и видов вооружений и военной техники – станет определять эффективность вооруженных сил того или иного государства. В более широком смысле приведенный прогноз имеет отношение к ожидаемой динамике национального человеческого капитала. А в более узком – к науке, знаниям вообще, которые, по оценке Рогозина, «сами по себе становятся оружием – зачастую не менее значимым, чем привычные виды вооружений». Кроме того, в набор военных технологий может войти, скажем, использование сил природы – так называемое климатическое оружие. Подобные проекты пока что рассматривались лишь как гипотетические (например, идея Андрея Сахарова об искусственных цунами), однако по мере развития и обострения ВПО в мире к ней неизбежно обратятся вновь.

Теоретическая возможность развития позитивных сценариев ВПО в перспективе до середины XXI века

Существуют не только негативные сценарии ВПО. Теоретически возможны сценарии и относительно мирного развития ВПО, однако лишь в исключительных случаях в течение короткого периода и толь-

ко под угрозой силового противодействия. Периодически появляющиеся у некоторых интеллектуалов иллюзии о безальтернативности мирного взаимного существования цивилизаций и государств опасны, если они становятся руководством к действию для политиков. Как показывают примеры Николая II и Горбачева, подобные иллюзии заканчиваются трагически.

Позитивные сценарии развития ВПО теоретически вероятны в ситуациях, когда развитие военных конфликтов и войн сдерживается угрозой применения таких сил (государств, коалиций, организаций) и средств (вооружений и военной техники) противодействия, которые делают риск применения военной силы чрезвычайно высоким, не соответствующим политическим и экономическим целям войны или конфликта. Другими словами, в условиях нормального развития локальных человеческих цивилизаций (без очевидного резкого обострения кризиса) позитивные сценарии развития ВПО могут иметь несколько вариантов, которые можно объединить в две подгруппы позитивных сценариев – силового политического противодействия и силового военного противодействия. При этом важно подчеркнуть, что не существует в принципе несиловых сценариев обеспечения безопасности и мирной эволюции ВПО, на которые рассчитывают некоторые эксперты и даже политики. Ошибка думать иначе, как показал пример Горбачева, дорого обходится нации и ее союзникам.

Совершенно очевидно, что господствующая на Западе либеральная идеология порождает иллюзию, что глобализация и либерализация неизбежно ведут к укреплению институтов, обеспечивающих права человека, и в конечном счете – к безопасности и миру, если, конечно, следовать нормам и руководствоваться ценностями и интересами западной локальной цивилизации. Проблема заключается в том, чтобы другие локальные цивилизации, нации и страны сделали выбор в пользу такого способа существования. По сути дела, начавшийся в 2014 году конфликт на Украине стал лишь поводом для такой политики западной локальной цивилизации, которая требовала от России принятия норм, правил, ценностей, формулируемых Западом.

Поэтому возникает проблема, ее суть можно сформулировать следующим образом: невоенное развитие МО и ВПО возможно либо в случае безусловного принятия норм и правил поведения другой локальной цивилизации, либо силового (но не военного) активного противодействия такой политике, которое в конечном счете сводится к идеологической, информационной и социокультурной борьбе. Итог этой борьбы зависит прежде всего от того, какая из цивилизаций сможет стать идеологическим и культурным лидером в мире.

Конфликт локальных цивилизаций, трансформируемый в область международных отношений, необязательно ведет к кризису, а тем более к военному конфликту и войне. Одним из возможных, но наименее вероятных сценариев развития МО, в том числе отражающих реалии и перспективы отношений России и США, является сценарий «общецивилизационного благополучия».

В соответствии с этим сценарием отношения между государствами строятся строго на основе международного права и принципах политической, экономической и гуманитарной справедливости либо как минимум на декларациях этого и при отсутствии конфликтов. Соответственно ни одна из стран (или локальных цивилизаций) не претендует на неравноправное, а тем более силовое, распределение мировых ресурсов. Никто не пытается установить контроль над МО и ВПО, тем более навязывать свою систему ценностей. Подобная идиллия в международных отношениях может создать уникальную военно-политическую обстановку, когда все влияющие на ее изменения акторы вполне удовлетворены и согласны с ходом развития событий и не претендуют на его изменение. Очевидно, что в реальности подобное развитие событий для США абсолютно неприемлемо в силу целого ряда причин. Прежде всего потому, что США, создавая менее 20 процентов мирового ВВП, потребляют более 35 процентов. Кроме того, созданная ими система глобального управления вполне справляется с задачами глобального контроля. Поэтому Россия в настоящее время фактически стоит перед цивилизационным выбором, который будет иметь непосредственные последствия для МО и ВПО:

- признать и принять систему ценностей западной локальной цивилизации либо сохранить свою систему ценностей и свою идентичность;
- признать приоритет интересов западной локальной цивилизации над интересами других цивилизаций или не делать этого;
- признать несправедливое устройство взаимоотношений, распределения мировых богатств и системы глобального управления либо отрицать сложившееся по факту право Запада навязывать остальному миру свои правила.

Позитивный сценарий ВПО является сценарием, когда выбор в пользу ценностей и ин-

тересов западной цивилизации сделан. В этом случае силовые средства политики, в том числе военные, не нужны, поскольку политические цели Запада достигнуты. Зачем война, когда победа получена? Поэтому позитивный сценарий предполагает политическую капитуляцию, неоправданные уступки и компромиссы, как во времена Горбачева и Ельцина. Тем не менее такой сценарий не только возможен, но даже вероятен, если правящая элита страны возьмет соответствующий политический курс.

Превращение системы ценностей и интересов своей локальной цивилизации в глобальную систему ценностей и глобальные интересы (как это произошло с либеральными идеями, мировой валютой, нормами международного права) в условиях уменьшения экономической и политической роли США–ЕС в мире возможно только при захвате монополии на интерпретацию системы ценностей, интересов и правовых норм. Это, собственно говоря, и объясняет такую негативную реакцию США–ЕС в отношении России по поводу конфликта на Украине. Ведь Россия «осмелилась» поставить под сомнение правоту такого монопольного толкования.

Монополизм в интерпретации ценностей предполагает точно такой же монополизм и в понимании интересов и норм поведения в мире, в том числе и международно-правовых норм. Например, если обратиться к все тому же конфликту на Украине, то нетрудно заметить, что содержательная сторона той или иной проблемы здесь не имеет никакого значения – важна именно трактовка, пусть и самая дикая, любого факта.

Присвоение себе монопольного права на смыслы и их трактовки, на установление норм и правил поведения необходимо главенствующей локальной цивилизации для вполне корыстных экономических выгод – для создания финансового механизма, контролирующего использование человеческих ресурсов. Контроль над мировыми финансами многократно увеличивает мощь того, кто их контролирует, в ущерб контролируемым.

Такие же правила действуют и в политике, где обладание контрольным пакетом означает, что его владелец получает все. Гуманистические и справедливые законы не работают в международных отношениях. Тем более они бессмысленны в военно-политических отношениях, когда нормы поведения могут рассматриваться в лучшем случае в качестве информационного повода.

Появление новых экономических и военно-политических центров силы как относительно мирный вариант позитивного сценария развития ВПО

Объективный, но достаточно эклектичный процесс превращения изменений в соотношении сил между локальными цивилизациями в новую геополитическую реальность приобрел во втором десятилетии XXI века масштабный динамизм. Фактически западная локальная цивилизация начала процесс стремительного формирования новой геополитической реальности путем расширения НАТО, создания Транстихоокеанского и Трансатлантического партнерств, во главе которых безусловным политическим и военным лидером выступают США.

Вместе с тем в те же годы резко усилился процесс консолидации других центров силы, во главе которых стоят КНР, Россия, Бразилия и Индия. Саммиты БРИКС и ШОС, решения об их возможном расширении (вплоть до включения Пакистана и Ирана в члены ШОС), создании новых интеграционных проектов и структур (газопроводов, банков, фондов и т.д.) означают, что процесс формирования новой военно-политической коалиции, альтернативной НАТО, стал реальностью.

Это означает, что в противовес одному – западному – центру силы складывается другой – не менее мощный (хотя организационно, политически и технологически отстающий от первого центра в своем развитии) центр силы, имеющий целый ряд стратегических преимуществ:

- значительно больший демографический и в перспективе человеческий потенциал;
- больше природных ресурсов;
- больше геополитических преимуществ.

Именно человеческий потенциал, преимущество в котором у стран БРИКС–ШОС перед Западом очевиден, в XXI веке становится не только решающим фактором развития, но и фактором, определяющим государственную и военную мощь нации или цивилизации. В интересах этого нового центра развития и доступ развивающихся стран к новым технологиям, видам и системам вооружений и военной техники, что невозможно ограничить в эпоху глобализации. Так, несмотря на нервную реакцию со стороны Вашингтона, КНДР проводит запуски баллистических ракет, а Иран испытал аналог российской системы ПВО С-300.

Еще большие перспективы для упрочения конкурентоспособности этих государств открывают новые виды и системы оружия, в частности оружия информационного. По данным Конгресса США, в настоящее время более 120 стран занимаются разработками информационного оружия. Как убедительно показал один из признанных классиков теории информационных войн Мартин Либики, традиционные меры сдерживания в информационном пространстве малоэффективны вследствие дешевизны и доступности для террористических и преступных группировок информационного оружия, сложности выявления источника угрозы. Формирование новых центров силы в мире изначально предполагает, что в них будут сосуществовать как центробежные, так и центростремительные тенденции. Для России выгодно, чтобы центростремительные тенденции в рамках широкой коалиции ТС–ШОС–БРИКС набирали силу и быстрее превращали этот аморфный союз в реальную военно-политическую коалицию, способную противостоять Западу.

Прогнозируя развитие ВПО в мире на долгую перспективу, необходимо исходить из набора средств, имеющихся у государства для обеспечения своей национальной безопасности и суверенитета. У России этот набор возможных средств ограничен. Собственно, речь тут может идти о действиях по трем направлениям:

- создание собственной глобальной или региональной организации;
- развитие международных и региональных институтов;
- обеспечение безопасности собственными средствами (в этом случае можно говорить о военных или невоенных средствах).

Альтернативой же является стратегия полного или частичного отказа от национального суверенитета, что для России может сводиться к:

- признанию правил игры и норм, определяемых в мире Соединенными Штатами;
- интеграции в ЕС и НАТО на их условиях;
- подчинению Китаю или какому-то другому крупному геополитическому субъекту, не желающему действовать в интересах Запада.

Подобный выбор стоял перед государствами практически всегда в истории человечества. В давние времена выбор сводился к двум вариантам – подчиниться или бороться.

Позже их спектр расширился, но остался ограниченным. В XXI веке России предстоит сделать такой принципиальный выбор, который еще не сделан. При Горбачеве и Ельцине мы фактически двигались в направлении отказа от собственного суверенитета. При Путине был сделан резкий разворот в противоположном направлении, однако пока так до конца и неясно, который из трех названных выше вариантов этого сценария Россия выберет.

Одним из реалистических сценариев развития ВПО является создание евразийской системы военно-политической безопасности на основе формирования мощной политико-экономической и военно-политической коалиции. В настоящее время, а тем более в долгосрочной перспективе 30–50 лет, есть все основания полагать, что главным и решающим ТВД станет Евразия. Причем, как и во времена Крымской, а также Первой и Второй мировых войн, военные действия охватят все части Евразии и прилегающих акваторий, включая Арктику. Поэтому любой стратегический прогноз должен начинаться с геополитического анализа и перспектив развития ВПО в Евразии. При этом надо исходить из того, что сегодня:

- не существует системы европейской и евразийской безопасности для всех, а реально существующая система – североатлантическая – направлена на обеспечение интересов только части государств;
- маловероятно, учитывая позицию Запада, что удастся сложить единую и справедливую систему безопасности в Евразии «от Лиссабона до Владивостока»;
- существует возможность создания системы безопасности в Азии с участием КНР и России.

В XXI веке начался процесс геополитической поляризации, который характеризуется не только появлением и усилением новых центров силы в мире, но и нарастанием между этими центрами силы геополитических противоречий. В таких условиях преобладающими становятся тенденции консолидации вокруг этих центров силы других государств и организаций, формирования новых и развития существующих коалиций.

Сценарии усиления геополитической конфронтации

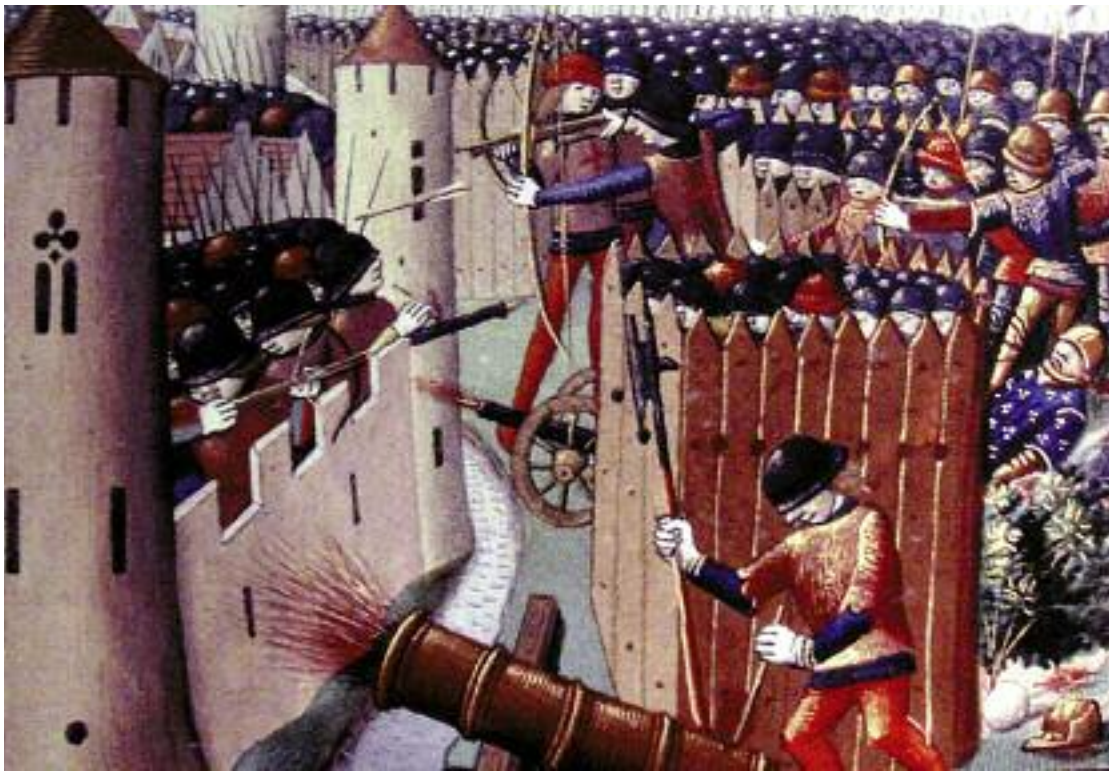
Очевидно, что в XXI веке в мировой ВПО произойдут радикальные изменения, которые могут состояться быстрее, чем идущие процессы развития и производства вооружений и военной техники. Новые угрозы – в том числе и качественно, принципиально новые – могут потребовать и новых средств ведения войны, и новых способов их использования, в то время как инерция производства вооружений и военной техники ориентирована как минимум на 15–20 лет в будущее. Эти опасения были высказаны Путиным на заседании Военно-промышленной комиссии 10 сентября 2014 года. Президент тогда подчеркнул, что на любую угрозу военной безопасности страны «должен быть найден достаточный адекватный ответ», напомнив при этом, что несколько лет назад США вышли из договора по ПРО и сейчас вовсю идет создание системы ПРО у наших границ – и в Европе, и на Аляске. «Разрабатывается теория так называемого глобального обезоруживающего удара», – продолжил Путин, добавив, что новых угроз очень много. В том числе и решение о наращивании сил НАТО в Восточной Европе. «Кризис на Украине, который и был, собственно говоря, спровоцирован и создан некоторыми нашими западными партнерами, сейчас используется для реанимации этого военного блока», – заметил президент.

Процессы деполяризации мира, концентрации силы в новых мировых центрах, а значит, и само появление новых центров принятия политических решений – появление, сопровождающееся неуклонным перемещением вектора мирового развития с Запада на Восток, – неизбежно встречают резкое и негативное отношение со стороны правящей элиты США. Это негативное отношение в стратегическом плане будет провоцировать различные формы противодействия со стороны США, включая в том числе и военно-силовые.

Ведущие эксперты США обосновывают сохранение их страны «на пике» мирового развития бесконечно долго – может быть, вечно. Логика, вытекающая из подобной политической философии, неизбежна: несмотря на все объективные изменения соотношения сил в мире, США должны найти способы предотвратить такое развитие событий. То есть Вашингтон пытается остановить развитие объективных тенденций, а это, в свою очередь, неизбежно вызывает кризисы. Такие кризисы – политические, экономические, гуманитарные и др. – ведут к разному обострению ВПО в мире и отдельных регионах. Подобная взаимосвязь отчетливо проявилась в следующих случаях.

Во-первых, стремление сохранить влияние в Европе и на Балканах привело к кризису в Югославии и военному конфликту.

Во-вторых, попытка взять под контроль развитие ситуации на Среднем Востоке вылилась в войну против Ирака.



В-третьих, стремление закрепиться в Центральной Азии обернулось войной в Афганистане.

В-четвертых, политика усиления слабеющего влияния на Севере Африки и Ближнем Востоке вызвала вооруженные конфликты в этом регионе.

В-пятых, ставка на Украину как «подмандатную территорию» в конце концов спровоцировала войну внутри нее.

Эти и многие другие примеры свидетельствуют только об одном – об усилении вероятности развития сценариев геополитической конфронтации, причем прежде всего между локальными цивилизациями или их видами – суннитами и шиитами в исламской локальной цивилизации, протестантами и православными в христианской европейской цивилизации.

Вариантов таких сценариев развития глобальной конфронтации в настоящее время существует много. Особенно опасен один из них – вариант искусственного сдерживания со стороны западной локальной цивилизации трансформации соотношения сил и влияния в мире, если такая трансформация осуществляется не в пользу Запада. Подобное силовое – а другого и не может быть в принципе – сдерживание неизбежно ведет к расширению использования военной силы в качестве инструмента политики в международных отношениях. В связи с этим следует рассмотреть некоторые существующие сценарии ВПО, развитие которых в долгосрочной перспективе существенно повлияет на ситуацию в мире.

Сценарий геополитической военно-политической поляризации

Дестабилизация целых регионов планеты может быть не следствием политики Запада, как иногда считается, а ее стратегической целью. Создание хаоса резко усиливает возможности для внешнего влияния. В этом смысле сценарий геополитической поляризации может стать для Запада вполне прагматичным, хотя и циничным, сценарием развития МО в XXI веке. Этот сценарий, таким образом, станет вполне логичным продолжением политики Запада по силовому навязыванию другим локальным цивилизациям, нациям и странам своей системы ценностей и глобальных приоритетов: насильственно продвигать системы ценностей, как известно, можно только в условиях конфронтации, причем лучше всего – конфронтации именно глобальной.

Цель этого сценария – сохранить лидирующую роль западной цивилизации и ее контроль над развитием ситуации в ключевых регионах мира. Причем создание хаоса в отдельных странах и целых регионах предоставляет внешним силам уникальную возможность усилить их влияние на регулирование процессами, протекающими на таких дестабилизированных пространствах. Так, до начала гражданской войны в Ливии этот регион успешно развивался, здесь быстро рос ВВП. В Тунисе, например, среднего-

довые темпы роста ВВП составляли 4,4 процента, а после падения режима Каддафи в Ливии они снизились до 1,6 процента.

Главным инструментом в будущей военно-политической борьбе станут средства информационного воздействия, первенство в которых будет опираться на сохранение технологического превосходства США–ЕС, а также гуманитарно-информационных технологий ведения психологической борьбы и войны. Сценарий глобальной военно-политической поляризации в конечном итоге предполагает борьбу западной локальной цивилизации против всех других локальных цивилизаций. А такая борьба, естественно, не может вестись всегда военно-силовым путем. В разное время противостояние с теми или иными локальными цивилизациями будет даже принимать внешние формы сотрудничества, но при этом информационно-идеологическое противоборство никуда не денется. Более того, в периоды такого «сотрудничества» оно может даже усиливаться, приобретая все признаки вооруженной борьбы.

Наконец, сценарий геополитической военно-политической поляризации предполагает, что соотношение сил между западной локальной цивилизацией и другими локальными цивилизациями будет в пользу Запада. Такое превосходство должно, во-первых, политически влиять на отношения с другими странами, во-вторых, препятствовать созданию объединенной антизападной коалиции.

Вопрос о подсчете – количественном и качественном – соотношения военных сил до сих пор остается открытым, хотя очевидно, что любое соотношение должно различаться как минимум на десятки процентов, а как максимум – в разы. Обратимся к «Глобальному рейтингу интегральной мощи 100 стран». Для определения совокупных возможностей вооруженных сил 100 ведущих стран мира в соответствии с общей методологией стратегической матрицы была сформирована система показателей, имеющих статистическую основу и учитывающих экспертные оценки. При этом выявление позиций государств в мировом балансе военной силы делалось с учетом тенденции, в соответствии с которой снижается порог использования военной силы.

Уровень развития вооруженных сил можно определить исходя из оценки комплекса параметров. Можно выделить четыре группы таких параметров.

Во-первых, наличие и степень оснащенности системами высокоточного оружия.

Во-вторых, наличие и степень развитости стратегических ядерных сил, их морского, сухопутного и авиационного компонентов, количество ядерных боезарядов, степень соответствия мировым стандартам надежности систем вооружения.

В-третьих, развитие систем управления и связи:

- степень использования современных информационных технологий;
- качество используемых систем управления и связи.

В-четвертых, развитие сил общего назначения:

- численность;
- организационная структура;
- качество личного состава;
- техническая оснащенность.

Разработаны специальные шкалы критериев, в соответствии с которыми уровень развития государства определяется в диапазонах «сверхдержава», «великая держава», «региональная держава», «малое государство».

Уровень развития силового компонента государства, соответствующий сверхдержаве, можно определить такими характеристиками, как:

- собственное производство подавляющего большинства систем вооружения и военной техники;
- наличие ядерного оружия, межконтинентальных баллистических ракет при общем количестве ядерных боезарядов не менее 1000–1500 единиц;
- численность вооруженных сил более миллиона человек;
- наличие возможностей массированного использования систем высокоточного оружия;
- оснащенность передовыми системами управления и связи.

В полной мере уровню сверхдержавы в настоящее время соответствуют только США. Пока близка к этому уровню Россия, но по таким показателям, как производство вооружений во всем спектре современных систем, численность вооруженных сил и оснащенность высокоточным оружием, передовыми системами управления и связи, она существенно отстает от США.

Для великой державы характерны меньшее число стоящих на вооружении ядерных боезарядов (порядка 100–500 единиц), отставание от сверхдержавы в развитии систем управления и связи, ограниченные способности применения высокоточного оружия. В таких странах может отсутствовать налаженное национальное производство некоторых критически важных систем оружия (например, стратегических бомбардировщиков, самолетов ДРЛО и управления, современных авианосцев, подводных лодок с атомной силовой установкой, боевых кораблей других основных классов и т.п.).

Региональная держава, как правило, не имеет ядерного оружия (хотя может иметь

Таблица 2

Статус государства	Оценка в баллах	Характеристика
сверхдержава	8–10	вооруженные силы страны оказывают определяющее воздействие на формирование мирового баланса сил
великая держава	5–7	армия страны значима в мировом балансе сил и оказывает существенное влияние на военный баланс своего континента
региональная держава	2–4	государство оказывает значительное влияние на баланс сил в одном регионе
малое государство	1	государство уступает по силе своим соседям по региону

средства его доставки), существенно отстает в развитии систем управления и связи и импортирует большую часть вооружения.

Таким образом, статус государства напрямую зависит от уровня развития его вооруженных сил (таблица 2).

Для наглядности представления результатов оценки военного потенциала все показатели развития вооруженных сил были сведены в две большие группы. Первая группа – общие показатели развития вооруженных сил. В нее вошли данные по военным расходам, численности ВС и мобилизационным ресурсам (таблица 3).

Вторая группа показателей характеризует уровень развития вооруженных сил общего назначения. Эта группа делится на три подгруппы, отражающие уровень развития сухопутных, военно-морских и военно-воздушных сил (таблицы 4, 5, 6).

Ядерный потенциал оценивается показателем, отражающим количество имеющихся на вооружении ядерных боеголовок, и группой показателей, характеризующих средства доставки ядерного оружия. В данном случае ограничимся статистикой Стокгольмского института исследования проблем мира (данные на 2013 год), которая учитывает лишь количество боеголовок (таблица 7).

Благодаря беспрецедентным военным расходам, превышающим расходы всех остальных стран мира, США уверенно лидируют по общим показателям развития вооруженных сил. На втором месте по этому показателю стоит Евросоюз. Его совокупные военные расходы в 9 раз превосходят российские, а общая численность вооруженных сил превышает 2 миллиона человек. Третью строчку военного рейтинга занимает Китай, превосходящий все страны по численности вооруженных сил. Россия занимает четвертое место. Далее первая десятка по общим показателям развития вооруженных сил выглядит следующим образом: на пятом месте находится Индия, на шестом (неожиданно) – Южная Корея, седьмое место – у Франции, восьмое – у Великобритании, девятое занимает Италия, десятое – Турция.

Рейтинг сухопутных сил демонстрирует ожидаемое лидерство США. По общей численности приписываемых России вооружений она находится на втором месте. На третьем – ЕС, на четвертом – Китай. Пятое место неожиданно занимает Украина.

Таблица 3

		Характеристика		
Статус государства	Оценка в баллах	Военные расходы (долл. США)	Численность ВС, тыс. человек	Оценочная численность резервистов и военизированных формирований, тыс. человек
сверхдержава	8–10	свыше 60 млрд (макс. значение – ок. 553 млрд)	свыше 1 млн (макс. значение – свыше 2 млн)	свыше 500 (макс. значение – свыше 2 млн)
великая держава	5–7	10–60 млрд	300 тыс. – 1 млн	100–500
региональная держава	2–4	500 млн – 1 млрд	50–300	50–100
малое государство	1	менее 500 млн	менее 50	менее 50

Таблица 4

Характеристика уровня развития сухопутных сил

Статус государства	Оценка в баллах	Основные боевые танки	Легкие танки и боевые бронированные машины, включая боевые машины пехоты, бронетранспортеры, боевые разведывательные машины и др.	Орудия полевой артиллерии, самоходные артиллерийские установки, реактивные системы залпового огня	Ударные и многоцелевые вертолеты
сверхдержава	8–10	свыше 3000 (макс. значение – 23 000)	свыше 4000 (макс. значение – 38 763)	свыше 10 000 (макс. значение – 26 254)	свыше 1000 (макс. значение – 1321)
великая держава	5–7	1000–3000	1000–4000	2000–10 000	300–1000
региональная держава	2–4	300–1000	300–1000	1000–2000	100–300
малое государство	1	менее 300	менее 300	менее 1000	менее 100

(Правда, эти данные соответствуют времени до начала в прошлом году так называемой антитеррористической операции на востоке страны.) Шестое место у Израиля. Далее следуют Египет (седьмое место), Турция (восьмое место), Сирия (на момент начала гражданской войны) (девятое место) и КНДР (десятое место).

В рейтинге военно-морских сил сначала идут США, ЕС и Россия. Затем – Китай, Великобритания, Франция и КНДР. Впечатляет столь высокая позиция Северной Кореи, у которой феноменальное количество подводных лодок – 43, причем без учета 20 субмарин специального назначения, используемых для разведывательных целей. Замыкают первую десятку Индия, Япония и Южная Корея.

В рейтинге военно-воздушных сил первое место у США, второе удерживает ЕС, третье – у России, четвертое – у Китая. Стремление США сохранить контроль над ситуацией в мире и развитием ВПО в условиях объективно развивающихся противодействующих тенденций неизбежно требует от них использования коалиционной стратегии, то есть создания максимально широкой военно-политической коалиции во главе с США. Такая стратегия позволит Соединенным Штатам:

- консолидировать экономические, политические и военные ресурсы большого числа государств, прежде всего НАТО и ЕС, в своих интересах;
- противопоставить растущему не в их пользу изменению в соотношении сил «совокупную» контролируемую мощь Запада, которую можно использовать в политических, экономических и иных целях, тем более что фактически все войны США в XX и XXI веках (за редким исключением) были коалиционными;
- сильнее привязать к себе партнеров и союзников политически и дипломатически, с тем чтобы помешать созданию любой другой коалиции или союза.

Сценарий военно-политической поляризации является составной частью, вариантом развития негативного геополитического сценария, предусматривающего в то же время консолидацию ресурсов союзников и партнеров США в глобальном масштабе, но прежде всего в рамках Трансатлантического и Транстихоокеанского партнерств.

Если говорить о Европе, то этот процесс объясняется относительным игнорированием со стороны некоторых стран-членов НАТО общих потребностей блока в последние годы. Это хорошо видно на примере уменьшения доли европейских стран НАТО в общих объемах военных расходов. Соответственно в последние годы в финансировании блока возрастает доля США, что объективно противоречит двум трендам. Во-первых, падению доли ВВП США в мире. Во-вторых, относительному сокращению американских военных расходов в последние два-три года (которое последовало после сверхбыстрого, почти на 100 процентов, роста военного бюджета США в начале XXI века). Подобная динамика не может не сказаться на боевой эффективности НАТО, которой в США придают огромное значение. По существу, происходит отставание блока от выполнения им плановых показателей боеспособности.

Сценарий усиления геополитической поляризации, частным вариантом которого является военно-политическая поляризация, стал в начале XXI века одним из доминирующих сценариев развития ВПО в мире. Он, в частности, предполагает, что:

Таблица 5

Характеристика уровня развития военно-морских сил

Статус государства	Оценка в баллах	Подводные лодки	Авианосцы	Боевые корабли основных классов (за исключением авианосцев)	Боевые самолеты ВМС, в том числе самолеты палубной авиации
сверхдержава	8–10	свыше 50 (макс. значение – 71)	свыше 5 (макс. значение – 11)	свыше 50 (макс. значение – 96)	свыше 500 (макс. значение – 1138)
великая держава	5–7	10–50	2–5	20–50	200–500
региональная держава	2–4	5–10	1–2	10–20	100–200
малое государство	1	менее 5	0	менее 10	менее 100

◆ роль международных организаций и авторитет международного права существенно слабеют;

◆ возрастает значение военно-политических и иных коалиций и союзов, включая региональные ассоциации и объединения, а также их согласованных действий в разных областях;

◆ происходит постепенная кристаллизация государств вокруг определенных центров силы, представляющих противоборствующие тенденции;

◆ постепенно ослабевает тенденция односторонних военных и военно-политических действий отдельных акторов – государств и организаций, – такие одиночные действия уступают место согласованным шагам групп государств. Так, вооруженный конфликт на Украине в полной мере продемонстрировал наличие этих тенденций. Налицо ослабление роли ООН и ОБСЕ и, напротив, возрастание значения НАТО, ЕС, «Большой шестерки» и двусторонних отношений тех или иных государств с США. Наблюдаются очевидная консолидация западных стран вокруг позиции США и снижение активности их односторонних действий. Например, если в 2002 году численность односторонних акций существенно (на 40 процентов) превышала численность международных конфликтов, то в 2012 году была уже противоположная картина. Увеличилось и количество акций, предпринимаемых негосударственными акторами (как правило, по инициативе враждебных государств).

Указанные существенные изменения коренным образом повлияли на состояние и перспективы международной и региональной безопасности. В результате следует признать очевидное: создание системы евразийской безопасности «от Лиссабона до Владивостока», которое долгое время декларировалось в качестве главной цели, остается и еще очень долгое время будет не более чем политическим лозунгом. О таком лозунге станут вспоминать всякий раз по соответствующему случаю, но в ближайшей перспективе он не станет реальной политикой в Евразии.

На деле же США консолидируют Запад, создавая исключительно для себя систему безопасности, основанную на НАТО. В XXI веке эта система расширится уже до пределов Центральной и Юго-Восточной Азии. Эта система безопасности, созданная США после Второй мировой войны, вполне эффективно защищает американо-британские интересы в мире вот уже почти 70 лет, и ни у США, ни у Великобритании нет оснований ее менять на какую-либо иную систему.

И существующая мировая финансово-экономическая система также наиболее выгодна двум крупнейшим мировым финансовым центрам – Нью-Йорку и Лондону, – которые извлекают максимальную прибыль, управляя глобальными финансами и контролируя основные международные финансовые институты. Так, например, основной внешний государственный долг сохраняется за США и Великобританией, которые «позволили» участвовать в этом процессе Германии и Франции – но на гораздо более скромных условиях (таблица 8).

Как видно из приведенной таблицы, англо-американский финансовый контроль в мире позволяет США и Великобритании кредитоваться за счет мировой экономики. Очевидно, что подобная ситуация не может устраивать другие страны, прежде всего те, масштабы и темпы роста экономики которых позволяют им претендовать на свою роль в мировых финансово-экономических процессах. Речь идет прежде всего о странах БРИКС, которые начали играть все более активную не только экономическую, но и политическую роль. Причем в разных регионах фиксируется разное напряжение между старыми и новыми центрами силы – от наиболее сильного противоречия, назревшего в АТР, до

Таблица 6

Статус государства	Оценка в баллах	Характеристика (количество боевых самолетов) уровня развития военно-воздушных сил
сверхдержава	8–10	свыше 1500 (макс. значение – 3063)
великая держава	5–7	700–1500
региональная держава	2–4	150–700
малое государство	1	менее 150

относительно скрытого напряжения в Африке.

Отсутствие эффективных политических механизмов обеспечения безопасности в XXI веке означает, что в действительности для ряда стран такие механизмы созданы и действуют (НАТО–ЕС), а для некоторых – еще только находятся в стадии формирования (ШОС–БРИКС).

По мере изменения соотношения экономических, а теперь уже и политических сил не в пользу Запада все большее значение приобретает сохранение за США мирового лидерства в области наукоемких технологий (и как следствие – в качестве вооружений и военной техники). Чрезвычайно значимы для Вашингтона и те его военно-политические союзы и двусторонние договоренности, которые свидетельствуют об американском руководстве всей этой глобальной военно-политической коалицией. То есть сохранение рычагов управления мировыми финансами, торговлей и экономикой во многом зависит от способности обеспечивать такой военно-силовой контроль со стороны стран-лидеров, который обеспечивал бы сохранение геополитического и военно-политического статус-кво в мире.

Угрозу, даже гипотетическую, изменению геополитического статус-кво Запад рассматривает в качестве прямой и непосредственной угрозы контролируемой им системе безопасности в мире и способности управлять мировыми финансами, торговлей и экономикой. Кризис на Украине отчетливо показал, как этот механизм действует на практике: достаточно было поставить под сомнение готовность Украины стать на крайне невыгодных условиях частью этого пространства, как были включены все механизмы – политические, военные, финансовые, – для того чтобы исправить эту ситуацию выгодным для Запада образом. То, каким образом было осуществлено такое исправление, наглядно демонстрирует функционирование сценария военно-политической консолидации, когда на разных уровнях и в разной степени зависимости от США создается система военно-политических отношений, подконтрольная именно Америке. Одним из таких примеров может стать политика субрегионального военного сотрудничества в Европе.

Соответственно надо признать, что без политической и военной интеграции евразийских государств (не вошедших в НАТО или в систему военных союзов, создаваемых США) – интеграции, обеспеченной сознательной информационной и культурно-образовательной (идеологической) политикой, – проект евразийского сотрудничества рискует свестись к простому соглашению о торговле. Тем более что масштабы экономической интеграции в Евразии не являются такими уж впечатляющими – сами по себе они не смогут предопределить геополитическое будущее Евразии. Тем более им не удастся автоматически превратить Россию в центр евразийской интеграции.

Усиление роли геополитики как синтеза интересов и ценностей локальной цивилизации в сценариях развития ВПО в XXI веке

В XXI веке стремительно развивается процесс синтеза интересов и систем ценностей отдельных локальных цивилизаций. В частности, можно говорить о том, что эта тенденция четко прослеживается на примере западной, исламской, китайской, российской и индийской цивилизаций. В перспективе к такому синтезу подключатся и другие цивилизации. Отсюда следует, что к конфликтному потенциалу между отдельными странами добавляются противоречия между геополитическими интересами и ценностями локальных цивилизаций. В основе же современной системы международной безопасности лежат геополитические интересы и расчеты, в первую очередь учитываемые при развитии любых сценариев ВПО и конкретных стратегий отдельных стран и других акторов МО, а также защита и продвижение систем ценностей локальных цивилизаций и отдельных наций. Это означает, что в принципе геополитические интересы совпадают с системами ценностей локальных цивилизаций и наций, выступают в комплексе, неразрывно, как единое целое. Причем такая взаимосвязь

Таблица 7

Страна	Развернутых боеголовок	Остальных боеголовок	Общее количество боеголовок
США	2150	5550	7700
Россия	1800	6700	8500
Великобритания	160	65	225
Франция	290	10	300
Китай	–	250	250
Индия	–	90–110	90–110
Пакистан	–	100–120	100–120
Израиль	–	80	80
Северная Корея	–	–	6–8?
Всего	4400	12 865	17 270

геополитических интересов и систем ценностей развивается, становится все более тесной, формируя в конечном счете общую политико-идеологическую основу стратегии и конкретной внешней политики.

Войны и военные конфликты последних десятилетий отчетливо показали, что взаимосвязь геополитики (интересов) и систем ценностей стала в XXI веке решающим фактором формирования политического курса стран, входящих в локальные цивилизации. Красноречивым примером подобной взаимосвязи является военный конфликт на Украине, который становится:

- цивилизационным конфликтом, ситуацией выбора вектора развития – европейской или российской локальных цивилизаций и их систем ценностей, что отчетливо проявилось в социальных и политических отношениях элит не только на Украине, но и в России, Евросоюзе, США и даже в других странах;
- геополитическим конфликтом, своего рода борьбой за Евразию, в которой Украина в силу своего географического, исторического и политического значения играет ключевую роль, потому-то на протяжении всего постсоветского времени Украина рассматривается Америкой как самый главный приоритет восточноевропейской политики.

Соотношение военно-политических сил в мире, позиции ведущих государств оказывали решающее влияние на политику тех или иных стран еще до формирования вестфальской системы. По мере развития человеческой цивилизации роль геополитических факторов возрастала вплоть до приобретения ими решающего значения во Второй мировой войне, а впоследствии – для доминирующих моделей безопасности. С появлением ядерного оружия и стратегических средств его доставки геополитика стала не только фундаментом, но и частью внутренней политики даже небольших государств, которые были вынуждены учитывать ее в принятии политических решений. Война в Корее, Вьетнаме, революции на Кубе и в Никарагуа, конфликт из-за Мальдивских островов, на Гренаде и в других районах мира являются яркими иллюстрациями этой тенденции.

Таким образом, в XXI веке глобализация и интересы локальных цивилизаций привели к гегемонии геополитики, когда любые – даже незначительные – события в политике, в экономике и социальной сфере рассматриваются в ракурсе синтеза геополитических интересов и ценностей той или иной локальной цивилизации.

Есть все основания полагать, что по мере усиления новых центров силы проявятся их геополитическое значение и качественно новая роль в формировании мировой и региональной ВПО. Это видно, в частности, из материалов глобального прогноза, представленного Национальным советом по разведке США в декабре 2013 года. В документе, в частности, отмечалось, что Великобритании понадобилось 155 лет, чтобы удвоить свой подушевой ВВП при населении приблизительно 9 миллионов человек в 1870 году. США и Германия потратили на это от 30 до 60 лет при населении в несколько десятков миллионов человек. Индия и Китай подходят к этому же уровню невиданными прежде темпами: у них в 100 раз больше жителей, чем в Великобритании, и в десять раз меньше времени. Национальный совет по разведке подчеркивает, что к 2030 году Азия при таких темпах развития может стать мировым центром влияния. К той же рубежной дате большинством во многих странах станет

Таблица 8

№	Страна	Валовой внешний долг (млн долл. США)
1	США	15 680 472
2	Великобритания	9 471 208
3	Германия	5 718 982
4	Франция	5 370 709
5	Люксембург	2 711 909
6	Италия	2 499 602
7	Нидерланды	2 493 906
8	Испания	2 278 705
9	Ирландия	2 163 912
10	Швейцария	1 563 179
11	Бельгия	1 423 730
12	Канада	1 331 262
13	Швеция	1 039 336
14	Австрия	808 140
15	Норвегия	723 066
16	Россия	631 784

средний класс, а не бедные, которые в течение всей истории человечества составляли основную массу населения. Продолжится сосредоточение населения в городских конгломератах. Ежегодно число горожан увеличивается на 65 миллионов человек, что эквивалентно семи городам, равным Чикаго, или пяти городам размером с Лондон. Ускорится и процесс освоения новых технологий, причем развивающиеся страны будут перепрыгивать через этапы развития, которые в свое время пришлось пройти развитым странам.

Стокгольмский институт исследования проблем мира прогнозирует и рывок развивающихся стран в вооружениях и военной технике. Так, по данным этого института, представленным на таблице ниже, во втором десятилетии XXI века военные расходы в отдельных регионах уже стали сопоставимыми с расходами прежних лидеров – США и стран Западной Европы (таблица 9).

Эти изменения свидетельствуют о том, что в перспективе 20–30 лет военные расходы Азии, Ближнего Востока, Восточной Европы и даже Африки станут сравнимыми с военными расходами США и стран Евросоюза. Более того, к 2020-м годам, то есть уже фактически в среднесрочной перспективе, ядерные потенциалы некоторых стран станут практически сопоставимыми с ядерными потенциалами США, Великобритании и Франции. К тому же возможные технологические прорывы могут привести к тому, что и военные потенциалы целого ряда государств окажутся через несколько лет вполне сравнимыми с американскими, а тем более – с английскими и французскими.

Таким образом, к 2020-м годам сложится качественно новая ситуация в ВПО на мировом и региональном уровнях. В практической политике это будет означать резкое усиление влияния внешних факторов, во-первых, на формирование политических целей и задач и – косвенно – на стратегию акторов и распределение ресурсов, а во-вторых, на национальные интересы и базовые ценности. Начало такой трансформации уже видно на примере той же Украины, где именно геополитические интересы США оказали решающее (по сравнению с другими факторами) влияние на политические цели украинской элиты, что привело к радикальной смене политического курса и прежней элиты. Заокеанское влияние привело и к кардинальной коррекции национальных интересов: ориентация на Россию сменилась ориентацией на Запад и западную систему ценностей («Евромайдан», «европейский выбор» и т.д.).

Собственно говоря, это усиление роли геополитики, превращение ее в решающий фактор уже сформировало новый сценарий развития ВПО на Украине и в Восточной Европе. Более того, растущее влияние геополитики становится наиболее устойчивым фактором, влияющим на формирование ВПО в мире и на основные тенденции в развитии вооружений и военной техники, военного искусства и стратегического военного планирования. Достаточно привести лишь некоторые примеры.

Так, Франция в середине 2014 года решила направить свои войска в пять бывших африканских колоний, а также «задержаться» с выводом своих войск из Центрально-Африканской Республики и Мали. Такое поведение Парижа определенно свидетельствует в пользу изменений французской внешней и военной политики, которая во все большей степени ориентируется на геополитическую борьбу за Африку, чье значение стремительно возрастет уже к середине XXI века.

Другой пример – создание в РФ отдельного вида воору-

Таблица 9

Регион	Расходы на вооружения и военную технику по данным на 2012 год (млн долл. США)	Изменение по сравнению с предыдущей экспертизой (проц.)
Африка	39,2	1,2
Северная Африка	16,4	7,8
Центральная и Южная Африка	22,7	–3,2
Америка в целом	782	–4,7
Центральная Америка и страны Карибского бассейна	8,6	8,1
Северная Америка	708	–5,5
Южная Америка	65,9	3,8
Азия и Океания	390	3,3
Центральная и Южная Азия	59,8	–1,6
Восточная Азия	268	5,0
Океания	28,2	–3,7
Юго-Восточная Азия	33,7	6,0
Европа в целом	407	2,0
Восточная Европа	100	15
Западная и Центральная Европа	307	–1,6
Ближний Восток	138	8,3
Мир в целом	1756	–0,4

женных сил, Воздушно-космических сил, к 1 января 2016 года. Данное решение констатирует не только фактическое появление единого глобального ТВД – воздушно-космического пространства. Немаловажным обстоятельством становится и то, что Воздушно-космические силы станут конкретным инструментом геополитики в глобальном масштабе, поскольку сфера ответственности этого вида войск распространяется не только на территорию РФ и ее союзников, но и на всю планету, все государства.

С геополитической точки зрения очевиден растущий потенциал военного присутствия США и НАТО в Центральной Азии, Юго-Восточной и Северо-Восточной Азии. Учитывая удаленность этих территорий от США, а также создание новых систем воздушно-космического нападения, такой потенциал все больше приобретает черты наступательно-оборонительного стратегического потенциала, используемого в воздушном и космическом пространствах. Этот потенциал – главный ресурс в силовом геополитическом противостоянии в Евразии. Традиционные сухопутные и морские силы в данном случае оказываются малоэффективными, а геополитические амбиции США столь сильны, что их реализация без угрозы использования военной силы маловероятна. Причем эти амбиции сформулированы не только в концептуальных наработках ученых и экспертов типа Збигнева Бжезинского, но и в официальных документах. Например, проект «Шелкового пути» обрел форму закона США еще в конце 1990-х, то есть до американского вторжения в Афганистан.

В целом на всех потенциальных ТВД для России сложилось крайне неблагоприятное соотношение сил, когда военные возможности отличаются не в разы, а на порядки. Это означает, что должны быть избраны такие военная доктрина и военная стратегия, которые отвечали бы этим реалиям. Соответственно из такой военной доктрины должны исходить и планы военного строительства. В частности, необходимо выделить два наиболее приоритетных направления военного строительства – создание эффективной системы воздушно-космической обороны территории страны и ее союзников и развитие Стратегических ядерных сил. Эти направления должны быть основой обеспечения безопасности России, ОДКБ, СНГ и, возможно, других стран. И в их пользу необходимо перераспределить

национальные ресурсы, понимая, что Сухопутные войска, ВМФ, ВВС, ВДВ и другие виды войск становятся вспомогательными видами при Воздушно-космических и Стратегических ядерных силах. Расстановка приоритетов в военном строительстве именно подобным образом особенно важна в свете создания Соединенными Штатами глобальной системы ПРО. В настоящее время сотрудничают с США или ведут переговоры о создании и размещении компонентов ПРО следующие страны:

- Великобритания (производит системы радиоразведки и радиоэлектронной борьбы, поставляет компоненты для ПРО США, а также не исключает возможное размещение ПРО США на своей территории);
- Ирландия (поставляет компоненты для ПРО США и поддерживает развертывание ПРО США в Европе и Японии);
- Германия и Франция (поставляют сложное коммуникационное оборудование для ПРО США и также не исключают возможного размещения ПРО США на своих территориях);
- Польша (система ПРО США уже строится);
- Эстония, Литва, Чехия (ведутся переговоры по размещению элементов ПРО США);
- Дания (поставляет компоненты для ПРО США и не исключает, что на ее территории появится ПРО США);
- Финляндия и Швеция (поставляют компоненты для ПРО США и ведут переговоры о размещении радиолокационных станций);
- Южная Корея (поставляет сложные и наукоемкие микросхемы для ПРО США и не исключает размещение элементов ПРО США на своей территории);
- Сингапур и Малайзия (ведутся переговоры о размещении ПРО США);
- Канада (ведет переговоры о размещении у себя ПРО США и интегрировании ПРО Канады в систему ПРО США);
- Япония (поставляет самые сложные компоненты для ПРО США, строит радиолокационные станции, производит ракеты, а также скоро разместит на острове Хоккайдо элементы ПРО США с ядерными установками);
- Мексика (ведет переговоры о присоединении к системе ПРО США);
- Монголия (ведет переговоры о размещении ПРО США);
- Азербайджан (ведет переговоры о размещении ПРО США);
- Румыния (поставляет компоненты для ПРО США и ведет переговоры о размещении ПРО США);
- Грузия (ведет переговоры о размещении ПРО США);
- Австралия (строит радиолокационную станцию с интегрированной системой «ПРО США – Новая Зеландия – Сингапур – Япония»);
- Словакия (ведет переговоры о размещении ПРО США);
- Италия (поставляет операционные системы для ПРО США и не исключает возможности строительства у себя элементов ПРО США);
- Норвегия (поставляет детали и операционные системы для ПРО США);
- Вьетнам (планирует вести переговоры о размещении ПРО США).

Все это свидетельствует, безусловно, не просто о сотрудничестве, но о формировании крупной военно-политической коалиции, которая пока не имеет ни четких целей, ни участников, но ясно демонстрирует нарастающую тенденцию, в которой особое место отводится Евразии – точнее, странам АТР и Евразии, а еще точнее – России и Китаю.

В этом смысле обращает на себя внимание политическая логика руководства США в отношении Евразии, которая наглядно просматривается, например, в подходе главного информационно-консультативного органа правительства страны – Центрального разведывательного управления. На официальном сайте этого ведомства Россия вместе с постсоветскими государствами Средней Азии представлена как эпицентр Евразии, «за скобками» которого остается европейская часть континента и восточные регионы (Восточная Сибирь и Дальний Восток). Такое представление о России и Евразии не случайно. Если исходить из приоритетного внимания США к среднеазиатским постсоветским республикам, то подразумевается, что их дестабилизация (особенно Казахстана) приведет к распаду России на европейскую и азиатскую части. При этом наиболее развитые районы Южного Урала и Западной Сибири, а также проходящие по ним коммуникации окажутся под непосредственной угрозой. Транспортные коридоры – эти проектируемые логистические линии транзита из Европы в страны Азиатско-Тихоокеанского региона – также окажутся под фактическим контролем Запада – как, впрочем, и основные российские запасы природных ресурсов. Вообще же значение транспортных коридоров России в мире и в Евразии огромно и не вполне по достоинству оценено. Так, основу транспортных грузопотоков и пассажиропотоков в мире и в Евразии составляет российская железнодорожная сеть, на которую приходится более половины перевозок в Европе и в Евразии, а с учетом Украины и Казахстана – почти половина мировых грузопотоков по железным дорогам, что хорошо видно из таблицы 10.

Таблица 10

№	Страна	Общий объем железнодорожных грузоперевозок (в млн тонн на километр) за вычетом пустых частных вагонов (данные на 2011 год)
1	США	2 524 292
2	Россия	2 127 835
3	Украина	243 866
4	Казахстан	223 626
5	Германия	113 317
6	Польша	53 746
7	Франция	34 200
8	Швеция	22 864
9	Латвия	21 410
10	Австрия	20 345
11	Литва	15 088
12	Румыния	14 719

Отсюда очевидна колоссальная роль российских транспортных коридоров с запада на восток и с востока на запад, а также стремительно растущее значение Северного морского пути из Европы в Азию и наоборот.

Собственно экономическое значение Центральной Азии невелико, в том числе и для России. И не стоит его переоценивать с точки зрения евразийской интеграции. Однако этот мегарегион представляет собой исключительное геополитическое значение – своего рода центра, срединных земель единого евразийского пространства, которое на многих картах четко делится на две части – европейскую и азиатскую, – причем водораздел проходит именно по Центральной Азии. При этом в представлениях западных геополитиков безопасность Европы ограничивается безопасностью государств Западной, Центральной и частично Восточной Европы (включая страны Прибалтики, Белоруссию и Украину), а также Турции. «За скобками» этой архитектуры безопасности находится российская часть Восточной Европы, Поволжье, страны Центральной Азии и Сибирь.

Одновременно США придают особое значение дестабилизации обстановки в Казахстане и других странах бывшей советской Средней Азии. Роль детонатора этой территории отводится именно Казахстану, ведь важнейшие районы Поволжья, Южного Урала и Западной Сибири (то есть, по сути, индустриальный и логистический центр России) находятся в непосредственной близости к Казахстану, а транспортные коридоры – «запад–восток» и «север–юг» – проходят через его территорию. В связи с этим понятна и четкая позиция руководства Казахстана, которое решительно пресекает любые попытки создания на территории страны очагов экстремизма и проведения внешних интересов.

Между тем внимание Соединенных Штатов к Центральной Азии продолжает нарастать. Так, в 2006 году Америка взяла на себя обязательство по совершенствованию оборонного потенциала, а также по поддержанию безопасности на границах стран «Шелкового пути». Вашингтонский Центр стратегических и международных исследований называет «Шелковый путь» важным элементом американской «противоповстанческой стратегии» в этой части Евразии. При этом проходящую через Россию Северную сеть доставки, по которой осуществляется снабжение войск США и НАТО в Афганистане, США считают первым шагом к строительству геополитической системы «Шелкового пути».

Таким образом, «Шелковый путь» развивает американскую стратегию Большой Центральной Азии и преследует массу важных целей одновременно. Среди них:

- освоение природных ресурсов Афганистана, оцененных Геологической службой США в один триллион долларов;
- получение доступа к рынкам, охватывающим более двух миллиардов человек – почти четверть населения планеты;
- строительство рыночной экономики в мегарегионе, во многих районах которого сохраняются средневековые порядки и соответствующий им уровень развития;
- получение предлога для расширения военного присутствия и размещения военных баз – «для защиты трубопроводов»;
- перенаправление природных ресурсов региона от Китая в Индию и Пакистан;
- создание региональной организации государств «Шелкового пути» в противовес ШОС и ОДКБ.

То есть США и их союзники недвусмысленно заявляют о своих претензиях на контроль над значительной частью Евразии, являющейся в том числе и частью территории России. Поэтому борьба за Евразию станет главным содержанием развития военно-политической обстановки на ближайшие десятилетия.

Михаил Петрович Остроменский – политический философ, председатель регионального отделения Межрегиональной общественной организации «Вече», председатель регионального отделения Всероссийской политический партии «Партия Дела»

Эволюция партизана:
от Ивана Сусанина до Усамы бен Ладена

Partigiano (*um.*) – сторонник определенной общественной группы, партии.

I

Побочным результатом рассмотрения феномена *политического* Карлом Шмиттом, одним из крупнейших и глубочайших политических философов и юристов-международников середины XX века, явилась так называемая теория партизана, обнародованная им в одноименной книге в 1963 году.

По Карлу Шмитту, к партизанам можно отнести лиц, активно участвующих в политическом вооруженном противостоянии и удовлетворяющих следующим критериям.

Первое. Иррегулярность. Иначе говоря, партизан не является частью регулярной армии какой-либо из сторон конфликта и у него отсутствуют установленная форма и знаки различия. Причем не только явные, но и вообще как таковые. Он не носит демонстративно оружие, как это делает солдат регулярной армии. Таким образом, его невозможно визуально отличить от обычного гражданского лица той или иной местности. То есть партизан в отличие от солдата регулярной армии осознанно избегает демонстрировать свою принадлежность к какой-то стороне конфликта и свои намерения. Это принципиальный момент в судьбе партизана. Партизан не мобилизован по призыву и не организован в соответствии с государственными законами. Он не связан с государством присягой – взаимообязывающей клятвой, – следовательно, он не может быть подвергнут наказанию за ее нарушение. Это его личное решение – перейти к партизанским действиям. Стало быть, человек сам определяет условия, при которых он начинает действовать как партизан и при которых заканчивает это делать, что вносит наибольшую неопределенность в статус партизана как участника вооруженного конфликта. Существенно, что человек, становясь партизаном, берет на себя чисто государственную прерогативу – или, точнее, присваивает исключительное право суверена, таковым не явля-

ясь, – на *jus belli et pacis*, то есть на право объявлять войну и заключать мир. Получается, что партизан по собственному усмотрению присваивает себе право убивать. Именно поэтому партизаны до сих пор неохотно признаются международным правом стороной конфликта, ибо они своими действиями разрушают его, международного права, основу. Из сказанного можно сделать важный вывод: партизан как самозваный суверен в отличие от солдата всегда лично отвечает за результаты своих действий и перед товарищами, и перед противником. Он, например, не может сослаться на преступный приказ, так как он не давал присягу признанному суверену и, следовательно, не может быть подвергнут наказанию за ее нарушение, а значит, исполнение приказа человека, принимаемого партизаном за командира, или отказ от этого есть исключительно его личное, партизана, решение. Партизан, таким образом, выпадает из-под действия международных договоренностей о правилах ведения войны. Но партизан и не ограничен в своих действиях правовыми установлениями и принятыми обычаями ведения боевых действий. Причем иррегулярность не значит неорганизованность. Из всего изложенного следует, что с партизаном противник волен поступать не как с военнопленным, а в лучшем случае как с уголовником в условиях военного времени. Далее, как подчеркивает Карл Шмитт, иррегулярность партизана существует не сама по себе, она зависит от смысла и содержания регулярности. Эта обусловленность партизана регулярностью, на фоне которой ему приходится вести свою войну, играет определяющую роль в последующей его эволюции, ибо в конечном итоге не сам партизан легитимирует свои действия – это делает регулярность, к которой он привязан. Следовательно, партизан таков, какова эта регулярность.

Второе. Политическая мотивированность. Когда гражданин принимает решение стать партизаном, он руководствуется политическими мотивами и преследует политические цели. Этим он отличается от бандита, руководствующегося соображениями наживы. Например, к таковым на первом этапе своей биографии при всем его благородстве относился Робин Гуд. Аналогичный путь прошел и Григорий Котовский, превратившийся из бандита в революционного партизана тогда, когда в его действиях стала доминировать политическая составляющая. Естественно, возможна и противоположная эволюция – переход партизана в уголовники.

Теория партизана, обнародованная Карлом Шмиттом (на иллюстрации) в одноименной книге в 1963 году, явилась побочным результатом рассмотрения им феномена *политического*.

Чрезвычайная значимость политического критерия для иррегулярного бойца подчеркивается и этимологией самого слова – «партизан». В эпиграфе дан перевод этого слова с итальянского языка – приверженец партии, партиец, то есть политически активный гражданин. Политическая мотивация позволяет партизану четко понимать свои цели и самому однозначно дифференцировать «друга» и «врага». В то же время у солдата, исполняющего приказы, враг может быть не действительный, а назначенный (существует даже термин «конвенционная война»). Партизан же, напротив, всегда имеет действительного врага, поскольку сам его для себя определяет. Например, многие солдаты-срочники, да и кадровые офицеры Вооруженных сил Украины в конфликте с Новороссией не имеют действительного врага. Они воюют исключительно в силу данной ими присяги Государству Украина. Их могут наказать за ее нарушение. А вот бойцы добровольческих батальонов, воюющие на стороне киевского режима, напротив, имеют действительных врагов в Новороссии. Они не связаны присягой, их никто не посылал на «антитеррористическую операцию». Они взялись за оружие добровольно, по своему почину, имея политические цели. А значит, ополченцы Новороссии – их политические враги. То же самое можно сказать и о последних: ополченцы – политические бойцы, имеющие политического врага. Враги такого типа не просто наиболее реальные, но они часто превращаются в

Памятник партизанам на Площади мира в Парме. Фрагмент центральной части ансамбля

По Карлу Шмитту, к партизанам можно отнести лиц, активно участвующих в политическом вооруженном противостоянии и удовлетворяющих следующим критериям: иррегулярность, политическая мотивированность, мобильность и теллурический характер действий.

абсолютных экзистенциальных врагов. Партизанская война – всегда война ожесточенная, питаемая настоящей враждой.

Третье. Мобильность. Под мобильностью понимается не только собственно методика партизанской войны, которая редко сводится к лобовым столкновениям с регулярными частями войск противника, к войне с организованными фронтами и видимым территориальным размежеванием противоборствующих сил, а в основном представляет собой налеты, стычки, диверсии, нападения из засады, коварные убийства солдат и коллаборационистов. Помимо всего этого Карл Шмитт указывает и на такое существенное отличие партизана от обычного солдата, как непредсказуемость – даже для собственного командования. Очевидно, это проистекает из того, что вступление на путь партизанской борьбы диктуется исключительно личным решением человека. Сказывается и отсутствие легальной основы для формирования партизанского отряда. Такая основа, если она появляется, превращает все гражданское население в назначенного врага оккупационных войск – с соответствующими для населения последствиями.

Четвертое. Теллурический характер партизанских действий. Иными словами, партизан берется за оружие для защиты земли, где он родился и проживает, для защиты Родины. Именно здесь – корень легитимации действий партизана. Поэтому партизанские действия нельзя назвать законными, но вполне можно признать легитимными. Они незаконны, поскольку не соответствуют правилам ведения войны и осуществляются лицами, на то не уполномоченными, а легитимны в силу того, что имеют целью защиту традиционного для партизана образа жизни и признаваемой им системы устроения власти. Теллуричность партизанских действий, как и их политическая мотивированность, позволяют тем, кто их ведет, четко определять противника. Это придает таким действиям существенно большую опасность, чем отдельный спонтанный акт неповиновения покоренного населения – даже с превосходящим по численности количеством участников. Последнее представляет собой лишь спорадический выброс психической энергии – выброс, не имеющий позитивной цели, тем более политической. Он кратковременен и либо легко подавляется, либо сам собою сходит на нет. Таким образом, привязанность партизана к

Памятник партизанам на Площади мира в Парме. Фрагмент тыльной части ансамбля

земле, на которой – и за которую – он сражается, существенно повышает его эффективность как бойца. Теллуричность же делает невозможной партизанскую активность на море – из-за неустранимого принципиального различия пространств суши и моря.

Для осмысления самого феномена партизанства и его эволюции, а также для понимания логики партизанской борьбы важны по крайней мере следующие принципиальные положения.

Во-первых, сам партизан не обладает достаточными ресурсами для ведения настоящей длительной войны, поскольку он может рассчитывать только на себя и на свое самое ближайшее окружение. Он не только должен воевать, но и вынужден кормить себя и свою семью.

Во-вторых, партизан не имеет, особенно на начальном этапе, необходимых навыков обращения с оружием, знаний тактики ведения боя, принципов организации снабжения, правил планирования боевых операций и координации взаимодействия различных подразделений и групп.

По Карлу Шмитту, к партизанам можно отнести лиц, активно участвующих в политическом вооруженном противостоянии и удовлетворяющих следующим критериям: иррегулярность, политическая мотивированность, мобильность и теллурический характер действий.

В-третьих, находясь, по сути, вне закона, партизан остро нуждается в легитимации не только личной, каковую он черпает самостоятельно из своей теллуричности, которая только и способна подвигнуть его на этот опасный путь, но и в повседневной внешней. То есть он испытывает потребность в широком признании, оправдывающем и объясняющем ему и всем вокруг обоснованность партизанских действий и их некриминальный характер. И сам партизан, и его окружение, в первую очередь близкие и значимые для него люди, должны знать, что партизанская война – это не бандитизм, а дело правое.

В-четвертых, несмотря на политизированную мотивацию партизана, политической цели как таковой у него (в смысле – у классического партизана) нет. Он чрезвычайно привязан к своей земле, к малой родине, его цель заканчивается за оградой собственного огорода. Можно сказать, что его политическое кредо: все должно оставаться так, как было от века – при отцах и дедах. Вспомним Гражданскую войну на Украине – с ее «батьками» в каждом хуторе – или многочисленные крестьянские восстания против красных и белых, успокаивавшиеся на границе того или иного уезда. Или возьмем особенности формирования отрядов афганских моджахедов по этническому и территориальному принципу в войну против советских войск и в последующее время. Парадоксально, но подобная мотивация партизана сближает его с тредюнионистами – как их понимали марксисты. Фридрих Энгельс писал Эдуарду Бернштейну в 1879 году: «Тредюнионы даже принципиально, на основании устава, исключают всякое политическое действие, а следовательно, и участие во всякой общей деятельности рабочего класса как

Памятник Робину Гуду в Ноттингеме

Партизан руководствуется политическими мотивами и преследует политические цели. Этим он отличается от бандита, руководствующегося соображениями наживы. В истории часто можно наблюдать превращение бандита в партизана, когда в его действиях начинает доминировать политическая составляющая, и наоборот.

класса». Аналогичным образом классический партизан исключает – на уровне своего сознания – участие в политической деятельности именно как в политической деятельности. Политизированность классического партизана – это производная от политизированности целей его противника. Как следствие, партизан сам по себе, самостоятельно – идеологически наивен, что легко превращает его в объект манипуляций.

В-пятых, для успеха партизану необходимо наличие третьего заинтересованного лица, или третьей силы, – помимо непосредственно самого партизана и его врага. Таким третьим актором может выступать правительство родной страны. Например, правительство СССР, поддерживавшее партизан во время Великой Отечественной войны или правительства стран антигитлеровской коалиции, которые проводили аналогичную политику в отношении партизан на территории оккупированных Германией стран Европы. Другой пример: безоговорочная победа на выборах в сентябре 1945 года Вьетминя дала ему легитимные основания вести боевые партизанские действия с Францией от имени государства Демократическая Республика Вьетнам в Первую Индокитайскую войну, или «Войну сопротивления» (1945–1954 годы), а помощь Советского Союза и Китая вьетнамским партизанам в период Второй Индокитайской войны конца 1950-х – середины 1970-х придавала дополнительный международный авторитет и легитимность их действиям. Или же политика Запада по провоцированию Майдана-2004 и Евромайдана. Третья сила часто предоставляет партизану ресурсы, обучает его, координирует действия партизанских отрядов. Но самое главное – она способна придать партизанским действиям осмысленность более высокого уровня, цельность, а самому партизану – почти настоящую легитимность и частичную легальность как полноценному участнику конфликта.

II

Партизаны, по мнению Карла Шмитта, как регулярное и заметное явление появились в эпоху войн Нового времени, особенно во время Наполеоновских войн. Характерной чертой революционной армии Французской Республики, а затем Империи стал отказ от рекрута и наемничества и переход к комплектации на основе всеобщей воинской повинности и, что крайне важно, при соответствующем стимулировании политической мотивации населения. Армия из послушного инструмента в руках суверена превратилась в школу политики для народных масс. Участие в войне перестало быть лишь обременительным тяглом подданных или

способом зарабатывания ими денег. Всеобщая воинская повинность явилась одним из важнейших способов формирования государством гражданина. Прежде объявление войны и заключение мира было исключительным правом суверена, теперь же это право присвоила себе нация – став таковым сувереном. Мадам де Сталь писала о революционной французской армии: «Солдаты были всей душой преданы Родине. Мысли о грабеже были им чужды. Они были полны настойчивости, отваги и того беззаботного мужества, которым отличаются французы. Генералы были скромны, бескорыстны и глубоко преданы Отечеству. Дух боевой доблести вырос и укрепился в них раз и навсегда».

Прежде войны представляли собой, по сути, разборки между суверенами с целью заключения нового мира на более выгодных для той или иной стороны условиях. Они велись безотносительно к населению покоряемых земель и серьезно его не касались. Война была междусобойчиком государей. Но теперь, когда сувереном назван сам народ, точнее народ, сумевший сформировать нацию, – политически объединенный этнос, организованный в государство, созданное не на основе принципа престолонаследия и династическим порядком передачи власти, а на базе общего национального политического идеала-идеи, война стала затрагивать уже систему смыслов самого этноса. Она возымела действительные политические цели и начала приобретать тотальный характер. Ведь если теперь на войну может быть мобилизована целиком вся нация, являющаяся к тому же еще и сувереном, то ее врагом оказывается также вся нация противника целиком. То есть война стала тотальной уже из-за самой тотальной природы нового суверена, а не по чьему-либо злому умыслу или расчету. Партизанство – это ответ одного этноса-суверена на попытку его политического завоевания другим этносом-сувереном с последующей обязательной переменой привычного образа жизни, это фактор народной войны, результат вовлечения в политику самых широких масс населения.

Первыми полноценными партизанами Карл Шмитт считал испанских герильяс, противостоявших сначала под руководством Палафокс-и-Мельси Хосе де Ребольедо, герцога Сарагосского, французским войскам Наполеона I, разгромившим до этого регулярную армию испанского короля Карла IV. В герилье (в переводе с испанского guerrilla – маленькая война, войнушка) основную массу не только рядовых, но и представителей командного звена составляли крестьяне и мелкопоместные идальго. Результаты их «войнушки» были впечатляющими: временами чуть ли не до половины всех своих войск Наполеон I вынужден был держать в Испании для противостояния этим герильяс. Заметим – после разгрома испанской армии и капитуляции официальных властей королевства!

Традиции партизанства с давних пор прослеживаются и в отечественной истории. Отсчет следует вести с отрядов мелких дворян, разнообразного «мизинного люда» городов и крестьян, боровшихся с иноземными войсками в Смуту начала XVII века. Апофеозом той партизанской войны стало создание народного ополчения, освобождение им Москвы и учреждение новой царской династии на Земском соборе 1613 года. Идеологической основой народного ополчения стала вполне политическая цель – противостояние православного русского народа попыткам изменения привычных для него образа жизни, веры и установленной системы власти. Существенна роль крестьянских партизанских отрядов и в разгроме Великой армии Наполеона Бонапарта в Отечественной войне 1812 года.

Важнейшим событием для понимания феномена партизанства стал эдикт об организации отрядов ландвера (народного ополчения), составленный по настоянию и под идейным руководством генералов прусского генштаба Герхарда Иоганна Давида фон Шарнхорста и графа Августа Вильгельма Антона Нейтхардта фон Гнейзенау. Эдикт был подписан 17 марта 1813 года прусским королем Фридрихом Вильгельмом III. Этот документ обязывал всех подданных короля, под страхом соответствующего наказания, оказывать вооруженное сопротивление французским войскам. Участники же партизанских формирований – ландвера – поступали под защиту прусской короны. По сути, это был призыв всего взрослого мужского населения королевства в партизаны. Налицо первая попытка легализовать партизанство. Эдикт действовал всего несколько месяцев и не имел почти никаких практических последствий. Лишь небольшие группы городской молодежи пытались организовать партизанские отряды, не представлявшие в военном отношении никакого значения. Ничтожный результат эдикта продемонстрировал определяющее значение личного решения партизана о вступлении в войну и показал, что именно это решение принципиальным образом отличает партизана от солдата регулярной армии. Кстати, за полтора месяца до указанного эдикта, 3 февраля 1813 года, был впер-

Жан-Батист Мозес. Битва при Флерюсе в 1794 году

Мадам де Сталь писала о революционной французской армии: «Солдаты были всей душой преданы Родине. Мысли о грабеже были им чужды. Они были полны настойчивостью, отвагой и тем беззаботным мужеством, которым отличаются французы. Генералы были скромны, бескорыстны и глубоко преданы Отечеству. Дух боевой доблести вырос и укрепился в них раз и навсегда».

вые объявлен набор добровольцев в прусскую армию, ранее традиционно комплектовавшуюся на основе рекрутской повинности и наемничества, и эта мобилизационная кампания вызвала большой энтузиазм в обществе.

Неудача Эрнесто Рафаэля Гевары де ла Серна в Конго и в Боливии, как представляется, была вызвана тем же самым: в партизаны идут по велению сердца, а не по призыву или рекрутскому набору.

Выйдя на сцену Нового времени, партизан постепенно начал оказывать заметное влияние на мировую политику. Так, партизанское движение сыграло решающую роль в появлении независимого Королевства Греции в начале 1830-х годов. Рисорджименто, в котором партизанские отряды имели огромное значение, привело к образованию 17 марта 1861 года единого Королевства Италии.

Но действительно поворотным моментом в осознании феномена партизанства и в его практике стала революционная классовая и народно-освободительная борьба XX века, особенно связанная с именами Владимира Ульянова (Ленина), Мао Цзэдуна и Нгуен Тат Тханя (Хо Ши Мина).

Первый понял и теоретически обосновал тотальный характер войн Нового времени, тем самым конкретизировав глубокую мысль Карла Филиппа Готтлиба фон Клаузевица о том, что «война есть продолжение политики иными средствами». Ленин применил ее на практике без всякого иносказания. Поскольку под объявлением войны стала пониматься точная идентификация врага, то полное уравнивание Лениным смысловых основ войны и политики, которые начали различаться лишь по степени интенсивности, сделало возможным уже на этапе низкой напряженности, то есть еще до самой войны, четко и до конца определить врагов и друзей. Такое строгое, ясное, недвусмысленное и раннее различение обеспечивало колоссальное преимущество. Кроме того, Ленин впервые пришел к мысли использовать партизан как ударную силу для свержения родного партизану правительства, тогда как прежде партизаны боролись с захват-

чиками своей земли на стороне собственного правительства. Такую смысловую манипуляцию он осуществил путем резкого усиления политической мотивации партизана за счет его теллуричности. Это, в свою очередь, кардинальным образом изменило суть и смысл партизанской борьбы. Именно после Ленина стало по-настоящему трудно различить партийца и партизана, и начался разрыв партизана со своей землей, с собственным народом и даже с родиной.

Далее Мао в теоретических работах 1936–1938 годов и практике гражданской войны 1927–1950 годов показал, что партизанство – это зародыш новой регулярной армии и нового государства с новой же – рожденной в партизанской борьбе – элитой. В отличие от большевиков, бывших по своему психологическому складу эмигрантами и чуждыми собственному народу – можно сказать, книжниками, – китайские коммунистические руководители выковались в ходе настоящей длительной практики партизанской войны против японской армии и регулярных частей правительства Чан Кайши. Мао на деле воплотил в жизнь идею вооруженной нации. Он разработал и применил на практике концепцию создания «освобожденных районов» как баз партизан. Ему же принадлежит и формула партизанской борьбы: «Враг наступает – мы отступаем, враг остановился – мы тревожим, враг отступает – мы преследуем».

Хо Ши Мин, в свою очередь, обогатил практику партизанства хорошо продуманной тактикой масштабного психологического террора с целью контроля масс аполитичного населения и создания для врага «ландшафта измены», в котором тот оказывается вынужденным жить и действовать. Важным практическим новшеством стало создание параллельных властных пропартизанских структур, охватывавших значительную территорию, формально контролировавшуюся центральной – враждебной партизанам – властью. Вьетнамские коммунисты предельно эффективно и умело смогли сочетать подрывную подпольную работу, партизанскую войну и регулярную войну с армией Японской империи, со старой колониальной французской армией, регулярной армией правительства Южного Вьетнама, современной армией США, а далее с партизанской армией Пол Пота и регулярной армией КНР.

В Первой мировой войне партизаны не играли практически никакой роли – в отличие от происходивших столетием ранее Наполеоновских войн. Партизанские действия велись исключительно на периферии основного конфликта. Там либо отдельные нации решали свои частные проблемы – как, например, в Ирландии в 1916 году, – либо беспокоили второстепенного союзника основного противника. Примером последнего были действия Томаса Эдварда Лоуренса (Аравийского) в Османской империи в 1916–1918 годах. То есть и с этой точки зрения Первая мировая подводила черту под эпохой вестфальской системы мирового устройства.

III

Карл Шмитт оставил исследование феномена партизанства в 1963 году (из имеющегося интервью мыслителя 1969 года на ту же тему видно, что она более не находилась в фокусе его размышлений). Но партизан как политический и этнический феномен продолжал жить. Он эволюционировал и развивался. Партизан превратился в одну из мощнейших сил, влияющих на конфигурацию мировой политики последней трети XX века – начала XXI века. Достаточно вспомнить революцию на Кубе и антиколониальные движения в Африке. В этом же контексте следует рассматривать партизанские действия в Латинской Америке и радикальные организации партизанского типа в Европе и США в 60–80-х, деятельность сети Джамбори, афганскую войну. А в последнее время – «цветные революции» и партизанство эпохи глобализации.

В эволюции партизанства можно выделить четыре этапа. Причем при переходе от одного этапа к другому тип партизан предшествующего периода не исчезает полностью, а новый преобладающий тип не подавляет все остальные.

Первый этап, первый тип партизанства – классический. Он характеризуется доминированием в мотивации партизана патриотизма, привязанности к родной земле, нации, традиционной системе власти. То есть в классическом партизане сильна теллуричность, а влияние на него третьей силы, напротив, крайне слабо. Примеры партизанских движений этого типа: партизаны эпохи русской Смуты XVII века, испанские герильяс и русские партизаны периода Наполеоновских войн начала XIX века, партизаны в американо-филиппинской войне, партизаны Аугусто Сандино и партизаны Второй мировой.

Второй этап, второй тип партизана – революционный. Ему присуще усиление политической составляющей в мотивации партизана. Можно говорить о балансе теллуричности и политизированности партизанских движений этого этапа. Несмотря на претензии марксизма на всемирное значение и планетарное распространение, по-настоящему далее рассуждений дело не по-

Франсиско Гойя. Восстание 2 мая 1808 года в Мадриде

Первыми полноценными партизанами Карл Шмитт считал испанских герильяс, противостоявших французским войскам Наполеона I. В герилье основную массу не только рядовых, но и представителей командного звена составляли крестьяне и мелкопоместные идальго.

шло. Все революционные движения в конце концов ограничивались преимущественно рамками своей исторически сложившейся территории. Действительно серьезная попытка целенаправленного распространения коммунизма имела место в деятельности Третьего Интернационала, но и она не принесла существенных результатов. То же можно сказать об Организации солидарности народов Азии, Африки и Латинской Америки (ОСНААЛ). Романтические походы команданте Че окончились трагически. Распространение маоизма происходило в большей степени самопроизвольно, постепенно затухая вслед за спадом популярности левых идей в мире. Все революционные партизанские движения по своей сути были государственными или государствообразующими, чем подчеркнули значимость теллуристской составляющей и для революционного партизана. Примерами партизанских движений революционного типа можно назвать китайских (1927–1950 годов) и вьетнамских (середины 1940-х – середины 1970-х годов) партизан и формирования кубинских революционеров 1953–1959 годов. Сюда же можно причислить партизанские армии МПЛА и УПА в Анголе, Фронт освобождения Мозамбика (ФРЕЛИМО), участников гражданской войны в Гватемале 1960–1996 годов, Фронт национального освобождения имени Фарабундо Марти в Сальвадоре, Сандинистский фронт национального освобождения и «Никарагуанские демократические силы» в Никарагуа. К этому же типу относятся курдские партизанские организации Турции, Ирака, Сирии и Ирана, мексиканская Сапатистская армия национального освобождения в 1980–1990-х, Народный фронт за освобождение Сегиет-эль-Хамра и Рио-де-Оро (Фронт ПОЛИСАРИО) в Западной Сахаре 1970–1980-х, Фронт национального освобождения Алжира в 1954–1962 годах. Приведенный перечень можно дополнить огромным количеством подобных организаций, сочетавших в своих идеологических программах преимущественно левые взгляды с борьбой против властей собственного государства или метрополии. Сюда же, скорее всего, можно отнести и афганское движение Талибан (по крайней мере до его поражения в войне 2001 года с США). Оно представляет собой интерес-

ный симбиоз пуштунской классической местечковости, форматируемой радикальным панисламизмом, с революционным типом партизанства. Третий этап, третий тип партизана – партизан третьей силы. Как и партизану предыдущего – революционного – этапа, ему свойственна повышенная политизированность, однако теперь ее определяет преимущественно третья сила. Его политическая мотивация сильнее – а теллуричность слабее, хотя все еще соблюдается некий их баланс. Можно сказать, что партизан третьего типа – искренний революционный партизан, но полностью контролируемый внешними силами. Примеры партизанских движений такого рода – это организации, осуществлявшие «цветные революции», а именно: «Видсич», «Кмара», «Пора!», «Самооборона Майдана» и другие организации Майдана-2004 и Евромайдана, некоторые партизанские движения, борющиеся с президентом Сирии Башаром Хафезом аль-Асадом, например «Сирийская свободная армия».

Четвертый этап, четвертый тип партизана – «аль-каидский», или партизан эпохи глобализации. У него полностью отсутствует теллуричность – вся ее мощь перетекает в политическую мотивацию партизана, который полностью превращается в вооруженного бойца политической организации. Он теперь партизан-партиец в полном смысле этого слова: действует по указанию своей партии на всем пространстве земного шара без привязки к нации, языку, конкретному государству. В отличие от партизан предыдущего этапа влияние на партизана четвертого типа сторонней третьей силы опять невелико: ее место занимает партизанская партийная организация, которая впервые становится самостоятельной политической и военной силой. Если ударной силой революций первой половины прошлого века был рабочий класс, возглавлявшийся партией нового типа, то теперь партизан превращается в ударную силу, руководимую партизанской организацией нового типа. Партизан теперь не связан с государствами – он сам их творит. Его не интересуют ни границы, ни традиции, ни мнение населения. Примерами таких партизанских движе-

Памятник Шарнхорсту в Берлине

Важнейшим событием для понимания феномена партизанства стал эдикт 1813 года об организации отрядов ландвера (народного ополчения), составленный по настоянию и под идейным руководством генералов прусского генштаба Герхарда Иоганна Давида фон Шарнхорста и графа Августа Вильгельма Антона Нейтхардта фон Гнейзенау. Этот документ обязывал всех подданных короля, под страхом соответствующего наказания, оказывать вооруженное сопротивление французским войскам.

ний могут служить «Аль-Каида», значительная часть движений, воюющих в Сирии (например, «Джабхат ан-Нусра», «Техрик-е Талибан Пакистан», «Бригада Абдуллы Аззама»). И конечно, Исламское государство, или Исламское государство Ирака и Леванта, паназиатская организация «Джамаат-уд-Дава», ранее действовавшая под наименованием «Лашкаре-Тайба», с некоторыми оговорками к этой же группе относится нигерийская группировка «Джамаату ахлис Сунна Лиддаавати валь-Джихад» («Боко Харам»).

Из предложенной классификации следует предварительный вывод: только классическое партизанство есть плод естественной реакции нации на внешнюю политическую опасность. Оно органично нации, его породившей. Его цели – производные от системы смыслов нации. Остальные же типы партизан суть конструкты. Чем дальше партизан от классического типа, тем дальше он от сути партизанского движения. У партизана эпохи глобализации остается лишь оболочка, а содержание уже абсолютно иное, чуждое духу партизанского движения, которому только связь с родной землей и дает моральное право брать в руки оружие. Партизан нашего времени находит основания для этого лишь в своей чрезвычайной политической вовлеченности. Его поэтому можно назвать политическим разбойником.

В 1950–1980-х годах США вынуждены были противостоять партизанским национально-освободительным движениям практически по всему миру: на Кубе, в Никарагуа, Гватемале, Корее, Вьетнаме, Анголе, Мозамбике, в странах Южной Америки, Палестине. Вашингтон столкнулся с действиями левых партизан, координируемых ОСНАААЛ. Американцы почувствовали всю мощь партизанского движения на себе и применительно к своим интересам, которые, как известно, особые: «Изменения происходят сегодня быстро, и нашему интересу 1860 года к Кубе соответствует сегодня интерес к Гавайям; быть может, аргумент самообороны приведет к тому, что Соединенные Штаты однажды будут должны воевать на Янцзы, на Волге и на Конго», – писал в 1940 году американский юрист, специалист в области международного права Филипп Кэрил Йессап. Подобным образом понимаемые интересы самообороны требуют и особых подходов, ибо присутствие собственных войск и прямое военное вмешательство не только не всегда приносят пользу, как, например, показал Вьетнам, но и стоят очень дорого. Война на Филиппинах на рубеже XIX и XX веков, которая все равно, несмотря на военную победу США, окончилась предоставлением Филиппинам независимости, стоила к тому же 600 миллионов долларов – громадные по тем временам деньги, а война в Индокитае Франции обошлась (с учетом помощи от США) в 3 триллиона 270 миллиардов франков. США увидели, что революционному партизану порою тяжело противостоять, даже если правительство это хочет, может и умеет делать. Так было в Южной Родезии и позднее в ЮАР. Однако Соединенные Штаты сумели извлечь урок из собственных неудач: они творчески развили теорию партизанства и начали употреблять ее в своих интересах. Афганская война и чеченский конфликт позволили применить на практике и отточить методы использования партизан в настоящей горячей войне. Успешные «цветные революции» позволили обогатить арсенал партизан методами ненасильственной политической борьбы (НПБ).

При определенных условиях партизан оказывается очень удобным и действенным орудием либо полного разрушения государства противника, либо установления над ним контроля. Партизанство позволяет вести войну, не объявляя ее, и к тому же руками граждан государства-противника. Партизанство также стирает границу между состоянием войны и мирным временем. Внешне всё выглядит чрезвычайно благообразно – как волеизъявление самого народа – и вдобавок без затрат собственных людских и материальных ресурсов. Противник ослабляется по всем параметрам и становится хорошо управляемым. Партизанство позволяет вести войну, не только не объявляя ее, но даже борясь «за мир во всем мире». Здесь по-настоящему воплощаются в жизнь идеи оруэлловского англсоца: «Война – это мир, свобода – это рабство, незнание – это сила».

Рассмотрим теперь внимательнее два последних типа партизана.

IV

Значительный вклад в теорию и практику партизанства внес американский общественный деятель Джин Шарп. Он обратил внимание на действенность НПБ и систематизировал ее методы. Его называют интеллектуальным отцом «цветных революций» – серии низложений преимущественно автократических режимов методами НПБ в конце XX – начале XXI веков. Движения, подготавливавшие и осуществлявшие «цветные революции», могут рассматриваться как партизанские, так как они полностью соответствуют критериям, предложенным Карлом Шмиттом.

Первое. Иррегулярность. Все

организации и участники «цветных революций» являются гражданами того самого государства, в котором происходит смена политического режима, – но гражданами, демонстративно противопоставляющими себя любым государственным структурам. Причем важно, что иррегулярность в рассматриваемом случае проявляется в противостоянии не просто отдельным институтам государства, как в классическом противостоянии партизан против армии и полиции, но всем наличествующим государственным институтам. И в то же самое время борьба идет не против государства как такового – подобные анархистские проявления незначительны, – а против конкретного распределения в нем властных полномочий, против правящей группы. Это свидетельствует о сугубо политическом характере таких движений. Собственное государство представляется им зараженным «чумой» и не подлежащим лечению – как и все поддерживающие его граждане. При этом использование методов НПБ предполагает отказ от использования оружия. Но при этом важно подчеркнуть, что все движения, делающие «цветные революции», претендуют на власть незаконно и незаконными методами, как и прочие типы партизан.

Второе. Политическая мотивированность. Этот пункт, кажется, даже и не требует разъяснений. Вообще все действия «цветных революционеров» насквозь пропитаны политикой, причем в ее самом предельном выражении – политической войной. Целей иных, кроме политических, не имеется и не ставится вовсе. Политизированность «цветных революционеров» сближает их с классовыми революционерами XIX – первой половины XX века. Вместе с тем у них есть одна характерная особенность. В отличие от любой левой организации, у тех, кто совершает «цветные революции», напрочь отсутствует собственная сколько-нибудь цельная идеология, а политическая программа выражается одной фразой типа: «Украина – это Европа». А если требуется, то псевдоидеологию и соответствующие ей цели и смыслы им предоставляет третье заинтересованное лицо.

Памятник Мао в городе Кашгар

Мао на деле воплотил в жизнь идею вооруженной нации. Он разработал и применил на практике концепцию создания «освобожденных районов» как баз партизан. Ему же принадлежит и формула партизанской борьбы: «Враг наступает – мы отступаем, враг остановился – мы тревожим, враг отступает – мы преследуем».

Третье. Мобильность. Тактика НПБ требует не просто мобильности классического партизана или даже партизана революционного, но сверхмобильности. Могут потребоваться мгновенные и неожиданные митинги и демонстрации – и их надо будет организовать чуть ли не на пустом месте. Может возникнуть необходимость в стремительном перемещении с одного места в другое или даже в применении

насилия – и это придется осуществить буквально в считанные часы. Партизаны НПБ активно перемещаются по территории всего государства. Очаги противостояния вспыхивают в различных местностях одновременно и по очереди, то быстро затухая, то возгораясь вновь и продолжаясь длительное время. Интенсивно используются средства электронной и мобильной связи, СМИ, Интернет, социальные сети, транспортные средства. Организуются специальные группы активистов-партизан, разъезжающих по стране и создающих напряженность в местах своего появления. Роль личной инициативы чрезвычайно высока, при этом партизаны несут только личную ответственность за результаты устраиваемых ими акций. Вместе с тем сохраняется и высокий уровень свободы: мобильность «цветных» партизан выражается и в том, что решение о присоединении к движению или об уходе из него принимается лично каждым. То есть в этом смысле участник НПБ походит на классического партизана: и тот и другой непредсказуемы для своих руководящих структур.

Четвертое. Теллуричность. Если иррегулярность, политическая мотивированность и мобильность «цветных» партизан отчетливы и несомненны, то их привязанность к месту, к своей земле, наоборот, слабо выражена. И хотя политической целью НПБ всегда является смена правящего режима (недаром результат НПБ именуется революцией), ни в целом группы участников этого движения, ни сами участники по отдельности не ставят перед собой локальные цели борьбы – цели, привязанные к конкретной местности. Им интересно работать лишь на всей территории государства целиком и позиционировать себя в качестве выразителей интересов всего народа.

Таким образом, «цветные революционеры» суть те же партизаны, а победа «цветной революции» – это победа партизан над регулярной государственной структурой. Более того, в полном соответствии с революционной теорией и практикой Ленина и Мао после победы «цветной революции» актив участников НПБ кооптируется в новую правящую группу, чего никогда не делалось в отношении руководства классического партизанского движения по причине вторичности для него политической мотивации и первостепенной значимости сохранения существующего порядка вещей. Классический партизан отстаивает свой образ жизни. Другие же типы партизана – начиная с революционного – хотят изменить его. В этом – принципиальная разница между ними.

Но тем не менее увенчавшиеся успехом «цветные революции» стали большим шагом вперед в теории и практике партизанской борьбы. Во-первых, за счет методов НПБ, прежде практически не применявшихся, был существенно расширен арсенал партизанства. Во-вторых, «цветные революции» явили собой успешный опыт перенесения партизанской борьбы в города. Прежде крупнейшие теоретики и практики партизанской войны – герцог Палафокс, Клаузевиц, Мао, Че Гевара, Хо Ши Мин, Режи Дебре – связывали успех с широким и преимущественным участием в ней сельских жителей. Это же обстоятельство подчеркивала и четвертая характеристика партизана по Карлу Шмитту – теллуричность, связь с родной землей. Даже марксистская теория революционной борьбы хотя и делала упор на рабочем классе как ударной силе революции, но в вопросе о партизанстве и она стояла на классической точке зрения: партизан – это в первую очередь житель сельской местности, крестьянин, сельхозрабочий. Реальные победы партизанского движения подтверждали подобный взгляд, поскольку были связаны исключительно с партизанской войной, ведущейся вне городского пространства – в сельве, в горной местности, в джунглях. Города были, скорее, объектом нападения со стороны партизан и поставщиком ресурсов для них, чем местом их обитания и действия. Борьба за города начиналась тогда, когда партизаны в ходе войны превращались уже в регулярную армию.

Даже сама теория городской партизанской войны – «городской герильи», – впервые систематизированная бразильским революционером Жуаном Карлусом Маригеллой, в значительной степени явилась калькой, перенесением сельских партизанских методов в города. Сравним, например, «Краткий учебник городской герильи» Маригеллы с «Партизанской войной» Че Гевары. Оба исходили из мысли о чрезвычайной значимости того, чтобы практическая вооруженная борьба начиналась группой, пусть и небольшой, партизан-закоперщиков, то есть из так называемой теории фокизма – своеобразной интерпретации ленинского учения о партии как организаторе рабочего класса в ходе подготовки и осуществления социалистической революции. По сути, менялся театр партизанской борьбы – но не ее методы. Город в этой концепции рассматривался как урбанизированная деревня, как некие «джунгли», как сильно пересеченная «гористая местность». Но таковым город может считаться только в иносказательном, метафорическом смысле. Фактически же

он совсем не своеобразная «сельская местность». Под такое определение город не подходит ни по структуре ландшафта, ни по психологии, концентрации и составу населения, ни, наконец, по течению в нем времени. Это особая местность. Думается, именно по этой причине – из-за несоответствия тактики борьбы месту ее осуществления – мы и не имели успешных городских партизанских движений.

Сам Маригелла был застрелен полицией 4 ноября 1969 года, попав в засаду. А созданная им подпольная военно-политическая организация «Действие за национальное освобождение» вскоре была почти полностью физически уничтожена. Аналогичным образом ни к чему не привела и борьба леворадикальных городских партизанских групп в Европе («Красных бригад» в Италии и «Фракции Красной Армии» в ФРГ и Западном Берлине), «Синоптиков» в США, многочисленных организаций по типу уругвайской «Тупамарос» в Латинской Америке.

Городские партизанские организации прославились отдельными громкими террористическими атаками, после чего путем жесточайших репрессий со стороны правительства они были физически и психологически эффективно подавлены. Напротив, методы НПБ, использованные в ходе «цветных революций», дали совершенно иной результат. По крайней мере в половине случаев партизанское «цветное движение» приводило к успеху.

Последним по времени вкладом в практику городской герильи, пока не осмысленной в теории партизанства, стало противостояние евромайданных партизанских группировок и властей Украины в период с ноября 2013-го по февраль 2014 года. Новым здесь стало творческое сочетание методов НПБ с организацией постоянного очага противостояния партизан и полиции в столице государства и частичным захватом правительственного квартала. Последнее крайне важно в символическом ключе – в результате

Памятник Хо Ши Мину в Москве

Хо Ши Мин, в свою очередь, обогатил практику партизанства хорошо продуманной тактикой масштабного психологического террора с целью контроля масс аполитичного населения и создания для врага «ландшафта измены», в котором тот оказывается вынужденным жить и действовать.

Ликующие сандинисты, свергнувшие Самосу, в Манагуа 20 июля 1979 года

Второй тип партизана – революционный. Для него характерна особая важность политической составляющей, достигающей баланса с теллуричностью. Все революционные движения данного типа в конце концов ограничивались преимущественно рамками своей исторически сложившейся территории.

власть в государстве как бы делилась между правительством и партизанами, легитимируя и даже частично легализуя последних.

Ненасилие в этой «цветной революции» было почти условным. Защита площади Независимости велась агрессивно, но без открытого использования огнестрельного оружия, тем самым властям не давался предлог для широких репрессий с применением оружия, в котором у них было подавляющее преимущество. Ключевую роль в сдерживании правящего на тот момент киевского режима от жестких мер – при нараставшем насилии со стороны «цветных революционеров» – сыграла демонстративная поддержка партизан Евромайдана западными политиками, сыгравшими роль третьего заинтересованного лица. И хотя правительственные силы окружали Евромайдан, они были профессионально лучше подготовлены, технически лучше оснащены, но инициатива находилась в руках именно городских партизан, и они вели непрерывные наступательные действия. Правительство лишь оборонялось. Только такая тактика – высокая и постоянная мобильность, усиление напряженности, бесконечный рост требований к властям – ведет партизана к победе, особенно при использовании методов НПБ. Оборона для партизана означает смерть. Кроме того, на Украине были организованы некоторые аналоги «освобожденных районов» Мао Цзэдуна – преимущественно на западе страны. Эти «районы» снабжали очаг сопротивления в Киеве людскими, материальными и финансовыми ресурсами.

Главная и трагическая ошибка президента Януковича была обусловлена проблемой децизионизма – принятием политического решения о действии в условиях собственной неопределенной легитимности. Подобная ошибка допускается многими политическими деятелями, и в аналогичных ситуациях она чревата потерей власти. Но в рассматриваемом случае она представляет интерес в контексте острого конфликта двух суверенов: партизана, являющегося самозваным сувереном (точнее, здесь он агент внешнего суверена – третьего заинтересованного лица), и представителя легитимного суверена – например, нации. Последним и был законно избранный легитимный президент Украины Янукович. Евромайданные партизаны самостоятельно приняли конечное политическое решение и взяли на себя ответственность в обстоятельствах политической войны – то есть они конструировали в ее процессе свое *политическое*. А вот Янукович не смог преодолеть этот барьер – принять решение в условиях политической неопределенности и поставленного вопроса о его легитимности. Он не решился опереться на абсолютную законность своих действий по разгону Евромайдана. И произошло обрушение того *политического*, которое он олицетворял. В конечном итоге он потерял власть не столько вследствие евромайданной революции, сколько по неспособности действовать как суверен, по неспособности принимать решения в условиях, когда надо брать на себя настоящую ответственность суверена и отстаивать или творить свое *политическое*. Впрочем, Янукович это показал еще в событиях «оранжевой революции» 2004 года. Он, наверное, хороший царедворец и торговец, но отнюдь не суверен.

Следует еще раз подчеркнуть центральное отличие партизан «цветных революций» от партизан классических – в наше время роль третьего заинтересованного лица становится доминирующей. Теперь именно это лицо определяет цели партизанского движения, оно их диктует. Более того, происходит смещение этого заинтересованного лица за границу, наступает его полный

отрыв от государства, в котором действуют партизаны. Яркий тому пример – сегодняшняя Украина.

Указанное истончение связи партизана с «землей отцов» имеет некоторые принципиальные последствия. Первый раз характер партизана существенно изменился, когда он стал бойцом революции, то есть политический смысл партизанства начал сводиться не к противостоянию внешнему агрессору (как у партизан периода Наполеоновских войн, партизан Второй мировой войны, в том числе и китайских, боровшихся с японской оккупацией, вьетнамских, воевавших с французской метрополией или с США), а к смене системы власти в родном государстве. Впрочем, Ленин, Мао и другие революционеры использовали партизана и партизанские методы борьбы для целей хотя и сугубо политических – установления новой системы власти, – но тем не менее третье заинтересованное лицо здесь было либо внутренним лицом самой нации, либо играло второстепенную роль, лишь помогая и используя революционный порыв. При этом партизаны национально-освободительных движений в своей основе, несмотря на значительную левую риторику и элементы марксистской, троцкистской или маоистской идеологии, были крайне близки к классическим партизанам. Они боролись против либо чуждых им внешних акторов, либо правительства, контролируемого этими акторами. Так они утверждали свою национальную идентичность. Теперь же партизан «цветной революции» не просто свергает правительство своей страны, но он используется для этого чужими внешними акторами и исключительно в интересах этих чужих внешних акторов. Он полностью от них зависим: материально, морально, идеологически, политически – в части легитимации и легализации своих действий. Уже там, за границей, его центральная опора и его сердце. Это как национально-освободительное движение наоборот: борьба не за освобождение от колонизатора, а за отдание себя колонизатору. В самом деле – «Второе нашествие марсиан» братьев Стругацких.

Столь существенное усиление влияния третьего заинтересованного лица в деле партизанства вызвано несколькими причинами. Во-первых, смещением целей партизана с защиты своей земли, своего очага от вторжения чуждых смыслов, идущих извне, к чисто политическим целям и использованию партизана как инструмента политической борьбы, то есть сдвигом от теллуричности – к политической мотивации. Во-вторых, повышением роли глобальных факторов во внутренней политике каждого отдельного государства. Сегодня не только война между государствами уже не является делом исключительно конфликтующих сторон, но и сами их внутренние дела стали явлением глобальной политики, а значит, и объектом внимания со стороны глобальных акторов. В процессах глобализации во второй половине XX века происходило постепенное размывание суверенитета отдельного государства. Оно перестает представлять собой Левиафана Томаса Гоббса. Суверен уходит из государства. Само государство по иронии судьбы превращается в сторожа – только не на службе у суверена-народа, а в сторожа – надзирателя за оным. По факту сегодня в государстве нет суверена в классическом смысле этого слова, но нет такого пока и вне государства. Мы живем в эпоху всеобщей неопределенной легитимности государственной власти. Именно поэтому партизаны двух последних типов и стали возможны.

Указанное умаление теллуричности партизана эпохи «цветных революций» должно быть компенсировано дополнительной легитимацией его действий. Осуществляется это извне. В эпоху до Французской революции легитимность власти устанавливалась свыше – от Бога. А потому политическая мотивация партизана была неразрывно связана с его верой. И партизанское движение начала XVII века в Московском царстве, и элементы партизанства в Тридцатилетней войне за гегемонию в Священной Римской империи германской нации 1618–1648 годов стали политическими ответами простого народа на попытки изменения заведенного свыше порядка установления власти. Позднее, в эпоху индустриализации и утверждения республиканского правления, наряду с легитимностью земли, поскольку суверен перестал быть персонифицированным, все большее значение приобретала легальность власти, установление оной на основе права. И партизан Второй мировой войны сражался на стороне традиционной легитимности и легальности – против новой легальности, устанавливавшейся посредством тотальной войны силами, не связанными с его землей и обычаями. Партизан же «цветной революции» слабо связан с землей и почти не связан с традицией. То есть его действия как партизана не только незаконны, что было всегда свойственно партизанству, но и нелегитимны. Поэтому он все больше начинает походить на обычного самозванца, опасно приблизившегося к черте, отделяющей его от простого бандита. Своими действиями он со-

крушает и законность, и легитимность. За отсутствием опоры внутри государства такой партизан вынужден получать легитимность извне, из области, не связанной с местом войны. Эту легитимность и обеспечивает третья сила. И поскольку единственно от нее теперь зависит легитимность партизана, отрекшегося от внутреннего суверена, то он и оказывается в полной зависимости от третьей силы. Политическая цель партизана, учиняющего «цветную революцию», есть сугубо политическая цель третьего заинтересованного лица.

Заметим, что легитимность такого партизана нужна этой третьей силе только ради легитимности результатов деятельности партизана – деятельности, осуществляемой исключительно в интересах третьей силы, без связи с традицией, народом, легальностью. Такое утилитарное понимание легитимности особенно свойственно глобальному партизану, для которого легитимно лишь то, что он сам делает. Произошло полное отрицание легитимности в классическом понимании, в том числе и как традиции, как согласия, как признания.

Промежуточное положение в этой череде метаморфоз пока занимает «Правый сектор» – объединение радикальных украинских националистических организаций. Оно приняло активное участие в свержении законного и легитимного президента Украины Януковича. В отличие от остальных фигурантов Евромайдана – партии УДАР, всеукраинских объединений «Батькивщина» и «Свобода», – «Правый сектор» обладает собственной – вполне сформированной и четкой – идеологической концепцией и целостным видением судьбы Украины. В результате он слабо подконтролен третьему заинтересованному лицу евромайданной революции, а значит, и непредсказуем в своем поведении впоследствии. «Правый сектор» способен сам формировать *политическое* и предъявлять его народу и стране, поэтому он вполне может вступить в конфликт с нынешним Украинским государством в лице новой правящей группы – в конфликт не за деньги, а за действительную политическую власть. Осознавая эту специфику «Правого сектора», Соединенные Штаты хотя и использовали эту организацию в пору Евромайдана, но не допускают ее до власти, постоянно отжимая от рычагов реального управления, в том числе и занижая процент проголосовавших за ее кандидатов на выборах президента и в Верховную Раду. Тем самым производится маргинализация и оттеснение «Правого сектора» на периферию украинского *политического*, которое конструируется Соединенными Штатами. Вашингтон считает, что, набрав силу, настоящие галицийские националисты и радикалы из «Правого сектора» станут такими же неуправляемыми, какими оказались большевики, «Аль-Каида» или Талибан.

Поскольку «цветные революции» суть партизанское движение, то и бороться с ними надо как с партизанами: оказывать давление – длительное и постоянное, временами усиливающееся, купировать поддержку партизан населением (например, путем их дискредитации), затруднять мобильность, отсекать от источников снабжения ресурсами, связывать действия партизан и вынуждать их переходить к обороне. Вполне эффективными могут быть и такие меры, как смещение партизан в сферу криминальной деятельности, дискредитация лидеров, провоцирование недоверия и розни внутри движения, выдавливание его из публичной общественной жизни. Бороться с партизанами надо решительно: вести переговоры только ради маскировки сосредоточения и перегруппировки собственных сил, не идти ни на какие компромиссы или промежуточные «приемлемые» результаты, вести борьбу до полного разгрома «цветных революционеров». Поскольку само это движение в значительной мере инспирировано и движется третьей силой, то для его подавления необходимо добиваться затруднения, а лучше разрыва связей между партизанами их внешним руководящим центром, публично демонстрировать собственному населению и мировому сообществу ангажированность «цветных революционеров».

V

Описанный выше процесс утраты партизаном связи с родиной и нацией, с землей предков, получил наглядное подтверждение в конфликте, разгорающемся с декабря 2010 года в странах Передней Азии, прежде всего в областях Леванта и Месопотамии.

Иррегулярность партизана обусловливает несамостоятельность его политической субъектности. Следовательно, для конкретизации политической мотивации ему требуется опора на некую регулярность. У классического партизана такая регулярность связана с землей, с традиционной системой властвования, с системой смыслов самого партизана как представителя определенной нации и государства. Но чем слабее связь партизана с землей, чем меньше его теллуричность, тем больше он нуждается в политической мотивации для политической легитимации своих действий – чтобы они имели смысл и не соскользнули в область крими-

нальной активности. Эту политическую легитимность может дать партизану как революция, хотя и творящая новое *политическое*, но тем не менее не отрывающаяся его от родной земли, так и заинтересованная третья сила. Именно последнее и происходит с «цветными революционерами». Однако ситуация может зайти и еще дальше и завершиться полной потерей партизаном теллуричности. И тогда он будет вынужден полностью положиться на одно лишь *политическое*. Но такого рода *политическое* не в силах предоставить третье заинтересованное лицо, ибо партизан тогда превращается в наемника, полностью покидает область легитимности и получает очень условную легальность и перестает быть партизаном. Потому при полной потере теллуричности он начинает творить собственное *политическое*. Так рождается партизан эпохи глобализации.

Начало подобной трансформации партизана было положено активным использованием партизанского движения афганских моджахедов в борьбе против СССР. Соединенные Штаты организовывали, обучали, снабжали и политически покрывали (легитимировали) этих повстанцев. Пакистан же играл хотя и важную, но второстепенную роль, не совсем понимая, во что ввязывается. В итоге он получил на своей территории «партизанское государство» Вазиристан.

Указанный полный разрыв партизана с землей предков возможен, по крайней мере в двух случаях.

Во-первых, при абсолютизации политической составляющей партизана и изначальной мощной и разнообразной его поддержке со стороны третьей силы. Тогда ослабевает потребность партизана в вербовке местного населения, в дружественном взаимодействии с ним, в получении от него моральной и материальной поддержки. А сам партизан начинает все больше превращаться в наемника. В Афганистане в годы противостояния советским войскам, несмотря на активную поддержку со стороны США и Пакистана, из местных афганцев были не только рядовые бойцы, но и средний и высший руководящий состав моджахедов. А вот в Чечне во время обеих войн уже ощущалось усиление влияния наемников, совершенно не связанных с собственно Чечней и чеченцами. И это обстоятельство дало обратный эффект – в результате удалось успокоить мятежный регион. Его элита поняла, что поддерживавшие ее противостояние с РФ внешние силы совершенно не заботятся о судьбе самой Чечни и чеченцев.

Но это было лишь начало политического становления партизана как полностью самостоятельной силы.

Сирийская свободная армия

Третий тип партизана – партизан третьей силы. Как и партизану предыдущего – революционного – этапа, ему свойственна повышенная политизированность, однако теперь ее определяет преимущественно третья сила.

Во-вторых, отчуждение партизана от своей родины возможно при значительном или полном разрушении государства, когда именно вооруженный партизан становится единственной властью. Так произошло в бывшей Ливийской Арабской Джамахирии. А до того – в Ираке после свержения Саддама Хусейна. Когда иррегулярность в партизане побеждает все – и политическую мотивированность, и теллуричность, тогда и вообще любая регулярность, придающая его действиям осмысленность и форму, тоже побеждается. Иррегулярность партизана просто уничтожает государство без создания чего-либо нового. Таким образом, партизан может быть не только зародышем нового государства и новой армии, но и просто разрушителем *социального*.

В сирийском конфликте, который очень быстро перешел из НПБ сразу в горячую партизанскую войну, роль пришлых элементов стала пре-

Четвертый тип партизана – «аль-каидский», или партизан эпохи глобализации. У него полностью отсутствует теллуричность – вся ее мощь перетекает в политическую мотивацию партизана, который полностью превращается в вооруженного бойца политической организации.

обладающей. Партизан в Сирии крайне слабо связан с землей предков и с народом. Он деградировал как гражданин и как подданный. Такая отчужденность привела к полной утрате легитимности в действиях таких партизанских групп, как, например, «Ансар аль-Ислам», «Бригада Абдуллы Аззама», «Техрик-е Талибан Пакистан», «Джабхат ан-Нусра» и др. Деятельность подобных партизан и незаконна, и нелегитимна, как, впрочем, и активность городских партизан «цветных революций». Но последних, как уже отмечалось выше, отводит от криминальной сферы заинтересованный третий. Единственное же, что продолжает кардинально отличать теперь партизана от бандита, это его предельная политическая напряженность, пронизывающая абсолютно всю его деятельность.

Эта напряженность, выдвинутая у партизана на первый план теоретиками и практиками социальной революции, абсолютизирована в конце XX века деятелями исламского всемирного джихада. Такая исключительная политическая напряженность партизана сама становится его легитимацией в полном соответствии со шмиттовской концепцией децизионизма – способности к окончательному политическому решению как основе возникновения права и государства в условиях неопределенности. Получается, что абсолютная политизированность партизана позволяет ему не только разрушать старое *политическое*, но и сотворять новое. И тут возникают два вопроса: какое *политическое* творит партизан и как он это делает? Партизанская война сегодня принципиально отличается от партизанских войн первых трех четвертей XX века. Для партизана эпохи глобализации население является пассивным субстратом, элементом ландшафта, на котором партизан ведет свою войну и творит новое *политическое*. Для левых революционеров прошлого века, несмотря на их риторическое обращение к массе, эта самая масса была и объектом воздействия, и поставщиком ресурсов, и вооруженным народом, и даже целью.

Современная партизанская война – например, в странах Леванта – основана не просто на терроре, а на терроре партизаном местных жителей, но отнюдь не представителей власти, как это было ранее и даже у партизан «цветных революций». Мао писал, что «партизан должен двигаться среди народа, а именно: он должен чувствовать в нем себя как

рыба в воде». Новый же партизан эпохи глобализации – это хищная рыба, поедающая сперва государство, а затем и народ. Он эксплуатирует граждан, затопляя разум политической враждой, доводя оную до тотальной и абсолютной, подавляя волю с помощью террора. Он уничтожает одно *политическое* для создания другого в интересах собственных партийных организаций. Если раньше классический партизан боролся с иноземным противником, обретая легитимность в праве обороны и, будучи представителем нации и земли, защищал свое правительство, то ныне уже центральное правительство вынуждено защищать население от партизана, начавшего творить свое *политическое*.

Вот и получается, что очередным этапом развития партизанства является его новый вид, не связанный с самим автохтонным этносом территории партизанской войны. Это законченный тип революционера, не имеющий ничего общего уже не только с землей, но и с той или иной устойчивой социальной группой, и с позитивной революционной теорией. Предоставленный сам себе, он не способен ни к какому созиданию. Смысл его существования – борьба и разрушение. Тут он достойный продолжатель дела русских террористов XIX века и европейских – XX века. Он не ставит перед собой позитивной цели, как революционный партизан, не опирается на регулярное собственное правительство, как партизан классический, не обретает легитимность в *политическом* третьей силы. Внутри него – пустота, за ним – хаос.

У партизана эпохи глобализации осталась только политическая вовлеченность. Нет ни легальности, ни легитимности, ни теллуричности. Его первоначальная опора – заинтересованный третий, но и с ним он порывает и получает свое оправдание исключительно во вражде, питаемой иррегулярностью и политической вовлеченностью. Это – Голем, вышедший из повиновения, ненавидящий своего родителя, жаждущий его убить, ибо кроме вражды у него нет никакой движущей силы. Более того, новый партизан полностью отказывает в праве на существование иному *политическому*, кроме творимого им самим. Он – плохая опора в политической стратегии.

Утрата теллуричности одновременно существенно усиливает мобильность такого партизана. Он теперь не связан со страной, государством, народом, землей. Партизан эпохи глобализации – корсар. Он порывает с землей – Теллурисом, а становится слугой моря – Таласса. Он творит стихию моря на суше. В самой глубине суши. Он может на ней воевать как пришелец, как профессиональный военный, как наемник, не щадя ландшафта, местных жителей, строений, прямо идя к цели. К сугубо политической цели. Такой партизан творит политическую пустыню. Возможно, именно его мы и наблюдаем в Ливийской пустыне после гражданской войны 2011 года. Его эффективность и сила возрастают многократно. Он может сочетать традиционные преимущества партизана – скрытность, террористический характер действий, мобильность, повышенную инициативность, гибкость, сетевую структуру организации и управления, абсолютную политическую мотивированность, четкое знание своего врага, широкий охват территории активных действий – с преимуществами регулярных войск. Среди таких преимуществ – хорошее снабжение оружием, боеприпасами, амуницией, использование профессиональных военных, высокий уровень планирования, наличие учебных центров для среднего и низшего командного и рядового составов, отлаженная координация действий.

Однако рассмотренные апокалиптические мутации партизанства вовсе не свидетельствуют о том, что подобный способ борьбы нации за свое *политическое* уже неактуален или невозможен. Напротив, на Украине и в Новороссии сегодня созрела очень благоприятная ситуация для развития классического партизанского движения. Однако этот вопрос заслуживает отдельного рассмотрения.

Теория городской партизанской войны – «городской герильи», – впервые систематизированная бразильским революционером Жуаном Карлусом Маригеллой (на фото), в значительной степени явилась калькой, перенесением сельских партизанских методов в города.

Николай Иванов:

«Революция – в отношении людей к энергоресурсам»

Интервью заведующего сектором «Энергетические рынки» Фонда «Институт энергетики и финансов» и автора книги «Сланцевая Америка: энергетическая политика США и освоение нетрадиционных нефтегазовых ресурсов» **Николая Иванова** заместителю главного редактора альманаха «Развитие и экономика» Вадиму Прозорову

– В последнее время в блогосфере часто встречаются рассуждения о том, что снижение цен на нефть – это заговор против России. Несомненно, в нефтяных делах есть политическая подоплека. Вы видите в нынешней ситуации элементы заговора? И какие бы вы назвали причины падения цен на нефть? В связи с этим возникает еще вопрос: что и кто управляет ценообразованием на нефтяном рынке?

– В заговоры я не верю. Поиск заговоров и заговорщиков – это низкопробная аналитика. Нефтяной рынок управляется рыночными силами, и на него влияют не заговоры, а интересы игроков рынка, которые могут пытаться как-то согласовать друг с другом свою тактику. Последние несколько лет нефтяной рынок пребывал в необычном, аномальном для себя состоянии, когда цены держались на относительно стабильном высоком уровне. Такого не бывает в истории, потому что цены на нефть – это всегда качели и колебания вверх и вниз. Нефтяному рынку в принципе свойственна волатильность и некоторая нестабильность. Есть «медведи», которые пытаются опустить цены вниз, а есть «быки», стремящиеся поднять их вверх. Разумеется, эти термины касаются курса акций, однако на нефтяном рынке, тоже в значительной степени являющемся финансовым рынком, проявляются такие же тенденции. За годы, пока цены на нефть стояли на месте, накопились движущие силы, которые оказали влияние на падение цен. Во-первых, это превышение в глобальном смысле предложения

нефти над спросом на нее (график 1). Когда говорят о спросе на нефть, то прежде всего имеют в виду спрос на нефть в Китае. Вообще существует такая теория, что весь глобальный энергетический рынок приводится в движение одной китайской тенденцией – индустриализацией этой динамично растущей страны. Подобный период Советский Союз пережил в 30-е годы прошлого века. Теперь сельское население Китая интенсивно переезжает в города. И когда там вдоль всего побережья были воздвигнуты небоскребы, стало совсем плохо с экологией, смог повис над Пекином, КПК постановила, что надо строить «среднезажиточное» общество, а не рваться за рекордными темпами роста, темпы роста спроса на нефть стали сокращаться. Да и Европа в целом умерила аппетиты. В этот же момент на мировой рынок стал воздействовать новый фактор – американская сланцевая нефть. В Америке началась сланцевая революция, и тут я уже перехожу к своей излюбленной теме, которой посвящена моя книга...

– Простите, что я вас перебиваю. Раз уж вы произнесли слова «сланцевая революция», объясните, пожалуйста, действительно ли это процесс настолько революционных изменений, которые самым драматическим образом меняют ситуацию на рынке энергоносителей?

– Это совершенно революционное изменение, прямо как у Гегеля, переход количественных изменений в качественные. В США нетрадиционные технологии добычи нефти и газа превысили привычные значения и вышли на первый план. Именно в этом и заключается революционное значение данного момента (графики 2, 3, 4). Сланцевый газ научились добывать из камня, из сланца, который является самой распространенной повсеместно в мире осадочной породой. Такая, как в Америке, она, может быть, встречается не везде, потому что там сланцевая залежь уникальна. Она не повторяется и везде разная, поэтому технологии ее обработки должны варьироваться в зависимости от характера месторождения. Сначала научились добывать газ с помощью гидроразрыва пласта и горизонтального бурения. Сочетание этих технологий позволило экономичным образом извлекать газ из сланца. Впоследствии эти же самые технологии стали использоваться для добычи нефти. Такая нефть называется сланцевой именно по способу добычи, хотя она находится не в сланце, а распределена в других плотных породах. Разработки сланцевой нефти привели к необыкновенному росту ее добычи (график 5). В 2012 году в США она увеличилась на 852 тысячи баррелей в сутки, в 2013-м – на 944 тысячи, а в 2014-м – уже более чем на миллион. Миллион баррелей в сутки – это 50 миллионов тонн в год. Когда крупнейший потребитель энергоресурсов увеличивает свою добычу нефти на 50 миллионов

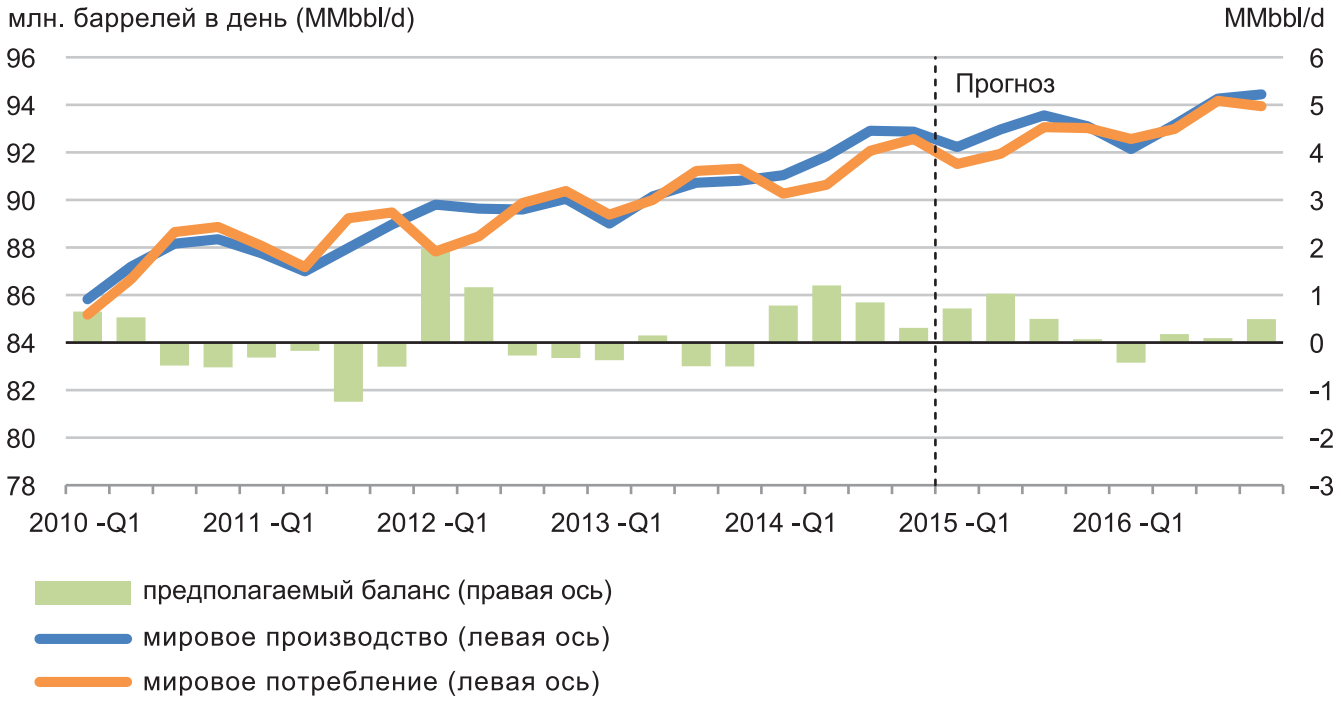


График 1. Баланс спроса и предложения на мировом нефтяном рынке

тонн в год, он очень быстро перестает быть импортером в тех объемах, как это было прежде. Сейчас сланцевая революция привела к тому, что Америка затоварена газом и вот-вот то же самое там произойдет с нефтью. Когда над рынком нависла лавина нового предложения в объеме нескольких миллионов баррелей в сутки и сократился спрос в Европе, Китае и Японии, и случилось резкое падение цены на нефть. В Китае потребление сокращается из-за снижения экономического роста. В других местах увеличивается энергоэффективность, приводящая к сокращению спроса на энергоресурсы. Не надо забывать и про возобновляемую энергетику, которая развивается повсеместно. Эти процессы пока по-разному сказываются на импортерах нефти. Вот, например, Америка нарастила свою добычу и фактически лишила Западную Африку основного рынка сбыта, ведь Ангола и Нигерия были ориентированы на американский рынок. Это национальная трагедия для Западной Африки. Для стран Персидского залива это пока не трагедия, потому что США не сокращают импорт нефти из этого региона. Вы начали разговор с теории заговора или сговора на рынке. Безусловно, рынком движут интересы и сговоры вероятны. Однако еще более вероятно совпадение интересов. Арабская нефть легкая, но сернистая, поэтому она торгуется со скидкой к Брент. Многие американские заводы рассчитаны на переработку именно такой нефти. Поэтому взаимный интерес поставщиков и потребителей – более убедительное объяснение, чем заговор. Что, разумеется, не исключает консультаций и, возможно, каких-то договоренностей – но на уровне бизнеса, а не геополитических заговоров. Сейчас ОПЕК, несомненно, понимает, что новая американская добыча нефти скажется в конце концов на всех. Правда, сами американцы на своих графиках упорно рисуют внезапное падение добычи нефти в США после 2019-2020 годов. Никаких рациональных объяснений этой динамики не существует, кроме неуверенности США в собственных ресурсах. Но тогда почему добыча газа, по их прогнозам, будет расти до 2040 года, а добыча нефти вдруг начнет падать? (Графики 6, 7).

– Вам, без сомнения, известны так называемые пики нефти Хабберта, который вроде бы подсчитал, что мировая добыча нефти достигнет своего предельного значения в 2000 году?

– Конечно, известны. Возможно, эта американская динамика – отрыжка теории Хабберта, которая уже давно отжила свое, потому что нетрадиционные технологии добычи способствовали ее опровержению. В данном случае парадоксальным образом запасы углеводородов увеличиваются по мере их освоения, так как из одной и той же сланцевой залежи в Америке можно добыть разное количество нефти, прибегая к разным технологиям. Нефть или газ распределены в породе в не-

График 2. Добыча газа из разных источников с 1990 года и перспективы добычи до 2040 года, триллионы кубических футов в год

коем полусвязанном виде, буквально растворены в ней, и технология многократного гидроразрыва пласта позволяет получать все больше ресурсов. С осени прошлого года американское Министерство энергетики каждый месяц выпускает отчет о производительности бурения (drilling productivity report), в котором оценивается, какова отдача новых скважин. Данные свидетельствуют о стремительном ежемесячном прогрессе, когда на одних и тех же залежах новые скважины дают все больше и больше ресурсов (таблица 1).

– Но все же какие-то оценки запасов есть?

– Да, есть, только вопрос состоит в их адекватности. Аппетит приходит во время еды, а ресурсы появляются по мере разработки месторождений. В этом заключена разница традиционных и нетрадиционных запасов. Нетрадиционные залежи сейчас выходят на первое место по объему, и тем не менее они остаются нетрадиционными в том смысле, что нельзя взять определенную площадь, прикинуть толщину сланцевого пласта, вычеркнуть объем и рассчитать, сколько в нем нефти или газа. Так можно оценивать традиционные месторождения, когда вычисляется объем коллектора, а потом в процессе бурения выясняется, что там имеется – нефть, газ, вода или это сухая скважина. Видите ли, американцам в государственном масштабе такие оценки до сих пор не были нужны, отчасти потому что разработкой занимаются частные компании. Ну есть, и хорошо, что что-то есть. Прекрасный пример – Калифорния. Там находится плей Монтерей (Monterey play). Плей значит по-русски залежь, но обычно и в русскоязычной литературе сланцевые залежи именуются плеями. В них может что-то быть, причем в неясных объемах, а может не быть ничего. Добыча нефти и газа здесь может быть рентабельной, а может и не быть, но цена вопроса еще и зависит от технологий, которые используются при извлечении продукта из породы. Плей Монтерей – это совершенно немыслимых размеров сланцевый массив в Калифорнии. Здесь располагаются традиционные месторождения, ведь их наличие не исключает существования сланцевых залежей. Нефть там стали добывать давным-давно, точно так же, как, например, в Техасе. Западнотехасская нефть WTI испокон веку добывается на плеях бассейна Пермиан (Permian Basin), где ныне стали добывать сланцевую нефть. Такой же плей имеется в Монтерее. Летом 2014 года Министерство энергетики снизило потенциальные запасы сланцевой нефти в плее Монтерей на 96 процентов. Вот так взять и одним махом срезать в 10 раз! У нас тогда сказали: «Ну вот, это сланцевый пузырь, он сейчас лопнет». Что это значит на самом деле? Этот плей Монтерей никуда не денется, он там есть. Однако экспертные оценки его нефтяных запасов разнятся. По оптимистическим данным, толщина пластов этого плея достигает одного километра, и там можно спокойно бурить вертикально без горизонтальных скважин. Экологические организации развернули кампанию по дискредитации этих оптимистических прогнозов,

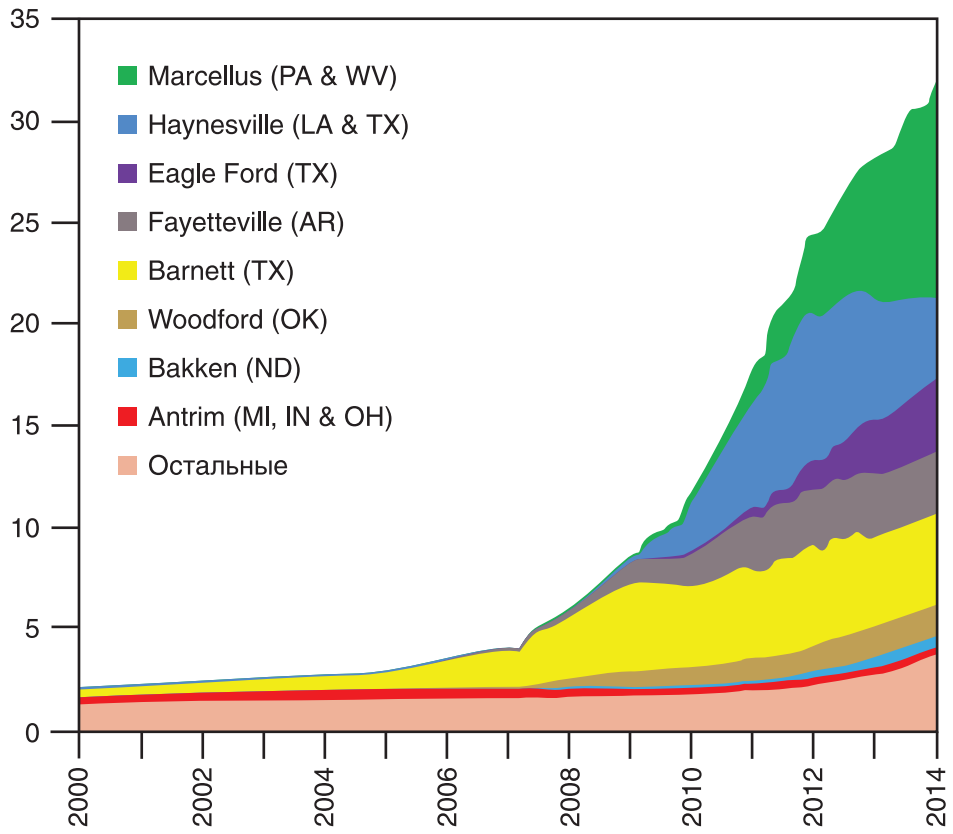


График 3. Добыча сухого газа по сланцевым плеям США, миллиарды кубических футов в сутки

подчеркивая, что совершенно не просчитаны экологические последствия сланцевых разработок, и чтобы не тратить время на бесплодные споры, чиновники в 10 раз сократили оценку. Это решение ровным счетом ни на что не влияет. Пока правительство штата Калифорния не может преодолеть сопротивление общественного мнения и природоохранного управления штата бурению в этих курортных местах со знаменитыми виноградниками, решение этого вопроса отложено. Сланцевая лихорадка в США обусловлена национальной особенностью недропользования: владелец земельного участка обладает определенными правами на все ресурсы хоть до центра земли и получает роялти – в среднем 25 процентов стоимости добытого сырья. И это условие служит мощной движущей силой сланцевой революции в США, ибо землевладельцы очень заинтересованы в привлечении в их владения нефтяников и газовиков. С другой стороны, общественный интерес сквозит в каждом пункте энергетической повестки дня. Разработки недр США совершаются в непрерывном и сложном процессе согласования позиций государства, бизнеса и разных общественных сил. После нефтяного шока – кризиса 1973 года – в США приняли законодательство, запрещающее экспорт сырой нефти. Что в итоге произошло? Нельзя вывозить сырую нефть, зато нефтяные продукты можно, и США становятся мировым лидером – экспортером нефтепродуктов. Они завалили весь мировой рынок своим бензином и дизельным топливом. В итоге неконкурентоспособными становятся НПЗ в Латинской Америке и Европе. Такая гордая страна, как Венесуэла, свою тяжелую нефть отправляет на НПЗ в Мексиканском заливе, а сами венесуэльцы ездят на американском бензине. Гордость гордостью, а экономика свое берет.

– Я хотел бы вернуться к вопросу об экономике сланцевых проектов…

– Я уже частично на него ответил. Процесс технологического совершенствования идет непрерывно. Каждое новое усовершенствование технологий приводит к кратному сокращению себестоимости бурения. Был 2012 год, когда цена на газ на американском рынке из-за его избыточного предложения снизилась до неимоверно низких значений. В Луизиане есть такой Генри-хаб (Henry Hub), узел, где соединяются разные трубопроводы. Это торговая площадка, которая задает тон на всем американском рынке и где определяется цена в соответствии со спросом-предложением, а прочие цены в Соединенных Штатах привязаны к Генри-хабу и определяются с помощью собственных коэффициентов, зависящих от удаленности, инфраструктуры и прочего. В 2012 году цена на Генри-хабе опускалась ниже чем два доллара за миллион британских тепловых единиц. Миллион британских тепловых единиц примерно соответствует тысяче кубических футов. Для сравнения: в 2008 году цена поднималась выше 12-13 долларов. Всегда возникают опасения, касающиеся сланцевого газа, а не пузырь ли это. Ведь в 2012 году компании добывали газ по рыночной цене, которая была вдвое ниже себестоимости. Добыть газ стоит четыре доллара, а продать – два. Значит, это пузырь, это пирамида, нас обманывают? Оказывается, все не так просто. Ибо в тот момент они делали перекрестное субсидирование: они добывали больше жидкостей, сжижен-

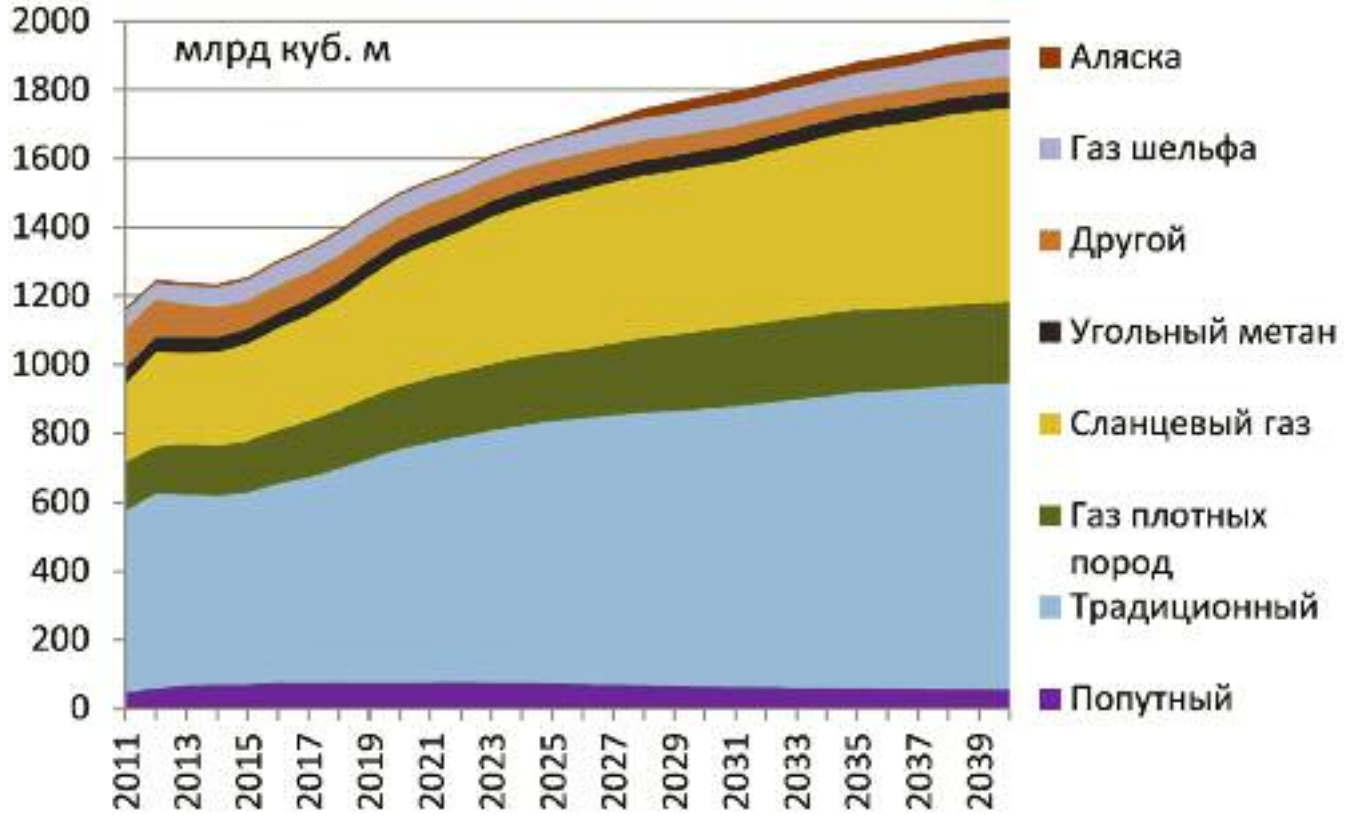


График 4. Прогноз добычи газа в США из разных источников до 2040 года, миллиарды кубометров

ных углеводородных газов и нефти. Удельная же разница (с учетом энергетической ценности) цены на нефть и газ доходила тогда до 18–20 раз, то есть добывать нефть было в 20 раз выгоднее, чем газ.

– И тем не менее они перераспределяли ассигнования на добычу этих ресурсов. В конечном счете это выгодно?

– Разумеется, даже если будет абсолютно невыгодно добывать газ, он все равно получается в качестве попутного продукта. Например, такая страна, как Катар, добывает совершенно бесплатный газ и может конкурировать на рынке с любым производителем газа, потому что для нее любая копейка будет прибытком. В принципе такая же ситуация может сложиться и на американском рынке, на котором предприимчивость и энтузиазм поистине творят чудеса. Если говорить об энтузиастах, то необходимо упомянуть пионера сланцевой добычи Джорджа Митчелла, который умер летом 2013 года в возрасте 94 лет. Его пример особенно красноречив. Когда он, успешный девелопер-миллионер, вышел на пенсию, то вспомнил, что по образованию он геолог. В течение 20 лет в Техасе Митчелл бурил, бурил, бурил и, по его собственному признанию, на 20 лет продлил свою активную жизнь. Когда ему было уже за 80, он сумел-таки выгодно добыть газ и в 2003 году продал свою компанию «Митчелл-энерджи-энд-девелопмент» другой американской компании «Дэвон-энерджи» за 3,5 миллиарда долларов. Вот с этого и началась сланцевая революция. В Министерстве энергетики долго делали вид, что не замечают новую тенденцию, но частные компании уже включились в процесс освоения сланцевых залежей, и к 2008 году добыча газа в США из трех нетрадиционных источников – сланцевый газ, газ плотных пород (так называемый тайт) и метан угольных пластов – превысила половину всего добываемого в Соединенных Штатах газа. В моей книге есть примеры двух компаний. «Чизапик-энерджи» из Оклахомы, один из крупнейших производителей газа, занимается только сланцевыми ресурсами в США. Глава и основатель этой компании Обри Макклендон – самый настоящий энтузиаст сланцевого дела. Обри Макклендон, чья компания распространила свое влияние на все американские сланцевые залежи, был вездесущ. Он занимал деньги, бурил повсеместно, привлекал инвесторов, выкупал доли, не вылезал из телевизора. Его бурная активность породила подозрение, что там что-то нечисто, ведь бизнес так не делается. Информацию имеет смысл распространять среди инвесторов, а домохозяек не надо

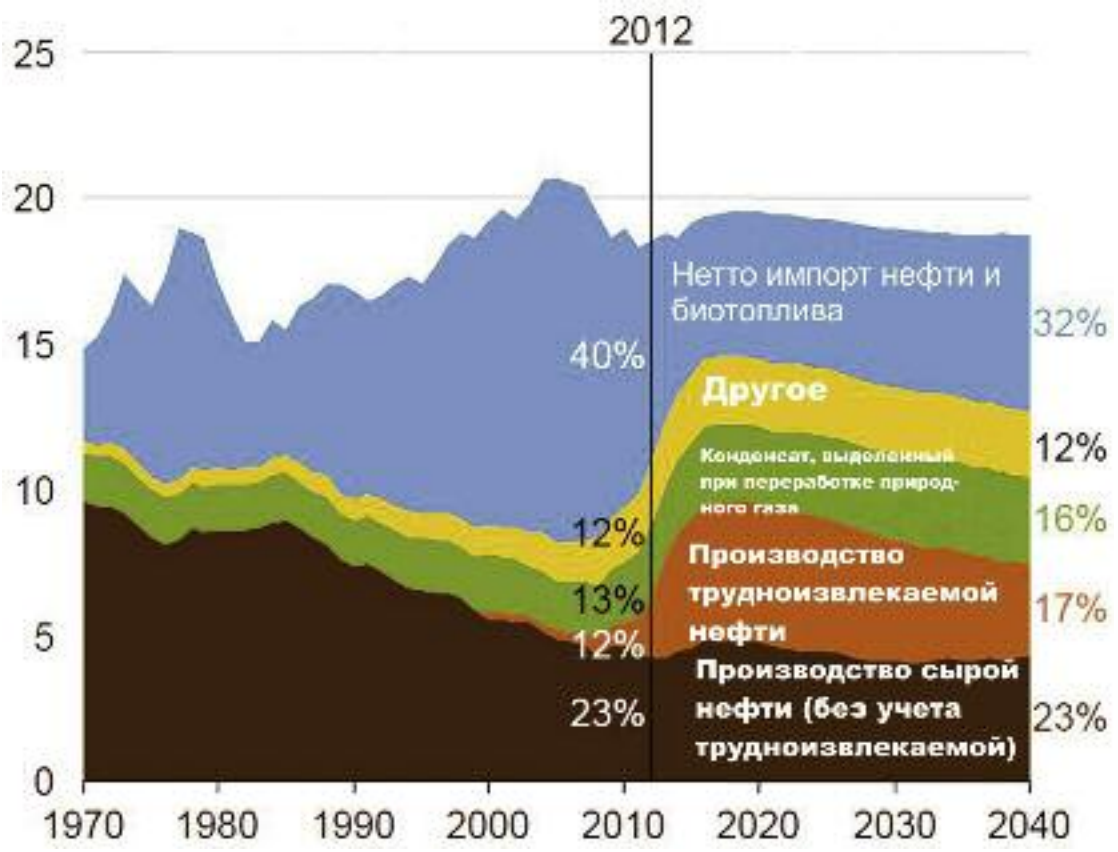


График 5. Производство нефти и других видов жидкого топлива в США с 1970 года и перспектива до 2040 года

агитировать, а он взял и сланцевые дела вынес в публичное поле. Тем не менее его «Чизапик-энерджи» доказала, что она не мыльный пузырь. Она была на всех плеях и пережила ценовой шок 2012 года, маневрируя, стараясь уйти в залежи так называемого жирного газа, то есть такого газа, в котором есть большое количество жидкостей, стоящих значительно дороже. Другая крупная фирма, «Саусвестерн-энерджи», присутствовала только на плеях, где имелся сухой газ. Она наглядно продемонстрировала, как умело добывать сухой газ, когда средняя себестоимость вдвое превышает рыночную цену. В данном случае компания научилась работать в условиях неблагоприятной конъюнктуры, используя разные технологии и умело адаптируя их к местным геологическим условиям. По аналогии с хоккеем: можно выигрывать численным преимуществом, а можно за счет мастерства. «Саусвестерн-энерджи» показала всем свое мастерство и, хоть и завершила 2012 год в минусе, но не обанкротилась, а потом сумела выйти на новые рубежи. После 2012 года цены выросли, и компаниям, которые пережили этот кризис, уже ничего не страшно.

– Каков же запас прочности американского рынка энергоресурсов? При какой цене США переживут нефтяной кризис?

– Об этом очень много разговоров. Осенью 2014 года вышло несколько докладов на эту тему. Компания «Вуд Маккензи» выпустила доклад о том, что при цене за баррель марки Брент ниже 80 долларов (а американская WTI будет стоить тогда 75–77 долларов), США к концу 2015 года сократят свою добычу сланцевой нефти на 600 тысяч баррелей в сутки. Это очень существенно. «Вуд Маккензи» определила цифру 80 долларов за Брент как пороговую для США. После этого другая компания, норвежская «Ристад-энерджи», опубликовала свое исследование, в котором утверждалось, что Америка совершенно спокойно переживает цену нефти 50 долларов за баррель и в течение целого года не будет снижать добычу, а при 60 долларах за баррель возможен рост добычи. Более того, даже если цена опустится до совсем критических значений, необходимо помнить, что экономика сланцевой добычи иная. Отчего были разговоры, не пузырь ли это? Сланцевые скважины – газовые и нефтяные – живут значительно меньше, чем традиционные. Если обычную скважину используют в течение 20 лет, то сланцевая исся-

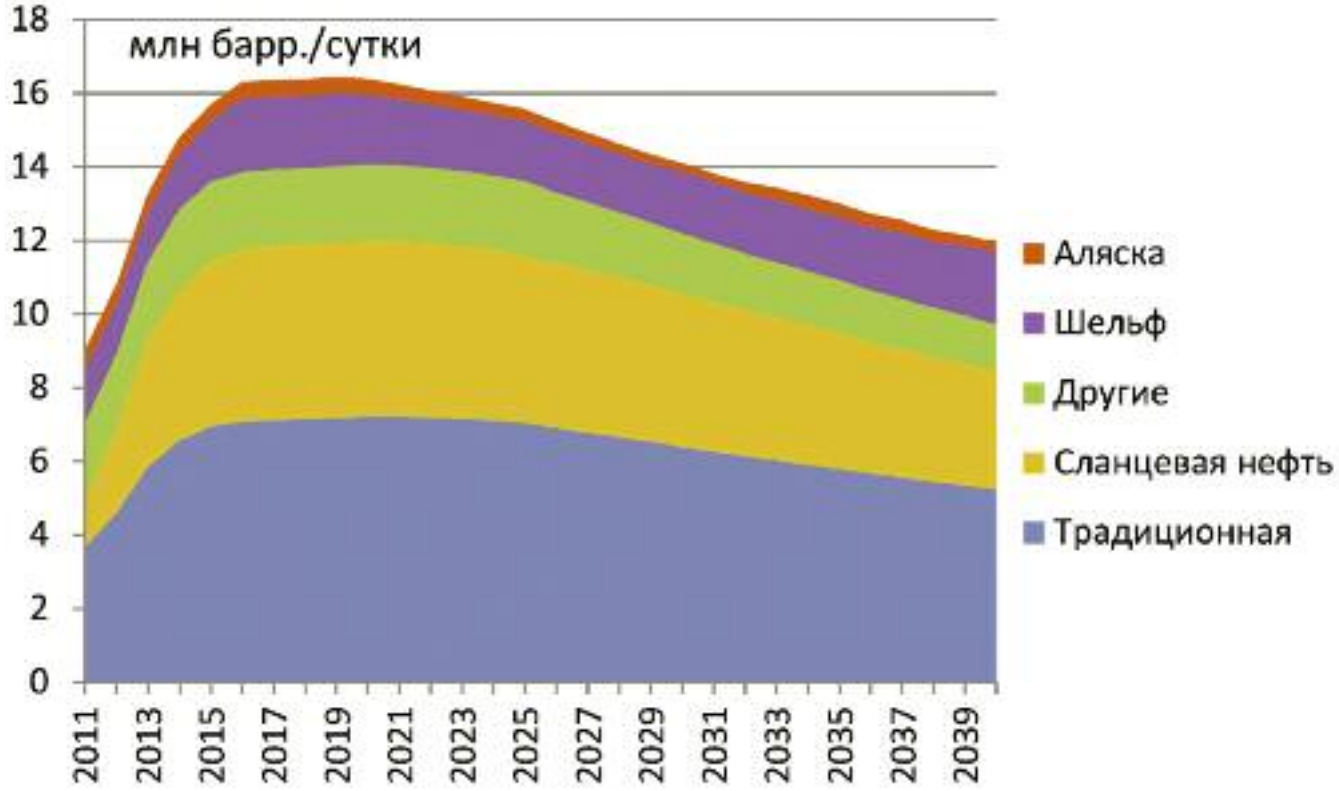


График 6. Прогноз добычи нефти из разных источников до 2040 года, миллионы баррелей/сутки

кает за ближайшие два–четыре года. В первые два года падение дебета достигает порой 70 и даже 80 процентов. Но первоначальный дебет, приток нефти или газа таков, что он позволяет окупить все, то есть за первые два-три года обеспечиваются покрытие всех затрат и необходимые прибыли. 700 суток – это средний срок окупаемости скважины, после которого добыча падает, но ее эксплуатация продолжается, потому что это не требует никаких затрат. Именно эта особенность сланцевой добычи создает впечатление, что это пузырь, потому что надо постоянно и повсеместно бурить, находиться в этом непрерывном и увлекательном процессе. Но поскольку американцы научились бурить эффективно, то теперь из одного вертикального ствола расходится разветвленная корневая система и скважины с многократным гидроразрывом пласта бурятся с одного захода благодаря использованию высоких технологий. Всеми этими разработками занимаются, как правило, мелкие частные компании, которые хорошо знают свое место, свою залежь и адаптируют под местные условия базовые технологии. Это по своей сути очень динамичная экономика, в рамках которой можно быстро нарастить добычу, даже если цена на сырье падает. В 2012 году цена упала, объемы бурения снизились, и в 2013-м снизилась добыча. Но в 2014 году добыча вернулась на свое место. На мировом рынке появился новый ресурс, который может стремительно изменить ситуацию. Раньше балансирующим поставщиком нефти была Саудовская Аравия, которая могла быстро снять с рынка объем и быстро его нарастить. Себестоимость добычи там низкая, но высоки социальные обязательства, особенно после «арабской весны», поэтому бюджет у Саудитов балансируется при 80 долларах. Правда, у них имеются запасы, которые позволят пережить провалы рынка. Встреча ОПЕК в декабре показала, что Саудовская Аравия не готова поступаться своей долей рынка и призывает конкурировать даже внутри ОПЕК. У каждого члена свои интересы и свои условия. Венесуэла, например, со своим социалистическим взглядом на жизнь и балансом бюджета при цене на нефть гораздо выше 110 долларов за баррель набрала социальных обязательств и всем раздала обещания, которые не может выполнять. Разумеется, сокращать сейчас добычу по требованию какой-то Саудовской Аравии, которая и так неплохо живет, Венесуэле не хочется. После падения добычи выходят Ливия и Ирак, и вот-вот случится самое страшное: с Ирана снимут санкции, и он с огромными объемами появится на рынке. Этот рыночный навес значительно увеличится. Объективные рыночные механизмы от-

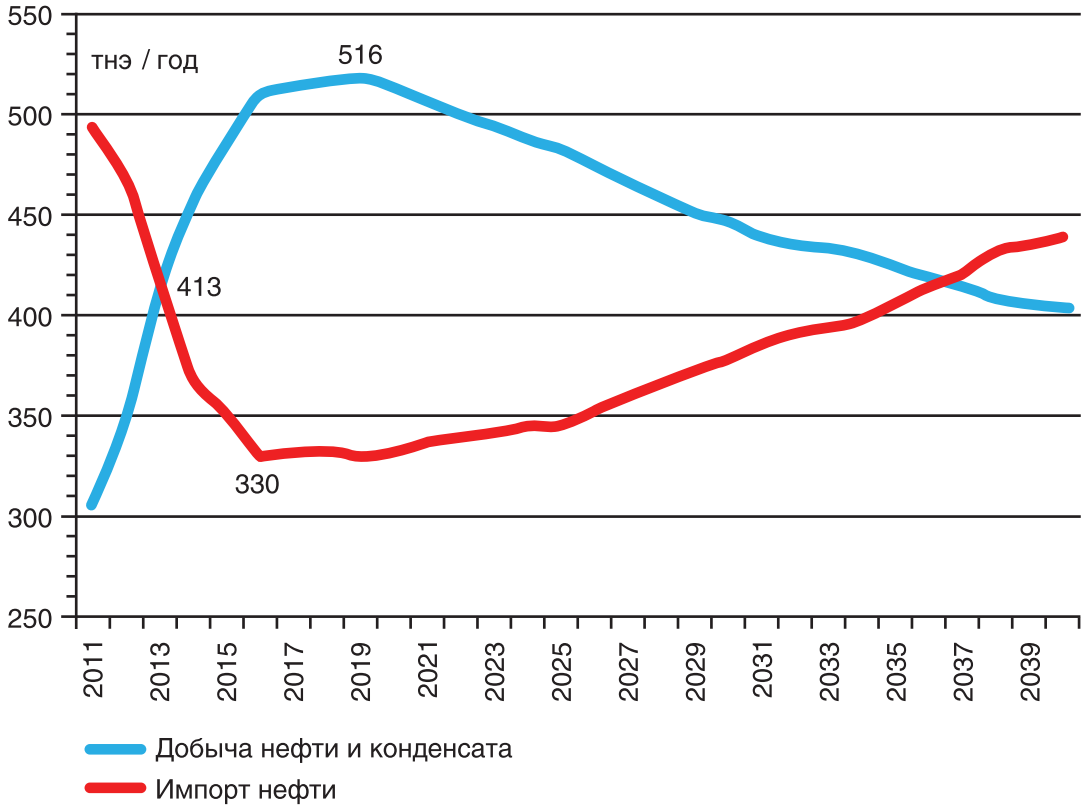


График 7. Прогноз добычи и импорта нефти в США

менить не удастся. Возвращаясь к теме сговора, должен заметить, что американское правительство не имеет власти над своими нефтяными компаниями и не может приказать импортировать или не импортировать, прекратить добывать нефть и ликвидировать ее избыток. В конце концов, они сейчас радуются тому, что у них впервые за долгое время цена бензина снизилась до менее чем три доллара за галлон, потому что для американской внутренней политики этот показатель имеет колоссальное значение.

– Я бы хотел затронуть еще один вопрос, который всегда возникает в связи с разработкой сланцевых залежей. Это вопрос экологический. Насколько справедливы или преувеличены экологические страхи?

– Это отдельная тема для разговора. Для этого сюжета очень характерен пример штата Нью-Йорк, где не с экологией плохо, а с согласованием общественных интересов. С лета 2008 года там запрещен разрыв пласта. И не просто запрещен, а они пытаются установить и законодательно закрепить правила проведения работ по добыче из разрывов пласта. А ведь эти правила постоянно совершенствуются, в них вносятся все новые и новые дополнения. В итоге если их зафиксировать на данный момент законодательно, то нефть и газ там скоро станут золотыми. К тому же возникают дополнительные ограничения: например, из потенциального природопользования вообще исключаются территории, прилегающие к рекам и озерам, и природные парки. Предусматриваются неопределенного размера страховые суммы на случай каких-то разливов, аварий и закрытия этих скважин. Если раньше эта страховая сумма составляла один или два миллиона долларов в расчете на скважину, то сейчас она не определена, и в любой момент контролирующие органы могут потребовать не один миллион, а десять. Таким образом, спор между разработчиками, природоохранными службами и экологами в штате Нью-Йорк зашел в тупик. И тем не менее нефтяники постоянно публикуют свои предложения, на которые экологи отвечают тысячами комментариев и возражений, а землепользователи пытаются возвысить свой голос: «Что ж вы там, ребята, делаете, мы теряем огромные деньги, а могли бы спокойно сидеть и получать свои роялтиз».

– Получается так: бензин дешевый в том же Нью-Йорке за счет того, что бурят где-нибудь...

– ...в Пенсильвании. Вот такая у них справедливость, да.

– Произошла ли какая-нибудь экологическая катастрофа, связанная с добычей сланцевого газа?

Таблица 1. Производительность бурения в США на разных залежах за январь-февраль 2015 года

	Добыча нефти на новой скважине в расчете на одну установку, баррелей/день			Добыча газа на новой скважине в расчете на одну установку, тысячи кубических футов/день		
Регион	Январь 2015	Февраль 2015	Прирост	Январь 2015	Февраль 2015	Прирост
Bakken	555	563	8	564	573	9
Eagle Ford	558	566	8	1455	1469	14
Haynesville	24	24	–	5637	5745	108
Marcellus	34	35	1	8002	8046	44
Niobrara	416	424	8	1831	1858	27
Permian	194	198	4	390	396	6
Utica	208	217	9	4348	4480	132
Средневзвешенный показатель на установку	332	334	2	1660	1715	55

– Серьезная – нет. Недавно был наложен большой штраф в Пенсильвании на сланцевую компанию. Но это, скорее, комичный случай. Компания стала оспаривать некоторые требования Департамента охраны окружающей среды штата Пенсильвания. А департамент – это как техасский рейнджер, который установил свои законы и говорит, что теперь будет так, как я решил. Компания подала в суд, обвиняя департамент в превышении полномочий и выставлении избыточных требований к экологической безопасности. Она выиграла этот процесс, после чего государственный орган как коршун навис над ней и нашел-таки утечку в одном из бассейнов с отработанным буровым раствором, который потом проходит тщательную очистку и, по заверениям занимающихся этим фирм, чуть ли не превращается в питьевую воду. Сланцевой компании выставили штраф в четыре с половиной миллиона долларов. Она ликвидировала утечку и ее последствия, возместила ущерб, но все же их показательно наказали. Сейчас эта компания в очередной раз разбирается в суде с Департаментом охраны окружающей среды штата Пенсильвания. Вот такой случай экологического ущерба. Потенциально это опасная технология, как и многие другие. Ведь из грунта, из пластов поднимаются наверх тяжелые металлы, мышьяк и прочие опасные вещества. Черные глинистые сланцы США радиоактивны. Это не опасная радиоактивность, но она фиксируется приборами. Стало быть, загрязнение возможно, но если все делать по технологии, то очень маловероятно. Сланец залегает на глубине километр, а водоносный слой, откуда люди берут воду, – на глубине не более 100 метров. Между ними почти километр толщи породы. Если изолировать скважину, то есть сделать так, что в промежуточные слои не будет ничего попадать, сделать грамотный тюбинг, то никакого ущерба не будет. Для разработок требуется много воды, целый олимпийский бассейн на каждую скважину, до 10 тысяч тонн. Эту воду надо откуда-то взять, а потом куда-то деть. Из скважины извлекается треть закаченной воды, остальное же остается внутри. Поднятую воду надо очищать, и контроль над очисткой в США очень жесткий. Как видите, за небольшую утечку придется дорого заплатить, как это случилось в Пенсильвании. Очень суровые государственные природоохранные органы существуют в каждом штате, а еще и общественные организации экологов, агрессивные, атакующие и готовые разорвать в клочья любого, кто посмеет даже заикнуться об ослаблении контроля. Вот, например, как работает старейшая экологическая организация Сан-Франциско «Сьерра-клаб», которой исполнилось более 120 лет. Они чуть что обращаются прямо к президенту США. В частности, они шантажировали власти по поводу экспорта газа из США. Они заявили, что снимают со своих членов ответственность за проведение акций гражданского неповиновения, если экспорт газа будет разрешен. При этом они намеренно раз-

Потенциально это опасная технология, как и многие другие. Ведь из грунта, из пластов поднимаются наверх тяжелые металлы, мышьяк и прочие опасные вещества. Черные глинистые сланцы США радиоактивны. Это не опасная радиоактивность, но она фиксируется приборами. Стало быть, загрязнение возможно, но если все делать по технологии, то очень маловероятно.

дувают масштабы кампании, прибегая к уловкам на своем сайте. Я зашел на сайт «Сьерра-клаб» и зарегистрировался, чтобы получать от них новостную рассылку. При этом меня просят нажать на баннер, что тем самым я поддерживаю их инициативу, и от меня, как от члена организации, отправляется бумажное письмо президенту Обаме, в котором говорится, что я требую незамедлительного осуществления тех мер, к которым призывает «Сьерра-клаб». Я не знаю, откуда у них деньги на такую активность, но это очень суровая и мощная организация. Возвращаясь к проблеме очистки поднятой из скважины воды, хотел бы заметить, что нефтяные и газовые компании часто обвиняются экологами в том, что они, дескать, держат в секрете состав бурового раствора. Ведь в скважину закачивается вода, в которую добавлены необходимые для бурения химикаты. На самом деле на 98-99 процентов это вода и песок, однако, чтобы песок не оседал, нужны загустители, требуются также антикоррозионные составляющие и кислоты, которые помогают пройти через какие-то определенные породы. У каждой компании свое ноу-хау в этой сфере, под каждую залежь, под каждый сланец готовится свой состав бурового раствора. Чтобы избежать кривотолков, компании публикуют все используемые ими химикаты по каждой скважине.

– То есть это значит, что химический состав бурового раствора в каждом случае известен?

– Да, весь химический состав по каждой скважине обнародован. Более того, сланцевые компании отказались от применения необязательных потенциально опасных компонентов, вплоть до того, что сейчас в состав бурового раствора входят только те вещества, которые используются в пищевой промышленности или в бытовой химии. Например, гуаровая камедь – компонент для создания вязкости, который используется в соусах, жевательной резинке, конфетах... Эта бобовая культура растет в Индии. Разработчики исключили все, что может вызвать хоть какие-то опасения. Они просто отказались от всех потенциально ядовитых веществ и усовершенствовали технологию с использованием бытовой химии и пищевых ингредиентов.

– В заключение я бы хотел узнать, насколько актуальна тема сланцевой революции в России?

– Это не только мое мнение, но и точка зрения большинства специалистов: проблемы сланцевого газа в России просто не существует, потому что у нас слишком велики запасы традиционного газа. Для «Газпрома» сланец не представляет никакого интереса. Однако надо учитывать, что страна у нас большая и повсеместно не следует применять единые стандарты, правила и подходы. Не вся страна газифицирована. Где-то вполне возможно, выгодно и рационально использовать местные ресурсы. Главный вывод из сланцевой революции состоит не в том, что можно выгодно добывать газ и нефть из сланца, а в том, что людям надо просто посмотреть под ноги и хотя бы увидеть свои местные ресурсы. У вас, может, нет сланца, у вас может быть собственный ресурс. В Японии это гидраты метана, самый крупный газовый ресурс в мире, который на порядки превышает все традиционные залежи газа. Это, грубо говоря, лед, насыщенный газом. Он лежит на дне морском или сразу же под ним. Все знают, что он есть в изобилии, точно так же было и со сланцевым газом. Все о нем знали, но не умели добыть, а американец Джордж Митчелл сумел. Гидрат метана имеется везде и у нас – на дне Байкала, Черного и северных морей. Японцы стараются его извлечь, разрабатывают технологию, пару лет назад уж было заявили, что она готова, но потребуются еще годы, чтобы довести ее до промышленного уровня.

– Годы?

– Годы, годы. Это очень технологически сложно и, возможно, опасно. Существует такая теоретическая проблема, которая называется «метангидратное ружье». Она заключается в том, что глобальное потепление может привести к повышению температуры Мирового океана и к тому, что эти гидраты начнут самопроизвольно разлагаться с выделением метана, который в двадцать раз более опасный парниковый газ, чем углекислый. Как только гидрат начнет газифицироваться, сработает цепная реакция, когда усиление парникового эффекта приведет к ускорению глобального потепления, которое, соответственно, вызовет еще большую газификацию. В общем, эта гипотеза рисует катастрофу глобального масштаба. Пока же добыча гидратов остается делом будущего. Но это обязательно случится. Сланцевая революция в США показала, что человеческий гений может добыть газ из камня. А скажем, в Дании имеется свиной навоз и море. Датчане построили крупнейшие в мире морские ветропарки, а биогаз из свиного навоза и всего остального становится уже одним из заметных источников энергии. Подобные ресурсы есть в разных местах. Испания – прекрасный пример ветроэнергетики. Газ здесь превращается в переходное топливо, которое может использоваться в качестве энергоресурса, когда не дует ветер и не светит солнце. Так что для России важно не использовать сланцевый газ, а присматриваться к своим местным ресурсам. Страна огромная, где-то может быть возобновляемая энергетика, где-то будет более востребованным биогаз или другой ресурс. Для России американская сланцевая революция, конечно, несет угрозу, как и для всех остальных традиционных поставщиков энергоресурсов на мировой рынок, но в то же время она должна поднять волну местного технологического энтузиазма и заставить людей обратиться к богатствам своего края. Что же касается так называемой сланцевой нефти (хотя она, строго говоря, не сланцевая), то, по оценкам тех же самых американцев, Россия со своей Баженовской свитой занимает первое место по запасам этой глубокозалегающей трудноизвлекаемой нефти. В перспективе наша страна может стать одним из крупнейших производителей нефти, если она доберется до этого ресурса. Не до Арктического шельфа, где крайне высоки риски, связанные с экологической уязвимостью, а до нефти, которая лежит глубоко под ногами на хорошо освоенных территориях с развитой инфраструктурой. Осталось лишь разработать и применить современные технологии. Против получения Россией этих западных технологий добычи трудноизвлекаемых ресурсов и направлены нынешние санкции.

– Я благодарю вас за очень обстоятельное интервью, которое прояснило ключевые сюжеты сланцевой революции в США и некоторые перспективы энергетического будущего, а также в очередной раз продемонстрировало, насколько динамичен мир и сложна его экономика. Российские СМИ, в которых тема сланцевого газа освещена скорее с критической, чем с апологетической точки зрения, формируют представление о сланцевой добыче как об экологически вредной и экономически неэффективной технологии. Публикации же западной прессы, в особенности навязчивое внедрение этой темы в общественно-политический дискурс американскими политиками и экспертами, ставят эту проблематику в контекст текущих пропагандистских кампаний. Задача нашей с вами беседы – продемонстрировать позитивную аргументацию по проблеме сланцевого газа, для того чтобы способствовать выработке сбалансированного взгляда на современное состояние мировой энергетики.

21 ноября 2014 года

Владимир Леонидович Близнеков –
философ (PhD), юрист-международник, публицист

Церковь перед лицом Апокалипсиса

Священное Писание о современной религиозной глобализации

Мы хотим жить со всеми в мире; мы не хотим никого ни к чему «принуждать» – но в это же самое время никак мы не можем согласиться с тем, что «все равно, как верить». <...> Как это «все равно» – когда одна вера истинна, а другая – ложна; одна – спасительна, другая – тщетна?! Веруя православно – можно надеяться на спасение; веруя Арию – отказаться надо от надежды на спасение. <...> Тут мы должны решительно сказать: нам не все равно – спастись или погибнуть!

Протоиерей Александр Захаров

Вселенская Церковь всегда признавала ересь смертным грехом, всегда признавала, что человек, зараженный страшным недугом ереси, мертв душою, чужд благодати и спасения, в общении с диаволом и его погибелью.

Святитель Игнатий (Брянчанинов)

Мировые религиозные лидеры на службе глобализации

Современная глобализация представляет собой во многом рукотворный политический процесс всемирной экономической, социальной, политико-правовой, технологической, культурной и религиозной интеграции и унификации. Процесс мировой глобализации – это объективная реальность, уже давно ставшая предметом серьезных научных исследований. При этом религиозное измерение процесса современной глобализации является для науки одной из наименее изученных областей. Религиозная глобализация рассматривается в современных социологических фундаментальных исследованиях преимущественно в качестве вторичного, производного процесса по отношению к первично-

Недавним событием, свидетельствующим об активном участии мировых религиозных лидеров в глобальном политическом процессе, в том числе и в ущерб требованиям их собственных религиозных традиций, стал совместный молебен за мир на Ближнем Востоке, состоявшийся в саду Ватикана 8 июня 2014 года под руководством папы Франциска. В нем приняли участие президент Израиля (на тот момент) Шимон Перес, глава Палестинской автономии Махмуд Аббас в присутствии константинопольского патриарха Варфоломея.

му – основному – процессу политико-правовой глобализации. Или даже в качестве ее следствия, реакции на воздействие на религиозную сферу мировых глобализационных процессов, в результате которых различные мировые религии вынуждены дать собственный «ценностный ответ» на вызовы в их адрес.

Очевидно, что такой позитивистский научный подход к феномену религиозной глобализации пренебрегает ее духовной составляющей, не учитывает того факта, что некоторые современные мировые религиозные лидеры являются отнюдь не пассивными наблюдателями, а инициаторами, организаторами и самыми активными проводниками процесса всемирной религиозной и политико-правовой глобализации.

Ярким примером тому является недавнее достаточно скандальное интервью духовного лидера буддистов Далай-ламы IV влиятельной немецкой газете *Die Welt*, опубликованное 8 сентября 2014 года. В нем он резко и безапелляционно раскритиковал российского президента Владимира Путина за отказ России от встраивания в глобальную мировую политическую систему – то есть фактически за неприятие некоторых принципов и ценностей современной политико-правовой глобализации. Далай-лама IV заявил буквально следующее: «В то время как Китай хочет быть частью глобальной политической системы и в конечном счете принять международные правила, Россия и президент Путин их игнорируют. Мы привыкли к тому, что Берлинская стена пала. Теперь президент Путин, кажется, хочет отстроить ее заново».

Это явно политически ангажированное заявление духовного лидера современного буддизма – мировой религии, признанной Россией на государственном уровне в качестве традиционной российской религии, – на первый взгляд должно было бы вызвать удивление и активное комментирование со стороны экспертов – религиоведов, политологов и журналистов. Но в западных СМИ на него не последовало практически никакой реакции. Для западного экспертного сообщества и медиа Далай-лама IV неизменно является представителем прозападного политического истеблишмента и ярым сторонником современной политико-правовой и религиозной глобализации, его ценностная позиция и политическая ориентация давно известны и не могут представлять для западных средств массовой информации никакой сенсации. Однозначно недипломатическая и даже скандальная форма высказываний Далай-ламы IV в адрес России и ее политического руководства была с явным удовлетворением воспринята представителями западного политического класса и экспертного сообщества, поскольку подобным образом правильность современного процесса глобализации и лидерство Запада в его осуществлении получила поддержку и от лидера буддистов.

Другим недавним событием, свидетельствующим об активном участии мировых религиозных лидеров в глобальном политическом процессе, в том числе и в ущерб требованиям их собственных религиозных традиций, стал совместный молебен за мир на Ближнем Востоке, состоявшийся в саду Ватикана 8 июня 2014 года под руководством папы Франциска. В нем приняли участие президент Израиля (на тот момент) Шимон Перес, глава Палестинской автономии Махмуд Аббас в присутствии константинопольского патриарха Варфоломея. Во время совместного

Пророк Илия обличает Ахава

Религиозная политика израильского царя Ахава – по сути, первая в истории попытка устроить по политическим соображениям своего рода религиозную глобализацию: постепенное вытеснение древнееврейской религии чужеземным языческим финикийским культом Ваала-Астарты.

молебна были вознесены последовательно три молитвы – иудейская, католическая и мусульманская – на иврите, английском и арабском языках. В мировых СМИ не сообщалось именно об участии православного константинопольского патриарха в этом межрелигиозном молебне за мир представителей трех авраамических религий, но подчеркивалось его присутствие на нем от начала и до конца. Патриарх Варфоломей специально прибыл в Ватикан по приглашению папы Франциска, чтобы представлять Православную церковь на экуменическом молебне, и на всех совместных фотографиях присутствуют все четыре высоких представителя мировой политической и религиозной элиты: два политических и два религиозных лидера современного мира.

Очевидно, что с политической точки зрения состоявшаяся в Ватикане акция преследовала благую цель: достижение мира на Ближнем Востоке – территории перманентного политического и религиозного конфликта. И с этой точки зрения молебен в принципе должен оцениваться позитивно.

Но на молебен можно взглянуть и с иной стороны – с точки зрения собственно религиозных норм, законов и правил. В иудейской и мусульманской религиозных традициях немыслимы совместные религиозные богослужения с иноверцами. В канонах христианской Церкви, принятых еще до разделения Православной и Католической церквей в XI веке и поэтому де-юре общих для православных и для католиков, существует прямой и недвусмысленный запрет на любые совместные молитвы христиан не только с представителями иных религий, но также с христианами, отпавшими от Церкви. Этот запрет распространяется и на христиан, принадлежащих к общинам, не относящимся к Церкви и не имеющим с ней совместного духовного общения. За нарушение же данного запрета каноны, то есть законы Церкви, предписывают для священников – лишение сана, а для мирян – отлучение от Церкви. Таким образом, политическое и религиозное измерения межрелигиозного богослужения абсолютно противоположны и не имеют друг с другом ничего общего. Но логика религиозной глобализации требует от современных религиозных деятелей отдавать приоритет политическим, а не религиозным целям. А это значит предательство духовных ценностей соответствующей религиозной конфессии в угоду мировой политической конъюнктуре. То есть молебном ради благой политической цели – примирения иу-

деев и мусульман на Ближнем Востоке – оба христианских религиозных лидера, папа Франциск и патриарх Варфоломей, открыто попрали христианские каноны, недвусмысленно подчеркнув свою приверженность к ценностям религиозной глобализации и преобладание в их служении именно политической, а не религиозной составляющей.

Религиозная глобализация *versus* религиозная идентичность

Понятие религиозной идентичности рассматривается современной наукой как целостный феномен, включающий в себя как индивидуальное, так и коллективное религиозное самосознание. Феномен религиозной идентичности ориентирован прежде всего на сохранение собственной религиозной традиции. Религиозная идентичность является одной из самых древних форм самосознания человека и потому представляет собой основу для формирования других видов идентичностей, например политической или национальной.

Функциональное измерение религиозной идентичности – как верность основам религиозной традиции – можно сравнить с христианским пониманием таинства брака, мистического интимного взаимоотношения между двумя супругами, куда не может вторгнуться никакое третье лицо. Если подобное интимное взаимоотношение нарушается неким третьим лицом, то происходит катастрофа брака: на библейском языке – прелюбодеяние. То же самое происходит и с религиозной идентичностью, когда во взаимоотношение Бога и человека, или соответственно религиозной общины, в рамках соответствующей религиозной традиции вторгается чужой религиозный опыт. Библия – важнейший источник священных текстов для христианской и иудейской религиозных традиций – также называет такого рода трансформацию религиозного взаимоотношения с Богом прелюбодеянием. То есть изменой человека или общины, которая может принимать форму отдельного народа, по отношению к Богу.

Религиозная глобализация, важнейшей целью которой является всемирная интеграция и унификация веры, по своей сущности не может признавать ценность религиозной идентичности той или иной религиозной традиции, ее неприкосновенность от вторжения чуждого ей религиозного опыта, или иными словами – ее духовный суверенитет. Суть религиозной глобализации – это перманентное смешение всех мировых религий друг с другом во имя благих политических, экономических, социальных, культурных – словом, совершенно светских, секулярных целей. Феномен религиозной глобализации несет в себе самую опасную угрозу религиозной идентичности и духовному суверенитету любой религиозной традиции.

Между тем цель религии никогда не может быть тождественной никаким светским – политическим, социальным и иным мирским – целям, тому, что относится только к взаимоотношениям между людьми – вне их взаимоотношения с Богом. В философии религиозное отношение человека к Богу называется трансцендентным (выходящим за пределы, *лат.*), то есть тем, что не основано на повседневном опытном познании, – в противовес имманентному (пребывающему внутри, *лат.*), или относящемуся к этому миру, посюстороннему, мирскому, светскому, политическому и т.п. Выражаясь философским языком, глобализация пытается подменить трансцендентное имманентным и желает рассматривать саму религию только как имманентное, тем самым отрицая саму ее сущность и трансцендентное содержание.

Библейский взгляд на религиозную глобализацию. Пророк Илия

Религиозная политика израильского царя Ахава (873–852 гг. до н. э.) – по сути, первая в истории попытка устроить по политическим соображениям своего рода религиозную глобализацию: постепенное вытеснение древнееврейской религии чужеземным языческим финикийским культом Ваала-Астарты. Ранее народ Израильского царства поклонялся Богу Авраама, Исаака и Иакова. Но по воле нечестивого царя Ахава, попавшего под сильное влияние своей чужеземной жены – волевой и энергичной царицы Иезавели, дочери сидонского царя Ефваала и фанатичной язычницы, – большинство народа становится двоеверным, причем значения древнееврейской религии резко снижается, народ следует за царем-отступником Ахавом и его деспотичной и кровожадной женой, ненавидевшей веру ее подданных. Правление царя Ахава стало настоящей духовной катастрофой для Израиля. Под сильнейшим политическим давлением сверху древнееврейская религия должна была либо неминуемо погибнуть, либо потерять свою духовную сущность – как исключительное поклонение Богу Израиля. И в итоге, смешавшись с соседними языческими культами, превратиться в новую синкретическую языческую религию. Народ Израиля, поклоняясь наряду со своим Богом также и другим, чужеземным богам, пре-

Илия возносится на небеса

По молитве Илии сошедший с неба огонь сжег без остатка весь жертвенник, а все мольбы жрецов Ваала остались тщетными. Тогда народ раскаялся и прославил Бога Израиля. Религиозное испытание закончилось казнью жрецов Ваала, после чего по молитве Илии к Богу начался дождь, ознаменовавший конец засухи и соответственно голодного времени.

любодействовал по отношению к Богу Израиля точно так же, как и жена, нарушившая верность своему мужу.

Нечестивая царская чета – Ахав и Иезавель – ввергла весь народ в тягчайший грех перед Богом. Когда нечестие царя Ахава достигло крайней степени, Бог послал к нему своего пророка Илию – человека в высшей степени преданного Богу Израиля. Илия жестко обличил Ахава и возвестил ему, что за его нечестие его царство постигнет трехлетний голод. Но вместо раскаяния Ахав и Иезавель начали жестокую борьбу с пророком, ставшим для них более непримиримым врагом, чем даже внешние враги Израиля – сирийцы и ассирийцы. По слову пророка Илии три года не было ни дождя, ни росы в Израиле. Тяжко страдавший от голода народ потребовал испытания могущества как Бога Израиля, так и Ваала. Тогда Илия предложил собрать на горе Кармил народ Израиля и жрецов Ваала и устроить два жертвоприношения – Богу Израиля и Ваалу, – но при этом не поджигать жертвы, а дать возможность приверженцам каждой религии молиться об огне с неба. Илия так обосновал свое решение: если Ваал сожжет свою жертву огнем с неба, то он и есть истинный Бог для Израиля, а если это сделает Бог Авраама, Исаака и Иакова, то истинный Бог Он. Народ согласился. По молитве Илии сошедший с неба огонь сжег без остатка весь жертвенник, а все мольбы жрецов Ваала остались тщетными. Тогда народ раскаялся и прославил Бога Израиля. Религиозное испытание закончилось казнью жрецов Ваала, после чего по молитве Илии к Богу начался дождь, ознаменовавший конец засухи и соответственно голодного времени. Поражение жрецов Ваала и их казнь вызвали лютую ненависть царицы Иезавели к Илии, и она поклялась уничтожить его любой ценой. Весь остаток своей жизни пророк был вынужден скрываться от ненавидевшей его царицы, но тем не менее ему удалось остановить идолопоклонство в Израиле и смирить царя Ахава, после смерти которого народ опять вернулся к поклонению Богу Израиля. Но рецидив идолопоклонства не оставлял Израиль, что, по Библии, приблизительно че-

рез сто лет после пророка Илии привело к страшнейшей политической и религиозной катастрофе этого государства – захвату и полному уничтожению Израильского царства Ассирией.

В Четвертой книге Царств говорится, что Илия был взят живым на небо (4 Цар. 2:11). Согласно Священному Преданию, в истории человечества были всего три человека, взятых Богом на небо живыми: пророк Илия, Енох и апостол Иоанн Богослов.

Апокалипсис Иоанна Богослова – строжайший запрет религиозной глобализации

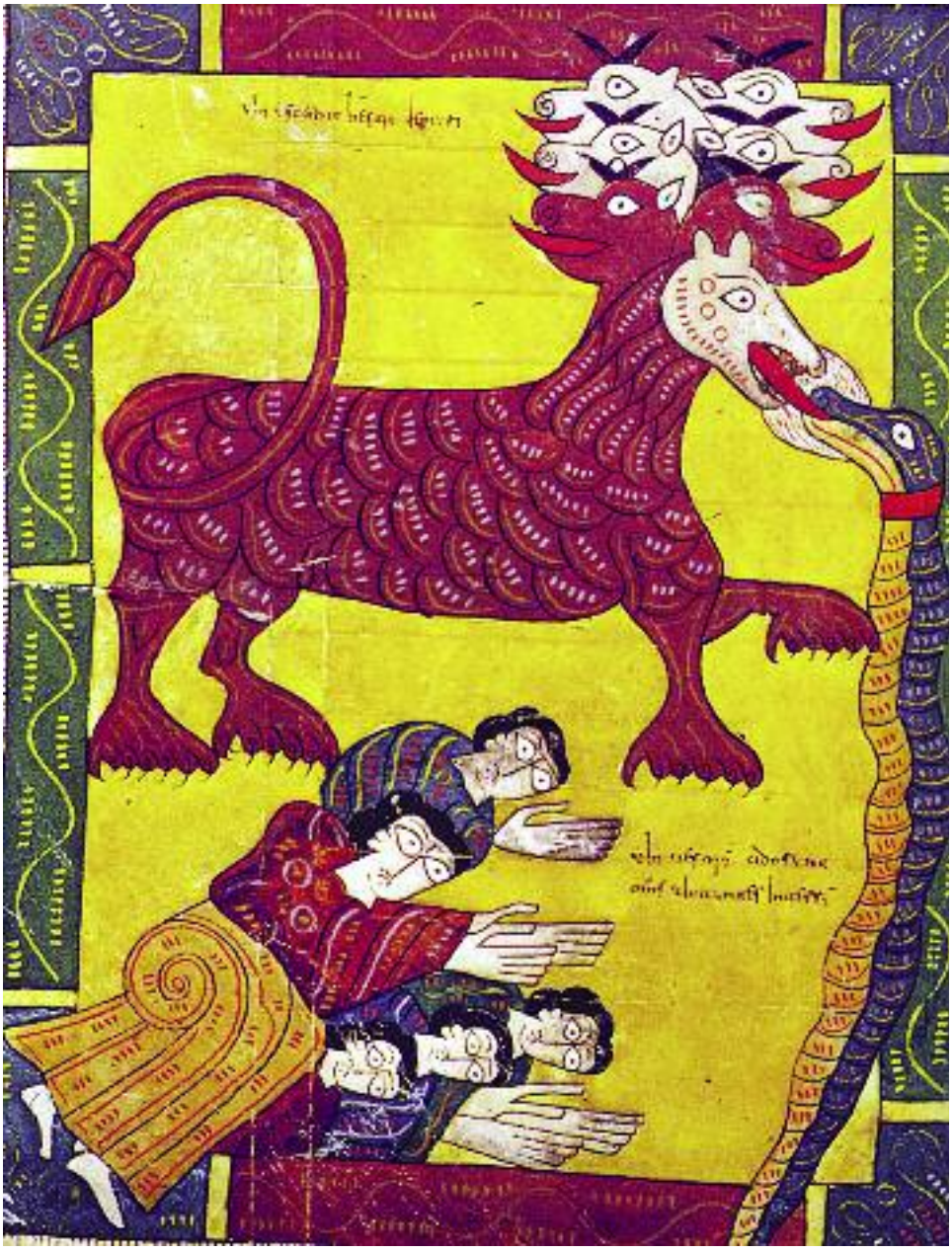
Святой апостол и евангелист Иоанн Богослов – Иоанн Зеведеев, один из двенадцати апостолов, – одна из самых выдающихся личностей в истории христианской Церкви. Согласно христианской церковной традиции он является автором сразу нескольких книг Священного Писания – Евангелия от Иоанна, Откровения и трех посланий, вошедших в Новый Завет.

Откровение Иоанна Богослова, или Апокалипсис, – последняя книга Нового Завета, являющаяся важнейшим священным текстом христианской эсхатологии и представляющая собой уникальную книгу пророчеств о церковной и мировой истории, начиная с самого раннего периода жизни Церкви и вплоть до времени кончины мира. Апокалипсис апостола Иоанна ни в коей мере не является книгой ужасов или каких-то мрачных пессимистических предсказаний. Цель книги – помочь христианам укрепиться в вере, приготовить их к предстоящему мученичеству и в то же время дать им надежду на торжество Царства Христа-мессии над всеми врагами Его Церкви.

Эль Греко. Иоанн Богослов. Около 1612 года

Как и пророка Илию, апостола Иоанна характеризует абсолютная бескомпромиссность в отношении древнего религиозного глобализма. За эту абсолютную верность Богу именно ему была дана особая честь написания Апокалипсиса, призванного дать предупреждение как современникам, древним христианам, так и христианам «последних времен», что подлинные члены христианской Церкви ни при каких условиях не имеют права принять религиозную глобализацию, поскольку это противоречит самой сути христианства.

Откровение Иоанна Богослова является абсолютно уникальным духовным феноменом как в отношении личности его автора, так и в отношении условий возникновения книги Апокалипсиса. Иоанн Богослов входил в число самых приближенных учеников Иисуса Христа и был единственным из апостолов, кто не оставил Его во время страданий на Кресте и кому Христос поручил заботиться о Его Матери. По Священному Преданию, он не умер, а был, как



Поклонение зверю. X век

В эти последние – эсхатологические – времена место духовно побежденной Церковью языческой Римской империи должна будет занять качественно новая во всех отношениях, но по сути тождественная античной религиозной глобализации суперглобальная религиозно-политическая антихристианская сущность, называемая в Откровении аллегорическим именем «зверь».

и пророк Илия, взят ангелами живым на небо. Книга Апокалипсиса была написана учеником апостола Иоанна – Прохором – под диктовку учителя в Пещере Апокалипсиса на греческом острове Патмос. В сводах этой прекрасно сохранившейся до наших дней Пещеры до сих пор видна та самая тройная расщелина, сквозь которую до Иоанна донесся голос Бога, «громкий голос, как бы трубный» (Откр. 1:10), возвестивший ему Откровение.

Апостол Иоанн Богослов на протяжении более 80 лет своей земной жизни проповедовал Евангелие, демонстрируя абсолютную верность Иисусу Христу и Его Церкви. Он воистину является новым Илией для христианской Церкви: как и ветхозаветный пророк, он воплощает в себе религиозную борьбу христианства за чистоту взаимоотношения человека с Богом, непримиримую борьбу Церкви с религиозной глобализацией. Поэтому Пещера Апокалипсиса на острове Патмос есть вещественный символ противостояния христианской Церкви религиозной глобализации. Как и пророка Илию, апостола Иоанна характеризует абсолютная бескомпромиссность в отношении древнего религиозного глобализма. За эту абсолютную верность Богу именно ему была дана особая честь написания Апокалипсиса, призванного дать предупреждение как современникам, древним христианам, так и христианам «последних времен», что подлинные члены христианской Церкви ни при каких условиях не имеют права принять религиозную глобализацию, поскольку это противоречит самой сути христианства.

Христианство возникло в I веке н. э. в специфической политической, религиозной и культурной ситуации Римской империи. Из всех империй античности Рим был наиболее ярко выраженным глобальным государством. А в религиозном и культурном отношениях Рим представлял собой первый абсолютно имманентный по своей сущности религиозный и культурный проект духовной интеграции всех языческих религий государства под эгидой религиозно-политического культа римского императора. Последний воспринимался как верховный бог всей империи. Эта языческая глобальная империя во главу угла ставила имманентные, то есть политические, мирские, отношения каждого подданного с императором в форме поклонений

императору как богу и принесений ему религиозных жертв. Таким образом, общеобязательная римская гражданская религия, в основе которой лежало политическое, а не религиозное отношение, являлась антиподом трансцендентного. Поэтому она ни при каких условиях не могла быть принята христианской Церковью, являвшейся высшей формой именно религиозного трансцендентного взаимоотношения человека с Богом.

Несомненно, среди ранних христиан было немало людей, готовых пойти на компромисс с римской властью. Но церковные пастыри запрещали верующим этот компромисс, отдавая себе отчет в том, что духовное сопротивление языческому Риму обернется для Церкви огромными жертвами, но в противном случае это будет означать измену самой сущности Церкви. Ни одна религиозная традиция мира не возникала в условиях таких чудовищных гонений, какие выпали на долю христианства. В разгар этих страшных гонений на Церковь со стороны глобальной языческой империи и появился Апокалипсис Иоанна Богослова, содержащий строжайший запрет христианам принимать религиозную глобализацию и соединять свою веру с какой-либо другой духовностью – то есть поклоняться другому богу, философскому учению или политической идеологии, уводящим христианина от истинного Бога. Это был строжайший запрет на глобальную религиозную апостасию, на понимание веры как способа некой духовной интеграции.

На все доводы нестойких в своей вере античных христиан, что принесение символической религиозной жертвы римскому императору – это такая малость, которая вообще ничего не значит и не имеет никакого отношения к духовной жизни христианина, Бог устами апостола Иоанна дал в высшей степени ригористический ответ: «<...> кто поклоняется зверю и образу его и принимает начертание на чело свое или на руку свою, тот будет пить вино ярости Божией, вино цельное, приготовленное в чаше гнева Его, и будет мучим в огне и сере пред святыми Ангелами и пред Агнцем; и дым мучения их будет восходить во веки веков, и не будут иметь покоя ни днем, ни ночью поклоняющиеся зверю и образу его и принимающие начертание имени его» (Откр. 14:9–11).

Согласно Апокалипсису, не только имевшее место в Древнем Риме религиозное поклонение языческому императору и будущее поклонение человечества некой глобальной религиозно-политической антихристианской сущности, получившей в Апокалипсисе именование зверя, но и принятие некоего символа религиозной глобализации, названного в Апокалипсисе «начертанием зверя», оказывается самым страшным смертным грехом для христианина, символом вечной апостасии, акта отступничества от живого Бога, после которого для христиан, по сути, невозможно покаяние. Известный священник и проповедник Русской православной церкви протоиерей Георгий Вахромеев называет этот запрет религиозной глобализации из 14-й главы Апокалипсиса последней заповедью Нового Завета. Для апокалиптических пророчеств характерна своего рода двойная интенция, то есть одновременная направленность на настоящее и на будущее Церкви по отношению к наблюдателю – апостолу Иоанну Богослову. Таким образом, современная Иоанну языческая религиозная глобализация, выражавшаяся в политике Римской империи в форме жертвоприношения императору, по мысли автора Апокалипсиса, должна с невиданной ранее силой повториться в будущем, условно называемом «последними временами».

В эти последние – эсхатологические – времена место духовно побежденной Церковью языческой Римской империи должна будет занять качественно новая во всех отношениях, но по сути тождественная античной религиозной глобализации суперглобальная религиозно-политическая антихристианская сущность, называемая в Откровении аллегорическим именем «зверь». Зверь обладает двумя ипостасями – безличной и личной. Безличная – это квинтэссенция всех духовных антихристианских сил, получившая символическое название – «зверь из земли», или «лжепророк», или, на современном языке, Новый мировой порядок. А личная – будущий глобальный религиозный и политический лидер всего мира. В Апокалипсисе он назван «зверем из моря», поскольку именно море является символом тотальной всемирной глобализации, а в христианской церковной традиции именуется антихристом. Почему несоблюдение категорического запрета Апокалипсиса на религиозную глобализацию так трагично для христианина? Потому что Новый мировой порядок – этот апокалиптический зверь – оказывается антихристианским духовным процессом, ведущим от Христа – к антихристу. Тот, кто вступил на этот путь и перешел некую духовную границу на пути к антихристу, или, говоря языком Апокалипсиса, поклонился «зверю и образу его», принял «начертание имени его», уже в духовном смысле сделал свой личный выбор. Он в духовном смысле уже признал антихри-

ста, и его путь лежит теперь только вглубь глобального царства антихриста. В Откровении прямо говорится, что грех прямого или косвенного поклонения антихристу намного страшнее для христианина многих других грехов, в которых он имеет возможность раскаяться, поскольку нарушение последней заповеди Священного Писания означает вечную гибель человеческой души, что аллегорически названо в Апокалипсисе «вином ярости Божией», «дымом мучения», который «будет восходить во веки веков».

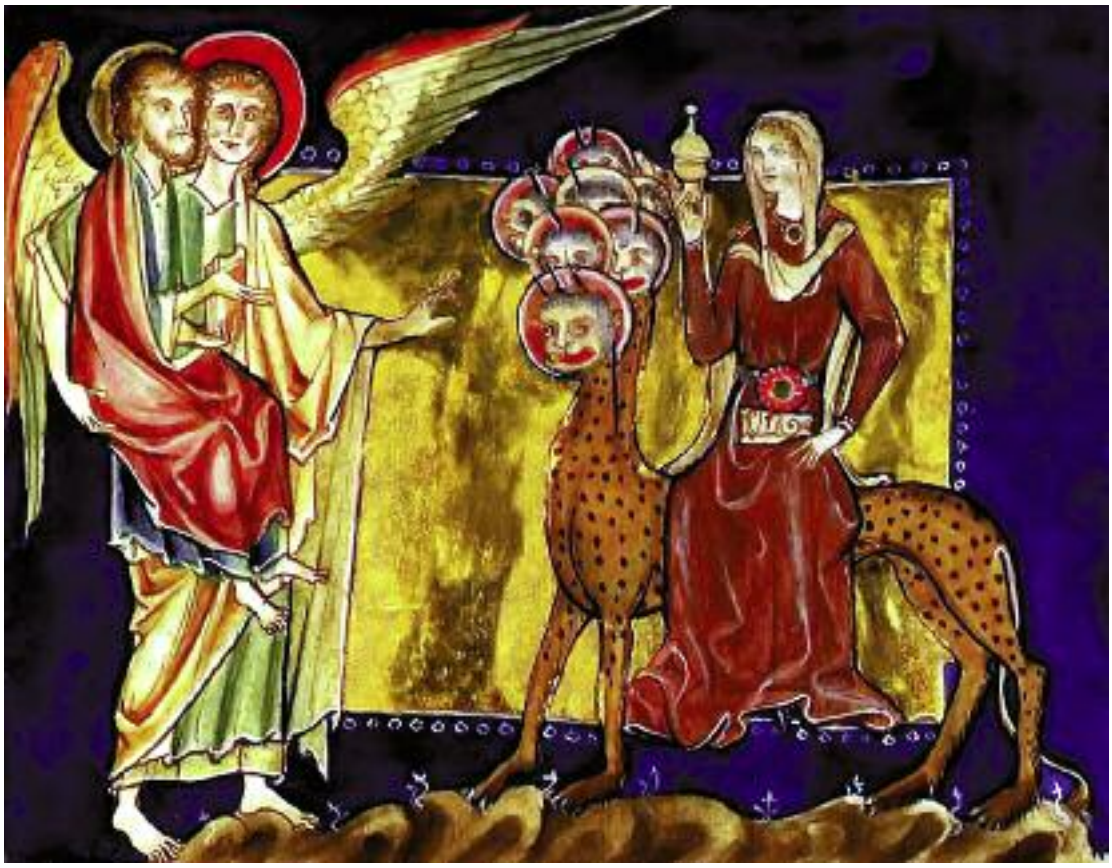
Апокалиптический образ Великой блудницы – символ современной религиозной глобализации

Пророчества Апокалипсиса о будущем Церкви и мира описаны апостолом Иоанном Богословом с помощью иносказательного языка метафор и аллегорий. Из всех таких образов Откровения одним из самых загадочных является образ Великой блудницы. Совершенно очевидно, что этот образ подразумевает не какую-то конкретную глубоко падшую женщину или какое-то особо безбожное языческое государство или народ. Апокалипсис – это книга духовных смыслов, имеющих непосредственное отношение к Христу и судьбе Его Церкви в мире, а не сборник морализаторских поучений или политических предсказаний о судьбах мировых империй и великих народов. Все, о чем говорится в Апокалипсисе, напрямую связано с христианской Церковью, оставшейся действительно верной Христу. При этом в Откровении особо подчеркивается единственность истинной Церкви Христа, символически изображаемой, как «жена, облеченная в солнце» (Откр. 12:1). Но если существует лишь одна истинная Церковь, сохранившая верность Христу, то должен существовать и ее антипод – лжецерковь, которая только называется Церковью Христовой, но в действительности является еретической и отступнической религиозной организацией, утратившей взаимоотношение с Богом. Поскольку истина является по своей сущности единственной, то и истинная Церковь может быть только одной. В то же самое время ее антипод – лжецерковь – вполне способна проявляться во множестве разных духовных сущностей, как и ложь в качестве антипода истины имеет огромное количество различных форм.

Как отмечалось выше, утрата истинности во взаимоотношении с Богом, принятие чужого религиозного опыта на языке Библии называется прелюбодеянием, то есть религиозной изменой. Изменить Богу может только духовная, а не политическая сущность, только то религиозное сообщество, которое ранее состояло в подлинном взаимоотношении с Богом Авраама, Исаака и Иакова, а затем вследствие религиозной измены утратило его. Поэтому никакое мощное мировое государство само по себе вне религиозного отношения его народа с Богом Библии, каким бы жестоким и тираническим оно ни являлось, а также ни одна языческая религия не может прелюбодействовать в библейском смысле слова, изменяя истинному Богу, так как эти политические и религиозные сущности никогда и не имели никакого отношения к Богу Авраама, Исаака и Иакова, следовательно, и не могут Ему изменять.

Поэтому образ апокалиптической Великой блудницы прямо продолжает библейскую аллегорическую традицию именования блудом и прелюбодеянием действий той части народа Израиля, которая поклонялась чужеземным богам, за что подверглась страшному наказанию – захвату Израильского царства ассирийцами и полному уничтожению десяти колен (то есть племен) народа Израиля. Совершенно очевидно, что Великая блудница Апокалипсиса – это в широком смысле религиозная аналогия неверного Богу народа Израиля времени пророка Илии, то есть не что иное, как собирательный образ лжецеркви, совокупность религиозных сущностей и институтов, которые считаются христианскими только по названию, а на самом деле являются еретическими и отступническими структурами, навсегда отпавшими от истинной Церкви Христовой.

Образу Великой блудницы придается в Апокалипсисе огромное значение – этому символическому персонажу посвящены целые главы книги, 17-я и 18-я. В них не только приводится описание этой апокалиптической духовной сущности, но и говорится о суде над Великой блудницей – суде, подобном тому, каким в свое время были осуждены неверные колена народа Израиля. Самым трагичным в этом описании является то, что Великая блудница в силу духовного отступничества и утраты взаимоотношения с истинным Богом открыто переходит на сторону врагов Христа и Церкви и вступает в духовную связь со зверем-антихристом, требующим себе по образцу римских императоров всеобщего религиозного поклонения и являющимся, таким образом, главным действующим лицом процесса религиозной глобализации. По Апокалипсису, Великая блудница не только имеет духовную связь со зверем, то есть участвует в процессе религиозной глобализации, но и,



Вавилонская блудница. Около 1260 года

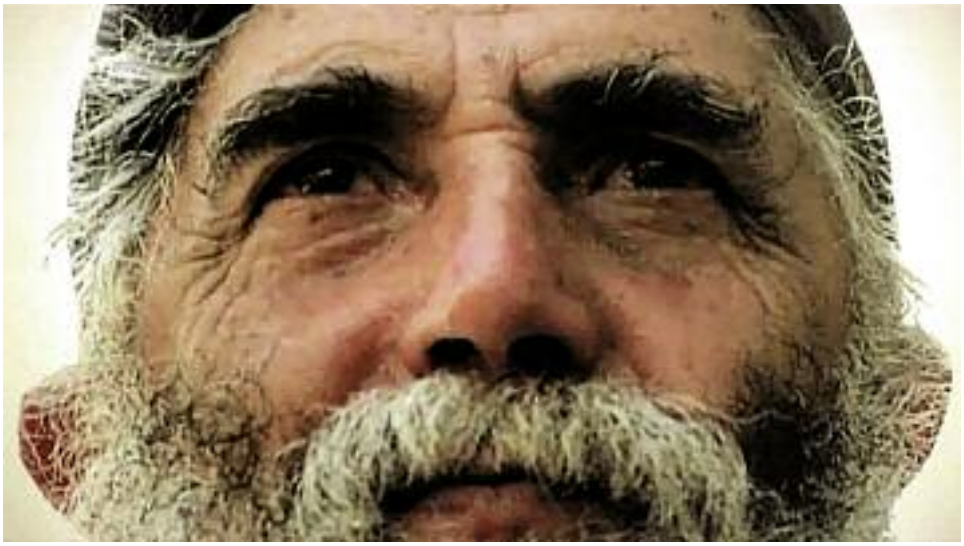
выражаясь аллегорическим языком Апокалипсиса, сидит на звере – иначе говоря, возглавляет этот процесс, оставаясь нетождественной зверю-антихристу.

По тексту Откровения Ангел Божий ведет Иоанна в пустыню, где показывает ему истинную духовную сущность Великой блудницы: «<...> и я увидел жену, сидящую на звере багряном, преисполненном именами богохульными, с семью головами и десятью рогами. И жена облечена была в порфиру и багряницу, украшена золотом, драгоценными камнями и жемчугом, и держала золотую чашу в руке своей, наполненную мерзостями и нечистотою блудодейства ее; и на челе ее написано имя: тайна, Вавилон великий, мать блудницам и мерзостям земным. Я видел, что жена упоена была кровию святых и кровию свидетелей Иисусовых, и, видя ее, дивился удивлением великим» (Откр. 17:3–6).

По Апокалипсису, Великая блудница не только имеет духовную связь со зверем, то есть участвует в процессе религиозной глобализации, но и, выражаясь аллегорическим языком Апокалипсиса, сидит на звере – иначе говоря, возглавляет этот процесс, оставаясь нетождественной зверю-антихристу.

Приведенный отрывок чрезвычайно значим в том отношении, что Иоанн хочет не только идентифицировать Великую блудницу в широком смысле – как лжецерковь, как совокупность отступнических и еретических христианских сообществ, – но и определить ее в узком смысле, указать более конкретно на ее пространственно-временное и географическое измерения. Апостол говорит о себе, что он «дивился удивлением великим». Но что могло так удивить Иоанна, всю свою жизнь, посвятившего служению Церкви? Что он не видел за свою долгую жизнь жестоких преследований первых христиан со стороны римских язычников, античных иудеев или даже древних христианских еретиков? Это должно было быть некое особое, яркое личное впечатление, способное потрясти древних христиан. Иоанн не пожелал открыто сказать о таком впечатлении, но при этом все же дал более конкретное – хотя и аллегорическое – определение места, откуда происходит Великая блудница. Ангел говорит апостолу Иоанну: «Жена же, которую ты видел, есть великий город, царствующий над земными царями» (Откр. 17:18).

Это указание необходимо правильно истолковать, помня об отмеченной выше двойной интенции духовного смысла Откровения, то есть об одновременной направленности его пророчеств на настоящее и



Паисий Святогорец (на фото):
«Сегодня читать Апокалипсис, как читать газету, – так все ясно написано».

будущее Церкви. Многие образы Апокалипсиса становятся двойственными по отношению к позиции наблюдателя – автора книги. И можно допустить, что будущую духовную сущность символического персонажа Великой блудницы Иоанн определяет посредством описания того, чем она является для него в настоящем.

Во время написания Апокалипсиса таким «великим городом, царствующим над земными царями», мог быть только Рим. Именно в нем – центре глобальной языческой империи – произошли первые жесточайшие гонения на христиан при императоре Нероне. Эта традиция была продолжена и при преемниках Нерона. В частности, и сам апостол Иоанн Богослов был подвергнут жестоким пыткам и затем сослан на отдаленный греческий остров Патмос по личному приказу римского императора Домициана. Именно римская армия под командованием императора Тита сожгла иудейский Иерусалимский храм, уничтожила сам город Иерусалим и, соответственно, прекратила существование иерусалимских христианских общин – то есть совершила знаковые для апостола Иоанна деяния, которые, несомненно, глубоко потрясли его. Вместе с тем справедливо предположить, что сам современный апостолу имперский языческий Рим – жестокий гонитель Церкви и прообраз всемирной религиозной глобализации в «последние времена» мира – вряд ли идентифицировался автором Откровения с Великой блудницей. Рим всегда был жестоким врагом Бога и поэтому не мог в религиозном смысле изменить Ему. Поэтому, указывая на Рим как на Великую блудницу, Иоанн Богослов также прибегает к метафоре, имея в виду не современный ему Рим как центр глобальной империи и политическую сущность, но будущий Рим – как глобальную религиозную сущность, связанную с христианством. То есть не что иное, как будущую Римскую церковь – духовный центр Западной Римской империи.

Древняя христианская Церковь времен апостола Иоанна, то есть в I – начале II веков имела несколько центров – Иерусалим, Александрию, Антиохию, Рим. В начале IV века к ним добавился Константинополь. Каждый из этих пяти центров обладал церковной юрисдикцией над определенной территорией Римской империи. В самые первые годы жизни Церкви наибольшим значением и авторитетом пользовался Иерусалим, но после разрушения Иерусалима римлянами в 70 году и прекращения существования Иерусалимской церкви наибольший авторитет получила Римская церковь, под юрисдикцией которой находилась западная часть империи. Ее епископ стал именоваться папой и пользоваться среди глав других Церквей статусом первого среди равных. Подобное положение просуществовало практически вплоть до Великой схизмы 1054 года, когда Римская церковь отделилась от остальных четырех христианских центров, ставших впоследствии православными поместными Церквями. С тех пор больше не существует ортодоксальной Римской церкви, а есть только Римская католическая церковь.

После политической катастрофы Западной Римской империи в конце V века римские папы становятся единственными духовными и моральными авторитетами Запада и со временем начинают претендовать также и на политическую власть в Европе. Только благодаря усилению политической власти папства светским властителям Европы удается достичь возрождения политической, экономической, духовной и культурной мощи погибшей Западной Римской империи – то есть возрождения, по сути, античного Рима. Символично, что новый европейский Рим в качестве основного духовного и политического центра средневековой цивилизации Запада рождается как раз с Великой схизмой. В эту

эпоху Рим в качестве Святого престола также был «царствующим над земными царями» в том смысле, что римский папа обладал всей полнотой власти светского властителя и лично раздавал из своих рук короны светским европейским монархам. При этом Рим со времен Античности и вплоть до настоящего времени является фактически единственным духовным центром всей западной цивилизации.

Поэтому правомерно заключить, что апостол Иоанн под аллегорическим образом Великой блудницы подразумевал Рим как символ изменившей Христу Церкви и в более широком смысле – как символ всего апостасийного бывшего христианского Запада, который в «последние времена» мира возглавит процесс религиозной глобализации. То есть процесс, целью которого будет требование воздания всеобщего религиозного поклонения антихристу – по образу античного римского поклонения императору как богу. Апокалипсис апостола Иоанна Богослова, по преданию, взятого Богом живым на небо, содержит пророчество о возвращении в «последние времена» на землю и двух других праведников, которых также не постигла обычная смерть, – пророка Илии и Еноха. Вплоть до своей мученической кончины они будут пророчествовать и обличать антихриста, то есть продолжать непримиримую борьбу истинной Христовой Церкви с религиозной глобализацией антихриста.

Церкви Запада против заповеди Апокалипсиса

В настоящее время воцерковленные люди, интересующиеся духовным смыслом мировых событий, сами могут отчетливо удостовериться в поразительно точном исполнении пророчеств Откровения. Как говорил знаменитый афонский старец, совсем недавно причисленный Православной церковью к лику святых, Паисий Святогорец: «Сегодня читать Апокалипсис, как читать газету, – так все ясно написано».

Одним из исполнений предсказаний Апокалипсиса, связанных с образом Великой блудницы, является современное духовное состояние Церквей обеих западных по происхождению христианских религиозных традиций – католицизма и протестантизма. И та и другая в настоящее время не только открыто встали на путь современной религиозной глобализации, но и пытаются как религиозно, так и политически возглавить этот апостасийный антихристианский духовный процесс.

Современный протестантизм, распавшийся на более чем двадцать тысяч различных деноминаций, с самого начала своего возникновения открыто отрицал основу христианской экклесиологии – православное учение о единственности Христовой Церкви. Для древнего ортодоксального христианства не было более страшного греха и богохульства, чем намерение того или иного «благочестивого» христианина основать «новую истинную Церковь», поскольку Церковь уже существует, причем основанная не каким-то религиозным лидером, а самим Иисусом Христом. Подобный путь борьбы с единственностью Церкви для античных христиан мог означать только духовную катастрофу. Неудивительно, что она быстро постигла и современный протестантизм, провозгласивший в свое время «духовное возрождение христианства». Но это так называемое возрождение превратилось к настоящему времени в жалкую пародию на основные духовные принципы христианской Церкви.

Осознав глубину духовной катастрофы и признав очевидность того факта, что единственная Церковь, основанная Христом, как и истина сама по себе, исключает существование враждующих друг с другом религиозных конфессий, многие религиозные лидеры современного протестантизма ударились в еще более радикальную антихристианскую крайность. Они провозгласили радикальный отказ от принципа религиозной истины вообще, обосновав это утверждение тем, что Церковь Христова едина сама по себе, невзирая на наличие внутри нее несовместимых друг с другом вероучений, истолкований нравственных принципов и совершенно чуждого друг другу религиозного опыта различных конфессий.

Такой подход – это своего рода современный радикальный протестантский экуменизм «снизу», начавшийся в начале прошлого века с намерения объединить все христианские Церкви и перешедший в настоящее время на качественно новую стадию, возмечтавшись объединить все мировые религиозные традиции во всемирную мировую религию. Современный протестантский экуменизм – это путь к тотальной религиозной глобализации всех мировых религий, за которой уже маячит фигура будущего глобального религиозного лидера – антихриста.

На тот же самый путь религиозной глобализации вступил полвека спустя – в середине XX столетия – и современный католицизм, до того в течение около 900 лет жестко настаивавший на исключительной истинности Римской католической церкви и непримиримо боровшийся, в том числе и политически, с православием. Антиглобализационный религиозный пафос Ватикана как по мановению

Альбрехт Дюрер. Видение Св. Иоанна (семь подсвечников). 1497–1498 годы

Современная религиозная глобализация все более и более отчетливо превращается в новую глобальную мировую религию, адепты которой, согласно пророчествам Апокалипсиса, будут воздавать религиозное поклонение зверю-антихристу. Истинная Христова Церковь никогда не пойдет по этому пути.

волшебной палочки в 60-е годы XX века неожиданно сменился на свою противоположность. Рубиконом стал II Ватиканский собор, осуществивший настоящую религиозную революцию внутри Римской церкви. На этом соборе католицизм открыто отказался от следования пути истины Христовой Церкви и пошел по духовному пути, прямо противоположному православию. С тех пор католицизм, по сути, стал возрождать античную римскую языческую глобализацию. Он провозгласил «монотеистический» принцип тождества личности единого Бога в различных мировых религиях. Утверждение возможности «различных путей» поклонения единому Богу полностью соответствует толерантной языческой римской религии, исходившей из точно таких же духовных принципов и требовавшей лишь религиозного поклонения императору как единому богу Римской империи. То есть налицо откровенное попрание Ватиканом христианского догмата о Святой Троице.

Кроме того, католицизм отказался даже от убеждения, что спасение возможно лишь через Христа и Его Церковь, усмотрев «семена Слова» практически во всех мировых, в том числе и языческих, религиях и допустимость религиозного спасения не только путем веры во Христа, но и в результате «нравственного поведения» человека в нехристианских религиях. Такой взгляд трудно истолковать иначе как прямое предательство Ватиканом Основателя Церкви – Иисуса Христа.

Таким образом, на II Ватиканском соборе современный католицизм открыто встал на путь радикальной религиозной глобализации «сверху», под руководством самого римского папы. Глобализация «сверху» стала как дополнением к радикальному протестантскому экуменизму и его религиозной глобализации «снизу», так и своеобразной альтернативой им.

С тех пор Ватикан считает возможным заключать как политические, так и религиозные союзы не только с другими христианскими конфессиями, но и даже с нехристианскими мировыми религиями. От последних требуется самая малость: признание религиозного лидерства Католической церкви и лично ее главы – папы – в глобальном процес-

се политического и религиозного сближения всех мировых религиозных традиций друг с другом.

Ярким проявлением этой глобалистской интенции современного католицизма стала организация Ватиканом экуменических молебнов под предлогом «межрелигиозного диалога» и борьбы за мир с участием представителей практически всех религиозных конфессий мира под руководством папы. Первый такой молебен состоялся 27 октября 1986 года в Ассизи. «Дух Ассизи» – это дух радикального экуменизма и религиозной глобализации, осуществляемой римским католицизмом «сверху».

Как не вспомнить здесь суровое пророчество Апокалипсиса и поразиться его столь точному исполнению, равно как и открытому попранию церквями Запада строжайшего запрета для христиан участвовать в религиозной глобализации.

Религиозная глобализация как угроза православию и духовному суверенитету России

Совершенно очевидно, что современная религиозная глобализация представляет собой очень серьезную угрозу духовному суверенитету как Русской православной церкви, так и всей России.

Мы помним из истории, какие злые духовные плоды для Русской церкви и России приносили имевшие место в прошлом попытки католическо-православной глобализации, осуществлявшиеся в форме религиозных союзов – уний – под патронатом папы и имевшие своей тайной или даже открытой целью подчинение Православной церкви Риму. Достаточно вспомнить здесь две унии – Флорентийскую 1439 года и Брестскую 1596 года. Обе были заключены частью православных церковных иерархов с римскими папами в угоду имманентным – политическим, экономическим, социальным, даже национально-государственным – целям, но в ущерб трансцендентным целям. То есть в ущерб интересам собственно Православной церкви, ее религиозной идентичности и неприкосновенности православной церковной традиции, что обернулось многими бедами для Русской церкви, государства и народа. Страшные духовные и политические последствия Брестской унии в форме массовых погромов православных храмов на Западной Украине в конце прошлого века и рождение радикального и агрессивного украинского национализма Русская православная церковь и в целом Россия вынуждены расхлебывать до сих пор.

Многочисленные сторонники современной религиозной глобализации и радикального религиозного экуменизма в среде православных церковных иерархов, самым ярким примером которых является константинопольский патриарх Варфоломей, оказывают беспрецедентное религиозное и политическое давление на Русскую православную церковь в угоду интересам Ватикана и политической элиты Запада. На запланированном в 2016 году Всеправославном соборе в Константинополе (Стамбуле) с участием официальных делегаций всех православных поместных Церквей ожидается противостояние по многим церковным вопросам, прямо или косвенно связанным с проблемами современной религиозной глобализации, между Константинопольской и Русской православными церквями. Или – в метафорическом смысле – между Вторым Римом (Константинополем) и Третьим Римом (Москвой), названными так в Средневековье именно в качестве духовных альтернатив апостасийному Первому Риму. При этом за Константинопольской церковью стоят политические и духовные силы всего мира, открыто поддерживающие современную религиозную глобализацию, в лице прежде всего Первого Рима – ныне Ватикана, США и Евросоюза, – а также все видные православные экуменисты. А за Русской церковью – вероучение и каноны православия, Россия и православный российский народ, а также дружественные ей православные поместные Церкви и православные церковные иерархи, оставшиеся верными Церкви Христовой. На Всеправославном соборе, по сути, развернется духовная война политического союза Первого Рима со Вторым против Третьего. Понятно, что Россия и ее народ не могут и не должны остаться равнодушными к духовной и политической войне всех сил мировой религиозной глобализации против Русской православной церкви.

Совершенно очевидно, что современная религиозная глобализация все более и более отчетливо превращается в новую глобальную мировую религию, адепты которой, согласно пророчествам Апокалипсиса, будут воздавать религиозное поклонение зверю-антихристу. Истинная Христова Церковь никогда не пойдет по этому пути. Христиане не могут принудить своих религиозных оппонентов отказаться от этого гибельного для них духовного решения, поскольку уважают свободу их совести. В свою очередь, они требуют также и от своих оппонентов уважения собственной религиозной свободы, которая является основой духовного суверенитета как всех традиционных религиозных конфессий России, так и самого Российского государства.

Александр Иванович Неклесса –
руководитель Группы «ИНТЕЛРОС – Интеллектуальная Россия», председатель Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации, член бюро Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме РАН, директор Центра геоэкономических исследований (Лаборатория «Север–Юг») Института Африки РАН

Антропологическая империя*

Обновление мира и человека

История есть перманентное обновление мира и человека.

Разговоры о постсовременности, постиндустриальном или информационном обществе, конфликте цивилизаций, конце истории, плоском или подвижном мире – попытки опознания сути переживаемого транзита, его сшитая на живую нитку формализация. Токи универсализма и персонализма, миграции народов расплавляют арматуру политических наций, «мировой пожар» охватывает территориальные, отраслевые, профессиональные институты/организованности, обжигая огнем бытия.

Обостряется конкуренция за источники социального притяжения. Культурная гравитация – пожалуй, наиболее востребованный ресурс: золотой песок, клондайк Нового мира. Магнетизм, присущий нематериальным активам нации – мировидению, политической философии, смыслообразующим началам, осознанной идентичности, – играет роль склейки, удерживающей осваивающее трансграничность сообщество от поглощения иными мирами. Вместе с творческими, интеллектуальными, моральными ресурсами социокультурный капитал – одна из наиболее значимых целей и ценностей в борьбе за место под солнцем в динамичной конфигурации XXI века.

* Статья написана на основе бесед и презентаций в клубе «Красная площадь»: «Воздушный лик земли (мир как сумма взаимодействий)», «Господа хаоса (антропологическая трансформация)», «Кризис будущего (сценарии и маршруты)».

Проблема современной России – в остром дефиците энергии культуры, что чревато нешуточными пертурбациями. «Вижу миллионы безграмотных людей не только с точки зрения родного языка, но и с точки зрения всеобщей грамотности – социальной и культурной. Абсолютно дремучее состояние людей, которых можно повести за собой под любыми знаменами: нацистскими, тоталитаристскими, националистическими» (Александр Сокуров).

К тому же культурный капитал – сложнообретаемый актив, требующий не только настойчивых и умных усилий, но также времени для полноценного созревания.

Коллизии трансформации могут разрешаться двумя способами (в основе которых архетип фетуса и ритуал перехода) – охранительным и преадаптивным. Будущее все же за системами опережающего развития – преадаптивными методами освоения приоткрывающихся пространств, а не превентивными, хотя порою эффективными, механизмами поддержания *status quo*.

Устремленность к идеалу порождает будущее.

Искусность, как и искусственность, проявляется в мастерстве и артистичности, которые имеют малое отношение к наблюдаемой действительности. Источник огранки мира не природа, а люди. Энергетика перфекта востребована в антропогенных, творимых человеком аспектах бытия, стремлении к воплощению идеала. Мы изменяем кривизну мира в соответствии с жаждой преображения и невнятными, но властными импульсами, пребывая в конфликте с собственным естеством.

Прежний мир развоплощается, обитатели утрачивают привычный статус, инструменты усложняются, функции персонализируются, трескается скорлупа обезличенных институтов. Восстание масс, растворяясь в индустриальном подъеме, простимулировало бунт элит, а обустроенная на перепутье соборная Ойкумена подвергается трансгрессии и вивисекции со стороны разрушительного разнообразия варваров Севера и Юга.

В сплетении транспортных коридоров, коммуникационных артерий, виртуальных сетей и трансграничных ареалов утверждаются влиятельные субъекты – мировые регулирующие органы, страны-системы, геоэкономические комплексы, государства-корпорации, энигматичные облачные структуры. Социальные, политические, финансовые, знаниевые организмы, рожденные цивилизацией, облекаются в подвижные оболочки – суммы взаимодействий, – реализуемые все чаще неформальным и частным образом.

Александр Сокуров (на фото):
«Вижу миллионы безграмотных людей не только с точки зрения родного языка, но и с точки зрения всеобщей грамотности – социальной и культурной. Абсолютно дремучее состояние людей, которых можно повести за собой под любыми знаменами: нацистскими, тоталитаристскими, националистическими».

Новое мироустройство изменяет прописи практики. В XXI веке страны уже не территории, это социально и культурно мотивированные кооперации – нации с все более подвижной и все менее определенной геометрией присутствия: корпоративные и социокультурные интегрии, люди, чьи родовые гнезда превращаются в терминалы вселенского театра действий. Глобальная революция – грандиозный переворот, универсальная дисперсия, взрыв антропологической вселенной. На планете складывается полифоничная среда, формируется подвижное и многоликое общество. Человек, отягощенный прошлым, его вязкой инерцией, привык воспринимать историю как однажды написанную книгу, подзабыв, что текст искрится, мерцает, строки переливаются, а прочтение будущих глав – плод внутренних и внешних усилий.

Эпоха негеографических открытий

Метанойя – преимущество первопроходцев и оружие колонизаторов. В незнакомые края вслед за путешественниками и миссионерами шли авантюристы и мародеры, солдаты и предприниматели, перекати-поле и поэты в душе. Колониализм начинался в Европе, сегодня он возвращается в ее неспокойные земли.

За последнее время в мире слишком многое изменилось, что создает проблемы для признанных членов мирового сообщества. Планета напоми-

нает испеченный с обилием специй пышный и слоистый пирог, в котором отдельные персонажи занимают сразу несколько этажей. Перемены – синкопы тектоники, они отчетливо ощутимы в землях практики, чья телесность предопределена ценами на кровь, сырье, урожаи, но мы не сознаем глубины перемен: «Люди обедают, только обедают, а в это время слагается их счастье и разбиваются их жизни» (Антон Чехов).

Реконкиста антропологической вселенной проходит по конкурирующим версиям ее обустройства. Проецируя противоречивые замыслы на листы футур-исторического трактата, конкуренты переусложняют его содержание. В наслаивающихся интервенциях запутывается интрига, меняется маршрут, некоторые линии повествования – в актуальной (*updated*) версии, – не выдерживая конкуренции, выпадают из сюжета. Преобразуясь в маргиналии, они удерживаются, однако, в ранге интерполяций на маршевом плацу цивилизации, эпизодами-эскадронами рассыпаясь по брусчатке читаемого *online* текста.

Прорастающие в трещинах семена иного провоцируют дестабилизацию, последняя – деконструкцию или революцию. И потенциально – деструкцию, творческую либо тотальную.

Освоение и передел виртуальных ландшафтов напоминает борьбу за очертания земных территорий, однако географическое измерение утрачивает прежнее значение – в данном регистре новых суверенов интересуют ареалы природных ресурсов и маршруты транспортировки. Контуры же грядущего мира, стереометрия его зыбких границ определяются не столько в категориях широты и долготы, сколько в единицах мощи и влияния, а также качеством населения, номенклатурой актуальных благ, темпами перемен. И главное – степенью присутствия в правовых, финансовых, цифровых, языковых, когнитивных галактиках. Меняется роль различного рода корпораций и неформальных организаций, нематериальных капиталов, обретаемых подчас за счет материальных активов, что приводит на ум ситуацию из шахматной партии: жертву фигуры за качество. Как результат – геополитика замещается геоэкономикой и геокультурой, а они, вместе взятые, – контролем над смысловой инфраструктурой цивилизации, траекторией и динамикой социального времени. Обмен ценностей высшего регистра на сокровища низшего – неэквивалентная затея, ведущая к профанации достигнутого и превращению субъекта в инструмент.

Стратегия глобальной перестройки – это, конечно, не сумма оперативно-тактических комбинаций, пусть масштабных и результативных. Дело не в объемах перемещаемых средств и не в эффектных, но не относящихся к сути процесса следствиях. В стратегических играх важен мотив сражения и формат целеполагания: тут доминирует либо устремленность к удачному приобретению, либо преобразование среды в заданном направлении.

Арсенал политической персоны, решившейся осваивать зыбкие земли, включает признанную на данном «марсовом поле» субъектность, персональное представление будущего, способность воплощать его, верша суд и реализуя вердикт. Право – грамматика процесса и семантика миропорядка. Мировидение определяет постулаты практики, это нить Ариадны для времени, сшивающего по своей мерке распоротый вестфальский камзол. Нынешнее обустройство общежития – постиндустриальный передел, борьба за аксиологию и гегемонию, за ключевые позиции в физической и виртуальной инфраструктуре: сетях и струнах эпохи перемен.

Это вселенская битва за человека, его грядущий статус, за некий золотой камертон – контроль над всплывающими из вод истории островами будущего и управление маршрутом продвижения к нему.

Кризис будущего

Трансформация существующего в возможное и возможного в действительное ограничена оценкой вероятного. Прочтение реальности неадекватно реальности, но для человека, обитающего в пространствах опыта, то есть прошлого, первое преобладает над вторым. Ситуацию можно сравнить с наблюдаемым звездным небом, отражающим несуществующее положение вещей. Сегодня мы живем в мире, неопределенность которого возрастает: чем больше действий совокупно совершаем, чем больше познаем, тем обширней сфера соприкосновения с неведомым.

Обилие инструментов, разнообразие форм/методов организации сами по себе предполагают снижение надежности техносферы и рост неопределенности. Закономерности в перегруженной механизмами среде проявляются как статистический параметр, в технических и социальных сетях фиксируется феноменология «странных процессов». А по мере умножения проблем, сокращения времени на их осмысление и реагирование практика раз за разом ставит перед лицами, принимающими решения, дьявольские альтернативы.

С усложнением контроля над ситуацией возрастают нагруз-

ки на интеллект, психику, физиологию; повышается роль креативности, способности *ad hoc* постигать скоропись нестандартных обстоятельств, поддерживать душевное равновесие, быстроту реакций, интеллектуальный и творческий статус.

Homo sapiens может находить и принимать верные решения на основе несовершенных, противоречивых, заведомо неполных данных: будучи по природе не объектами, а субъектами, причем весьма сложными, люди обладают способностью к операциям нестандартного свойства, спонтанным и продуктивным. Кроме того, анализируя обстоятельства умножающихся коллизий, мы не только обретаем недоступный ранее опыт, но можем делать выводы, ведущие к переменам в самих процессах принятия и реализации решений. Истина улавливается сквозь щели парадоксов.

Все же длительное время мысля и действуя в соответствии с постулатами линейной логики, обитая в затворе механистической модели бытия, мы рассчитываем диапазон возможностей по прописям привычного культурного эталона. Человек стал частью управленческой механики: исполняя ту или иную функцию, он редуцирован – согласие играть роль объекта вело к обезличиванию и отчуждению. Как результат – в мире нарастающей мощи технических систем силы физического человека кажутся пошатнувшимися, возможности – ограниченными, обстоятельства же требуют наличия либо выявляют отсутствие особых человеческих качеств, указывая при этом на альтернативы: протезирование недостающих свойств, эффективную методологию действий в условиях неопределенности, антропологическую революцию.

Антропологический императив

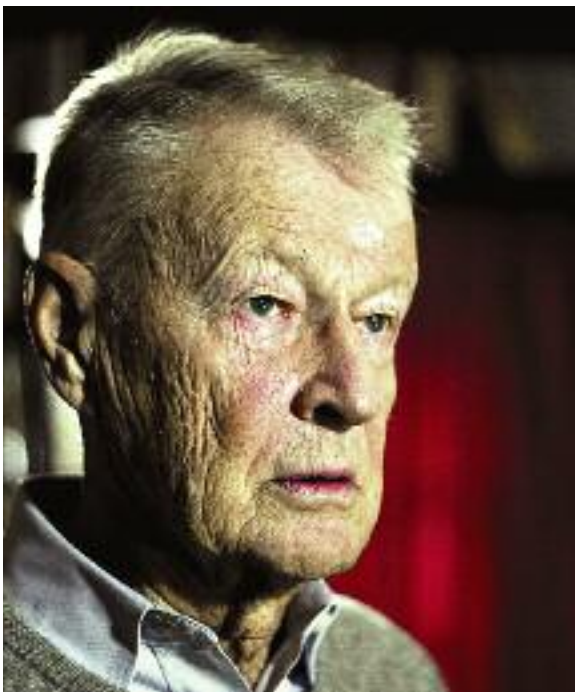
Миражи – не иллюзия, но искаженный расстоянием и климатом образ земель, расположенных по ту сторону горизонта.

Антропологический императив – империум постсовременного дискурса – проявляется в сдвиге от объективно механистических констатаций и политэкономических координат к рефлексии, учитывающей ментальный характер социообъектов и глубину субъективности, произвол человеческой натуры. Человек-демиург, насельник творимой им же антропологической вселенной, способен проектировать и воплощать экзотические версии прогностического текста. И хотя сегодняшние «люди воздуха» – это не былые пророки и поэты, не литераторы и риторы, генетическая связь прослеживается: случалось, именно визионеры и философы в не столь отдаленном прошлом поджигали социальные горизонты и пролагали политические маршруты.

Линдон Джонсон (на фото):
«Наша задача достичь примирения с Востоком – перейдя от узкой концепции сосуществования к более широкому подходу мирного сотрудничества».

На планете сложился влиятельный слой «людей воздуха». Сфера их активности – поиск, производство и реставрация смыслов, продуцирование идей, мемов, образов, операции с культурным капиталом, образованием, другими нематериальными ресурсами, генерирование управленческих, геополитических, геоэкономических, геокультурных замыслов, создание сложных и высоких технологий. В подвижной многослойной Ойкумене страта персон, обладающих доступом к самому совершенному в истории инструментарию, реализует новый тип акций, включающих эффективные действия в ситуациях ползучей неопределенности.

Креативные энергии – питательная среда оппозиции: дискурс прозорливой власти перманентно трансцендирует среду обитания. Новое поколение четвертого сословия имеет дело преимущественно не с вербальными текстами, а непосредственно со сценариями практики. Критический класс в эпоху перемен и метафор становится гегемоном, сталкивая лоб в лоб антитеррор и личный суверенитет. Человек-предприятие (*manterpriser*) – господин воздуха – востребован в роли как конструктора, так и деструктора. Формируя общественную топографию, он прочерчивает горизонт театра действий, который можно охарактеризовать как власть без государства и госу-



Эскиз нового мироустройства набросал Збигнев Бжезинский (на фото), сформулировавший тезис о стратегической цели Запада: создание системы глобального планирования и долгосрочного перераспределения мировых ресурсов, базирующейся на трансформации политической культуры в направлении господства элиты, формирование региональной и наднациональной власти путем сплочения развитых стран, образование сообщества ведущих государств мира.

дарство без территории. В подвижной среде изменяется ценность метафизических активов, взлетает стоимость аксиологических ориентиров, растет значение человеческих качеств.

Прежнее знание о мире оказалось недостаточно эффективным, порою обманчивым и едва ли не обременительным: слишком довлеет привычка думать о территориях и материальных объектах, нежели о людях и энергиях, о совершившемся, а не о находящемся в становлении. Сегодня интересен не столько факт, сколько тренд, востребовано искусство чтения, а не навыки произнесения слов. Антропосоциальные системы все чаще оказываются конкурентоспособнее публичных институтов. Мастер свободных искусств, амбициозный и компетентный, действуя вне институциональных регламентов, может проектировать и провоцировать эффективно подрывающий прошлое акт.

Будучи по своей природе сверхсложными организмами, люди пребывают в транзитном состоянии. Побуждаемые желанием не просто жить, но действовать, они объединяются в молекулярные цепочки по принципу алхимической симпатии, кумулятивно соучаствуя в трансформационных замыслах и процедурах. Освобождение человека от многих обременений позволило штурмовать дальние рубежи, но за прорыв взимается плата – здесь возникает проблема не столько в наличности, сколько в основаниях платежной системы: финансовая комбинаторика, несмотря на задекларированные услуги, оказывается под подозрением. Она абстрактна, инструментальна, универсальна, однако в сложившихся обстоятельствах важны не цифровые комбинации, а нечто иное: в оплату предъявленного счета идут человеческие качества.

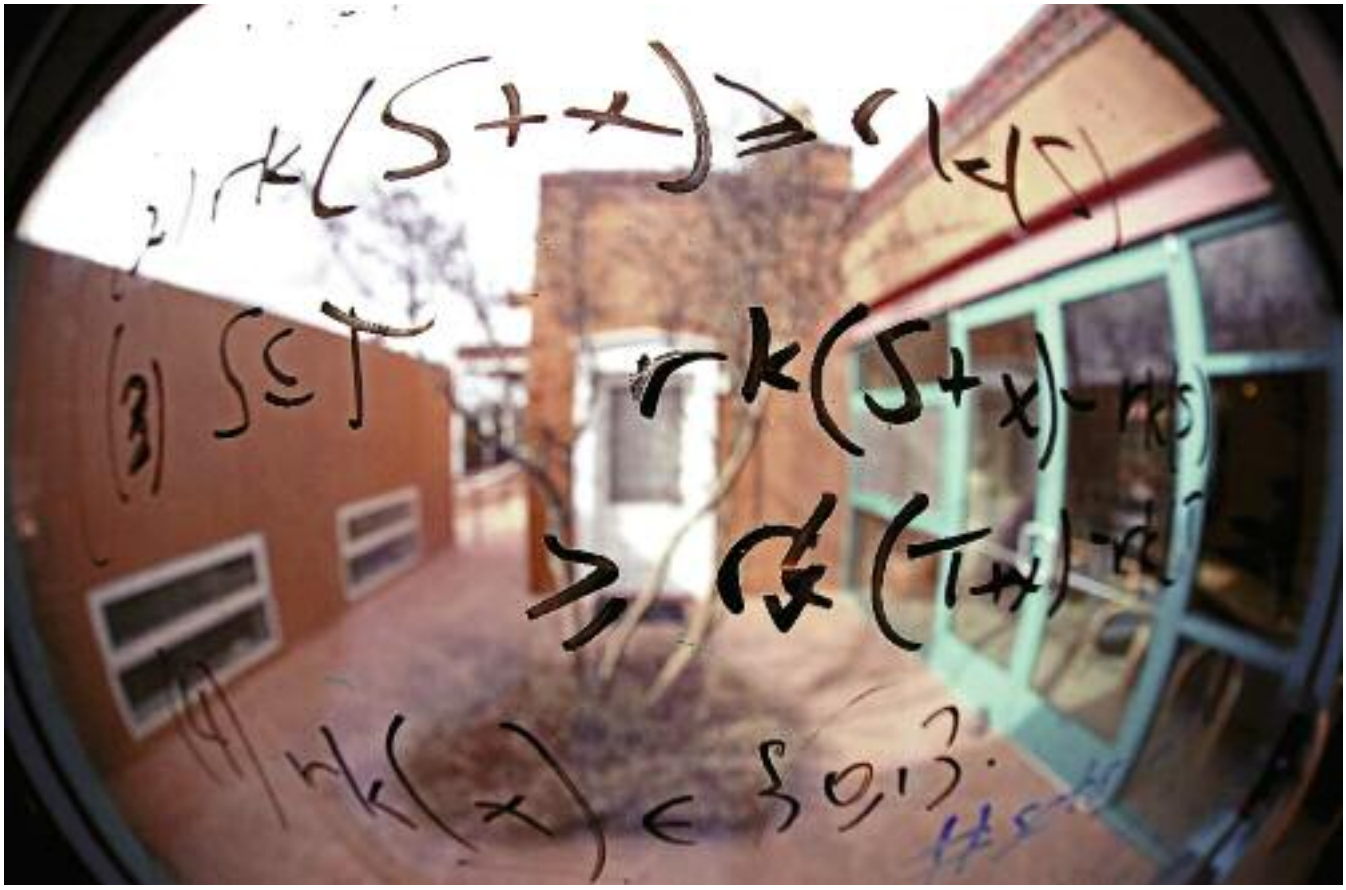
Обретая свободу, некоторые люди начинают опровергать рутину, сжигать декорации, преодолевать нажитые искажения и внутреннюю бездну. Возможно, для того чтобы, одержав – наряду с интеллектуальной реформацией – моральную победу, иметь шанс восстановить израненную до костей человечность и, отменив прописанный в прогностической ведомости горизонт, произвести реституцию оригинала. Образ благородства изначально запечатлен на челе Адама и его потомков, присущая человеку сумма совершенств – свет надежды в ночи: «Когда нет героев, все мы – лишь обыкновенные люди и не знаем, насколько далеко способны зайти» (Бернард Маламуд).

Все-таки о главном в прогностике и практике – о трансформации личности – известно опасно мало. Проблема не в смущении ума, дело серьезнее – мы, кажется, на пороге кардинального изменения представлений о человеке.

Производство будущего

Наступивший век – транзит в новый эон. Время, подобно сжатой обстоятельствами пружине, в критический момент было приведено в действие. Новый порядок – понятие, толкуемое на протяжении столетия различным образом, но сегодня борьба идет не по поводу данной констатации, а вокруг формул реализации.

Цивилизация запечатывает зло – точнее, его миражи, горизонты и дальние границы. Наше время – время транзита. Ялтинский/неоялтинский (хельсинкский) миропорядок, расчертив Европу на геополитические зоны, установил правила силовых игр, границы юрисдикции, владения и влияния, однако сегодня он поколеблен и отходит в прошлое. Речь идет не только о пересмотре политгеографии, но о свойствах новой реальности – динамичной, многоэтажной, окунувшейся в облака человеческой вселенной. Складывается впечатление, что грядущий эон – пестрый калейдоскоп, перманентно подвижная среда, что, конечно, является непривычным представлением о мироустройстве. Глобализация – продукт давних представлений, метафизи-



ческих обобщений, утопий. Сегодня это источник оригинальных социоконструктов, политэкономических технологий, культурных акций, нового типа личности.

Мондиализм – политическая ипостась глобализации – также имеет глубокие корни, хотя и сравнительно недолгую историю. Вместе с тем усложнение связей порождает конфликтные зоны, стартует новая регионализация, происходит расслоение, стратификация человечества по геоэкономическим ареалам и социальным этажам.

Стремительная конкуренция, национальная и транснациональная, неокорпоративных образований и слабоформализованных структур – это симптомы полифоничного общества, продуцирующего энергетику витального хаоса. На планете умножаются элементы постсовременного декорума, но и реалии Модерни соприсутствуют на подмостках.

Местом профессионального изучения феномена сложности – физической, биологической, социальной, технической, семантической, математической – является американский Институт Санта-Фе, созданный в 1984 году специально для исследования этой проблематики.

Приметы диахронного столкновения с будущим наблюдаются как в новообразованных, так и в рожденных эпохой Просвещения институтах. Форсаж вселенской реконструкции, рост ставок в глобальном казино, метастазы мирового андеграунда – призраки и признаки неспокойного эона, во многом отличного от стандартных футурологических прогнозов.

Духи Модерни, постсовременности и неоархаизации, соприсутствуя в одном флаконе, инициируют разные цивилизационные программы.

Актуальный дизайн глобальной дорожной карты можно охарактеризовать как динамичную систему мировых связей (*intra-global relations*), чтобы отличить от прежней – сбалансированной и стационарной – системы международных отношений (*international relations*). Особенно если учесть делегирование национальными государствами компетенций сразу по нескольким направлениям – глобальному, региональному, субсидиарному, корпоративному, – а также общий рост числа и разнообразия взаимовлияющих событий.

Продвигаясь по трещинам миропорядка, человечество предчувствует Большой социальный взрыв, способный расколоть планету людей, произведя поток астероидных наследников и агентов мультивекторной эрозии.

Триггером вселенского цунами может стать серьезное потрясение: террористическая

Высокоадаптивная система обладает энергийным потенциалом динамического хаоса, что и проявляется в критических ситуациях. При определенных обстоятельствах небольшие по факту события могут приводить к радикальным изменениям или разрушениям. Простой пример – аморфная куча песка, которая рассыпается, после того как принимает очередную песчинку.

акция с применением средств массового поражения либо удар цивилизации с использованием ядерных устройств, военные действия между гарантами глобальной безопасности, острый кризис финансовой системы, универсальная пандемия.

Ускорение интеллектуальной и политической трансформации явилось во многом следствием нового – глобального – статуса человечества. Впервые в истории люди получили возможность уничтожения собственного рода.

Карибский кризис продемонстрировал реальность этой терминальной угрозы. Рост ядерных арсеналов в условиях биполярного противостояния заставил размышлять о путях и способах контроля над оружием массового поражения и перестройке мирового порядка.

Обсуждение проблемы проходило, в частности, во влиятельном Совете по международным отношениям, а практические шаги сделал Линдон Джонсон, заявивший осенью 1966 года о намерении приложить усилия к долгосрочному укреплению взаимосвязей – строительству моста между Западом и Востоком:«Наша задача достичь примирения с Востоком – перейдя от узкой концепции сосуществования к более широкому подходу мирного сотрудничества. <...> Мы хотим, чтобы Советский Союз и нации Восточной Европы знали, что мы и наши союзники будем вместе с ними продвигаться шаг за шагом настолько далеко, насколько они готовы идти. Итак, давайте вместе, американцы и европейцы, сконцентрируем, усилим, ускорим целенаправленные действия, чтобы убедиться, что, действуя подобным образом, а также многими иными способами, можно упрочить связи между Востоком, Соединенными Штатами и другими нациями Атлантики». Фактически это и было инициацией политики разрядки. Вскоре последовали инициированная президентом поездка Макджорджа Банди – на тот момент президента Фонда Форда – по пяти европейским странам, включая СССР, и затем – встреча американского президента с советским премьером Алексеем Косыгиным (большей частью с глазу на глаз) летом 1967 года на полпути между Нью-Йорком и Вашингтоном – в местечке Гласборо.

Так было положено начало переговорному процессу по разрядке международной напряженности, ограничению и сокращению стратегических вооружений, выстраиванию инфраструктуры взаимоотношений между двумя странами-системами. Следующая – но так и не состоявшаяся – встреча намечалась на август 1968 года. Тем не менее процесс был запущен.

Летом 1968 года Генеральной ассамблеей ООН был одобрен и открыт для подписания Договор о нераспространении ядерного оружия. В Хельсинки стартовали переговоры между СССР и США с целью ограничить взаимную ядерную гонку (1969), и вскоре был заключен Договор по ограничению стратегических вооружений (1972).

Ви́дение невидимого

Интерес к теме деятельного прогнозирования возрастал: Организация экономического сотрудничества и развития провела исследование вопроса, а Белый дом и Совет по международным отношениям инициировали серию дискуссий по дальней границе американской политики и мировой истории.

Были созданы переговорные площадки, учреждены меж-

дународные и национальные организации, занятые пасификацией, намечены контуры систем регионального и глобального контроля. Возникли неправительственные институты (Международный институт системного анализа, Римский клуб, Институт перспективных исследований), в которых велась концептуальная разведка, обсуждалась мировая динамика, происходила кадровая ротация, исследовалась глобальная проблематика, развивался междисциплинарный подход с акцентом на активное представление будущего, что, конечно, влияло на механику новейшей истории.

Представление о гибкой трансформации миропорядка обретало форму плановой задачи, сформулированной в соответствии с общей теорией систем, но реализовывалось оно также посредством иных подходов, что, в свою очередь, вело к усложнению профессиональной рефлексии, ощутившей вкус междисциплинарности, долгосрочности, глобального гештальта. И одновременно развивалось нормативное прогнозирование, при котором вычерчивается карта проблемных зон, определяется желаемый облик будущего, а затем осуществляется пошаговое сближение с ним.

Нормативный подход меняет взгляд на будущее, которое рассматривается как последовательность возникающих проблем, а задача прогнозирования видится главным образом в их опознании и поиске путей разрешения.

Эскиз нового мироустройства набросал Збигнев Бжезинский, сформулировавший тезис о стратегической цели Запада:

◆ создание системы глобального планирования и долгосрочного перераспределения мировых ресурсов, базирующейся на трансформации политической культуры в направлении господства элиты;

◆ формирование региональной и наднациональной власти путем сплочения развитых стран, образование сообщества ведущих государств мира.

В 1973 году создается Трехсторонняя комиссия, объединившая влиятельных персон, в том числе ведущих интеллектуалов США, Европы, Японии. Летом того же года в Хельсинки открывается Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе, Заключительный акт которого был подписан спустя два года. И в том же году возникает новый мировой регулирующий орган – G7 (на тот момент G6).

В 70–80-е годы выходят прогностические доклады Римскому клубу (начиная со знаменитых «Пределов роста»), определяющие проблемные поля будущего века. Международный валютный фонд и Всемирный банк разрабатывают и начинают применять на практике программы структурной адаптации / финансовой стабилизации, регулирующие финансово-экономическую политику в развивающихся странах и сыгравшие заметную роль в разрешении банковского кризиса на пороге 80-х.

Драматичные события рубежа 80-х и 90-х годов отразили общий кризис миропорядка, а крах СССР ознаменовал поражение футуризма коммунистической программы и финал формулы биполярности. Все это предопределило дебаты о глобальной революции и конце истории, понимаемом как торжество либеральных идей и североатлантического мира. Тем временем в глобальном казино обнаружились другие влиятельные игроки – Китай, совокупность исламских стран. Возникли новые неурядицы, актуализировалась тема конфликта культур и цивилизаций.

Реабилитированная история обретала затейливый маршрут.

Игры новых людей

Констатация глобальной трансформации за последнюю четверть века стала едва ли не тривиальностью, однако общие места утверждают контекст интеллектуальной активности, формируют категориальный язык.

Венчурность нелинейной грамматики распространяет логику казино-экономики, а ментальность инновационных менеджеров напоминает стиль опытных шахматистов, соединенный с психологией игроков в покер.

Растет число исследований, в которых анализируется трансгрессия цивилизации, толкуются перемены в политэкономическом и правовом устройстве, предлагаются концепты и рецепты, способные, по мнению авторов, интегрировать расфокусированное социальное зрение, прояснив маршрут истории.

В сфере внимания – изменение властных и хозяйственных механизмов, мутация социальных связей, происхождение экзотичных популяций, повестки элитарных и маргинальных групп, их конфигурации, иерархии.

Наряду с вниманием к феноменологии жизни на краю хаоса и альтернативным сценариям общежития интерес вызывают кризис ментальности и пути его преодоления, поиск методологии познания/действия в открывающихся неспокойных землях.

Генезис, статус, прогноз трансформации связаны с судьбой институтов и персонажей, создающих когнитивный инструментарий. Причем ответственность за результат – столь затруднительная в институциональных категориях – в усло-

виях транзита, то есть чрезвычайной заинтересованности, переходит на уровень конкретной личности, принимающей решение (*command authority*).

Востребованной оказалась и культурно-метафизическая основа практики – мировоззренческая позиция, позволяющая противостоять шоку перемен, мультикультурной эклектике, моральной дезориентации, интеллектуальной оторопи. Позиция, заняв которую можно пытаться преодолеть нищету растерянного сознания, постигая социальные горизонты и *high frontier* ментального измерения.

Проблему предела компетенций правящего слоя можно разрешить разными способами: понизив уровень системы, сменив состав управленческой элиты, влив свежую кровь или разработав и внедрив новые методы управления.

Многие привычные представления о социосфере – редукция положения вещей (ср. «понять – значит упростить»), а попытки прогнозирования при помощи футурологических лекал уязвимы и малоэффективны.

Человек расстается с «идеалом машины», преодолевая софизмы механистических прописей. Глобальное сообщество (социум) меняется, демонстрируя черты сверхсложной системы – такой, как работа мозга (человек) или погода (природа): постсовременное бытие сопряжено с риском предельных состояний и обвальных трансформаций.

Отсюда императив обновления политических акций и социальных конструкций.

Наверное, поэтому в политанализ проникают концепты хаососложности, диссипативных структур, высокоадаптивных систем как наиболее адекватные складывающемуся мироустройству.

Новый порядок на планете вырисовывается из фактического статуса, а не из исторического казуса, что требует иного уровня ориентации и повышает планку интеллектуальной логистики.

В XX веке происходит индустриализация науки, развивается ее прикладной, технологический аспект. Возникает феномен технонауки, который распространяется в сфере практики, обосновывается теоретически и получает статусное закрепление.

Складываются многочисленный научно-инженерный корпус и новый тип исследовательского заведения – военно-промышленная лаборатория (в России – КБ, «шарашки», закрытые города). Тип, продемонстрировавший эффективность и социальный потенциал.

В США процесс протекал в русле проектного подхода, примеры тому – Манхэттенский проект, впоследствии – проект «Аполлон». В Советском Союзе таким стержнем был атомно-космический проект, а социальной ипостасью – система Академии наук, затем – футуристический замысел академических городков.

Фабрики мысли, работающие в сфере активного представления нефизических систем и структур, – во многом американское достижение: к рубежу 60-х и 70-х годов количество интеллектуальных предприятий в США – коммерческих и некоммерческих, правительственных, неправительственных, частных – исчислялось сотнями.

Когнитивная социогуманитарная индустрия связана с ситуационной аналитикой, прогнозированием, опознанием новизны, планированием внешней и внутренней политики, общественным мнением, деятельностью вооруженных сил, организацией бизнеса, социальными и региональными инициативами, теорией исследования операций, системным анализом, высокими и сложными технологиями и т.д.

В проектно-аналитической работе послевоенного периода использовался опыт масштабных боевых/логистических операций, осуществленных на глобальном театре военных действий.

Фабрики мысли, породившие отрасль интеллектуальных корпораций, – властный дискурс критического класса, механизм формулирования и утверждения его идей.

Аналитические предприятия сливаются с инфраструктурой влиятельных советов и закрытых клубов, чья предметная область – сдвиги в мироустройстве, геоэкономическое проектирование, моделирование мировых регулирующих органов.

Параллельно с развитием интеллектуальных предприятий отчасти деградирует принцип публичности обретаемого знания. Научные исследования, аналитическая работа нередко сопряжены с коммерческой тайной и национальной безопасностью. Политическая и военная аналитика, как и венчурные разработки корпораций, тяготеет к секретности, «научной аморальности», специфическому неоэзотеризму, порой прямому сокрытию достижений, открытий и даже направлений исследований. Интеллект прагматизируется и капитализируется. В соответствии с заново прочитанными заветами неокантианцев философия преобразуется в методологию, знание – в технологию, результаты исследований – в товар. Мир движется от вещи к знаку, от семантики к цифровому измерению. Лидирует не теория, но проект, не фундаментальная наука, но технонаука и аналитика. Доминанта исследований не реальность *per se*, а ее практиче-

ские аппликации, о «реальности вообще» мы рассуждаем, дискурсируем.

Кроме того, создается характерный субпродукт – симулякр как виртуальная личина социального знания. За счет деформации образа реальности, асимметричной обработки данных – гипертрофии одних составляющих и подавления других – формируется система мифов и стереотипов.

Жизнь на краю хаоса

Во второй половине прошлого века накопился опыт работы над крупными и долгосрочными замыслами, связанными, в частности, с политическими, экономическими переменами, техническим и пространственным развитием, военными и космическими проектами.

Идеальная модель исследовательской корпорации состоит из четырех базовых элементов:

- суммы интеллектов – источника ключевой компетенции организации, ее «золотого ключика», то есть сотрудников, сведенных в персонализированные исследовательские молекулы-ноогены;
- стратегического сценирования, определяющего миссию и цель деятельности в рамках профессионального поля (научный совет);
- управления стратегией: ответственности за расстановку сил, использование средств, формат динамичной оргструктуры, этапы реализации планов, их результативность (директорат);
- комплексной логистики: управления внешними и внутренними ресурсами для обеспечения рабочего процесса и повышения авторитета/жизнеспособности организации (фонды, подбор кадров, материальные условия, социальный и символический капитал и т.п.).

Федеральная резервная система США – при всех обременениях, возложенных на нее государством, – пожалуй, первое мощное постиндустриальное и фактически трансграничное предприятие XX века.

На процесс создания нового знания влияет как изменение ситуации, так и усложнение самого интеллектуального инструментария. Речь, в частности, идет о создании высоких гуманитарных/социальных технологий, основанных на новой рациональности, творческой реконструкции, негативной диалектике, синергийном мышлении, потоковых моделях социума.

Изменение взгляда на конституцию и закономерности социокосмоса напоминает ревизию свойств природы, произошедшую на заре прошлого столетия под влиянием теории относительности и постулатов квантовой механики.

Логика постсовременности не вполне совпадает с ментальностью современного человека, что, однако, не влечет отказ от рациональности. Скорее, пересматривается ее прежнее понимание. Открывшиеся в свое время закономерности микромира смущали и про-

Папа Франциск (на фото):
«Война уничтожает самое прекрасное создание Бога – она уничтожает человека. <…> Даже сегодня, после двух мировых войн, можно говорить о третьей войне, которая явлена нам в локальных конфликтах, массовых убийствах, уничтожении людей и других преступлениях агрессоров и террористов».

должают смущать сознание, но теория квантовой механики вполне рациональна.

Антропологическая галактика перестает восприниматься как шахматная доска, где одна сбалансированная комбинация состязается с другой, следуя неизменным правилам игры.

Обретение длительного равновесия кажется сомнительным: планетарное сообщество все более напоминает перегретый водяной котел, приподняв крышку которого видишь диффузный мир – подвижный, быть может, слишком многолюдный и склонный к турбулентности.

Динамичное мироустройство вводит собственный шаблон картографирования. Мир прочитывается не как совокупность объектов или формальных субъектов, но как сумма функций – взаимовлияющих и взаимодополняющих операций.

Дисциплинарное, формальное – то есть отчуждаемое – знание дополняется иными видами его организации. Например, трансдисциплинарным, синкретичным (синтезирующим принципиально неполную информацию), персонализированным (профессиональными мнениями, умениями, сноровкой), неотчуждаемыми от субъекта уникальными искусствами.

Сумма знаний – когнитивный гештальт постсовременного индивида – находится в становлении. Отчасти она кодифицирована и технологизирована, но иным образом, нежели прежний знаниевый корпус, то есть в соответствии с собственной логикой и мировидением.

Новый шаблон – тетраматрица универсального знания – описывает четыре формальных статуса:

- рациональный и отчуждаемый от создателя (формальное, дисциплинарное знание, наука);
- рациональный и неотчуждаемый (мастерство как персональное искусство оценки явлений и обстоятельств, экспертиза);
- нерациональный и отчуждаемый (объекты творчества, художественные артефакты);
- нерациональный и неотчуждаемый, манифестацией чего является субъект сам по себе.

Смысловой кризис ведет к модификации моделей мышле-

ния и формулированию начал новой рациональности. Следствие же аксиологического кризиса – изменение модуса социального поведения.

Контроль и управление в подвижном мире – езда на тигре, причем, несмотря на опытных дрессировщиков, общество не застраховано от спонтанных сюрпризов.

Понимание кодов практики эволюционировало в прошлом веке от прикладных комбинаций по формуле «средства–цель» к исследованию самого пространства операций.

Результатом стала разработка методологии масштабных акций, осознание системного принципа, специфики динамических систем и особенностей антропологических комплексов, появление критических технологий контроля/управления, освоение свойств сложных структур, подведя в итоге социальную мысль вплотную к метафизическому барьеру практики и ее синергийному прочтению.

Зыбкие границы теории хаососложности охватывали вначале лишь естественные науки. Однако примерно с 80-х годов, если не раньше, обретенные знания стали все чаще примерять к антропологическому космосу – военной деятельности, бизнесу, политике, социальным процессам.

Дисциплинарные рамки толкуются при этом расширительно, а некоторые категории и лексемы употребляются метафорически и методологически, скорее ориентируя, нежели определяя.

Местом профессионального изучения феномена сложности – физической, биологической, социальной, технической, семантической, математической – является американский Институт Санта-Фе, созданный в 1984 году специально для исследования этой проблематики.

В научном багаже института идеи Андрея Колмогорова и Якова Синая, Бориса Белоусова и Анатолия Жаботинского, Ильи Пригожина и Алана Тьюринга, Рене Тома и Бенуа Мандельброта, Эдварда Лоренца и Митчелла Фейгенбаума, Николаса Метрополиса и Германа Хакена, Нормана Паккарда и Кристофера Лэнгтона, Мюррея Гелл-Манна и Пера Бака, а также многих других авторитетных исследователей нелинейности и самоорганизации.

Круг изучаемых проблем: теория хаоса, математические, генетические, языковые алгоритмы и закономерности работы сетей, междисциплинарные взаимодействия, системная биология, экофизика, моделирование поведения популяций, создание искусственной жизни и т.д.

Ситуации описываются такими категориями, как диссипативные структуры, кооперативные явления, периодические/непериодические последовательности, синергетические эффекты, автокаталитические процессы, спонтанные ремиссии, сечение фазового пространства, фрактал, бифуркация, аттрактор.

Предмет исследований – сложные структуры и ситуации, их внутреннее единство и особенности поведения. Динамика рассматривается как перманентный статус высокоадаптивной системы, способной абсорбировать и рассеивать энергию, генерируя хаос и новые формы организации. Примером может служить концепция самоорганизующейся критичности (*self-organized criticality*) – спонтанной эволюции систем к критическому состоянию, – сформулированная в русле новой рациональности: идей хаососложности, адаптивности, теории самоподдерживающегося развития.

Будущее как возможность

Высокоадаптивная система обладает энергийным потенциалом динамического хаоса, что и проявляется в критических ситуациях. При определенных обстоятельствах небольшие по факту события могут приводить к радикальным изменениям или разрушениям. Простой пример – аморфная куча песка, которая рассыпается, после того как принимает очередную песчинку. При иных обстоятельствах – но уже при наличии в качестве объекта сложной системы – внешнее влияние способно стимулировать реструктуризацию и установление нового – более сложного – порядка.

Самоорганизующиеся комплексы естественным образом эволюционируют до критической – «роковой» – стадии, на которой определяется их судьба, когда незначительное воздействие способно вызвать цепную реакцию, затрагивающую многие элементы и саму будущность системы.

Обвал, как и реконфигурация, происходит стремительно. Технологии, нацеленные на управление социальной мобильностью, претендуют на сознательное достижение подобных эффектов, их форсирование, использование критических состояний, а в перспективе – на продуцирование из возникающих турбулентностей желаемых форм организации.

С приближением же к моменту истины (фазовому переходу) перед системой, словно витязем на распутье, возникают четыре альтернативы: откат от бифуркации – с удержанием прежнего состояния, инволюция (архаизация), деструкция, обретение более сложного порядка.

На пути к трем горизонтам система переживает хаотизацию организации, во время

Антуан Карон. Аллегория войны. XVI век

Фрэнк Хоффман:
«Вместо отдельных врагов, использующих разные методы войны – традиционные, нерегулярные или террористические, – мы можем столкнуться с противником, который будет применять все формы и тактики войны одновременно».

которой она максимально уязвима: полноценная трансформация – рождение нового порядка – невозможна без нарастания нестабильности. Проблема в малой предсказуемости событий и высоком уровне рисков, но «...кто хочет стать тем, кем он должен стать, должен перестать быть тем, кто он есть» (Майстер Экхарт).

Хотя методология самоорганизующейся критичности – это, скорее, исследовательская позиция, отдельные ее прописи технологизированы.

Высокие социогуманитарные технологии нацелены на распоряжение объектами и событиями в мерцающей реальности, плохо контролируемой конвенциональными методами. Речь идет о методах матричного, рефлексивного, точечного, косвенного управления, других способах нетривиальных воздействий в условиях интенсивной новизны. В преобразовании постулатов новой дисциплины в технологии заинтересованы прежде всего те, которые связаны с проведением сложных операций, планированием акций с долгосрочным, отложенным эффектом, высоким уровнем рисков или с комбинаторикой противоречивых факторов. И те, которые объединены модным термином «кризис-менеджмент», имеющие дело с турбулентными экономическими или политическими процессами, разработчики и руководители комплексных военных, антитеррористических, культурологических операций. Комплексные модели уже не одно десятилетие используются в пространствах практики социальных, финансово-экономических, военных операций. Принципиальных различий тут нет, инвариант сюжета – требовательный реализм, присущий этим отраслям. Военные, стремясь быстро адаптироваться к угрозам и быть готовыми эффективно действовать в новых ситуациях, тестируют рецепты, прописанные гражданским. Высокие геоэкономические технологии инкорпорируют идеи управления кризисами и новые формы использования силы. Ну а «люди Санта-Фе» исследуют проблематику сложности и разрабатывают теоретическую часть критических технологий.

Люди – переменные, способные к не слишком предсказуемой, спонтанной активности и вместе с тем – к продуманному долгосрочному замыслу. Критическое состояние общества, близкое к хаосу, – предвкушение революции. Акции в подобной среде носят венчурный, если не прямо авантюрный, характер. Ис-

кусство организации ситуаций и управления стохастическими массивами заключается в способности реализовать следующие действия:

- подвести систему к неравновесному состоянию;
- в нужное время и в соответствующем месте вбросить фактор, приводящий старый порядок к обвалу (хаотизация организации);
- создать аттрактор, структурирующий систему в желательном для оператора направлении.

Вот алгоритм шаблонного действия, связанный с методикой косвенного управления: в динамичной среде позиционируется «подсадная утка» – аттрактор, стягивающий своей гравитацией элементы, которые хотелось бы выявить, наблюдать и по мере возможности контролировать, направлять. Однако для выполнения этой задачи аттрактор должен инициировать/стимулировать соответствующую активность, действуя эффектно, если не эффективно, поскольку для сохранения позиции он должен являться авторитетом. Причем градус эффектности и/или эффективности измеряется по параметрам, присущим данному сообществу. Но что именно происходит при попытке установления контроля над динамичной констелляцией подобным образом? Наверное, для внешнего наблюдателя совокупность действий могла бы показаться гротескной реминисценцией на тему азефовщины. И порою с соответствующими последствиями...

Кардинальные изменения происходят в финансово-экономической сфере, наполненной миражами трансфинитной практики.

Корпорации новой элиты, действуя в условиях конкордата и конкуренции с элитой уходящей, выстраивают каркас штабной экономики, задающей правила игры на планете. В фокусе оказывается высокотехнологичный Версаче: производство генеральной политики, ключевых решений, финансовых прописей, а также геоэкономических технологий, организующих практику в глобальном измерении и обеспечивающих устойчивый контроль и доход.

Импульсы деструкции эпизодически возникали в прошлом, причем в различных обличьях. В минувшем столетии – на волне избыточного, то есть не покрываемого платежеспособным спросом, производства, когда запылали костры экономически обоснованного, но социально нелепого уничтожения результатов человеческого труда. Позднее технологичная деструкция воплотилась в высокоиндустриальных войнах и гиперпотреблении.

Финансовые технологии повлияли на формулу денег, создав новые деньги, отличные от прежних. Старые были особыми вещами – слитками, монетами, затем векселями, облигациями, сертификатами, банкнотами, обеспеченными ликвидностью банка либо материальными активами государства. Но, к примеру, современная американская банкнота (наследник ценной бума-

Карл Раль. Прометей. Около 1865 года

Флюиды раскованного Прометея модифицируют среду, меняют траектории, опровергают институты, демонстрируя образ вздернутого на дыбу человечества.

ги, однако с обратным процентом, то есть доходностью, перенаправляемой инфляцией с кредитора на эмитента) – чем обеспечена она? Ни сокровищами Форт-Нокса, ни собственностью США, да и вообще это не продукт американского казначейства. Обеспечена же она авторитетом и властью, востребованностью в сфере текущих и отложенных операций, глобальной циркуляцией, универсальной ликвидностью, символическим и социальным капиталом, другими нематериальными активами, совокупной мощью США и... Шестым американским флотом. Федеральная резервная система США – при всех обременениях, возложенных на нее государством, – пожалуй, первое мощное постиндустриальное и фактически трансграничное предприятие XX века.

Или, к примеру, технология глобального долга. Ее суть можно понять, рассматривая эмиссию долговых обязательств как форму колонизации будущего – то есть как своеобразную капитализацию времени. Глобальный долг превращается в систему контроля над траекториями мирового дохода / ресурсных потоков и национальных систем потребления. А также в инфраструктуру квазирентных геоэкономических платежей.

Или управление рисками. Горизонт данной технологии не только в страховании национальных, региональных, глобальных рисков и перспективе создания соответствующих мировых институтов, но также в искусстве управления кризисными ситуациями (то есть капитализацией альтернатив бытия). То же можно сказать о контурах глобальной налоговой системы, прообраз которой промелькнул еще в схеме Киотского протокола.

Особая тема – деструктивная параэкономика (включая трофейную), в рамках которой доход образуется за счет деконструкции, подчас высокоиндустриальной и высокотехнологичной, результатов человеческой деятельности.

Но высотная граница сюжета – обустройство математических территорий трансфинитной хрематистической практики как источника второго дыхания финансовой системы. Принципиальное значение имеет появление нелимитированного физическими барьерами распределенного множества платежеспособных виртуальных потребителей/производителей, подобно шредеру уничтожающих прежние ограничения и обязательства.

«Война уничтожает самое прекрасное создание Бога – она уничтожает человека. <...> Даже сегодня, после двух мировых войн, можно говорить о третьей войне, которая явлена нам в локальных конфликтах, массовых убийствах, уничтожении людей и других преступлениях агрессоров и террористов» (папа Франциск). На пороге века появились организации для изучения комплексных процессов и сопряженных проблем военных операций, в частности Группа по изучению действий в условиях неопределенности, Центр по исследованию сложных операций при Пентагоне и Университете национальной обороны США. Уже лет двадцать постулаты нелинейной динамики взяты на вооружение Корпусом морских пехотинцев... Методы рефлексивного управления, а также иные инновационные воздействия были, к примеру, с успехом использованы при планировании и проведении военных акций на Ближнем Востоке. Кстати, если бы в свое время Сталин обладал хотя бы частью подобного инструментария, последствия венчурного мышления стратегических оппонентов СССР не застали бы страну врасплох. Последнее замечание связано с переоценкой роли «объективных» факторов, что ограничивает понимание природы венчурных операций и соответствующей ментальности. Это обстоятельство, к примеру, позволило Гитлеру не только достичь тактической внезапности, но еще и выиграть стратегически значимый отрезок времени из-за внушенной Сталину оценки старта восточной кампании как результата «заговора генералов» в Германии. Схожим образом в ходе операции «Щит пустыни» был спровоцирован отвод Саддамом Хусейном республиканской гвардии из Кувейта из-за навязанного предположения о движении американского контингента непосредственно к Багдаду, то есть о персональной угрозе субъекту воздействия.

Операции, осуществленные в Афганистане, Ираке, других горячих точках, в определенном смысле и независимо от ввода/вывода контингента не имеют временной границы. Скорее, они вписываются в стратегический дизайн, представляя звенья, опорные площадки гибкой системы управления, преследующей цели:

- поддержания высокой боеготовности войск, находящихся в условиях практически перманентной мобильности или боевых действий низкой интенсивности;
- непосредственного контроля над ключевыми/критическими зонами, оперативного контроля над окружающей их средой, сохранения быстрого доступа в горячие точки;
- выстраивания синкретических коалиций, отлаживания устойчивой коммуникации и комплексного, динамичного взаимодействия различных сил и агентств в агрессивной среде;
- апробации инновационных методов проведения боевых, разведывательных и логистических операций, включая нетрадиционные, испытания новых видов техники и вооружений;
- использования частных военных корпораций, создания конъюнктурных оперативно-тактических союзов и венчурных, гибридных коалиций.

При этом прежняя стратегия сдерживания заменяется доктриной упреждающих ударов. В пределе, видимо, важна не «полная и окончательная» победа в том или ином конфликте, а нечто иное: перехват и удержание стратегической инициативы, создание эффективной схемы управления в подвижной, децентрализованной среде.

«В XXI веке наметилась тенденция к стиранию границ между миром и войной. Войны уже не объявляются официально и больше не следуют установленным правилам» (Валерий Герасимов, начальник Генштаба Вооруженных сил России). Сегодня горячая тема – это гибридные, сетецентрические, нелинейные, ползучие войны, мятеж-войны, прокси-войны, дисперсные паравойны с участием обезличенных войск, криптоармий, частных армий, комбатантов, инсургентов, эскадронов смерти, разведывательных/интеллектуальных корпораций. «Вместо отдельных врагов, использующих разные методы войны – традиционные, нерегулярные или террористические, – мы можем столкнуться с противником, который будет применять все формы и тактики войны одновременно» (Фрэнк Хоффман). Другая актуальная паравоенная тема – экспансия террористического интернационала, культуры смерти и системного терроризма, активно использующего преимущества распределенной организации и сетевого управления (*Undernet*), что значительно повышает его адаптивность и эволюционные возможности. «В условиях начавшейся войны всех против всех следует ожидать возникновения многослойной всепланетарной системы, состоящей из национальных и религиозных, классовых и возрастных структур уничтожения людей. В наше время неприменима прежняя классификация войн: мировая, региональная, локальная и вооруженный конфликт. Война теперь другая, для уничтожения противника широко используются непрямые действия, информационное противоборство, участие наряду с регулярными также нерегулярных вооруженных формирований» (Евгений Месснер).

Актуальность преадаптации к динамичной реальности и ее негативным аспектам подтверждается возникающими на планете ситуациями. Сумма тестовых площадок новой реальности вполне может оказаться полигоном универсального конфликта – столкновения разнообразных венчурных инициатив и охранительных намерений. В результате появляется призрак диффузной среды, в которой конфессии замещаются культами, сектами, орденами, политика пронизывается операциями политтехнологов, спецслужб и террористов, экономика все менее успешно конкурирует с хрематистикой, а культура вытесняется индустрией развлечений, электронных и химических грез.

Мир-XXI рождает уходящие в неизвестность сценарии, упрощение которых чревато внезапным контрапунктом ожидаемого сюжета.

Постглобализм

История не завершилась в конце XX века, судя по всему, она просто меняет русло.

То, что мы наблюдаем сегодня, является большой паузой, сменой декораций, симбиозом разнородных, на скорую нитку сшитых деятельных пространств и судьбоносных решений. Порой, как и всякая химера, весьма причудливого свойства.

Противоречивой и пока гипотетичной перспективой обозначена одна из вероятных траекторий событий, ведущая к обрушению цивилизации, по крайней мере в привычном для нас смысле. Импульсы деструкции эпизодически возникали в прошлом, причем в различных обличьях. В минувшем столетии – на волне избыточного, то есть не покрываемого платежеспособным спросом, производства, когда запылали костры экономически обоснованного, но социально нелепого уничтожения результатов человеческого труда. Позднее технологичная деструкция воплотилась в высокоиндустриальных войнах и гиперпотреблении. Вторая мировая война оставила на теле цивилизации стигматы лагерей смерти, оснащенных технологиями массового уничтожения. Завершение века было отмечено гекатомбами Камбоджи, Южного Судана, Великой африканской войной – массовой резней в регионе африканских Великих озер. А террористы-самоубийцы, ведомые различными мотивациями, становятся приметой времени, проводя акции подчас на высокотехнологичном уровне.

Сегодня на планете имеются места, где градус страданий за последние десятилетия не понижался, а повышался, порождая трухлявую государственность, не способную, да и не стремящуюся обеспечить благосостояние, безопасность граждан, не говоря уже о случаях откровенного, свирепого геноцида. Проникая мысленным взором за пределы оптимистичной прогностики, приходится лицезреть не светлое будущее, но обретающего плоть и кровь его темного близнеца.

Феномен нового терроризма – симптом глубоких перемен. Движущей силой постисторического процесса выступают малые динамичные общности, с пользой для себя впитавшие достижения индустриальной/проектной культуры XX века и приступившие к масштабной реконструкции, переиначивающие смысловые пространства уходящего мира. В постсовременном космосе пучки амбиций, когерентно взаимодействуя, совмещаются на путях к сфокусированной цели. Соборный персонаж социальной практики вглядывается в смутно различимые, если вообще видимые для конвенционального зрения, конструкции, опознавая пути колонизации будущего. Здесь было бы уместно вспомнить многих провидцев, естественно, с определенными оговорками. «Можно ли выйти из ада? Иногда да, но никогда в одиночку. <...> Необходимо присоединиться к той или иной общественной организации <...> или создать таковую – с ее собственными законами, то есть контробщество» (Фернан Бродель). Нынешнее агентство перемен, действуя поверх общественных барьеров, пребывает в плаценте собственного социокосмоса. Подвергаясь обвинениям в произвольном толковании законов, прямом небрежении ими, в гегемонизме и терроризме, амбициозные корпорации не столько подавляют, сколько игнорируют институты публичной политики, утрачивающие прежнее значение.

Пересекая горизонт

Культурный шок от столкновения с новой реальностью – шанс на радикальную терапию проблем, не решаемых в привычной системе координат. Разрушение цивилизационной оболочки происходит в результате либо деятельного разнообразия и непомерного спектра возможностей, либо культурной капитуляции и смыслового коллапса.

Для многих обитателей Земли жизнь и карьера – почти синонимы, признанной целью являются комфорт, статус, безопасность, все, что укладывается в конструктивные, хотя и незатейливые, формы существования. Но в культуре, отвергающей житейский флер, вершиной карьеры может оказаться акт гибели, причем с последствиями, в сравнении с которыми гекатомбы прошлого показались бы осколками елочных игрушек. И порой это не пустая геростратова ам-

биция – темное дерзновение скреплено иными чувствами, не требующими ярмарочного признания.

Если общественная страсть, лежавшая в основании цивилизации, – бессознательное влечение к социальному творчеству, преодолению несовершенств естества, «симфонии для всех жителей планеты» – покинула тело цивилизации, если духи рынка превращают ее в корыто всеядного потребления, «райский хутор» коммерческого расчета, это не означает, что страстность *per se* оставила землю. Пройдя регресс и перерождение, она обретает иные формы. Новая земля творится не ангелами, и сумерки творения исходят из очагов хаоса, глубин отчуждения, познанных человеком.

Для человечества чувства гнева, боли, незащищенности неуникальны, порой они – удел стран и народов. Страданиями и горечью наполнены не только те или иные регионы Черной Африки или Большого Ближнего Востока, иные конфликтные территории, не контролируемые законной властью. «Золотые земли» различных пропорций возрождают во плоти память о пиратских республиках и гнездах ассасинов, из перманентной отверженности, ненужности, отчаяния возникают анклавы помеченной трупными пятнами земли.

Лоно мрачной страсти – ярость глобальных фавел и бидонвилей, суммы нищеты и междоусобиц, презрения к достоинству человека, некогда познанному и признанному цивилизацией. Взрывчатая смесь экстремизма и нигилизма насыщается испарениями из метафизических областей, нетрадиционных практик и традиционных источников. Складывается порода людей, лишенных былой культурной идентификации, а бурлящая природа их страсти –

Ганс Бальдунг. Смерть и женщина. 1520 год

Культура смерти – выходящая из глубин подсознания в пространства общественной практики тяга к массовой деструкции и автодеструкции. Тяга, носящая порой иррациональный характер, однако использующая достижения современной цивилизации и воплощаемая в широком диапазоне.

Идеи и сценарии укрощения бытия, проклюнувшиеся в идеале пира во времена чумы, решившегося воспеть гимн Зиме, получают шанс перерасти рамки локальных плясок смерти, претворяясь в организацию тотального кризиса, чтобы «мыслящая субстанция» могла либо раствориться в небытии, либо обрести сразу и вдруг бытие иное.

заря мира, согласного воспеть гимн чуме, восславив деструкцию как основную, конечную и желанную цель творения.

Флюиды раскованного Прометея модифицируют среду, меняют траектории, опровергают институты, демонстрируя образ вздернутого на дыбу человечества. Национальные корпорации, считавшие себя хозяевами на площадках государств, поколебались и надломились. Из щебня рухнувших конструкций, осколков прежних элит исторгаются астероидные стаи. Пережив неустойчивость почвы и отделение от родных планет, подобно изгоям лабиринтообразной Трои, они устремляются в открывшуюся неизвестность, раня и калеча встречающихся на пути обитателей социокосмоса.

Диффузные войны

В основе чреды нынешних драм – шарады и шифрограммы истории, адекватное прочтение которых – добродетель правителей и долг экспертного сообщества.

Мир испытывает давление высокомотивированных организованностей, использующих для достижения целей эффективные средства, созданные высокоиндустриальной цивилизацией. Их целеполагание напоминает русскую матрешку, а присутствие оригинального концептуального вектора оказывается важным обстоятельством, провоцирующим максимальные усилия вплоть до категорически отвергаемых прежним моральным кодексом акций.

Возникает новый класс угроз. Борьба разворачивается не просто в политике или экономике, сфере финансовых операций или технических возможностей, организационных компетенций и технологических решений – происходит столкновение интеллектов, мировоззрений, стилей жизни и кодексов поведения, сопрягаемых в системе координат надвигающейся на мир культуры.

Наш мир не многополярен, он многомерен: мы обитаем в предместье призрачной постцивилизации – распределенном множестве терминалов освобожденного Франкенштейна. Над планетой парят летучие острова транснациональной Лапутании, внизу выстраивается многоярусный *Undernet* – глобальный андеграунд, объединивший яростных обитателей человеческой вселенной. Эти динамичные констелляции активно эксплуатируют возможности, открывающиеся для не ограниченных административными или моральными препонами организмов.

В условиях трансформации миропорядка, когда в ряде мест цивилизационный кодекс и родовые признаки государственности ослаблены, системы безопасности оказываются все менее действенными.

У нового терроризма свои специфические черты. Он учитывает взаимосвязанность мира,

системный характер протекающих процессов, предъявляя соответствующую стратегию угроз. В феврале 2001 года в Бишкеке, на заседании международной исследовательской группы по урегулированию кризисов в Центральной Азии Консорциума военных академий и институтов, изучающих безопасность, при Центре имени Джорджа Маршалла автором была предложена к обсуждению концепция противодействия терроризму, наркотрафику, иным угрозам, основанная на гиперэкологических постулатах. Феноменология и логика системного терроризма сравнима с динамикой инфекционных заболеваний, поведением нежелательных, перманентно атакуемых популяций или алгоритмами виртуальных агентов наподобие компьютерных вирусов, червей, троянов. И купирование негативного явления основывается не столько на успехе военных операций («борьба с симптомами»), сколько на результате модификации среды обитания.

Суть методологической схемы – отказ от пассивной идеологии, выражающейся в рефлекторной борьбе со следствиями, переход к политике преадаптации, разрушению социального потенциала антисистемы, ее финансовой стерилизации, «подрыву патогенной среды обитания», «созданию контрпопуляций», то есть к матричному прочтению контекста и динамичному контролю над ситуацией.

Взрывоопасная смесь Глубокого Юга и Нового Севера приближается к точке вскипания, напоминая о мировоззрении, ввергающем адептов и последователей в нигилистические бездны, усматривающем в смерти главный смысл и основное деяние земного существования.

Эта поэтика деструкции время от времени посылает в мир перепоясанных смертью вестников.

Корпорация «Земля»

В прописях наступающей эпохи под флером категориального, лексического, но никак не феноменологического вакуума множатся подвижные организованности, облачные структуры. Единицей цивилизационной идентичности становится, скорее, тип активности, нежели государство. Не менее энергично проявляется пространство глобального Юга – рассеянное по планете многочисленное племя миноритарных акционеров – сотрудников и безработных «Корпорации “Земля”», добивающихся изменения правил игры и допэмиссии голосующих акций. Играть по нынешним правилам для них бессмысленно. Действуя так, они останутся вечными должниками и маргиналами, не имеющими голосующего представителя в глобальном совете директоров. В пестром конгломерате социального прекариата ведется поиск ресурса, способного превратить изгоев цивилизации в признанную силу, способную опровергнуть и сокрушить актуальную власть.

Магистериум сумеречного эона был со временем опознан: место, занимаемое ресурсом жизни, претендует занять ресурс смерти, заместив конструкцию деструкцией, желание обустроить жизнь – стремлением значимо реализовать смерть. В чертогах Крайнего Юга формируется зона глобальных пропорций, населенная миноритариями «Корпорации “Земля”», чей козырь и неотчуждаемый ресурс – поставленная на кон и эффективно разыгранная смерть.

Сегодня этот актив – произвольная и переосмысленная смерть – высоколиквидный товар на глобальном рынке, по-своему эксплуатируемый политэкономической мегамашиной. Потенциал продукта – предмет игры на повышение. Охранные механизмы Модернити были настроены на иной класс угроз, их мощь, ориентированная, скорее, на принцип эскалации, нежели диверсификации, уходит в песок. Они были созданы для борьбы с государствами и коалициями, с агрессией формализованных институтов, с чем-то, что имеет географически локализуемую структуру, но против анонимных субъектов, распыленных по городам и весям, эти системы неэффективны. Рождается феномен диффузных войн, то есть происходит диффузия временных, пространственных границ конфликтов, субъектов и объектов, средств и методов проведения силовых акций и боевых действий.

Извлеченный из сундука Пандоры и высоко оцененный новым веком ресурс реализуется в комбинациях переходной эпохи не только под именем нового терроризма. На горизонте футур-истории забрезжил образ цивилизации смерти, элементы которой включаются в прописи властных игр.

Культура смерти

Культура смерти – выходящая из глубин подсознания в пространства общественной практики тяга к массовой деструкции и автодеструкции. Тяга, носящая порой иррациональный характер, однако использующая достижения современной цивилизации и воплощаемая в широком диапазоне. Наиболее драматично – в эпидемии террористов-самоубийц.

Произвольная и осмысленная смерть – рычаг перемен не только в пользу Глубокого Юга. В лабиринтах Нового мира не один лишь униженный Юг разрабатывает мрачные штольни: запретный ре-

Святой Игнатий Антиохийский:
«Дайте мне стать пищей зверей. В полной жизни выражаю я свое горячее желание смерти. <…> Мои земные страсти распяты, и живая вода, струящаяся во мне, говорит: “Приди ко Отцу”. Я не хочу больше жить этой земной жизнью».

сурс приспосабливают для своих нужд разные персонажи мировой драмы.

Призывы к автоаннигиляции, мании коллективных убийств, эпидемии самоубийств порою охватывали людей, поведение которых начинало походить на исход леммингов. На заре прошлого столетия самоубийство было охарактеризовано как «акт свободы». Лозунг «Да здравствует смерть!» являлся опознавательным знаком движения, грозившего захлестнуть мир. На «земляничных полянах» постсовременности ощутимо дыхание экофашизма – замыслов радикальной либо плавной депопуляции планеты в диапазоне от форм самооскопления до проектности биотерроризма. Дебаты о демографической проблематике, методах контроля рождаемости и путях сокращения избыточного населения сливаются с темами нищеты, радикализации, фрустрации, подводя к ревизии привычных ценностей цивилизации и культуры.

Радикальное мирополагание предполагает не только разрешение форс-мажорных ситуаций, но также их форсирование, углубление, преумножение. В подобном контексте иначе прочитывается сентенция безумного философа: «Высший интерес к <...> восходящей жизни требует беспощадного подавления и устранения вырождающейся жизни» (Фридрих Ницше). Аналогию теме универсальной, тотальной смерти можно усмотреть в практической реализации замысла «оружия Судного дня». И если кто-то властный решается произнести: «Правил нет, они не существуют», – хрупкий лед цивилизации оказывается взломанным, космос общежития – разрушенным.

Деструкция в той или иной форме соприсутствует в истории, будучи инкапсулирована в культурный текст, для которого, однако, характерна асимметрия конструкции и деструкции. Деструкция традиционно прочитывалась как асоциальное действие, а ее сублимация – как стержень обновления: деконструкции и реконструкции культуры. Культура смерти утверждает новую меру вещей, речь идет о культивации и легализации процедур, редуцирующих господствующее мировоззрение, подвергающих инфляции и дегуманизирующих привычную социальную ментальность.

«Зима уже близко!»

Мы отрицаем закон ради более сложной и справедливой законности, высшей меры вещей либо полного беззакония. Радикальное переосмысление структур повседневности, их ползучая модификация выворачивает наизнанку исторические замыслы, трансформируя целеполагание человечества.

Деспотизм обыденности скрывает агонию прежнего

порядка, цивилизация напоминает льдину, постепенно растворяющуюся в бурлящем житейском океане. «Если Бога нет» и «все позволено» – любой эксперимент в марксистском, ницшеанском либо фрейдистском духе, – то логическим концом истории станет антропологическая катастрофа и постчеловеческий мир. По мере снятия глубинных препон на повестке дня оказывается идея устранения моральных границ – взлом суицидального предела и утверждение онтологического первенства ничто.

Мысль о допустимости деструкции мира, населенного толпами зомби, ведет к легитимации планетарного жертвоприношения. Социальное время начинает обратный отсчет, а в обществе растет предчувствие макабрической цивилизации смерти – неведомой прежде эпохи, когда смерть становится главным ценностно насыщенным, социально и культурно разработанным содержанием жизни. И уже не самоорганизующиеся очаги порядка, а спонтанные, необузданные всплески критичности будут определять треснувший земной ландшафт.

Идеи и сценарии укрощения бытия, проклюнувшиеся в идеале пира во времена чумы, решившегося воспеть гимн Зиме, получают шанс перерасти рамки локальных плясок смерти, претворяясь в организацию тотального кризиса, чтобы «мыслящая субстанция» могла либо раствориться в небытии, либо обрести сразу и вдруг бытие иное. Подобная диспозиция раздвигает смысловую ретроспективу, перетолковывая события XX века, истоки и горизонты его масштабных экспериментов, включая опыт ГУЛАГа и холокоста, Дрездена и Хиросимы, Пол Пота и Руанды.

В логике социализированной деструкции прочитывается нечто интимное, однако же прагматичное: единение в стратегии успеха карьерной траектории и всепоглощающей жертвенности, ищущей грандиозного разрешения, управляемая смерть воспринимается как апофеоз жизни. Путь истории прокладывают не только держатели золотой акции миропорядка, но и жертвы. Когда власть подавляет личность, подвергает изощренному геноциду классы, нации, расы, конфессии, профессиональные либо социальные страты, порою лишь уникальная жертва способна одержать верх над обыденностью и режимом.

Привкус подобной мотивации был по-своему прочувствован на исходе второго тысячелетия, когда история оказалась в тупике, а ее будущность – под сомнением. Ситуация вскоре была перетолкована: умные головы не только отыскали новый вид оружия массового поражения, но обнаружили направление исторического творчества, реализующее потенциал периферии – связку отточенных скальпелей для хирургии грандиозных перемен.

У культуры смерти есть и более драматичный аспект, также отвергающий присущую современному человеку траекторию жизни. Но тут ситуация еще менее однозначна: «Я не могу ничем так послужить любимому делу, как смертью за него, и в смерти я свершу больше, чем за всю свою жизнь». Это слова не террориста-самоубийцы, а Джона Брауна, чье «тело в земле, а дух – на небесах».

И глубже, переходя в метафизические измерения: «Дайте мне стать пищей зверей. В полной жизни выражаю я свое горячее желание смерти. <...> Мои земные страсти распяты, и живая вода, струящаяся во мне, говорит: “Приди ко Отцу”. Я не хочу больше жить этой земной жизнью» (святой Игнатий Антиохийский). Здесь битва разворачивается уже в иной среде, участвуют в ней существа другой природы, равно отвергающие мир, но преследующие диаметрально противоположные, как противоположны любовь и ненависть, цели.

Идея корректировки истории жертвой – та ценность, на которой зиждилась двухтысячелетняя цивилизация, – в наши дни извратилась, обретя карикатурное, лжеименное звучание. На планете возрождается нигилистическое мировоззрение, провоцирующее тягу к смерти, отрицающее претензии социальных институтов на состоятельность тварного мира и само право на бытие. Так или иначе, но прежняя история завершается. Ее путеводные нити, выверенные знаки, символы изнашиваются, стираются, становясь непереводимыми на язык повседневности, либо прочитываются иначе – произвольно, разноречиво. И толкуются *ad hoc*, то есть конъюнктурно. Письмена, возникающие на ткущихся и вновь распускаемых холстах, заметно отличаются от привычной языковой вязи, вызывая в памяти забытую во времена прогресса огненную невнятицу: «Мене, текел, фарес».

Не только добровольная жертва служит метафизическим оправданием смерти. Огненные руны – зарницы Нового мира – освещают погружающуюся в небытие тучную Атлантиду Модернити. И хотя процесс грандиозной мутации в некоторых частях планеты еще не слишком заметен, в других местах он видится яснее, понуждая размышлять о где-то, когда-то посеянных, а ныне прорастающих кадмовых зернах: скрученных в тугую пружину воздушных потоках – вестниках близких бурь и перемен.

EDITORIAL COLUMN

Two worlds – 3

The editorial staff of literary miscellany explains their decision to devote this issue to the relations between Russia and the United States and the alignment of forces on the world stage in a situation of renewed vigor of the Cold War that is largely determined by these relations today. The editorial column advertises articles showing their relation to the stated theme of the issue.

DEVELOPMENT ENVIRONMENT

Mikhail Baidakov, Sergey Belkin

Cold War is going on!.. – 4

The publisher and the editor-in-chief of the literary miscellany reflect on events in Russia and Ukraine, stating that the US is waging a constant war with Russia and seek to remake it in their own way. The authors wonder about the nature of this conflict that has lasted for decades, and analyze how Russia should act in the terms of the continuing pressure and how to defend the right to defend its centuries-old identity and value system.

Sergey Belkin

Crossing (not)possible – 10

The editor-in-chief of the literary miscellany evaluates the possibility of finding a common language between the Russian and American civilizations. At the same time in his reflection the author proceeds from the concepts of values and ethical matrix system as a fundamental basis upon which the cultural and semantic world of any civilization. Sharp differences in these fundamentals make the way of both civilizations from confrontation to cooperation is almost impossible.

Interview with Xavier Moreau

“American leaders who seem to live in the world a hundred years ago, eager to push Russia at rest of Europe” – 24

French political analyst touches a wide range of problems in contemporary world politics in his interview. He talks about the US role in the world today and notes the deleterious impact of US policy in the united Europe. In an interview he emphasized that in all conflicts in which the United States take part have no historical vision and realistic picture of the situation in a particular country they invade in.

Georgi Derluguian

The crisis of the old, the opportunities of the new – 36

American professor reflects on what can economists and social scientists propose to analyze the socio-economic processes in the modern world. He moves from a brief review of the classical Marxist and liberal paradigms to the characterization of new theoretical breakthroughs. The author suggests that the Russian science has a good opportunity today, when the scientific revolution in views on structure of human societies leads to a new understanding of the world.

Interview with François Asselineau

“Multipolar world – is an American or even Anglo-Saxon notion, based on planetary apartheid” – 46

The head of the Popular Republican Union of France spoke in an interview about his vision of the geopolitical situation, the place of France in Europe and in today’s world and the impact of the US on European affairs and policies of the European Union. The politician explains the program of his party, represents the balance of political forces in France where in 2017 new presidential elections will be held, and the chances of the main candidates in this election.

Chandra Muzaffar

Tensions in West Asia and North Africa: who is responsible? – 76

Malaysian political scientist puts in his article the question of what are the main reasons for the lack of stability in a vitally important region of the world – West Asia and North Africa. The author explains his conclusion that the basis of constant conflict and disasters that led to numerous deaths here and destruction are the interests of the elites of the two states – Israel and Saudi Arabia – as well as the desire of the US and its allies to dominate the region and control it.

Interview with Dragomir Andjelković

“Russia has to offer the world a new ideology of globalization” – 86

Serbian historian, political scientist and writer tells in his interview about the heavy life of Serbia after the breakup of Yugoslavia, about blunders that allowed Serbian society political elite and the leadership of almost 15 years ago, as well as how Serbia has ceased to be a sovereign country. In an interview he offers to draw lessons from the recent Serbian history to prevent a recurrence of the Yugoslav scenario in Russia and in the whole post-Soviet space.

RESEARCH DEVELOPMENT

Oleg Bogomolov

In front of the dramatic changes call – 116

The article refers to the negative consequences of hasty introduction of Russian elements of the neo-liberal economic model both in production and in the spiritual and humanitarian field. It is emphasized that the state management mechanism and compliance order was in Russia deprived of the immune system, cleansing it of the evils and belaying of blunders. The author describes how and in what areas of development positive results could be achieved.

Alexey Podberezkin

Military-political situation of coming decades: Scenarios and Strategies – 128

The author reveals the concept of military-political situation, grounds its use in relation to the analysis of current and future challenges to national security of the country. The article deals with the basic scenario of the global military-political situation in the period up to the middle of this century, identifies the main threat to Russia during this period and suggests ways to neutralize them as much as possible.

Mikhail Ostromensky

Partisan evolution from Ivan Susanin to Osama bin Laden – 152

The article deals with the phenomenon of partisan. The author in accordance with the scientific tradition describes the partisans as the persons actively involved in the political and armed confrontation that satisfy the following criteria: irregularity, political motivation, mobility and telluric nature of the action. The author describes the types of partisans in the modern world, cites numerous examples of these types from history of past and present centuries.

Interview with Nikolay Ivanov

“The revolution – in peoples relation to energy” – 172

Author of the book “Slate America: US energy policy and development of unconventional oil and gas resources” in an interview touches key issues of shale gas revolution in the US and discusses some prospects for the energy future of the world. He offers positive arguments on the issue of shale gas and oil which is called to facilitate the development of a balanced view of the current state of the global energy industry.

METAPHYSICS OF DEVELOPMENT

Vladimir Bliznekov

Church in the face of the Apocalypse. Scripture of the modern religious globalization – 184

The article examines the contemporary globalization in its religious dimension. The author sees the essence of such religious globalization in a permanent mixing of all the world’s religions with each other in the name of good political, economic, social, cultural – that is entirely secular purposes. The article provides meaningful arguments to the statement that in fact the purpose of religion can never be identical to any secular goals.

Aleksandr Neklessa

Anthropological Empire – 198

The author reflects on the new world order and that polyphonic environment in which the modern mobile and diverse society is formed. From his point of view in the 21st century the countries are no longer just territories but socially and culturally motivated cooperations. Such cooperations have increasingly mobile and less defined multidimensional space. Such new corporate and socio-cultural communities realize within this space.

ANNOTATED TABLE OF CONTENTS

Annotated Table of Contents in English – 220

ANNOUNCEMENT

Results and Perspectives – 224

Founders of the literary miscellany sum up the issue’s materials and announce the main themes of the following issue.

Итоги и перспективы

Всего за несколько последних месяцев мир радикально, стремительно и до неузнаваемости изменился. Холодная война против России вышла из того латентного состояния, в котором пребывала более двух десятилетий после распада Советского Союза, и у самых наших границ превратилась в войну самую что ни на есть настоящую. России брошен откровенный вызов. Намерение лишить ее статуса великой державы, сегодня составляющее актуальную и открыто заявленную повестку дня наших оппонентов, все более обретает черты намерения лишить ее статуса державы вообще. «Крестовый поход» против России объявлен. До предела обострившееся в последние месяцы наше противостояние с США и их союзниками – это всерьез и надолго, и результатом такого противостояния при любом исходе станет качественное переформатирование всей архитектуры мировых отношений – архитектуры, несмотря ни на что все-таки пока основывающейся на итогах Второй мировой войны.

Какой будет эта архитектура и каким в ней окажется место России? Должна ли Россия ожидать своей участи, пытаясь выторговать себе «местечко получше» или же мы сами можем и должны и проектировать новый мир, и строить в нем свое собственное пространство, отвечающее нашим представлениям о добре и зле, о справедливости, о собственной миссии? И надо ли нам «сердиться» на оскорбительные слова и дела в адрес России со стороны «мирового агрессивного сообщества» или нам следует вести себя иначе?

Более полутора веков назад министр иностранных дел России Александр Горчаков после нашего поражения в Крымской войне и закрепления результатов этой войны в Парижском мирном договоре в ответ на упреки в адрес России, что она, дескать, «изолируется» и «сердится», ответил: «Россия не сердится, Россия сосредотачивается». Эта предельно лаконичная и одновременно исключительно содержательная формулировка вновь стала лозунгом в январе 2012 года, когда в преддверии президентских выборов Владимир Путин опубликовал статью под названием «Россия сосредотачивается – вызовы, на которые мы должны ответить».

Сегодня этот лозунг стал политическим императивом. Нам необходимо именно сосредоточиться, трезво и объективно пересмотреть те установки и принципы, в соответствии с которыми мы жили в постсоветскую эпоху, и понять, какой должна быть внутренняя политика, а какой – деятельность на международной арене.

Поэтому мы анонсируем тезис «Россия сосредотачивается» в качестве условной темы следующего номера альманаха. Конечно, мы не ставим цель сформировать какую-то целостную концепцию подобного «сосредоточения». В материалах номера будут подняты лишь отдельные проблемы, но само по себе важно уже одно такое заявление повестки и ее первое и приблизительное содержательное заполнение. Под «сосредоточением» мы понимаем систему знаний о самих себе сейчас и в будущем, комплекс мер, необходимых сейчас, чтобы обеспечить России роль субъекта в собственной судьбе. И мы будем считать свою задачу выполненной, если следующий номер альманаха станет составной частью большой и серьезной работы по продумыванию эффективного сценария того, как России следует жить и развиваться в условиях вызовов, испытываемых ею на протяжении последних месяцев. Вызовов, которые скорее всего станут лишь нарастать.

Во всех предыдущих номерах мы постоянно повторяли, что мыслим свое издание как своего рода проектный центр по созданию концепций и конкретных методик и практик развития в разных областях. С сожалением мы вновь констатируем нарастающий разрыв между пониманием происходящего, формирующимся в национальном интеллектуальном пространстве, и представлениями, лежащими в основе принятия политических решений органами управления страной. Интеллектуальный анализ социально-экономических процессов непрерывно осуществляется во всех сферах общественного сознания – научной, художественной, религиозной. Однако его результаты – среди них немало и тревожных оценок возможных перспектив, и рекомендаций по выходу из кризисов, по их предотвращению и прочее – остаются не востребованными властными институтами. И самое опасное не то, что не все они введены в практику, а то, что большинство из них вообще не рассмотрены с точки зрения практической политики, отвергнуты с порога. Политика, не способная базироваться на всей полноте знаний, добываемых интеллектуальным сообществом, не готовая к предъявлению политических решений, обеспечивающих комплексное развитие, а догматически следующая очередному «единственно верному» учению – будь то «марксизм-ленинизм», или «монетаризм», или иное суеверие, не умеющее адекватно реагировать на изменяющийся мир, – с неизбежностью приводит страну к черте, за которой остается лишь один спасительный алгоритм – мобилизация. Похоже, что мы вновь к этой черте приблизились. Речь идет о мобилизационной программе, без нее нам просто не выстоять, не выжить, не сохраниться в качестве уникальной цивилизационной и культурной общности. Что ж, будем и мы своими публикациями самым активным образом соучаствовать в деле национальной мобилизации.

Учредители

миллениум банк ЗАО

Приближаем к цели.

www.kbmil.ru

www.devec.ru

интернет-портал

«Развитие и экономика»

Сайт является электронным СМИ (Рег. № ФС77-45891 от 15 июля 2011 г.)